

Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия

Переводчики и переводы в России

конца XVI — начала
XVIII столетия

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Переводчики и переводы в России

конца XVI — начала
XVIII столетия

Материалы
международной научной
конференции
Москва, 29—30 сентября 2021 г.

Выпуск 2

Москва
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П27

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории Российской академии наук

Редакционная коллегия:
Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В. (отв. ред.),
Шамин С.М. (отв. ред.)

Рецензенты:
Захаров В.Н., Рогожин Н.М.

П27 Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия [Текст] : материалы междунар. науч. конф. / Институт российской истории Российской академии наук . — Вып. 2. — М., Ин-т российской истории РАН , 2021 . — 328 с.

ISBN 978-5-8055-400-7

В издании публикуются материалы, подготовленные к научной конференции, которая проходила 29—30 сентября 2021 г. в Москве. В работах подняты проблемы перевода иностранных текстов в России конца XVI — начала XVIII столетия, вопросы отражения личности переводчиков в различных типах источников, исследованы методы их работы, реконструированы биографии. Книга предназначена историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей России.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

В оформлении обложки использован фрагмент рукописи из библиотеки Марциана в Венеции (Marc. Gr. VII. 22. Fol. 14r).
Подробнее см. в статье В.Г. Ченцовой

ISBN 978-5-8055-400-7

© Институт российской истории РАН, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Содержание

<i>Бабаева Е.Э.</i> Еще раз об авторстве первого перевода Корана (1716 г.)	7
<i>Базарова Т.А.</i> Толмачи русских дипломатов в Стамбуле в первой четверти XVIII в.	14
<i>Виноградов А.В.</i> Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты	22
<i>Домрачев Н.Е.</i> Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е — 1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях	28
<i>Ерусалимский К.Ю.</i> Переводчики Посольского приказа на польско-литовском направлении в XVI — начале XVII в.: к вопросу о персональном составе штата и сферах деятельности	53
<i>Зарецкий Ю.П.</i> Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский	59
<i>Кулмаматов Д.С.</i> Состав восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в.	75
<i>Лаврентьев А.В., Преображенская А.А.</i> «Царский толмач Симеон»: переводческая деятельность Симеона Полоцкого	83
<i>Лисейцев Д.В.</i> Татарский переводчик Прокофий Иванович Вражский: «собиратель земли русской»	90

<i>Любая А.А.</i> Особенности организации и деятельности татарских толмачей и писарей Великого Княжества Литовского в сравнении с деятельностью татарских переводчиков Посольского приказа	96
<i>Моисеев М.В.</i> Переводчики и толмачи на иранском направлении внешней политики Московского государства в конце XVI — начале XVII в.	103
<i>Ноздрин О.Я.</i> Данила Ефимьев сын Вицкий и проблемы военного перевода в России эпохи Смуты	106
<i>Осипова Я.В.</i> Репрезентация образа России и киргиз-кайсацких племен в служебных и исследовательских материалах переводчика и дипломата М. Тевкелева.....	111
<i>Пентковская Т.В.</i> Еще раз о методах работы над библейским текстом Московских книжников второй половины XVII века (на материале Библии 1663 г.).....	121
<i>Пузанов В.Д.</i> Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI—XVII вв.	127
<i>Рамазанова Д.Н.</i> К истории перевода братьями Лихудами книги «Сфинкс» Афанасиуса Кирхера	139
<i>Русаковский О.В.</i> «Имена составам, которые сгождаются к огненным хитростям» в составе «Воинской книги» Михаила Юрьева и Ивана Фомина (1607). Ранний опыт составления естественно-научного индекса в русской книжности	147

<i>Селин А.А.</i> «...Стояли на ругодивской стороне и говорили с ними через реку». Тязвинские толмачи и переводчики 1592—1593 гг.	156
<i>Сень Д. В.</i> Коммуникационные практики российско-османских властей южного пограничья: устные сообщения и письменные переводы документов (1710-е — 1720-е гг.)	163
<i>Смирнова А.С.</i> Академический переводчик Иван Ильинский	177
<i>Тимошина Л.А.</i> Список с грамоты иерусалимского патриарха Феофана III 5 июля 1619 г.: особенности перевода.....	185
<i>Уо Д.</i> Новые сведения о русских переводах иностранного репортаж о битве при Зенте (1697 г.)	200
<i>Ченцова В.Г.</i> «Стихи иамвийстии» в переводе Николая Спафария.....	211
<i>Черная Л.А.</i> Яков Брюс и его переводческая деятельность	218
<i>Шамин С.М., Янссон О.</i> «Контактные группы» Московского государства	223
<i>Шустова Ю.Э.</i> Заметки переводчика: польские книги из библиотеки Евфимия Чудовского в собрании Российской государственной библиотеки.....	230
<i>Янссон О.</i> Книжные переводы Степана Чижинского: проблемы атрибуции	237

Ястребов А.О.

Перевод или плагиат? К вопросу об авторстве труда
«Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I,
отца Отечества, всероссийского самодержца» Афанасия
Скьяды..... 241

Голубинский А.А.

Картотека переводчиков, толмачей и гонцов РГАДА..... 250

Беляков А.В.

Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы:
к организации посольской переводческой службы
в конце XVI—XVII вв. за пределами Москвы
(постановка вопроса) 258

Гуськов А.Г., Шамин С.М.

Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.:
персональный состав (предварительные данные) 278

П.И. Прудовский

Два случая из переводческой практики 1640-х — 1650-х гг.:
Паоло Голиелли и Нечай Дрябин 318

Список сокращений..... 325

Сведения об авторах..... 326

Еще раз об авторстве первого перевода Корана (1716 г.)

Книга *Алкоран о Магомете*, вышедшая в 1716 г. в Петербурге в Синодальной типографии, как хорошо известно, восходит к переводу Корана с арабского на французский язык, который был сделан Андре дю Рие и опубликован впервые в 1647 г. (*L'Alcoran de Mahomet, traduit d'Arabe en François. Par le Sieur Du Ryer, Sieur de la Garde Malezair*). Вопрос об авторстве этой книги до сих пор остается открытым (см. подробнее в: [Пентковская, 2020, с. 44—45]). В сохранившемся корректурном экземпляре (РГАДА. Ф. 1251 (БМСТ). № 3(36)) содержится правка Михаила Волкова и известного Санкт-Петербургского справщика Ивана Кременецкого, они же имеют прямое отношение к созданию наборной (кавычной) рукописи (РГАДА. Ф. 381. № 1034), однако никаких сведений об авторе перевода в этих текстах нет.

Первым, кому начали приписывать авторство перевода, стал Дмитрий Кантемир, что неудивительно, поскольку именно с его именем прежде всего связывалось и связывается представление о знаниях в области ислама в петровскую эпоху. Дмитрий Кантемир, советник Петра I по делам Востока, провел несколько лет в Константинополе, знал арабский, турецкий и персидский языки, написал сочинение «*Curanus*», которое легло в основу труда «*Sistema de religione et statu Imperii Turcici*», переведенного с латыни Иваном Ильинским в 1719 г. и изданного в 1722 г. под названием «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии», а также сочинение «*Anatationes increta et decreta Aulae Othomanicae*» («История образования и падения Оттоманской империи»), оставшееся в рукописи. Однако были предложены аргументы, разрушающие эту гипотезу: Дмитрий Кантемир писал главным образом по-латыни, кроме того, он вряд ли стал бы переводить Коран с французского языка, а выбрал бы, скорее всего, арабский оригинал [Густерин, с. 86—87]. К этим аргументам можно было бы прибавить еще один: Дмитрий Кантемир вряд ли озаглавил бы свой перевод *Алкоран*, поскольку в «Книге Систима или Состояние мухаммеданския религии» в главе «О именах Курана» замечал, что «Куран [или с приложением члена

Элкуран] иже есть книга секты, или заблуждения мусульманскаго; три собственные имеет имена, Куран, Фуркан, и Келламулаг, Эл-куран [что иныя погрешением пишут Алкоран] свойственне чтение знаменует» [Кантемир, с. 37].

Стоит отметить, что в традиции древнерусских Азбуковников используется название *Коран*: «Коран наричют бесермене сквернаго их закона книга» [Ковтун, с. 210]. *Коран* или *Куран* фигурируют в текстах XVI—XVII вв., в частности, в контекстах принесения «роты» [Зайцев, с. 110]. Первое, по всей видимости, упоминание термина *Алкоран* для русского языка находим в описи библиотеки князя Василия Голицына, сделанной в 1689 г. в связи с арестом его имущества. В этой описи значится «Книга в поддесть писаная, перевод с полскаго писма с печатныя книги, глаголемой: алкоран Махметов» [Розыскные дела, с. 32]. Однако, как показал С.Ю. Темчин, речь идет о переводе не Корана, а антиисламского трактата Иоанникия Гялятовского *Alkoran Machometów, nauką heretycką, y żydowską, y poganską napętniony, od Koheleta Chrystusowego rozposzony y zgładzony*, выполненным С.Ф. Чижинским [Темчин, с. 71]; ср. упоминание «турской книги Алкоран» в тексте 1697 г. [Зайцев, с. 116]. Книгу «Sistema de religione et statu Imperii Turcici» Дмитрий Кантемир писал в период между концом 1718 г. и летом 1721 г., так что его критика в адрес тех «иных», кто «погрешением» называет Коран (*Куран*) *Алкораном*, могла касаться не только переводов, выполненных и опубликованных в Европе под таким названием, но и русского издания 1716 г.

Перевод *Алкорана о Магомете* приписывали также Петру Постникову (старшему). Известно, что он знал латинский, итальянский и французский языки, а также участвовал в качестве секретаря русского дипломата Прокофия Богдановича Возницына в международном Карловицком конгрессе 1698 г., решавшем вопрос о заключении мира между государствами, входившими в «Священную Лигу», и Османской империей.

П.В. Густерин предположил, что идея перевода зародилась именно в связи с участием российской делегации в этом конгрессе. Что же касается издания книги в 1716 г., то, согласно Густерину, оно связано с началом подготовки к Персидскому походу [Густерин, с. 87—88]. Подобная датировка, как полагает исследователь, могла бы объяснить тот факт, что переводчик не стал использовать двухтомное издание «Alcorani Textus Universus Arabice et Latine», подготовленное тосканским богословом и переводчиком, знатоком восточных языков Людовико Мараччи (Ludovico Marracci, 1612—1700), и изданное

в Падуе в 1698 г. Однако, как уже отмечалось, выбор оригинала мог объясняться и другими причинами, например, доступностью издания для переводчика [Пентковская, с. 46]. Нельзя не отметить также, что труд Мараччи, близкий к прочтению Корана «слово в слово», т.е. довольно трудный для понимания, в принципе не имел большого успеха — и именно потому, что ко времени его издания уже появились переводы Корана на новые европейские языки: французский перевод Дю Риэ, выдержавший несколько изданий в XVII в., лег в основу английской (1649) и голландской (1658) версий, а в 1688 г. с голландского языка Коран был переведен на немецкий. Кроме того, в XVII в. появились переводы, восходящие к итальянской версии Андреа Арривабене, которая была опубликована в Венеции в 1547 г. («L'Alcorano di Macometto, nelqual si contiene la dottrina, la vita, i costumi et le leggi sue. Tradotto nuouamente dall' Arabo in lingua Italiana, con la Vita di Macometto»): перевод на немецкий язык, выполненный протестантским востоковедом Соломоном Швайгером («Al-Koranum Mahumedanum», 1616 г.), выдержавший еще три издания (1623, 1659 и 1664) и послуживший, в свою очередь основой для голландского перевода 1641 г., опубликованного в Гамбурге.

Судя по донесению от 28 сентября 1697 г., опубликованному И.В. Зайцевым [Зайцев, с. 116], в конце 1690-х гг. действительно предпринимались попытки найти человека, способного перевести Коран. Борис Алексеевич Голицын сообщил, что некий «новокрещен», на которого, видимо, возлагались надежды, «турской книги Алкорана подлинно на словенской язык превести не умеет и толку ее сказать не знает, потому что она писана высоким арапским языком». Этот текст свидетельствует о том, что первоначально предполагалось обращение к арабскому оригиналу, однако этот замысел не осуществился. После его провала, по всей видимости, было решено обратиться к европейской традиции перевода Корана, при этом очевидно, что в контексте культурной и переводческой политики Петра I выбор происходил скорее не в пользу латыни.

Петр Постников (старший), насколько можно судить по дошедшим до нас скудным сведениям о нем, мало интересовался Востоком и исламом. Он с большой неохотой выполнил предписание присоединиться в Вене к дипломату П.Б. Возницыну и немедленно покинул его после заключения мира [Запольская, с. 432]. Биография Петра Постникова после 1701 г. мало известна, поэтому гипотеза о его авторстве перевода Корана, опубликованного в 1716 г., по сути, базируется исключительно на его знании французского. Однако, как

оказывается, переводчик книги дю Рие как раз французский знал не особенно хорошо [Пентковская, с. 46]. Можно привести достаточно яркий пример неправильного понимания текста: фраза из предисловия Андре дю Рие «*Ils ont encore une autre sorte de Religieux vagabons [...] vétus comme des foux de ce païs*» переведена как «Еще имѣють нѣкакѣхъ законниковъ скитающихся по свѣту одѣты яко юроды французскіе» (РГАДА. Ф. 381. № 1034. Л. 3; также и в опубликованном тексте), т.е. с неправильной интерпретацией фрагмента *de ce païs* ('той страны'); ср. в недатированной рукописи второго перевода Корана, выполненного также в Петровскую эпоху и связывающегося с именем братьев Постниковых, «одѣты яко безумныя сеи стран(н)ы» (РГАДА. Ф. 181 (МГАМИД). № 148/217. Л. 6).

Следует также учесть и тот факт, что текст перевода не отвечал представлениям о книжном языке того времени и потому был подвергнут грамматической правке, что также говорит против авторства Петра Постникова, несомненно, владевшего — в силу полученного им образования — нормами церковнославянского языка [Запольская, с. 442].

Итак, на основании имеющихся уже разысканий относительно авторства первого перевода Корана на русский язык, можно предположить, что переводчик должен отвечать следующим критериям: 1) наличие интереса к Востоку и исламу; 2) незнание арабского; 3) культурологическая ориентация на европейские языки; 4) не очень хорошее владение французским языком; 5) отсутствие навыка писать на традиционном книжном (церковнославянском) языке.

Если исходить из логики перечисленных критериев, то прежде всего обращает на себя внимание круг людей, связанных с иерусалимским патриархом Досифеем II, который, как предполагают исследователи, руководил целой сетью людей, находившихся в различных местах Оттоманской империи и поставлявших информацию московскому правительству [Чепильченко, с. 76]. Среди них выделяется Петр Андреевич Толстой, назначенный в 1702 г. чрезвычайным и полномочным послом в Османской империи. Хотя долгое время положение Толстого в Османской империи оставалось довольно шатким и ему пришлось пережить заключение в Сембашенном замке, в целом он пробыл в этой стране двенадцать лет.

Существует предположение, что в 1670-е гг. Толстой, находясь при дворе царицы Натальи Кирилловны, а затем Федора Алексеевича, мог сблизиться с Симеоном Полоцким, Карионом Истоминым, Сильвестром Медведевым, Андреем Лызловым [Ольшевская, Травников, с. 254]. «Турецкая» тема, несомненно, присутствовала в придворной ин-

теллектуальной среде. Известно, что Симеон Полоцкий перевел «Сказание о Магомете», фрагмент из сочинения «Зерцало истории» (лат. «Speculum historiale») монаха-доминиканца Викентия Белловаценса (Vincentius Bellovacensis), а Андрей Лызлов в 1686 г. перевел сочинение польского историка Шимона Старовольского «Двор цесаря турецкого» («Dwór cesarza tureckiego i rezydencja jego w Konstantynopolu», 1646) и работал над книгой «Скифская история», которую закончил в 1692 г.

Петр Андреевич Толстой непосредственно участвовал в некоторых исторических событиях: в Чигиринских походах 1677 и 1678 гг. и во втором Азовском походе 1796 г. Оказавшись в Османской империи в качестве посла сначала в Эдирне, где в то время находилась резиденция Мустафы II, а затем в Константинополе, Толстой много занимался литературным трудом, особенно, по-видимому, в первые годы после назначения. Известно, что в 1706 г. о русском после докладывали, что он живет тихо и «упраздняется в прочтении книг» (цит. по: [Павленко, с. 178]). В 1702—1709 гг. он составлял так называемые статейные списки, т. е. отчеты, посвященные государственному устройству и внутренней политике Османской империи; в 1703 г. в соавторстве с Лукой Баркой написал труд «Состояние народа турецкого», в 1706 г. завершил «Описание Черного моря». Наконец, в этот период Толстой перевел с итальянского книгу прожившего в Константинополе восемь лет английского дипломата и историка Поля Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire», которая пользовалась в Европе большой популярностью («Гистория управления настоящего империи Оттоманской»; см. подробнее: [Николаев, с. 164—166]). Об актуальности и популярности этой книги говорит то, что в 1714 г. она была переведена с польского: рукопись этого перевода значится в описи библиотеки кн. Д.М. Голицына, составленной в 1738 г., под названием «Монархия турецкая, описанная Рикотом, аглинским резидентом, переведенная с польского языка 1714 году, с фигурами рукописными» [Николаев, с. 165]. Петру Толстому приписывается также перевод «Метаморфоз» Овидия [Там же, с. 162—164].

Толстой в своих записках о путешествии по Европе упоминает, что в «папешской» библиотеке видел среди множества древних книг «босурманской Алкоран, писан рукою лживаго босурманскаго пророка Магмата» [Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, с. 196] (речь идет о библиотеке Ватикана; возможно, имеются в виду листы из так называемого кодекса Parisino-petropolitanus, хранящиеся в этой библиотеке). По сути, это единственная книга, название

которой он цитирует в своих записках, что может свидетельствовать о его особом интересе к этой рукописи. Толстой имел возможность обратиться к переводу Корана на итальянский, выполненному в XVI в. Андреа Арривабене, поскольку знал этот язык. Однако данное издание, скорее всего, было менее доступно, чем получившая распространение в Европе книга Андре дю Риэ.

Что касается знания французского языка, то можно предположить, что в какой-то степени Толстой им владел, поскольку именно французский выступал в Европе в качестве языка дипломатии. Известно, по крайней мере, что в 1704 г. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский (прекрасно владевший французским языком) познакомил Толстого с секретарем французского посольства, что расширило круг общения русского посла и дало ему возможность общаться с другими европейскими дипломатами [Лешиловская, с. 73].

В настоящее время не существует подробного описания языковой практики П.А. Толстого. Яркой чертой его текстов является наличие большого количества заимствований, особенно латинского и итальянского происхождения. Можно отметить в связи с этим, что в переводе «Истории управления настоящего империи Оттоманской» и в переводе Корана встречаются некоторые заимствования, которые можно считать одними из самых ранних фиксаций этих слов. К ним относится, например, слово *фамилия* в значении ‘семья’; согласно НКРЯ, практически все контексты, относящиеся к первым двадцати годам XVIII в., приходятся на документы Петра I, кроме того, данное заимствование встречается по одному разу у Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. Слово *компания* в значении ‘общество’, присутствующее в «Истории» и в «Алкоране», также впервые употребляется Петром I и в первые два десятилетия XVIII в. встречается очень ограниченно — два контекста в Дневных записках, которые приписываются И.А. Желябужскому и два в книге «Юности честное зеркало» (1717). Слово *аргумент* в значении ‘довод’, согласно НКРЯ, в петровскую эпоху отмечено только у Гавриила Бужинского (1719); согласно Словарю русского языка XVIII в., первые подобные употребления относятся к 1717—1719 гг. Если же говорить о языке Петра Андреевича Толстого в целом, можно заметить лишь, что он не придерживался книжной (церковнославянской) нормы, поэтому его тексты вполне могли подвергаться правке в соответствии с бытовавшими в то время представлениями о книжности.

Как справедливо заметил С.И. Николаев, говоря об атрибуции переводов первой четверти XVIII в., «самым убедительным, а иногда и единственным свидетельством авторства перевода является имя переводчика

на титульном листе книги или в рукописи» [Николаев, с. 162]. Безусловно, данные, которые могли бы говорить о причастности Толстого к переводу Корана, являются не более чем косвенными. Можно предположить, что вопрос об авторстве первого перевода Корана на русский язык получит развитие после детального изучения особенностей языка этого текста в контексте узуса, представленного в петровскую эпоху.

Литература

- Густерин П.В.* Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // Исламоведение. 2010. № 1. С. 84—92.
- Запольская Н.Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 422—447.
- Зайцев И.В.* Из истории перевода Корана на русский язык в XVI—XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» (1572) // Мусульманский мир: теоретические и философские проблемы. 2016. № 12(294). М., 2016. С. 107—119.
- Кантемир Д.* Книга Систима или Состояние мухаммеданской религии. Перевод И. Ильинского. СПб., 1722.
- Ковтун Л.С.* Азбуковники XVI—XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989.
- Лециловская И.И.* Серб — сподвижник Петра I: Граф Рагузинский // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 70—93.
- Николаев С.И.* Об атрибуции переводных памятников // Русская литература. 1988. № 1. С. 162—172.
- Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697—1699. М., 1992. С. 251—292.
- Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
- Пентковская Т.В.* К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. // Stephanos. № 6. 2020. С. 43—52.
- Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697—1699* / Подг. Изд. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992.
- Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках.* Изданы Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1893.
- Темчин С.Ю.* Какой польский печатный Коран перевел в московском Посольском приказе С.Ф. Чижинский в 1683 году: К рецепции произведений Иоанника Галаятовского // Kulwicka-Kamińska J., Łapicz Cz., Miśkinienė G. (eds.), Tatarskie dziedzictwo kulturowe: Historia. Literatura. Sztuka, Toruń, 2018. S. 67—76.
- Чепильченко Е.И.* Круг восточных советников Петра I // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 75—89.
- Шамин С.М.* Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М., 2020.

Толмачи русских дипломатов в Стамбуле в первой четверти XVIII в.

В петровскую эпоху расширились и укрепились прямые дипломатические контакты между Россией и Османской империей. С 1699 г. и до окончания Северной войны Посольский приказ (затем — Коллегия иностранных дел) направил к Высокой Порте 13 дипломатических миссий. Как правило, русского посла к месту назначения сопровождало несколько десятков человек (в том числе посольские дворяне, подьячие, целовальники). Перед выездом из Москвы участникам дипломатической миссии выплачивали жалование и «подмогу» с учетом их опыта и «против прежних примеров». Если участник посольства не был согласен с размером назначенного вознаграждения, он подавал челобитную в Посольский приказ. Такие просьбы как правило удовлетворялись. Состав и численность посольства зависели от поставленных перед ним задач. В свите посла или гонца, имевшего поручение доставить в Стамбул царскую грамоту, не всегда были переводчики, однако в нее обязательно включали одного или двух толмачей.

Функции толмачей и переводчиков, служивших в Посольском приказе, во многом совпадали. Основное различие состояло в том, что переводчики имели право переводить письменные документы, а толмачи — устную речь. Отметим разный «набор» языков, которыми владели толмачи и переводчики, сопровождавшие петровских дипломатов в Османскую империю. Переводчиков русских послов при Высокой Порте выбирали из владевших греческим, латынью или итальянским, т.е. языками, на которых велись переговоры с османскими министрами, а также составлялись грамоты, мемориалы, тексты договоров. Толмачи на разговорном уровне знали языки народов Османской империи: греческий, турецкий, татарский, румынский, молдавский и др. В Посольском приказе служили носители этих языков — валахи, крещеные татары. Нередко об их происхождении можно судить по фамилиям — Волошенин, Македонский, Турчанинов.

О жизни и службе толмачей сохранились лишь отрывочные сведения. В делопроизводственных материалах Посольского приказа,

связанных с отправкой дипломатических миссий к Высокой Порте, встречаются сообщения о размере жалования и предыдущих поездках. Важную информацию, касающуюся служебных обязанностей толмачей во время пребывания в Османской империи, содержат статейные списки русских послов, а также их переписка с Посольским приказом. Так, в статейные списки первого постоянного представителя царя при Высокой Порте П.А. Толстого включены копии договоров, писем, проезжих грамот, которые он получал или отправлял из Стамбула. Есть там и челобитные в Посольский приказ, раскрывающие ранее неизвестные детали биографий толмачей и других участников посольства.

В начале XVIII в. из-за нехватки квалифицированных специалистов Посольский приказ не имел возможности посылать в Стамбул переводчиков с турецкого языка. В 1699 г. при подготовке отправки чрезвычайных посланников Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева в списках поначалу был и опытный переводчик с турецкого и татарского Сулейман Тонкачев (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 5). Однако по неустановленной причине его фамилию вычеркнули, и Тонкачев в Стамбул не поехал. Потребности петровских дипломатов в общении с носителями турецкого языка на землях Османской империи обеспечивали толмачи. Как правило, после окончания дипломатической миссии они возвращались в Москву и снова отправлялись в османскую столицу уже в качестве сопровождающих другого дипломата.

В сентябре 1699 г. вместе с чрезвычайными посланниками Украинцевым и Чередеевым на корабле «Крепость» прибыли в Стамбул два толмача: турецкого и татарского языков Полуект Кучумов, а также греческого, валашского, молдавского и турецкого — Дмитрий Петров (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 5). В 1700 г. после отъезда посланников в Москву Д. Петров остался в османской столице вместе с переводчиком С.Ф. Лаврецким и подьячим Г. Юдиным ожидать прибытия великого посла с ратификацией Константинопольского договора (1700) [Базарова, 2020, с. 47].

В 1701 г. в посольство кн. Д.М. Голицына включили толмачей — турецкого и татарского Кирилла Панфилова сына Турченинова и греческого и молдавского Ивана Иванова сын Волошенина (Волошанина) (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 375). В свиту посла П.А. Толстого (1702) вошли толмачи турецкого и татарского языков Кирилл Иванов сын Македонский, а также Иван Волошенин (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 2). В 1713 г. посла Д.А. Бестужева-Рюмина указали сопровождать толмачу Кутламамету Нагаеву (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г.

Д. 15. Л. 19). В 1716 и 1718 гг. вместе с офицером И. Натали к Высокой Порте из Москвы ездил толмач турецкого языка Константин Дмитриев [Базарова, 2019]. Он же в 1719 г. отправился в Стамбул вместе с чрезвычайным и полномочным посланником А.И. Дашковым.

Сохранились сведения об исполнении обязанностей толмача посольским дворянином. В 1699 г. было принято решение послать «во дворянях и для толмачения турецкого языка Василья Александрова сына Даудова», который был в толмачах и дворянах «в прежних посылках» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 4 об.; 1699 г. Д. 4. Л. 24, 92). Выходец из Персии стольник Даудов был чрезвычайно опытным (ранее он четыре раза возглавлял посольства), но уже глубоко пожилым человеком и мало чем мог помочь посланникам [Автобиография].

Итак, руководство Посольского приказа назначало толмачей, которым надлежало ехать в Османскую империю в свите послов, еще в Москве. Однако глава дипломатической миссии мог принять на службу нужного ему специалиста в пути или по прибытии к месту назначения. Именно таким образом на русской службе оказался Иван Иванов сын Волошенин. В 1685 г. в Измаиле направлявшийся в Стамбул с грамотами к султану и константинопольскому патриарху подьячий Никита Алексеев нанял Ивана в качестве толмача «греческого, волоского и турецкого языков». Как позднее указал Волошенин в своей челобитной, «был он при нем в Царегороде у дел его императорского величества в том чину з год». На обратном пути русское посольство задержали в Крыму. Вместе с подьячим Волошенин три месяца находился в заключении в Очакове. По прибытии в Москву его зачислили толмачом в Посольский приказ (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 9. Л. 75).

В 1701 г. на пути в Адрианополь к свите кн. Д.М. Голицына присоединился Степан Максимов. В статейном списке великого посла сохранилась запись: «Да был при великом после в Андрианополе вместо переводчика турецкого языка батуринской житель Степан Максимов» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 144). По возвращении в Москву он подал в Посольский приказ челобитную с просьбой о выплате жалованья, в которой также отметил, что состоял при великом после по приказу гетмана И.С. Мазепы «вместо турецкого переводчика. А турецкого переводчика с Москвы с ним не посылаю, для того что турецкого переводчика нет». Максимов напомнил, что годом ранее он сопровождал поручика Жерлова («ездил в 1700-м году в Царьгород для толмачества») и доставил письма Украинцева в Москву (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 5. Л. 609—609 об.).

В отличие от переводчиков основной задачей толмачей являлся перевод устной речи. Как правило, их привлекали для общения с местными жителями, турецким караулом, решения каких-либо незначительных или бытовых вопросов. На официальных встречах петровские дипломаты пользовались услугами не толмачей, а переводчиков. Переговоры с османскими министрами обычно велись на итальянском или греческом языках. В июле 1703 г. после восстания янычар на престол взошел султан Ахмед III. 30 сентября новый великий везир призвал к себе на аудиенцию П.А. Толстого. Однако, как заметил посол, встреча быстро закончилась: «разговор имел зело краткой... понеже оне переводчика латинского или греческого языка не имели». Переводчики Высокой Порты греки-фанариоты Александр и Николай Маврокордато еще скрывались, а русские толмачи «с везирем не умеют говорить» [Русский посол, с. 111—112]. Оказавшийся в экстренной ситуации Толстой не решился довериться толмачам, возможно, из-за их низкого (бытового) уровня владения турецким языком.

В 1704 г. Толстой отправил в Москву первую просьбу прислать переводчика с турецкого, однако получил ответ, что «таковых не имеется». С разрешения руководства Посольского приказа Петр Андреевич нанимал или обучал необходимых специалистов в Стамбуле. Безусловно, основное внимание он уделял подготовке переводчиков. Однако известно, что за несколько лет пребывания в османской столице разговорный турецкий освоили сын посла посольский дворянин Иван Петрович Толстой и подьячий Иван Васильевич Небогатой. Перед отъездом из Москвы в январе 1702 г. Небогатой подал в Посольский приказ челобитную с просьбой выплатить «ради той цареградской посылки» жалование такого же размера, как и Варфоломею Полкову (т.е. вместо назначенных ему 140 руб. — 200). Просьбу подьячего удовлетворили, но обязали «будучи в турском государстве выучится турецкому языку и писма совершенно» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 20). Неизвестно, пригодился ли в дальнейшем турецкий язык старшему сыну П.А. Толстого, который уже в 1706 г. получил от Порты разрешение вернуться в Москву. Небогатой же провел в Османской империи долгие годы, несколько раз с различными поручениями ездил в Москву. Когда в 1712 г. в Стамбул с ратификацией Константинопольского мира был отправлен ближний стольник А.Ф. Лопухин, то «ради писма, також и толмачества турского языка велено при нем, столнике, быть Посолской канцелярии подьячему Ивану Небогатому» [Письма и бумаги, с. 507].

Важной обязанностью толмачей была курьерская служба. Они доставляли в Москву пакеты с дипломатической перепиской или сопро-

вождали гонца. Выполнивший задание толмач возвращался к послу с письмами из Посольского приказа. Например, в 1702 г. К.И. Македонский прибыл в Адрианополь вместе с П.А. Толстым. Но уже через год, 2 декабря 1703 г., толмач отправился в обратный путь. Петр Андреевич поручил Македонскому доставить в Посольский приказ письма Петру I, Ф.А. Головину и И.С. Мазепе. Толмач отвез также в Москву «книгу печатную на италианском языке имянуемую Нафтику», которую подарил послу ее автор капитан Петр Рос, а также «чертеж керчинского гирла с новым строением да письмо дефалоникийского митрополита Мефодия». Толстой попросил Головина не задерживать толмача в Москве и сразу отправить его назад (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 467 об., 473 об., 485). 28 февраля 1704 г. посол повторил свою просьбу вернуть в Адрианополь Кирилла Македонского. Наконец, 20 апреля Толстой получил ответ главы Посольского приказа: «Толмач Македонской от тебя приехал, толко зело тихо, мужик толстой» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 97, 194). Вскоре толмача отправили обратно в Османскую империю с заданием доставить послу письма из Посольского приказа и копии Карловицких договоров.

Во время пребывания П.А. Толстого в Адрианополе и Стамбуле К.И. Македонский выполнял и другие поручения. Русские послы к османским министрам или европейским дипломатам, как правило, посылали дворян и переводчиков. Толмачам доверяли такие задания гораздо реже. Так, в 1700 г. по заданию С.Ф. Лаврецкого к иерусалимскому патриарху за новостями ходил Дмитрий Петров. Также по приказу переводчика Дмитрий Петров встречался с информаторами и «для проведевания» посещал везирский двор [Базарова, 2020, с. 51]. В своих статейных списках П.А. Толстой упоминал, что нередко давал подобные поручения толмачу К. Македонскому. Он вместе с переводчиком Моисеем Арсеньевым или с кем-нибудь из посольских дворян посещал иерусалимского патриарха, великого везира, А. Маврокордато, европейских дипломатов. Некоторые задания Македонский выполнял самостоятельно. В феврале 1705 г. толмач передал Маврокордато поздравления с наступлением Великого Поста (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 24 об.). В июне того же года Толстой посылал Македонского к кегае (искаж. «кетхуда» — управитель делами, помощник) великого везира, чтобы разузнать о судьбе пленного в мирное время близ Азова солдата (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1705 г. Д. 4. Л. 146 об., 154). В 1707 г. толмача отправили к А. Маврокордато, чтобы получить информацию о судьбе двух русских невольников (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 176 об.).

В 1706 г. К.И. Македонский попросил назначить его посольским дворянином. Новая должность сулила повышение социального статуса и денежного содержания. Толмачам П.А. Толстого платили по 70 руб., а дворянам по 100 руб. в год. Главным ходатаем выступил иерусалимский патриарх Досифей II: «понеже-де он, Кирило, с ним, святейшим патриархом, из единых страны и ему знаком». Посол не возражал против изменения статуса своего толмача («в том-де непристойности никакой не видится») и сообщил об этом в Москву (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1706 г. Д. 3. Л. 40). После смерти Досифея в феврале 1707 г. просьбу Кирилла Македонского поддержал новый патриарх Иерусалимский Хрисанф (племянник Досифея) (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 89 об., 157 об.). П.А. Толстой написал в Посольский приказ: «хорошо бы ево, патриарха, потешить, ежели сие дело нетрудно, понеже аще не зделается по ево прошению, мнится мне, что он немного огорчится». Посол также попросил прислать на место Кирилла другого «добророго» толмача (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 127).

Челобитные Македонского содержат информацию о его службе государю, предшествовавшей отправке с Толстым в Стамбул. Первое прошение об увеличении денежного оклада толмач подал в Посольский приказ еще до отъезда. В 1702 г. Македонский сообщил, что состоял в Посольском приказе в толмачах с 1699/1700 г. и в этой должности ездил с грамотой в «Сечю о сыску разбойных греческих животов». Также он напомнил, что до этого около 20-ти лет служил «в кормовых иноземцах в Розряде» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 39 об.). Вторую челобитную Македонский отправил в Посольский приказ из Стамбула 1 мая 1707 г. Ее копия сохранилась в статейном списке П.А. Толстого. По словам толмача, в 1673 г. он решил перейти на службу к «великим государем христианским». «Избежав бусурманского ига, выехал из Македонии в Московское государство и... пожалован за выезд мой во дворяне по московскому списку. И учинен мне был корм по десяти алтын на день... и был на многих службах в зимних и летних полковых походах», служил воеводой. «А в 207-м году, — писал Македонский, — взят я из Розряду в Посолской приказ для служения толмаческого, и был посылан ис Посолского приказу с твоею великого государя грамотою в Запороги для нуждных дел». С 1702 г. «живучи» при после Толстом, служил «в толмачении и в секретных пересылках, и во всяких потребных делах со всяким усердным моим радением». За эти годы его деревня в Суздальском уезде «вся бес призрения разорилась, и крестьянишка

розбрелись, понеже я, раб твой, одинак и безроден, яко суть иноземец, и во отсутствии моем от домишку моего призреть тамо некому» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 122 об., 123 об.).

Наконец, 30 сентября «через приятелей» П.А. Толстой получил письмо тайного секретаря П.П. Шафирова с указом царя: толмачу Кириллу Македонскому «быть во дворянех» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 287). Таким образом, происхождение и связи Македонского (а возможно, еще и «солидная» представительная внешность) помогли ему подняться по карьерной лестнице. В качестве посольского дворянина Македонский остался при Толстом на долгие годы. В 1713 г. посольский дворянин вместе с переводчиком Петром Сафоновым, подьячим Борисом Меньшовым и толмачом Иваном Волошениным отправил в Москву челобитную о выплате положенного им жалованья за три года. Волошенин заверил прошение своей подписью, а вместо Македонского его просьбу заверил Илья Гречанинов. Челобитчики за их «одиначеством» попросили прислать деньги в Стамбул. Однако в Посольском приказе выяснили, что положенное Македонскому жалование за 1711 г. выдали его жене, а расписался в его получении их сын (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 25. Л. 1—2 об., 6—6 об.).

Его собрату, толмачу Ивану Волошенину, деньги отправляли в Стамбул (годовое жалование 70 руб.). По-видимому, супруга не смогла дожждаться возвращения мужа. В материалах Посольского приказа сохранилось дело о прелюбодействе жены толмача Ивана Иванова сына Волошенина Афимьи Павловой дочери (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1708 г. Д. 32). Новую семью толмач создал в Стамбуле, где с разрешения П.П. Шафирова женился на вдове-гречанке (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 5. Л. 12 об.). После отъезда послов в Москву ему позволили остаться с семьей в османской столице. Впрочем, в челобитной Иван указал другую причину: «остался в Цареграде за болезнию». Несколько лет он прожил спокойно, не выполняя поручений Посольского приказа и не требуя выплаты жалованья. После прибытия в 1719 г. в османскую столицу А.И. Дашкова толмач «по возможности» служил чрезвычайному посланнику. Однако в 1721 г. Дашков приказал ему возвращаться в Россию, и Иван, «оставя свой домишко, и жену, и рухлядишку», приехал в Москву. По прибытии толмач подал прошение в Коллегию иностранных дел о выплате ему денег за 1714—1722 гг. («за прежние службы и долготнее пребывание в Цареграде») (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 9. Л. 75—76 об.).

Вместе с А.И. Дашковым в Стамбул прибыл только один толмач — Константин Дмитриев, получивший при отъезде 200 руб. (такую же сумму выдали переводчику Антонию Марини и подьячему Даниле Васильеву) (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 14. Л. 6). В начале 1720-х гг. толмачи практически перестали выполнять обязанности курьеров. Судя по переписке И.И. Неплюева с Коллегией иностранных дел в 1721 г. гонцов из Стамбула «за толмача» сопровождали бывшие пленники, киевские казаки, греки; упоминался и «резидентский человек» Иван Пневский (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1721 г. Д. 8. Л. 99; Д. 10. Л. 64 об., 66 об., 71 об., 72).

Таким образом, анализ переписки и отчетных документов петровских дипломатов при Высокой Порте позволил уточнить происхождение толмачей Посольского приказа, а также круг исполняемых ими обязанностей в Стамбуле. Помимо толмачей перевод устной речи и сопровождение курьеров также поручали владевшим разговорными татарским, турецким и другими языками офицерам, солдатам, казакам и прочим лицам, назначаемым русскими дипломатами.

Литература

- Автобиография В.А. Даудова // Русский архив. 1889. Т. 69. № 5. С. 5—20.
- Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700—1701 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 8: История. С. 45—56.
- Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России и Османской империи в 1715—1718 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 84—97.
- Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост. и авторы вступ. статьи и примеч. М.Р. Арунова, С.Ф. Орешкова. М., 1985.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. М., 1975.

Переводчики Посольского приказа в русских посольствах в Крымское ханство на завершающем этапе Смуты

Значение переводчиков и толмачей азиатских языков как специалистов по устному и письменному переводу в штате Посольского приказа в дипломатических связях с государствами Востока в начале XVII столетия рассмотрено Д.В. Лисейцевым, впервые в современной отечественной историографии составившим списки практически всех упоминаемых в сохранившихся источниках этих лиц [Лисейцев, 2003, с. 369—373, 375—387]. Специфика работы Лисейцева не позволила ему конкретизировать роль переводчиков и толмачей Посольского приказа в повседневной деятельности русских посольств в странах Востока. Между тем, помимо участия в аудиенциях послов у восточных монархов, они играли существенную роль при сборе информации разведывательного характера и ездили с поручениями конфиденциального характера к представителям местной политической элиты.

Роль переводчиков и толмачей Посольского приказа в «ссылках» с Крымом существенно возросла с 1613 г., что было связано с практически непрерывным нахождением русских посольств в Крыму. Особая роль принадлежала переводчикам, ездившим с посольствами в Крым.

Переводчик Суналей Монаев дважды отправлялся в Крым: в июле 1614 г. с миссией кн. Г.К. Волконского и П. Овдокимова и в июне 1618 г. с посольством С. Хрущева и С. Бредихина. Захваченный в плен при разгроме запорожцами этого посольства в Ельце в июле 1618 г., он был отпущен только после заключения Деулинского перемирия [Лисейцев, 2003, с. 370]. Вторичное назначение переводчиком при русских послых в Крым Суналея Монаева (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 14) вероятно было связано с его успешной деятельностью в составе посольства кн. Волконского и П. Овдокимова в 1614—1615 гг. В ряде случаев он выполнял конфиденциальные поручения послов, отправлявших его к видным «царевым ближним людям» — представителям крымской знати, входившим в состав ханского дивана. Весной 1615 г., после того как у послов обозначился конфликт с ответственным «за московское направление» внеш-

ней политики Крыма беком Ахмед-пашой Яшлавским («князем Сулешевым»), Суналея Монаева послали к набиравшему влияние в ханском диване его сопернику Мусабек-аге с просьбой добиться аудиенции у хана (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 4. Л. 116). В дальнейшем практика повторного назначения переводчиков в русские посольства в Крым продолжалась.

Переводчик Иван (Курманалей) Кильдеяров также дважды отправлялся с посольствами в Крым — в апреле 1615 г. с посольством И.И. Спешнева и Б. Нестерова, а также в апреле 1617 г. с посольством А.И. Лодыженского и Р. Болдырева [Лисейцев, 2003, с. 372], (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 2. Л. 14). Д.В. Лисейцев предположил, что в последнем случае речь идет о переводчике Курманалее Кутумове [Лисейцев, 2003, с. 372]. Однако структура челобитной государю о повышении оклада, поданной переводчиком Суналеем Монаевым и служилыми татарами, отправляемыми с посольством С. Хрущева и С. Бредихина, где упоминается отправленный с посольством А.И. Лодыженского переводчик Курманалей, указывает именно на Ивана (Курманалей) Кильдеярова, что фактически признает далее Лисейцев, указывая что Иван (Курманалей) Кильдеяров был отправлен Лодыжнским с отписками в Москву в 1617 г. [Лисейцев, 2003, с. 373]. Этот переводчик дважды выезжал из Крыма до отпуска посольства. Иван (Курманалей) Кильдеяров был отпущен из Крыма со вторым послом Богданом Нестеровым и крымским гонцом Аллаш Богатыром в декабре 1615 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 192). 27 января 1616 г. он был послан из Серпухова в Москву «наперед» Нестерова и крымских гонцов с отпиской в Посольский приказ (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3 Л. 198). При этом он именовался толмачом. Лисейцев предположил, что его «разжалование» в толмачи было связано с конфликтом с видным «ближним человеком» хана Мусабек-агой из-за качества перевода [Лисейцев, 2003, с. 373]. Действительно отношения Ивана (Курманалей) Кильдеярова с Мусабек-агой, к которому он неоднократно направлялся послами — 13 октября, 14 и 18 ноября 1615 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 128, 163, 171), судя по всему, не сложились. 14 ноября 1615 г. Мусабек-ага отослал Ивана (Курманалей) Кильдеярова и потребовал присылки к нему также находившегося в составе посольства переводчика Семена Андреева. Необходимо иметь в виду, что критический отзыв Мусабек-аги о квалификации Кильдеярова был, вероятно, вызван его опасениями за неточность передачи переводчиком послам его ответа на конфиденциальные просьбы Спешнева

и Нестерова. Интересно, что до ноября 1615 г. Иван (Курманалей) Кильдеярлов именуется в статейном списке Спешнева и Нестерова переводчиком. При втором отправлении в Крым Иван (Курманалей) Кильдеярлов к исполнению обязанностей переводчика фактически не приступил. Вскоре после прибытия посольства А.И. Лодыженского и Р. Болдрева в Крым в июле 1617 г. он был отправлен с отписками в Москву и в сентябре 1617 г. уже находился в Новгороде. Карьера Кильдеярлова после его второй миссии в Крым не сложилась [Лисейцев, 2003, с. 373].

Помимо переводчиков, непосредственно прикрепляемых к посольствам в Крым, их использовали «в качестве дипломатических курьеров: их отправляли с грамотами к русским дипломатам, уже находившимся за границей, а те посылали их обратно с отписками» [Беляков и др., с. 25]. Ответственную миссию, связанную с организацией отпусков послов И. Спешнева Б. Нестерова из Крыма, поручили переводчику Семену Андрееву, отправленному туда в августе 1615 г. в сопровождении отпущенных крымских гонцов во главе с Усейном имелдешем (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 6. Л. 23). Миссия этих гонцов в Москве была связана с конфликтом с Ахмед-пашой Яшлавским во время проведения посольского размена под Валуями из-за невыплаты «разменного жалования», что осложнило положение русских послов в Крыму [Виноградов, 2020, с. 45—46]. Семен Андреев с инструкциями послам прибыл в Крым 7 октября 1615 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 2. Л. 101). После в аудиенции послов у хана 14 октября, в которой он принимал участие, Семен Андреев остался в составе посольства. Интересно, что в донесениях послов он именовался толмачом, как и в столбце по его отпуску, на что обратил внимание Д.В. Лисейцев [Лисейцев, 2003, с. 372]. Одной из его задач было проведение по поручению послов переговоров с влиятельными крымскими вельможами, в ходе чего у него установились прочные личные связи с последними. Особенно успешными были контакты Семена Андреева с всеильным Мусабек-агой, который давал ему как переводчику исключительно высокую оценку [Лисейцев, 2003, с. 372]. 13 ноября 1615 г. в ходе визита к Мусабек-аге Семену Андрееву удалось достичь его согласия на отпуск русских послов из Крыма (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 164). 21 ноября 1615 г. Семен Андреев сопровождал послов на отпусчную аудиенцию у хана Джанибек-Гирея (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 181). Хан объявил о отпуске второго посла Б. Нестерова, уведомить о котором должны были крымские послы во главе

с Аллаш Богатыром, но сопровождать их было предложено, явно по совету Мусабек-аги, Семену Андрееву. Собственно говоря, об этом послы были извещены еще 5 ноября 1615 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 147), однако Семен Андреев являлся столь незаменимым помощником послов, что Спешнев и Нестеров отказывались отпускать его для сопровождения крымских гонцов и уступили только после настойчивых просьб «ближних царевых людей» во главе с Мусабек-агой. В результате было решено, что Семен Андреев будет отправлен перед Б. Нестеровым и крымскими гонцами с извещением о их прибытии. В качестве сопровождающего Нестерова и крымских гонцов его заменил переводчик Иван (Курманалей) Кильдеев. Семен Андреев возвратился в Москву 4 января 1616 г. В Крым он больше не ездил. Его дальнейшая карьера в 1616—1620 гг. рассмотрена Д.В. Лисейцевым [Лисейцев, 2003, с. 372].

Крупной фигурой был переводчик Милюта Нагаев, отправленный в мае 1616 г. к послам Ф.И. Челюскину и П. Данилову. В донесениях послов содержатся сведения о предоставленной им ценной информации разведывательного характера, в частности о «ссылках» хана Джанибек-Гирея с «литовским королем» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 9. Л. 139). В декабре 1616 г. Челюскин и Данилов отказывались отпускать его для сопровождения крымских гонцов во главе с Апсеметом-Халифой, которые должны были известить Москву о посольском размене, уступив только после настойчивых просьб «ближнего царя человека» бека Ибрагима-паши Яшлавского («князя Сулешева») (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 9. Л. 97—98). Этот брат и наследник Ахмед-паши соперничал за влияние на хана Джанибек-Гирея с Мусабек-агой, и его раздражало постоянное присутствие М. Нагаева в качестве переводчика на переговорах послов с его соперником. 18 февраля 1617 г. Милюта Нагаев благополучно вернулся в Москву. В мае 1618 г. он был отправлен с посольством кн. М.П. Барятинского в Иран, откуда не вернулся [Беляков и др., с. 160—161; Лисейцев, 2003, с. 370].

В ряде случаев роль толмачей и переводчиков при посольствах в Крым исполняли служилые татары. Исключительную роль играл станичный голова Зянгилдей Исенеев, отправленный в Крым в 1613 г. с гонцом В. Пургасовым, в том же году с посланником А.И. Лодыженским и в 1615 г. с посольством И. Спешнева [Лисейцев, 2003, с. 389]. Исенеев участвовал во всех переговорах русских послов с «ближними людьми» хана Джанибек-Гирея, присутствовал почти на всех аудиенциях послов у хана. В Крыму признавали его

высокий статус. На аудиенции 24 июля 1615 г. послов И. Спешнева и Б. Нестерова он наряду с послами был призван ханом «к руке» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 43). В качестве переводчика, именуясь всегда «станичным головой», в период пребывания посольства Спешнева в Крыму З. Исенеев наряду с Семеном Андреевым и Иваном (Курманалеем) Кильдеяровым участвовал в контактах с Мусабек-агой (11 ноября 1615 г.; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 159) и при разъездах с разведывательными целями (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1615 г. Д. 3. Л. 105).

В 1616—1618 гг. З. Исинеев ездил через Крым в Османскую империю. Он выехал из Москвы в ноябре 1616 г. с инструкциями послам Ф.И. Челюскину и П. Данилову и вез грамоты, адресованные хану, крымским «царевичам» и крымской знати. Также Исенеев вез инструкции, адресованные русским послам в Стамбуле П. Мансурову и С. Самсонову. Он успешно выполнил свои задачи в Крыму, и ему удалось, несмотря на попытку его задержания кафинским пашой, добраться до Стамбула. Интересно, что в Кафу из Бахчисарая З. Исенеева сопровождал Мусабек-ага, которому он доставил и лично вручил некую «особую грамоту» из Москвы (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 17). Миссия Исенеева в Турции, присоединившегося к послам в Стамбуле, завершилась фактической высылкой из турецкой столицы накануне драматических событий, связанных с мятежом янычар и дворцовым переворотом в ноябре 1617 г. Существовала опасность принудительного возвращения русских дипломатов обратно в Стамбул и их задержания на неопределенный срок. Однако русским послам сопутствовала удача. В апреле 1618 г. Исенеев благополучно вместе с послами Мансуровым и Самсоновым прибыл в Кафу и сразу был отправлен ими к послам в Крыму А. Лодыженскому и Р. Болдареву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1617 г. Д. 4. Л. 22). 29 июня 1618 г. Исенеев вернулся в Москву вместе с вновь прибывшими крымскими гонцами (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 15). Представленные тогда в Посольский приказ донесения З. Исенеева в форме «расспроса» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1618 г. Д. 3. Л. 15—31) являются выдающимся памятником русского посольского делопроизводства. В 1619 г. Исенеев был вновь отправлен в Крым с отпущенными крымскими гонцами для прояснения ситуации с посольством Лодыженского, откуда в очередной раз благополучно вернулся [Лисейцев, 2003, с. 389]. Таким образом, Исенеев был прикомандирован ко всем без исключения посольским миссиям, отправляемым в Крым с 1613 по 1617 г., и к посольству в Турцию Ман-

сурова и Самсонова. В целом многочисленные донесения русских послов в Крыму, сохранившиеся в столбцах 123 фонда РГАДА, показывают важную роль переводчиков Посольского приказа — как изначально прикомандированных к посольствам, так и отправляемых к ним в качестве курьеров — в выполнении стоящих перед послами задач. Оценка качества их устного перевода со стороны представителей политической элиты Крымского ханства, вероятно, во многом носит субъективный характер. Прежде всего следует отметить, что записи переговоров послов с «ближними царевыми людьми» и детальное изложение аудиенций русских послов у хана, содержащиеся в донесениях послов, показывают исключительную квалификацию переводчиков. Это же относится и к изложению добываемой ими информации разведывательного характера. Проблема заключается в том, что в большинстве случаев при визитах послов к «ближним царевым людям» имя сопровождающего послов переводчика, как правило, не указывается. Напротив, в донесениях послов фиксируются практически все случаи отправления переводчиков к «ближним царевым людям» и предоставления переводчиками информации разведывательного характера, как правило, с указанием источника. Эти особенности информации основного источника о деятельности переводчиков в составе русских посольств в Крыму и в других государствах Востока — донесений послов, к сожалению, не всегда позволяют определить авторство представляемого ими устного и письменного перевода.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Виноградов А.В.* Дипломатические «ссылки» между Крымским ханством и Российским государством в период Смуты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. Казань, 2020. С. 27—50.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Русская постоянная дипломатическая миссия в Польско-Литовском государстве в 1670-е — 1690-е гг. и ее переводчики: к вопросу о комплектовании и обязанностях

Османское наступление в Восточной Европе, начавшееся в 1672 г., актуализировало русско-польский союз, созданный еще в декабре 1667 г. Польский король Михаил Корибут Вишневецкий и его окружение остро заинтересовались возможностями военной помощи со стороны Московского государства. В марте 1672 г. полномочные послы Ян Гнинский и Киприан Бростовский в Москве подтвердили русско-польский союз [ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 878—883]. Для «содержания» договоров с Москвой (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 159. Л. 35 об.) и для «для скорейшего и совершеннейшаго» взаимодействия двух государств «в делах общих во время сея войны» (Там же. Л. 36) по решению сейма в сентябре 1673 г. к царскому двору прибыл польский резидент Павел Михал Свицерский. В ноябре в ответ в Польско-Литовское государство в качестве «резидента его царского величества» был послан посланник стольник Василий Михайлович Тяпкин. У Московского государства появилась первая постоянно действующая дипломатическая миссия в европейском государстве, которая на протяжении трех десятилетий оставалась единственным дипломатическим институтом такого типа до 1699 г, когда была создана постоянная миссия в Гааге [Колегов, с. 32]. На восточном направлении Посольский приказ имел аналогичный опыт. С 1657 г. в Крымском ханстве действовала задержанная миссия, возглавляемая посланником Я. Якушкиным (до его смерти в 1667 г.), подьячим Гаврилой Михайловым (с 1667 до его смерти в 1680 г.), переводчиком Кутлума метем Устокасимовым (1680—1681 гг.), а также попавшим в плен боярином В. Б. Шереметевым [Домрачев, 2021]. Несмотря на очевидный постоянный характер работы русских дипломатов в Крыму, Посольский приказ продолжал воспринимать их как классическую, только арестованную миссию посланников, не пытаясь применить к ней практики европейских «резиденций». Однако отсутствие непосредственной военной помощи против Османской империи, вторжение московских и малороссийских войск на Правобережную Украину и захват Чигирина в 1676 г. привели к

острому кризису русско-польских отношений [Флоря, 2016, с. 89—90; Флоря, 2017, с. 74—75]. В мае 1677 г. Тяпкин был отпущен королем Яном III Собеским из Варшавы. Только после заключения договора о Вечном мире (1686 г.) и создания нового русско-польского антиосманского союза оба государства снова произвели обмен резидентами. В январе 1688 г. в Польско-Литовское государство был послан резидент Прокофий Богданович Возницын (1688—1689 гг.). Возрожденная русская постоянная миссия, последовательно возглавляемая Иваном Михайловичем Волковым (1689—1691 гг.), Борисом Михайловичем Михайловым (1691—1696 гг.), Алексеем Васильевичем Никитиным (1696—1701 гг.), продолжила свое существование и в XVIII в. [Бантыш-Каменский, 1897, с. 159, 160, 162, 163]. После 1681 г., когда по Бахчисарайскому мирному договору «задержанные» в Крыму русские дипломаты (точнее те, из них, кто дожил до этого момента) и В. Б. Шереметев вернулись в Москву, русская «резиденция» в Речи Посполитой до конца XVII в. оставалась единственным действующим институтом такого типа в русской дипломатической практике.

Русская постоянная дипломатическая миссия, — по характеристике В.М. Тяпкина, «странная и необыкновенная новочинная служба... которой из века в Московском государстве не бывало» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 182. Л. 135), — несмотря на свою уникальность и беспрецедентность, создавалась на базе известных дипломатических институтов. В Центральной и Восточной Европе ко второй половине XVII в. сформировалась традиция присваивать резидентам дипломатический чин посланника. [Roosen, p. 90—91]. Эта практика была применена Речью Посполитой и при организации миссии своего первого резидента П.М. Свидерского в 1673 г., и при возрождении постоянного представительства в 1687 г. после заключения договора о Вечном мире [Домрачев, 2020, с. 82]. Формально инициатива создания постоянных миссий принадлежала польской стороне, и Посольский приказ, руководствуясь принципом равенства, положил в основу создания своих «резиденций» польские прецеденты и связанные с ними практики. В частности, русские резиденты также получили чины посланников. Таким образом, в основе русских постоянных дипломатических миссий оказался институт посланников.

Посланники были самой удобной формой организации традиционной дипломатической миссии в арсенале Посольского приказа. Посланнику полагалась небольшое число свиты (в частности, Андрусовский договор устанавливал численность в 30 человек [ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 665]), что делало его миссию значительно более

мобильной и дешевой по сравнению с великим посольством и позволяло использовать для дальних (и, следовательно, относительно длительных) посылок. Посланник обладал достаточно высоким дипломатическим статусом, чтобы не оскорбить принимающего государя и не навредить чести русского царя [Юзефович, с. 192]. Наконец, посланник имел право вести переговоры и обсуждать порученные ему вопросы, правда, без права заключать соглашения.

В русской дипломатической практике классическая миссия посланника предполагала наличие в ее составе подьячих, переводчика и свиты из дворян. В частности, переводчики должны были помогать посланнику, как правило, не владеющему необходимыми языками, контактировать с официальными лицами страны пребывания, переводить на русский язык присылаемые посланнику иностранные документы, следить за правильностью написания царского титула в посылаемых с посольством ответных грамотах и выполнять ряд других технических функций.

Русская резиденция сразу приобрела ряд организационных особенностей, отличающих ее от классической миссии посланника. Во-первых, все русские постоянные представители свободно владели польским языком и могли самостоятельно вступать в контакты как с вельможами, так и с придворными и представителями других групп населения Речи Посполитой. Во-вторых, одной из главных обязанностей русских резидентов был сбор политической информации и пересылка ее в Посольский приказ. В частности, уже наказ Тяпкину предписывал ему «проводывать о всяких ведомостях, которые к нынешнему времени годны, неоплошно, и до канцелярий посылать о ведомостях же, которые приходят из окрестных государств чрез почту, чтоб ему, Василью, для ведома прочитат присылали, а буде которые ведомости годны, и о том ему, Василью, писать к великому государю к Москве, чрез всякую почту» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 160. Л. 35 об. — 36). Сходные указания содержались и в наказах другим русским резидентам. Это означало неизбежное появление в делопроизводстве русской постоянной миссии значительной доли документов на иностранных (преимущественно, польском, но также на латинском и немецком) языках, причем не только входящих «ведомостей», но и большого объема переписки с вельможами, дипломатами и почтмейстерами на польском языке. В-третьих, в отличие от классической миссии посланника, путешествие которого могло быть долгим, но всегда конечным и прогнозируемым, как члены «резиденции», так и руководство Посольского приказа не могли точно представлять сроки работы за рубежом. Длительное пребывание членов постоянной мис-

сии в чужом государстве влекло за собой психологические и материальные проблемы для них самих, и создавало для русского дипломатического ведомства сложности по финансированию и организации работы «резиденции» [Колегов, с. 185].

Исходя из этих обстоятельств очевидно, что, с одной стороны, работа переводчиков была одной из важнейших составляющих успешного функционирования русских постоянных дипломатических представительств в Польско-Литовском государстве. С другой стороны, специфика «резиденции» затрудняла организацию работы переводчиков в «традиционном» формате и вынуждала резидентов и руководство Посольского приказа адаптировать и трансформировать привычные практики, связанные с деятельностью переводчиков, или искать новые формы, позволяющие оптимально решать стоящие перед русской миссией задачи в сфере коммуникации и переводов на иностранных языках. В этой связи, представляется крайне важным изучить, как была организована служба переводчиков в русской «резиденции» в Польско-Литовском государстве и в каком направлении происходила ее адаптация к специфическим условиям работы постоянных миссий.

Деятельность переводчиков в рамках русской «резиденции» не привлекала специального внимания Посольского приказа регулярно. В отличие от резидентов, переводчики не получали специальных наказов. Только в наказе П.Б. Возницыну (1688 г.) содержатся инструкции в отношении переводчика его миссии. Резиденты В.М. Тяпкин (в 1673 г.) и Б.М. Михайлов (в 1691 г.) в ходе подготовки своих миссий специально озаботились вопросами организации своей службы и подали руководству Посольского приказа собственноручные записки с предложениями, среди которых поднимались вопросы о переводчиках (подробнее об этих документах речь пойдет ниже). В этих условиях основным источником сведений о комплектовании, обязанностях и особенностях службы переводчиков русских постоянных миссий в Речи Посполитой в XVII в. является комплекс делопроизводственных документов «резиденций», которых хранится в фонде 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА. В различных отчетных документах русских резидентов — отписках в Посольский приказ, письмах (донесениях) на имя руководителей Посольского приказа, информационных «записках», статейных списках, расходных книгах — содержатся отдельные отрывочные упоминания о деятельности того или иного переводчика в рамках русской миссии. Специальной задачи информировать о переводчиках и их работе Посольский приказ перед резидентами не стояло. В этой

связи наше представление о службе переводчиков в рамках русской постоянной миссии в Речи Посполитой не может быть полным. Оно строится на наборе случаев, отразивших те или иные практики. Уникальность каждого из них будет оговариваться отдельно.

Необходимость наличия в составе русской постоянной миссии переводчика в ходе организации первой «резиденции» осенью 1673 г. была очевидна и для руководства Посольского приказа, и для назначенного резидентом Тяпкина. Тяпкин крайне внимательно отнесся к процессу подготовки миссии и принял в нем деятельное участие. В октябре он подал в Посольский приказ собственноручную записку, озаглавленную «Роспись, что надобно в польскую посылку с Васильем Тяпкиным, без чего быти невозможно» (Ф. 79. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 59—59 об.). В ней среди прочего была отмечена необходимость присутствия при резиденте переводчиков «польского, латинского, немецкого языков». Не исключено, что Тяпкин сыграл решающую роль в назначении в переводчики русской постоянной миссии Христофора Синорацкого, переводчика смоленской приказной избы, числящегося в штатах Аптекарского приказа (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1673 г. Д. 10. Л. 16). В 1670—1673 гг. он служил переводчиком при размежевании земель в Смоленском уезде, где межевым судьей с русской стороны был Тяпкин (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1670 г. Д. 12. Л. 2.). Синорацкий частично подходил под требования резидента: он владел польским и латинским языками. Переводчика немецкого языка Посольский приказ в состав миссии Тяпкина не назначил. 29 октября 1673 г. Синорацкому было назначено «жалованье подмога и в приказ» в 120 руб. и 30 руб. пушшиной (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1673 г. Д. 10. Л. 20). Жалование было выше, чем средняя сумма в подобранных прецедентах посылок переводчиков с посланниками в Польско-Литовское государство — 127 руб., и приближалось к жалованию С. Лаврецкого — 150 руб., данного ему «для ево скудости», хотя в докладе специально оговаривалось, что оно «иным переводчиком... не в образец, и на пример выписывать не велено» (Там же. Л. 16—18). Деньги и пушнину переводчику должен был передать в Смоленске резидент Тяпкин.

Однако в конце ноября в Москву начали поступать сведения о смерти польского короля Михаила Корибута Вишневецкого. Это означало, что работа русской постоянной миссии начнется в условиях элекции (выборов) нового короля. В Посольском приказе было принято решение заменить никогда ранее не бывавшего в составе дипломатической миссии в Речи Посполитой и работавшего только на по-

сольских съездах на границе Синорацкого на более опытного Семена Лаврецкого. Он также служил переводчиком польского и латинского языков [Беляков и др., с. 139—140], трижды был в Польше в составе дипломатических миссий, причем одну из них в 1669 г. возглавлял сам в ранге гонца (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1673 г. Д. 10. Л. 70—72), а также, как представляется, был доверенным человеком главы Посольского приказа Матвеева, зарекомендовавшим себя профессиональным исполнителем деликатных поручений. 29 ноября Матвеев назначил ему «жалованья подмоги и в приказ» в размере двойного оклада, 50 руб. пушминой, а также распорядился выплатить оклад за текущий год (60 руб.). В сумме Лаврецкий получил 230 руб. (Там же. Л. 73).

Лаврецкий должен был усилить миссию Тяпкина, перед которой теперь стояла задача «проведывать всякими мерами, которого государя послы или посланники проискывать учнут... чтоб государя их на корону Полскую и великое княжество Литовское обрали королем, и нет ли от них, послов... полским сенаторем дачи» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1670 г. Д. 12. Л. 85). Фактически он становился вторым руководителем «резиденции». Царский указ, посланный Тяпкину 12 декабря 1673 г., предписывал ему «великого государя дела» делать с переводчиком «вместе по совету» (Там же).

Служба Лаврецкого в Польско-Литовском государстве продолжалась до лета 1674 г. Еще 11 мая в письме главе Посольского приказа Матвееву переводчик попросился «прибыть к Москве на время для разговору и паки к службе возвратиться» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674 г. Д. 2. Л. 245). Очевидно, он хотел сообщить об оппозиционных настроениях по отношению к избранному королю Яну III Собескому части литовской элиты во главе с великим гетманом литовским Михалом Казимежем Пацем и их желании получить поддержку в Москве. Написать об этом по почте резидент и переводчик не решились. Матвеев отреагировал на просьбу быстро. Спустя несколько дней после получения письма переводчика, 6 июня он от своего имени предписал Тяпкину, что «Семену Лаврецкому ныне дела там мало, и тебе б по указу великого государя отпустить ево с людьми в то время, как сейм скончитца и сенатыри розъедутца» (Там же. Л. 255, 257). На обратном пути в Москву Лаврецкий должен был встретиться с гетманом Пацем и маршалком великим литовским Александром Гилярием Полубинским, «и о всем, что на сейме будет постановлено, и чево впредь чаять, взял у них ведомость». Если встретиться с ними будет невозможно, Матвеев настаивал, чтобы переводчик оставался до коронации нового короля. В конце июня 1674 г. Тяпкин сообщил

в Москву, что коронационный сейм отложен до января следующего 1675 г., и что он принял решение отпустить переводчика. 16 июля Семен Лаврецкий уехал из Варшавы (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 20). По возвращении в Москву переводчик подал в Посольский приказ статейный список с отчетом о совместных с резидентом встречах с сенаторами.

Глубокая вовлеченность Лаврецкого в политическую сферу работы «резиденции», регулярные встречи и переговоры с сенаторами затрудняли выполнение переводчиком технической работы. В ситуации элекции нового короля объем документов на польском и латинском языках, которые начали проходить через «канцелярию» русской постоянной миссии, становился значительным. Для разгрузки Лаврецкого спустя две недели после прибытия в Варшаву 15 февраля 1674 г. Тяпкин принял «для письма и дел великого государя и для польских и латинских писем» шляхтича Яна Моштальского (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 365), вероятно, православного, хотя прямых указаний на это в документах не выявлено. На его содержание резидент выделял 120 руб., в год — сумма, сопоставимая с жалованьем переводчиков, посылаемых Посольским приказом в Польшу в составе традиционных дипломатических миссий. В годовое содержание Моштальского входили расходы на покупку одежды, «служилой рухляди», питание, корм лошадей. Расходные книги русской постоянной миссии Тяпкина зафиксировали два случая экстраординарных расходов на шляхтича: перед коронацией Яна III Собеского в Кракове в январе 1676 г. «польскому писарю», как и другим членам русской миссии, были специально пошиты «цветные суконные кафтаны, подшитые белками, с нашивками золотными» (Там же. Л. 367 об.—368). Спустя два месяца в марте 1676 г. ему вместе с другими членами миссии было изготовлено «черное платье» по случаю смерти царя Алексея Михайловича (Там же. Л. 368 об.).

Найм Моштальского, как представляется, инициативой резидента и, возможно, переводчика Лаврецкого. О появлении шляхтича в составе русской миссии руководство Посольского приказа специально уведомлено не было. Безусловно, Тяпкин не скрывал факт службы «писаря польских дел»: в своих донесениях он несколько раз между делом упоминает его, но исключительно в контексте изложения разных «вестей». В этих обстоятельствах на оплату работы Моштальского в Посольском приказе не выделялось специальных средств, как на оплату жалованья подьячим, стрельцами и самому резиденту. Его услуги оплачивал сам Тяпкин из собственного жа-

лованья, что становилось значительной финансовой нагрузкой. За время своей службы в Польско-Литовском государстве он не раз вынужден был прибегать к займам у сенаторов или у «мещан».

Моштальский выполнял функции переводчика и «писаря польских дел» до середины апреля 1676 г. После отъезда Тяпкина из Кракова, где проходила коронация Яна III Собеского и работал коронационный сейм, в Варшаву шляхтич был оставлен «для вестового житья». Резидент назначил ему содержание в 12 руб. в год (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 370—370 об.). После прекращения работы русской постоянной миссии и отзыва Тяпкина в Москву в мае 1677 г. судьба Моштальского неизвестна. В Варшаве Тяпкин вынужден был искать на место Моштальского нового «писаря польских дел». По данным расходных книг, им стал «студент» по фамилии Пихнарский, получавший за «письмо авизов» в месяц 1 руб. 20 коп. жалованья (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 370 об.). Как представляется, он не стал постоянным членом русской миссии, и к его услугам резидент прибегал по мере необходимости.

В январе 1688 г. началась подготовка новой русской «резиденции» во главе с дьяком Посольского приказа П.Б. Возницыным, который должен был отправиться в Польско-Литовское государство в ответ на приезд польского резидента Ежи Доминика Довмонта [Домрачев, 2020, с. 83]. В процессе подготовки миссии Посольский приказ опирался не только на прецедент Довмонта, но и привлекал опыт «резиденции» Тяпкина. С новым постоянным дипломатическим представителем даже был послан статейный список первого резидента (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 4. Л. 102). Как представляется, в этом вопросе постоянное представительство Тяпкина стало шаблоном для подготовки миссии Возницына.

В наказе, данном новому резиденту, впервые были полностью зафиксированы и обобщены принципы организации службы переводчиков в русской постоянной миссии. В Польско-Литовское государство Посольский приказ откомандировал своего штатного переводчика Степана Чижинского. Однако время его работы ограничивалось работой сейма в Гродно. «А когда у королевского величества в Гродне, — предписывал Возницыну наказ, — нынешней сейм скончитца, и ему, Прокофью, переводчика Степана Чижинского отпустить после того сейму к Москве без задержания. А к себе призвать для переводов из тамошних жителей переводчика православные христианские веры греческого закона, кому б мочно верить. А за работу тому переводчику дать из запасных соболей, что

посланы от государевых дел на роздачу, по рассмотрению» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 233. Л. 82 об.—83). Таким образом, практики Тяпкина были признаны руководством русского дипломатического ведомства и положены в основу организации работы переводчиков в возрожденной русской «резиденции». Основываясь на прецеденте Лаврецкого, Посольский приказ закрепил ограничение срока работы переводчика в составе русской миссии, связав их с работой сейма. На практике он должен был составить несколько месяцев. Была легализована введенная Тяпкиным практика найма на службу переводчика из числа местных жителей, и определен источник его финансирования. Одновременная служба «писаря польских дел» и штатного переводчика Посольского приказа, имевшая место в 1674 г. у первого русского резидента, была пресечена. Важным условием выбора «писаря» Посольский приказ провозглашал принадлежность кандидата к православному сообществу.

Окончательное решение о назначении Чижинского, владевшего польским, латинским и «белорусским» языками [Беляков и др., с. 219], переводчиком возрожденной русской «резиденции» в Речи Посполитой было принято 11 января 1688 г. Ему было дано «жалованья подмоги и в приказ» в размере его двойного оклада (в сумме 74 руб.) и 30 руб. пушминой (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 4. Л. 14—15). В тот же день переводчик подал челобитную с просьбой учесть его придачу к жалованию за «польскую и цысарскую посылки». Главой Посольского приказа кн. В.В. Голицыным было принято решение удовлетворить просьбу (Там же. Л. 39—39 об.). В результате оклад переводчика был увеличен до 57 руб. [Беляков и др., с. 220], и общая сумма выданного ему жалования составила 147 руб. При этом известно, что спустя несколько дней Чижинскому выдали кормовые деньги за предыдущие пять месяцев в размере 30 руб. 60 коп. [Беляков и др., с. 221].

Выбор Чижинского в качестве переводчика русской постоянной миссии в Польско-Литовском государстве, как представляется, был сделан по практическим соображениям. В 1686—1687 гг. он был переводчиком при «великом посольстве» Б.П. Шереметева [Беляков и др., с. 219], которое должно было засвидетельствовать присягу короля Яна III Собеского на договоре о Вечном мире, а затем уведомить императора Леопольда I о заключении русско-польского антиосманского союза. Таким образом, Чижинский не только имел опыт работы в Речи Посполитой, но и был связан с практикой взаимодей-

ствия с союзниками Московского государства в рамках международной модели договора о Вечном мире.

Степан Чижинский пробыл в штатах русской постоянной миссии с конца февраля до 25 марта 1688 г., когда Возницын отпустил его в Москву (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 39 об; Там же. Кн. 234. Л. 111.). При этом резидент более чем на месяц задержал переводчика. Следуя наказу буквально, он должен был опустить его еще месяцем ранее, когда Гродненский сейм был сорван и прекратил работу. Представляется, что завершение сейма Возницын связывал с принятием Речью Посполитой решений о действиях против Османской империи и Крымского ханства на текущий год. В случае срыва сейма рассмотрение таких вопросов переходило в ведение специальной «консьлии» короля с сенаторами. «Консьлия» завершилась 18 марта, и по ее окончании отпуск Чижинского обретал практический смысл: он мог подробно изложить в Москве принятые королем и сенаторами решения о военных действиях против турок и татар. С переводчиком Возницын послал отписку, в которой уведомлял Посольский приказ об отпуске Чижинского из Гродно (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 234. Л. 111—113).

В соответствии с предписанием наказа Возницын озаботился вопросом найма нового переводчика. Уже в посланной со Чижинским отписке от уведомил Посольский приказ, что «для ваших, государевых, дел переводчика на Степаново место Чижинского, такого, кому б мочно было верить, приискывать буду» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 234. Л. 112 об.). Некоторое время спустя резидентом был нанят «для переводу государевых дел и за писаря польских писем» православный шляхтич Ян Тарнавский (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 234. Л. 113). Когда это произошло, остается неизвестным. Каких-либо сообщений о найме Тарнавского Возницын в Посольский приказ не отправлял. Сведения о нем в донесениях на имя кн. В.В. Голицына появляются редко и по своему характеру не отличаются от аналогичных упоминаний Яна Моштальского Тяпкиным — между делом в контексте других ведомостей. В статейном списке резидента сообщение о найме нового переводчика помещено сразу после копии отписки, посланной со Чижинским, но не датировано. Можно предположить, что служить в русской постоянной миссии Ян Тарнавский начал с конца марта — начала апреля 1688 г. Отсутствие расходных книг Возницына не позволяет составить точное представление и о жалованьи «писаря польских дел».

Найм Тарнавского на службу, как представляется, был связан с определенными расчетами русского резидента. Одними из важных

задач, поставленных перед Возницыным, были сбор сведений о военных планах короля Яна III и его советников и их реализации на практике, а также попытка на них повлиять. Родной брат Тарнавского — Томаш — служил писарем при великом гетмане коронном Станиславе Яне Яблоновском. Братья поддерживали между собой тесные контакты. Таким образом, русский резидент в лице своего «писаря польских дел» получил дополнительный канал информации напрямую из канцелярии ключевого военного деятеля Речи Посполитой.

Из комплекса нечастых упоминаний о Тарнавском в делопроизводстве миссии Возницына следует, что он не постоянно находился при резиденте. В частности, известно, что в октябре 1688 г. и в мае 1689 г. он находился в «обозе» (лагере) польских войск и присылал оттуда резиденту письма с вестями (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 93—94; Там же. 1689 г. Д. 4. Л. 188). Нельзя исключать, что зимой 1688/89 г. во время сейма в Варшаве Тарнавский возвращался к Возницыну. Мобильность «писаря польских дел» была высокой. Отправив «вестовое» письмо из местечка Дунаево в Русском воеводстве 3 мая 1689 г., он уже 16 мая упомянут в Варшаве (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 117). Кто занимался переводами и составлением писем на польском языке в периоды отсутствия Тарнавского при резиденте, остается неизвестным. Возможно, Возницын, следуя примеру Тяпкина, привлекал к этой работе «студентов».

В январе 1689 г. в Посольском приказе началась подготовка миссии дьяка И.М. Волкова, который должен был сменить Возницына на «резиденции». С миссии Волкова начинается пересмотр подходов к организации службы переводчиков в русском постоянном представительстве в Речи Посполитой. Наказ, данный новому резиденту, полностью игнорирует эти вопросы: даже статья наказа Возницыну о найме переводчика из числа местного православного населения в него не была включена.

Руководство Посольского приказа приняло решение отказаться от посылки в Польско-Литовское государство штатных переводчиков. Как представляется, это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, Возницыну был дан указ находиться в Варшаве до окончания сейма 1688—1689 гг. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 282 об.). Это означало, что к работе в качестве резидента Волков приступил уже после завершения сейма, и сложившееся правило посылки штатных переводчиков Посольского приказа с русскими постоянными представителями на время работы сейма формально действовать не должно. Во-вторых, работа миссии Возницына про-

демонстрировала, что при наличии в ее составе местного «писаря польских дел» и владеющих польским языком подьячих без особого переводчика, присланного из Москвы, «резиденция» продолжает функционировать и не испытывает серьезных трудностей. Найм местного переводчика и «писаря польских дел», как представляется, к 1689 г. перестал восприниматься дьяками Посольского приказа, которые составляли кадровый резерв «резиденции», как «новочинная» практика, и необходимость прописывать это в наказе отпала. В наказах следующим за Волковым резидентам тема переводчиков вообще не будет подниматься.

В Польско-Литовском государстве 16 мая 1689 г., спустя несколько дней после отъезда из Варшавы прежнего резидента, Волков принял на службу «для переводу государевых дел и польского письма» Яна Тарнавского, «который для таких же дел был у стольника у Прокофья Возницына» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 117). В материалах делопроизводства миссии Волкова сведения о размере жалованья Тарнавскому также не отразились. Возможно, он был принят на тех же условиях, которые действовали при Вознице. Симптоматично, что Волков прямо не сообщил о найме Тарнавского в Посольский приказ в своих отписках и донесениях, ограничившись фиксацией этого факта в статейном списке. Только спустя несколько месяцев он начал изредка упоминать о нем в своих донесениях, как и его предшественники — между делом. Ян Тарнавский прослужил у Волкова до конца декабря 1689 г. Накануне отъезда резидента из Львова в Варшаву «писарь польских дел... с посланником не поехал». Вместо него Волков нанял «благочестивые веры» львовского студента Андрея Загачевского и с ним отъехал в Варшаву (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 618 об.). Студент, как представляется, прослужил у резидента до его отпуска в Москву в начале января 1692 г. Об его отъезде или привлечении к работе других «писарей польских дел» в делопроизводстве миссии Волкова упоминания отсутствуют.

В 1691 г. на перемену Волкова в качестве резидента в Речи Посполитой был назначен дьяк Посольского приказа Борис Михайлов. На первоначальном этапе подготовки его миссии в мае 1691 г. организацию службы переводчиков планировалось оставить без изменений на принципах, реализованных в «резиденции» Волкова. Однако будущий резидент видел организацию своей миссии несколько иначе и не удовлетворился зафиксированными в подготовленном для него наказе условиями. Михайлов был в числе тех дьяков Посольского приказа, в обязанности которых входило взаимодействие

с русской постоянной миссией в Польско-Литовском государстве. Он принимал отписки и записки резидентов, курировал подготовку на их основе царских указов и заверял их своей «приписью». Это позволяло ему детально разбираться в особенностях работы и проблемах русской «резиденции». В конце мая — начале июня 1691 г. он подал в Посольский приказ несколько собственноручных пунктов, в которых сформулировал ряд вопросов и предложений. Среди прочего Михайлов предложил, «чтоб для посылок быть со мною иноземцу прапорщику Петру Эленгузину... А с Прокофьем (Возницыным. — Н.Д.) был переводчик, и жалование ему дано было многое, а ныне переводчика нет» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 62). Главная функция переводчика, обозначенная резидентом — «посылки», — позволяет приблизиться к пониманию причин постановки вопроса о включении в состав русской миссии переводчика. При Волкове «посылки» осуществляли подьячие — Леонтий Паюсов, сменивший его Иван Гарасимов, а также Лев Волков, ездившие к сенаторам, урядникам и иностранным резидентам одни. Очевидно, они свободно владели польским языком. А среди подьячих, назначенных с Михайловым, видимо, достаточно польским языком не владел никто.

Уже 8 июня в Посольском приказе было принято решение удовлетворить предложение будущего резидента. С этого момента Петр Эленгузин, владевший польским и немецким языками (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696 г. Д. 3. Л. 14), начал фигурировать как член русской постоянной миссии в исходящих из дипломатического ведомства памятях. Но его статус сначала определялся как «дворянин», т.е. член свиты посланника (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Д. 4. Л. 68 об.). Спустя несколько дней, 13 июня, в Посольском приказе приняли решение пополнить миссию новокрещенным служилым татаринном кн. Яковом Тохтаровым (Федоровым) сыном Чегодаевым (Там же. Л. 74). Как представляется, Чегодаев, свободно владевший татарским языком, должен был создать дополнительные возможности для контактов с различными крымскими посланцами, приезжающими к гетманам и королю Яну III для выяснения от них различной информации. Проблема тайных контактов польского короля с крымской элитой для заключения сепаратного (от Московского государства) мира и антимосковского союза была предметом особого внимания со стороны Посольского приказа после заключения договора о Вечном мире. Учитывая убеждение и предшествующих русских резидентов, и руководства Посольского приказа, что король скрывает от царских представителей если не сами

факты приезда татарских посланцев, то как минимум их реальные предложения, то наличие в составе русской «резиденции» человека, способного напрямую с такими посланцами пообщаться, становилось ценным ресурсом.

К началу июля 1691 г. Эленгузин и Чегодаев, видимо, прибыли в Москву и подали в Посольский приказ челобитные о выдаче им жалованья (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 96, 98). Челобитные инициировали решение вопроса об их статусе в составе миссии, от которого зависел размер выдаваемых им денег. Посольский приказ колебался между статусом «дворян» с одной стороны, который был определен им ранее, но который предполагал лишь пассивное присутствие в свите дипломата и создание многолюдности посольства, и статусом переводчика — с другой. В то же время в практике организации русских постоянных миссий свиты из дворян у резидентов не было. Только в 1673 г. с Тяпкиным был послан его сын Иван. Сделанная подборка прецедентов («выпись») определенно показывала, что дворянам в среднем полагалось в два раза меньше жалованья «подмоги и в приказ», чем было дано Чижинскому за несколько месяцев его службы при резиденте Возницыне. В результате руководство Посольского приказа приняло наименее затратное решение: за Эленгузиным и Чегодаевым закрепили статус дворян с жалованием «подмоги и в приказ» по 50 руб., но было отмечено об отправке их в Речь Посполитую «вместо переводчиков». (Там же. Л. 99—99 об.). Таким образом, набор их функций в составе «резиденции» был вполне очерчен. После непродолжительного отступления, Посольский приказ вернулся к практике комплектования русской постоянной миссии переводчиками в Москве, но в то же время, исходя из соображений экономии, продолжил дистанцировать от нее своих штатных переводчиков.

По прибытии во Львов, где в зимой 1691—1692 г. находился король Ян III Собеский, резидент Б.М. Михайлов традиционно озабочился наймом «писаря польских дел», однако столкнулся с серьезными трудностями. Во-первых, студент Андрей Загачевский, служивший Волкову, отказался переходить к нему на службу, мотивируя это тем, что «без ведома королевского величества быти при посланнике опасаетца» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 242. Л. 110). Во-вторых, между предыдущим и новым резидентами произошел конфликт, в результате которого Волков формально передал дела, не познакомив своего преемника с кругом своих «сприятствующих людей», от которых получал информацию и которым доверял. Это

привело к тому, что резидент Михайлов оказался в ситуации, когда, с одной стороны, «никто... знаемости с ним не имеет», а с другой — после заявлений Загачевского он сам не мог никому доверять: «если с ведома королевского и будет, то ему верить и держать его при себе будет невозможно» (Там же). О найме переводчика из местных жителей или какой-либо его деятельности в делопроизводстве «резиденции» Михайлова упоминания не содержатся. Вероятно, он отказался от такой практики. Как представляется, не менее существенной причиной нежелания резидента нанимать «писаря» было его трудное финансовое положение. Уже в январе 1692 г. он отослал в Москву одного из двух своих подьячих (за пьянство), трех из шести стрельцов и трех человек из своей челяди, мотивируя это тем, что «прокормить... нечем» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 76). В декабре 1692 г. по тем же причинам были отпущены в Россию оставшиеся три стрельца и «дворянин»-переводчик кн. Чегодаев (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 14). В штате миссии Михайлова из переводчиков остался только прапорщик Петр Эленгузин. Еще 26 февраля 1692 г. во Львове он крестился в православие из лютеранства после «великой огневишной болезни». Восприимчиком его стал лично Михайлов (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1692 г. Д. 3а. Л. 45). По крещении прапорщик послал в Москву челобитную о выдаче ему жалованья «за крещение» и пожаловании «чином» (Там же. Л. 46).

В 1696 г. на смену Б.М. Михайлову резидентом назначили дьяка Посольского приказа Алексея Никитина. При подготовке его миссии переводчики в ее состав включены не были. В данном ему наказе требование о найме «писаря польских дел» традиционно отсутствовало (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1696 г. Д. 3. Л. 29—80).

Таким образом, в XVII в. в русской «резиденции» в Польско-Литовском государстве не сформировалась устойчивой традиции комплектования штатов переводчиками. Во многом это связано с отсутствием какой-либо последовательной политики Посольского приказа в этом вопросе, решение которого русское дипломатическое ведомство, как правило, оставляло на усмотрение конкретного резидента. Удобные каждому дипломату формы организации всегда или получали официальное одобрение, или не встречали возражения. Единственным исключением из этого правила можно считать волевое вмешательство Матвеева в 1673 г. К началу 1690-х гг. принципы индивидуального подхода резидентов к комплектованию штатов переводчиков были окончательно закреплены. Строгая регламентация этого вопроса, предпринятая в 1688 г. при организации

миссии Возницына, когда положения о переводчиках были включены в текст наказа, сменилась полным исключением этой темы из инструкций следующим резидентам. Это означало полную свободу действий постоянных дипломатических представителей как на стадии подготовки миссии в Посольском приказе, так и во время работы в Польше.

Двойственный институциональный статус русской «резиденции» в Речи Посполитой — ее «новочинность» и беспрецедентность с одной стороны и базирование на имеющем развитую традицию в русской дипломатической практике институте посланников, с другой, — создал условия для развития двух магистральных тенденций в вопросе ее комплектования переводчиками. Во-первых, это назначение в штаты постоянной миссии переводчиков Посольского приказа, которые традиционно посылались вместе с посланниками. Во-вторых, это найм переводчиков и писарей из местной среды. Эта практика, к слову, применялась в Речи Посполитой дипломатией Габсбургов. Секретарь «цесарской» постоянной миссии Ян Грабовский, поляк по происхождению, занимал свой пост не одно десятилетие. «Цесарская» практика могла послужить образцом для глав русской постоянной миссии. Важным фактором, влияющим на привлекательность этих двух тенденций как в глазах резидентов, так и в глазах Посольского приказа, как представляется, стали расходы на содержание переводчиков. Именно соображения экономии к середине 1690-х гг. привели к полному отказу от использования переводчиков Посольского приказа и замене их на знающих языки представителей других категорий служилых людей. И именно соображения экономии стали одной из главных причин отказа дьяка Б.М. Михайлова от найма представителей местного населения.

Однако, насколько отмеченные выше изменения в комплектации штатов русских «резиденций» переводчиками были оправданы, и в какой степени они отражались на эффективности работы миссий? Чтобы оценить это, необходимо обратить внимание на функции, которые выполняли переводчики. Главные функции переводчиков в составе русских постоянных миссий заключались в осуществлении контактов с урядниками, сенаторами и дипломатами в Речи Посполитой и в переводах иностранных материалов на русский язык. «Посылка» переводчиков контактировать с различными лицами — наиболее задокументированная сторона их работы. В донесениях и отписках резидентов такие послышки фиксировались регулярно. Более того, к началу 1690-х гг. в восприятии дьяка Михайлова «по-

сылка» выступала главным и единственным обстоятельством, которое оправдывало включение переводчика в штат «резиденции». Наказы напрямую это не предписывали. В них содержалось достаточно неопределенное требование посылать к урядникам польских и литовских городов «кого пристойно» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 233. Л. 58 об.).

Переводчик Чижинский в течение всего месяца службы в Речи Посполитой по распоряжению Возницына регулярно вместе с подьячим Михаилом Родостамовым посещал сенаторов и иностранных дипломатов («цесарских» посланника Иоганна Криштофа Жеровского и резидента Геогора Теодора Шиманского, а также венецианского резидента Иеронима Альберти) с уведомлениями о прибытии резидента в Гродно, требованиями принять его на аудиенции у короля Яна III («приезде»), поздравлениями, расспросами о «ведомостях». С 23 по 27 февраля 1688 г., до церемонии «приезда» Возницына, они наносили визиты сенаторам «по вся дни» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 2 об.—3). Самому Чижинскому 7 марта было поручено привести венецианскому резиденту присланную по почте царскую «любительную» грамоту, адресованную дожу (Там же. Л. 24 об.). После отъезда переводчика в Москву эти функции продолжил выполнять Родостамов. Очевидно, он свободно владел польским языком, и коммуникация с сенаторами не вызывала у него трудностей. «Дворяне»-переводчики Михайлова также регулярно привлекались к подобным «посылкам». Особенно часто это поручалось владевшему польским и немецким языком П. Эленгузину (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 242. Л. 5 об., 17 об., 29, 39 об., 74 и др.), который наносил визиты как в сопровождении подьячего, так и самостоятельно. Новокрещенный татарин кн. Я.Ф. Чегодаев за год службы в составе миссии был в «посылке» лишь дважды. Резидент посылал его «для проведевания всяких ведомостей, и для чего он в Польшу прислан» к крымскому послу, когда тот находился в королевской резиденции в местечке Жолква в ожидании аудиенции (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1693 г. Д. 2. Л. 20).

Нанятые русскими резидентами «писари польских дел» также привлекались к «посылкам», но в отличие от штатных переводчиков, крайне редко. Известно всего два эпизода такой службы «писаря» Тяпкина Яна Моштальского. В октябре 1675 г. резидент посылал его в сопровождении подьячих и своего пристава Яна Оборского в окрестности Львов «встретить и поздравить... от себя братолюбивым приятством» персидского посланника, прибывшего к Яну III Собес-

кому (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 173. Л. 411 об.—412). Несколько позднее, 25 ноября 1675 г., Тяпкин послал своего «польского писаря» в сопровождении подьячего Федора Старкова в Жолкву передать приближенному Яна III хелмнинскому воеводе Яну Кшиштофу Гнинскому царскую «любительную» грамоту, предназначенную королю. На дорогу и на проживание Яну Моштальскому было дано 3 злотых (Там же. Кн. 178. Л. 365). В то же время упоминания о «посылках» наемного «писаря» Яна Тарнавского во время его службы как Возницыну, так и Волкова в документах русских миссий отсутствуют. Ничего не известно и о «посылках» студентов Пихнарского при Тяпкине и Андрея Загачевского при Волкове.

Особое место в практиках «посылок» переводчиков занимает служба Семена Лаврецкого при Тяпкине. Согласно подготовленному для первого русского резидента наказу, глава миссии должен был находиться с переводчиком «в совете» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 160. Л. 36 об.). После замены Христофора Синорацкого на Лаврецкого это требование было подтверждено специальным царским указом (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1670 г. Д. 12. Л. 85). Таким образом, Лаврецкий стал фактически «товарищем» резидента. Особый статус переводчика подтверждается наличием на донесениях в Посольский приказ сразу двух подписей — Тяпкина и Лаврецкого.

Перед резидентом и его переводчиком Посольским приказом была поставлена задача во время элекции (выборов) нового короля поддерживать тесные контакты с литовскими политиками, в частности, самым влиятельным из них великим гетманом литовским Михалом Казимежем Пацем, выяснять готовность сенаторов поддержать кандидатуру царя Алексея Михайловича или его сына царевича Федора Алексеевича на польский престол и условия такого избрания. «Посылки» Лаврецкого представляли собой не просто нанесение визита с уведомлением или приветствием. Переводчик принимал активное участие в официальных и тайных встречах Тяпкина с сенаторами, на равных участвуя в разговоре (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 3, 5, 6). Более того, присланные из Посольского приказа условия, на которых Алексей Михайлович был готов избираться на польский престол, были официально объявлены и распространены письменно за подписью и резидента, и переводчика (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674. Д. 2. Л. 45).

Переводчики и «писари польских писем» в рамках русской постоянной миссии в Речи Посполитой выполняли большой объем канцелярской работы. В первую очередь, в их обязанности входил

перевод иностранных документов на русский язык. Первые резиденты Тяпкин и Возницын на начальном этапе работы своих постоянных представительств пытались строго следовать этому правилу. В Москву резиденты отправляли не только донесения с изложением «ведомостей», но и готовые переводы курантов, универсалов и других материалов.

Известно шесть документов, переведенных, вероятно, Лаврецким. Это грамота императора Леопольда I маршалку коронному Яну Собескому, написанная 28 ноября 1673 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674. Д. 2. Л. 134—138), «Рассуждение о князе Лотаринском за кандидата на королевство Польское» (Там же. Л. 130 об.—133), письмо маршалка коронного Яна Собеского на сеймики от 3 марта 1674 г. (Там же. Л. 127 об.—130), универсал архиепископа Гнездинского Казимежа Флориана Чарторыйского от 4 января (Там же. Л. 175—182 об., 167—174), «розные вестовые письма польские» (Там же. Л. 199), запись, данная избранным королем Яном III Собеским при присяге перед сенаторами (Там же. Кн. 163. Л. 28—36). Вместе с переводами резидент и переводчик отправляли в Посольский приказ и оригинальные материалы. Однако, достаточно быстро такой режим работы оказался русской постоянной миссии не по силам. Перевести все было невозможно, учитывая высокую вовлеченность Лаврецкого в политические переговоры. Уже 2 марта 1674 г. в донесении Матвееву резидент и переводчик признавались: «Письма, государь, вестовые, которые успели перевести, с тех переводы и подлинные на латинском и польском языке, и которые не успелись за скорым отходом почты перевести, посланы все... с сим писанием вместе» (Там же. 1674 г. Д. 2. Л. 105). Постепенно доля собственных переводов русской «резиденции» в присылаемых от нее в Москву материалах сокращалась. После отъезда Лаврецкого из Речи Посполитой Тяпкин прекратил их посылку.

По аналогичному сценарию развивалась и работа с переводами в миссии Возницына. Первые пару недель пребывания в Гродно резидент стремился переводить поступающие к нему иностранные материалы перед отправкой в Посольский приказ. В частности, 5 марта 1688 г. им был послан в Москву выполненный, очевидно, Чижинским перевод краковских «печатных курантов» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 15—16). Однако очень быстро эта практика прекратилась. Как и Тяпкин, второй резидент начал пересылать в русское дипломатическое ведомство подлинники на иностранных языках, переводом которых занималось уже оно. Резиденты Волков и Михайлов уже не демонстрируют попыток посылать в Посольский приказ готовые переводы.

Помимо создания переводов для отправки в Москву, текущая работа постоянных миссий предполагала ведение собственного делопроизводства на польском языке. Резиденты поддерживали постоянные контакты с почтмейстерами, иностранными дипломатами, некоторыми сенаторами. Это требовало постоянного составления писем, перевода на польский язык официальных заявлений. Есть основания полагать, что деятельность переводчика Семена Лаврецкого была сосредоточена исключительно на переводах курантов и документов на польском и латинском языке и политических переговорах. Составление польских документов стало обязанностью нанятого незадолго после приезда Тяпкина в Варшаву его «писаря польских дел» Яна Моштальского. В частности, в своих донесениях резидент упоминает написание им письма хелмнинскому воеводе Я.К. Гнинскому в декабре 1675 г. (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 2) и перевод на польский язык присланного из Посольского приказа «списка с листа Дорошенкова» для последующей его рассылки «во многие належашие места для ведомости» (Там же. Л. 26). Вероятно, подобной работой занимались и Чижинский, и нанятый после его отъезда Ян Тарнавский, хотя в делопроизводстве «резиденции» прямых указаний на это нет.

На службе у резидента Волкова «писарь польских дел» Тарнавский принял участие в масштабной работе по созданию благоприятных для Московского государства «вестей» о втором Крымском походе 1689 г. 5 июля 1689 г. резидент распорядился, чтобы он подготовил перевод сделанной «обыкновением авизным» выписки из царской грамоты с сообщением о результатах похода кн. В.В. Голицына на Крым, а также размножил его в копиях «польским письмом и на польском же языке». Спустя месяц Волков привлек Тарнавского к переводу на польский язык и составлению списков новой серии материалов о крымском походе, «чтоб с подтверждением прежняго объявления и новое розголосить же» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 389).

«Писарь польских дел», очевидно, физически не успевал создавать копии в необходимом объеме, и Волков привлек дополнительные ресурсы. В донесении в Москву от 25 июля 1689 г. он сообщал, что «для поспешения отдавал списывать в розные руки львовским студентом». Как представляется, их использование обходилось резиденту крайне дешево, если не бесплатно. Материал сообщения был популярен и давал студентам заработать на продаже дополнительных копий. Именно так представил дело руководству Посольско-

го приказа сам резидент: «а много больши того списав, оставили у себя, и с тех своих списков и ныне списывают, кто сколько хочет, и для пожитку своего роздают» (Там же. Л. 365 об.— 366). Сопоставление переводов королевских «любительных» грамот, списки с которых давались Волкову «для ведома», и переводов этих грамот в делопроизводстве Посольского приказа показало, что в течение первого года своей работы в Польско-Литовском государстве Волков привлекал Тарнавского к переводам польских материалов на русский язык. Примечательно, что переводы резидент оставлял у себя и фиксировал в статейном списке, а в Посольский приказ пересылал только официальный список, где он переводился заново. Различие хорошо заметно, например, при сопоставлении переводов королевской «любительной» грамоты от 6 сентября 1689 г.:

Перевод из статейного списка резидента Волкова (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Книги. Д. 237. Л. 445—447)	Перевод из делопроизводства Посольского приказа (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 за 1689 г. Д. 7. Л. 278—282)
(Л. 445) Восприяв чрез любительную вас, великих государей вашего царского величества, грамоту о тех же ведомостех подтверждение, которые недавно напред сего от вашего царского величества Большие печати и государственных великих и посольских дел оберегателя и дворового воеводы велможного князя Василья Васильевича Голицына чрез нарочного из обозу посланного имели есмы, паки радости и удоволствованием нашим приемлем...	(Л. 280) Приняв чрез любительную вас, великих государей вашего царского величества грамоту, тех же ведомостей поноску, недавно которую прежде сего вашего царского величества Большие печати и государственных великих и посольских дел от оберегателя и дворового воеводы велможного князя Василья Васильевича Голицына чрез нарочно к нашему королевскому величеству посланного имели есмы, со второю сызнова радостию и удоволствованием нашим приемлем...
(Л. 445 об. — 446) Немало и в том приемлем радость, что другой еще город зело крепкой тамже на реке Самаре во шти толко милях от первого будущего устроить и оный ратными людьми осадить изволили есте...	(Л. 280—281) Немалую и отгуду приемлем радость, что другую еще крепость твердую и крепкую, тамже на реке Самаре в трицати верстах будущую, построить и ратными людьми укрепить изволили есте...

После ухода Яна Тарнавского со службы в русской постоянной миссии Волков прекратил помещать в статейный список переводы королевских грамот. Возможно, это связано с отказом от практики переводов для нужд самой «резиденции». При этом новый «писарь польских дел» русского резидента продолжил заниматься составлением документов на польском языке. В частности, в марте 1690 г. глава русской миссии «велел польского письма писарю своему напи-

сать коротким объявлением польским письмом» гетману Яблоновскому (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1545 об.).

Помимо работы с документами и «посылок», переводчики и «писари польских дел» русской постоянной миссии участвовали в официальных церемониях «приездов», «отпусков» и королевских аудиенций при подаче резидентами царских грамот в качестве их свиты. В частности, Возницын упоминает, что переводчик Степан Чижинский вместе с подьячими ехал перед санями дипломата во время «приезда» к королю Яну III Собескому (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 235. Л. 6). Волков регулярно отмечал, что при подаче царских грамоте он ехал на аудиенцию к королю «со всеми людьми по посольскому обыкновению» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 441). Впрочем, участие переводчиков и «писарей польских дел» в ходе церемоний было, как правило, пассивным: в делопроизводстве русских постоянных миссий не содержатся упоминания о каких-либо речах или действиях с их стороны.

Наказ, данный резиденту Тяпкину, предписывал «для проведения всяких дел переводчика и подьячих посылать» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 160. Л. 37 об.). Это давало резидентам широкие возможности использовать своих переводчиков и «писарей польских дел» для сбора информации. В русских постоянных миссиях, штаты которых были небольшими, и не все их члены владели польским языком, открывалась возможность при необходимости превратить переводчика из «канцеляриста» в агента. Растущий интерес резидентов к внутripольским и зарубежным вестям стимулировал отмеченную тенденцию. Переход к найму «писарей польских дел», которые не просто были носителями языка, но также являлись частью социальной среды, имели обширные связи, которые могли достигать окружения сенаторов или королевского двора, создавал дополнительные предпосылки для их превращения в важный для русской миссии источник информации.

Впервые переход «писаря польских дел» на положение «агента» произошел при Тяпкине, когда в апреле 1676 г. он оставил Моштальского в Кракове. Бывший «писарь», как представляется, должен был в первую очередь покупать краковские куранты и пересылать их к нему. В частности, известно о получении резидентом его письма 20 октября 1676 г. в Варшаве (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 178. Л. 19). Превращение Моштальского в краковского «агента» решало важную задачу по сбору обширной информации из Центральной Европы.

При резиденте Возницыне его «писарь польских дел» Ян Тарнавский также достаточно быстро начал выполнять функции «агента»,

что, учитывая службу его брата Томаша в канцелярии коронного гетмана, имело важное значение. «Писарь» регулярно уезжал от русского резидента то во Львов, то в обоз польский войск к брату, при этом старался информировать обо всех вестях, которые попадали в его поле зрения. Известно два его письма, адресованные к главе русской миссии (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 93—94; Там же. 1689 г. Д. 4. Л. 188). Благодаря Тарнавскому были установлены прямые контакты между его братом и Возницыным. Сам Томаш Тарнавский полностью отдавал себе отчет, что он стал информатором русского посланника. В одном из писем он откровенно признавался резиденту: «милость твоя имеешь кого zde, в обозе, которой бы всякие вести писал» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 60). Известно, что Ян просил брата поддерживать с посланником регулярную связь. В том также признавался Возницыну сам Томаш: «брат мой, обретающейся при милости твоей, пишет ко мне, жалуясь на меня ж, что я ни к милости твоей, ни к нему не пишу» (Там же).

В отличие от Возницына, который стремился целенаправленно использовать социальные связи Яна Тарнавского, его преемник Волков не демонстрировал какой-либо заинтересованности в них. «Писарь польских дел» перестал выполнять функции «агента», сосредоточившись на канцелярской работе. Впрочем, Волков посылал своих людей, в частности Яна Тарнавского и подьячего Леонтия Паюсова для «проведывания вестей» во Львов и его окрестности. В частности, в декабре 1689 г. он с подьячим был послан в Жолкву, где они встретили «черного дьякона Соломона», приехавшего к королю Яну III с якобы подложными письмами гетмана И.С. Мазепы. Несмотря на то, что испуганный чернец «убегал и ничево с ними не говорил», подьячий и писарь его запомнили и сообщили приметы резиденту (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 611 об.).

Связи Тарнавского периодически приносили главе русской миссии независимый от политики резидента результат. В частности, 19 сентября 1689 г. в ходе посылки в королевскую резиденцию Злочев «наемной человек» Волкова «польских дел писарь» повстречался с ротмистром Думбровским и опознал в нем человека, посланного в Крым вместе со слугой гетмана Яблоновского шляхтичем Буйновским. Последующая встреча писаря со своим «знакомцом», еще одним слугой коронного гетмана, приехавшим из «обоза» с гетманскими письмами к королю, подтвердила подозрения Тарнавского. Думбровский действительно был послан гетманом в Крым вместе с Буйновским, примерно тремя неделями ранее приехал к королю

с донесениями, содержание которых осталось неизвестным, а сам Буйновский продолжал работу в Крыму. Обо всем этом писарь русского резидента узнал из конфиденциальной беседы «по знакомству своему» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 464—465). Для самого Волкова факт появления Думбровского стал дополнительным аргументом, подтверждавшим подозрения тайных контактов короля Яна III с крымской элитой и нарушения им положений договора о Вечном мире. Посылался для «проведывания вестей» и другой «писарь» Волкова студент Андрей Загачевский. 8 октября 1690 г. Он ездил вместе с подьячими Л. Паюсовым и И. Гарасимовым во Львов. Там студент посетил двор, где стояли татары, которых резидент подозревал в том, что они посланники хана, и «тайно» о них спрашивал (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 237. Л. 1226—1227).

Таким образом, под влиянием особенностей русской постоянной дипломатической миссии в Польско-Литовском государстве начала претерпевать изменения не только организация службы переводчиков, но и их функции в рамках «резиденции». По сравнению с классическим посольством, постоянное дипломатическое представительство имело дело с гораздо большим объемом документов на иностранных языках. Достаточно быстро после создания, а затем возрождения «резиденции» в Речи Посполитой, ее руководителям стало очевидно, что обработать все материалы и перевести их на русский язык в рамках миссии переводчики не в состоянии. Эта функция была без колебаний передана Посольскому приказу. В классическом посольстве переводчик нередко был единственным его членом, на высоком уровне владеющим иностранным языком. В случае постоянного представительства и эта функция продолжала терять свое значение. И резиденты, и подьячие владели польским языком, для перевода с других языков (прежде всего, латыни) открылись возможности для найма местных жителей и студентов на постоянной основе или по мере необходимости. Все это разрушило классический функционал переводчиков и способствовало усилению тенденции отказа от кадровых специалистов Посольского приказа. В то же время, задачи, стоящие перед резидентами, требовали повышенного внимания к сбору информации. Однако в штатах русской миссии было недостаточно человеческого ресурса для полноценной реализации этих задач. По этой причине резиденты начинают привлекать всех, кто есть в их распоряжении, для проведывания ведомостей. Эта тенденция напрямую повлияла на трансформацию функций переводчиков. Если подьячие оставались связаны ведени-

ем внутреннего делопроизводства и переписки с Посольским приказом, то в условиях стремительной редукции своих классических функций, переводчики и «писари польских дел» стали главными кандидатами на решение новых информационных задач. Это обстоятельство, как представляется, становится главной причиной появления тенденции к эволюции функций переводчиков русской «резиденции» в сторону «агентов» по сбору информации. Тем самым, в рамках русской постоянной миссии начался процесс смешения переводчиков и других служащих.

Литература

- Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч. 3. М., 1897.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Домрачев Н.Е.* Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. 2020. Вып. 1—2.
- Домрачев Н.Е.* К вопросу о длительном пребывании русских дипломатов в Крыму в XVII столетии. // Окно в Европу: сборник статей памяти доктора исторических наук Татьяны Александровны Лаптевой (1955—2018). М., 2021.
- Колегов С.С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в. Дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2011.
- Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830; Т. 2. СПб., 1830.
- Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства Петра Дорошенко (1673—1677) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3.
- Флоря Б.Н.* Переговоры между Россией и Речью Посполитой о союзе против османов (1673—1676 гг.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1.
- Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.
- Roosen W.J.* The Age of Louis XIV. The Rise of Modern Diplomacy. NY., 2017.

Переводчики Посольского приказа на польско-литовском направлении в XVI — начале XVII в.: к вопросу о персональном составе штата и сферах деятельности

На польско-литовском направлении деятельности Посольского приказа перевод, как считалось, не требовался. Вкрапления речи литвинов, говоривших на местном русском языке, без труда распознаются в массиве московских деловых текстов. Западные соседи Великого княжества Московского привыкали не только слышать, но и понимать речи московитов. Князь-эмигрант Семен Бельский, бежавший в Великое княжество Литовское вместе с Иваном Ляцким, в январе 1536 г. целый час выступал перед господарской радой, доказывая свою верность королю Сигизмунду Старому [Кром, 2000, с. 107]. Бельский мог говорить (как умел) на одном из языков региона и быть понятым, а мог опираться на московский русский, испещряя его заимствованиями из латыни, польского и «простой мовы». Во время переговоров с посольством Юрия Ходкевича в 1563 г. Иван Грозный обратился к послу со словами: «Юри, говори перед нами безо всякого сумнения! А которые будет речи и полским языком молвиш, и мы то уразумеем!» (РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. № 7. Л. 480 об.—481). Под «речами польским языком» царь, видимо, понимал русский язык Великого княжества Литовского, который считал для себя доступным. При этом никаких прямых свидетельств знания царем Иваном Васильевичем польского языка нет. В июне 1570 г. послы новосозданной Речи Посполитой не скрывали, что речей царя на церемонии «дополна не вразумели, потому что иные руские речи гораздо не узнаем» (СИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 688—689). Посольские дьяки Андрей Щелкалов, позднее — Афанасий Власьев, Тарас Грамотин, возможно, его (как и азы латинского языка) все же знали [Лисейцев, 2003, с. 71; Grala, 2004, s. 424—425]. Возможно также, знали польский некоторые бояре в окружении Ивана Грозного — например, Андрей Курбский. Однако все известные тексты от его имени на польском языке могли быть написаны его секретарями в эмиграции [Ерусалимский, 2018, с. 653—656].

Ситуация усложнилась, когда к власти в Короне Польской и Великом княжестве Литовском пришел Стефан Баторий, который кириллицы не знал, да и по-польски научился понимать с трудом и не сразу. Свое послание царю от 2 августа 1581 г. король отправил в Москву сразу в двух версиях — латинской и кириллической, прямо заявив в конце письма, что не понимает кириллицы и требует равноправия в отношениях: Москва присылает свои письма на кириллице, значит, в ответ должна получать из Речи Посполитой письма на латыни (РГАДА. Ф. 389. Литовская Метрика. Оп. 1. № 591. Л. 575; № 592. Л. 200. Ср.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 13. Л. 265 об.—350; Biblioteka Narodowa w Warszawie. № 6604. К. 1—33; Biblioteka Kórnicka PAN w Kórniku. № 982. S. 44—54; Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (Berlin-Dahlem). НВА 719, Е5; Archivum Romanum Societatis Iesu. Polonia. Opera nostrorum. № 329 I. F. 2—23v). 20 октября 1582 г. в Варшаве король Стефан отказался приносить присягу на кириллической версии Ям-Запольского договора перед московскими послами, и канцлер Великого княжества Литовского О.Б. Волович, упрекнув послов, что они не понимают латыни, читал вслед за присягой короля «припись по-русский» (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 14. Л. 422—422 об.). Деловые языки пересекались в подобных текстах, не создавая ни общей нормы, ни наддиалектного койне. Московиты возмутились для протокола, но приняли как данность. Знание польского языка или участие толмача на переговорах с польскими представителями еще в московской дипломатии начала XVII в. не всегда считалось обязательным. Об этом свидетельствует подробная запись Станислава Немоевского об аудиенции (*отпуске*) Андрея Стадницкого у кн. Д.И. Шуйского (вместо царя Василия Ивановича) в ноябре 1606 г. Шуйский предложил польскому представителю говорить доверительно русской речью (“wszak ty znasz ruskie gowory”) [*Niemojewski S. Diariusz drogi spisanej i różnych przypadków pociesznych i żałosnych prowadząc córkę Jerzego Mniszka, Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606 / wyd. R. Krzywy. Warszawa, 2006. S. 157*]. Стадницкий осторожно усомнился в том, что ему удастся донести суть дела, но обещал говорить доступно. Брат царя понял далеко не все из обращенной к нему пышной речи [*Ibid. S. 167*]. Возможно, резкие слова в адрес брата царя в дневнике Немоевского (он неоднократно назван варваром) — результат раздражения посланника из-за возникшего все же непонимания.

В русском дипломатическом ведомстве уже к началу XVI в. понимали необходимость особого владения молдавским славянским [дискуссию по этому вопросу см.: Суляк, 2016] и русским языком Короны и Литвы [Мозер, 2002; Смирнова, 2011]. Посольский обмен с этими стра-

нами происходил на кириллическом языке, и в Москве могли не замечать каких-то семантических расхождений в московском русском и родственных языках. Однако на практике на этих направлениях выступают толмачи. В феврале 1536 г. на переговоры с представителем Ю.М. Радзивилла в Новое село под Вязмой был направлен толмач Чура (Чюра) Руделев. Позднее он выступает еще дважды в своей должности на переговорах в мае и июле 1536 г. [СИРИО. Т.59. СПб., 1887. С. 17—18, 30—31, 42]. После него толмачи на польско-литовском направлении больше не упоминаются. Видимо, должность была упразднена за ненадобностью. При этом было бы неверно полагать, что различие языков было преодолимым для посольской коммуникации между Российским государством и Великим княжеством Литовским. Приставы и другие посольские служащие на этом направлении набирались с расчетом на их знакомство и, по меньшей мере, частичное владение языками западных соседей. Можно предположить, например, что смоленский воевода Федор Лобан Иванович Слизнаев был родичем литовских шляхтичей Слизнаей [Там же. С. 144—145], пристав Немятой Андреев сын Тишков — родичем Юшки и Офони Тишковых, приехавших на царскую службу вместе с кн. Д.И. Вишневецким [Там же. С. 489—490, 531]. Нередко назначения получали в посольских делах во второй половине XVI в. Корсаковы, которые знали о своем родстве с шляхтичами Корсаками [СИРИО. Т. 71. По указателю]. Смоленскими помещиками были Битяговские и Зубовы [Там же. По указателю]. Неоднократно участвовали в тех или иных литовских миссиях или на переговорах с представителями Великого княжества Литовского в Москве Вороново, Выродковы, Даниловы, Заболоцкие, Казаковы, Карачаровы, Карповы, Квашнины, Нееловы, Перфуровы, Проестевы, Сергеевы, Чихачевы и др. Отсутствие при этом должности толмача не меняет сути работы посольских агентов. Толмачи, как показывает изучение практики на крымском и ногайском направлениях, нередко выступают в роли встречающих и приставов. На литовском направлении уже в 1530-е гг. сложилась обратная ситуация: приставы должны были понимать речь представителей и объясниться с ними. Упразднение должности «литовского» толмача в московском посольском деле означало, что служащие Посольской избы должны были в той или иной мере владеть необходимыми языковыми навыками без помощи толмачей.

С начала Ливонского похода летом 1577 г. к написанию грамот в Речь Посполитую был причастен литвин или местный московский толмач-переводчик, хорошо знавший русский язык Великого княжества Литовского, что и отразилось в грамотах от ноября 1576 г.

(РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 10. Л. 242 об.—245 об.; Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 400 об.—402; № 592. Л. 9 об.—11) и от января 1579 г. (РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 591. Л. 422 об.—424; № 592. Л. 46 об.—48; Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie. МК. LL. № 21. К. 287—292). Видимо, в Москве стремились переписываться с новым королем Стефаном Баторием на более понятном для партнеров языке. Впрочем, часть посланий в этот период написана на московском русском без масштабных вкраплений русского языка Речи Посполитой (например, послание Ивана Грозного Стефану Баторию от 12 сентября 1577 г. и другие письма царя различным корреспондентам в Великом княжестве Литовском лета — осени 1577 г.). К началу XVII в. специалистами по польскому направлению в Посольском приказе были Яков Заборовский и Андрей Итрот (возможно, он же — Грот).

На 1582 г. латынь в элите Московского государства знал сын литвина на царской службе Василий Зюзин, а среди посольских служащих три поляка — Якуб (Яков) Заборович (Заборовский), Якуб Буковский и Криштоф Каевский. Из них первыми двумя был крайне недоволен Антонио Поссевино. Впрочем, из его слов можно понять, что они исполняли переводческую работу по привычному для дипломатии пути — исправляя и снимая наиболее болезненные для Москвы переводимые фрагменты. Поссевино отказался во время переговоров от услуг Вильгельма Поплера и на его место пригласил поляка-литвина Андрея (Анджея) Полонского и русина Василия Замеского [Grala, 2004, s. 423—424].

Я высказывал предположение, что под Ямом-Запольским папскому легату помогал ученый москвит-эмигрант на королевской службе Умар (Марк) Васильевич Сарыхозин. Вскоре после заключения Ям-Запольского перемирия он, видимо, погиб [Ерусалимский, 2018, с. 284—288]. В самом конце XVI в. и вплоть до 1610-х гг. источники отмечают также посольского переводчика латинского и польского языков Андрея Итрота, которого составители «Словаря переводчиков» отождествили с Андреем Гротом [Беляков и др., 2021, с. 120—121].

Я. Заборовский продолжил службу при Посольском приказе после смерти Ивана Грозного и в том же году вместе с Лукьяном Новосильцевым отправился в Империю с траурным известием (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. № 5. Л. 17 и сл., 39 и сл.). Приговор царя об отправлении посольства датирован 25 ноября 1584 г. Грамоты данной миссии относятся к декабрю того же года. В Москве посланники были вновь 15 июня 1585 г.). Яков служил переводчиком еще и в начале XVII в. Его имя встречается в источниках еще в 1613—1614 гг. [Лисейцев, 2003, с. 151, 356; Черникова, 2020, с. 11, 17—18; Беляков и др., 2021, с. 116]. Какой-то

еще Яков по прозвищу Австриец (*Jacobus Austriacus*, *Jacob aff Østrige*) 19 августа 1578 г. беседовал в Александровой слободе с прибывшими послами Фредерика II Датского, видимо, по-немецки, заправски вспоминая происшествия на церемонии у царя несколько лет тому назад (*Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой, под ред. В.В. Рыбакова; отв. ред. Дж. Линд, А.Л. Хорошкевич. М., 2002. С. 193, 251, 317). И еще раз встречаем толмача Якова в сопровождении посольства Я. Молвянинова в Рим в 1582—1583 гг. [Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. По указателю]. Спутник Я. Молвянинова и А. Поссевино в Империю и Рим — безусловно, Яков Заборовский: именно так его имя прозвучало в латинском переводе грамоты Ивана IV папе Григорию XIII от марта 1582 г. и в письме А. Поссевино Ивану IV от 8 декабря 1582 г. В первом из названных посланий названо и отчество Якова: “*Interpres Iacobus Valentini filius Zaborowski*” (РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. № 1. Л. 430 об.—434 об.; № 2. Л. 171 об.—173; *Archivio Apostolico Vaticano. Miscellanea. Armadio II. T. 117. F. 30—30v; Segreteria di Stato, Polonia, t. 15A. F. 298—299; Segreteria di Stato, Polonia, t. 17A. F. 16—16v; Germania, t. 93. F. 366—366v (Иван IV — Григорию XIII. Москва, март 1582 г.); ARSI. Polonia. ON. № 329 II. F. 380v—381v; ASV. Segr. Stato. Polonia 15B. F. 78—80v, (Благодарю за консультацию С.Г. Яковенко)). Вряд ли перед нами в свидетельстве 1578 г. неизвестное другим источникам лицо, учитывая немалый вес этого Якова. Можно предположить, что и «австриец» из записок Я. Ульфельдта — это тоже Яков Заборовский. Если этот ряд суждений верен, перед нами Яков Валентинович Заборовский, а начало его службы следовало бы отнести к 1578 г. или даже на несколько лет ранее (В январе 1576 г. Михаил Долматов передал от Даниила Принца и Иоганна Кобенцля грамоту к царю с просьбой, в числе прочего, «дати опасную грамоту толмачу Валентину, по чему б ему назад сюды приехати было и Его Велможнейшеству царская коруна привести и иные дорогие узорочья» (ПДС. Т. 1. Стб. 539). Неясно, идет ли речь о толмаче Валентине (например, об отце Якова) или о самом же Якове Заборовском, учитывая, что отчество иногда использовалось в Москве XVI в. вместо первого имени), а его рабочими языками считать не только польский и латинский, но и немецкий, что вполне вероятно, учитывая известные поручения Якова на имперском направлении [Беляков и др., 2021, с. 116]. Такого же профиля знатоком немецкого и польского был в начале XVII в. переводчик Юрий Якушевский [Там же, с. 227—228].*

На всем протяжении правления Ивана Грозного и позднее в правление Федора Ивановича и Бориса Годунова на польско-литовском

направлении российской дипломатии сохраняли значимость латинский, польский и русский язык Великого княжества Литовского и Короны Польской. Впрочем, попытка Стефана Батория навязать Москве переписку на латинском языке (аналогичные попытки ранее осуществлялись контрагентами России и на других направлениях) была результатом временного обострения отношений, а не продуманной политики со стороны Варшавы. Значительный штат польских переводчиков Посольскому приказу не требовался, поскольку основная переписка продолжала вестись на кириллическом языке. При этом, как показано выше, приставы и другие агенты Посольского приказа могли в силу своего происхождения понимать русский язык соседей и выполнять миссии без дополнительной подготовки, которая, несомненно, требовалась на ряде других европейских направлений. Благодаря таким заметным приказным деятелям, как Юрий Якушевский и ныне идентифицированные Я.В. Заборовский и А. Грот (Итрот), польско-литовское направление смыкалось с имперским, датским, итальянским, а возможно, и с другими. И это также объяснимо — специалист по языкам крупнейшего политического соседа России, Речи Посполитой, был востребован в Москве для контактов со многими странами Европы, и Посольский приказ эту задачу посильно для себя решил.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / науч. ред. А.А. Романова. М., 2021.
- Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018.
- Кром М.М. Судьба авантюриста: Князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98—115.
- Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Мозер М. Что такое простая мова? // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2002. Vol. 47.3. № 4. С. 221—260.
- Смирнова Е.А. «Проста мова» как лингвистический феномен: (реконструкция глагольной системы на материале Евангелия Тяпинского). Дисс.... канд. филол. наук. М., 2011.
- Суляк С.Г. О языке славяно-молдавских грамот XIV—XVII вв.: (к историографии вопроса) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4(42). С. 73—97.
- Черникова Т.В. Международные династические проекты в России времен царствования Федора Иоанновича // *Россия и современный мир*. 2020. № 1(106). С. 6—32.
- Grala H. Łacina jako język dyplomacji: casus wczesnonowożytnej Moskwy // *Łacina jako język elit* / red. nauk. J. Axer. Warszawa, 2004. S. 421—427.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 20—18—00432.

Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский

Имя Ильи Федоровича Копиевского (ок. 1651 — 23 сент. 1714) известно преимущественно в связи с петровским Великим посольством в Голландию и изданием в амстердамской типографии Тессинга первых русских учебных книг [Пекарский; Быкова; Nowak]. Что касается более раннего и более позднего периодов его биографии, то о них историки знают совсем немного. Статья отчасти восполняет этот пробел, подробно рассматривая события последних семи лет его жизни, в течение которых Копиевский исполнял обязанности переводчика Посольского приказа. Что говорят дошедшие до нас документы о нем этих лет? Какие сочинения он переводил? Что стало с их рукописями после его смерти? Почему ни один из его переводов не был опубликован?

О первых сорока пяти годах жизни Копиевского известно очень немного. По косвенным данным можно заключить, что родился он около 1651 г. в землях Великого княжества Литовского в семье мелкопоместного шляхтича протестантского вероисповедания. Где именно, точно не установлено. Скорее всего, это было местечко Кайданов Минского воеводства, где во второй половине XVII — начале XVIII вв. жил род Копиевичей, из которого вышло несколько лиц духовного звания [Nowak, s. 46—47]. Это предположение подтверждает недавно обнаруженная в метрических книгах кальвинистской церкви Кайданова запись от 15 октября 1676 г. о браке Ильи Копиевского с местной дворянкой Еленой Жидович. Здесь же имеется и другая, о регистрации брака Регины Копиевич (скорее всего, сестры Ильи) с неким Павлом Жарнавцем, также происходившим из семьи протестантских пасторов [Собрание белорусской шляхты; Konarski, s. 356].

По-видимому, с шести лет Илья ходил в одну из кальвинистских школ, где тогда обучали чтению и письму на польском, литовском и русском языках (в белорусских землях), а также основам латыни, счету, катехизису и закону Божьему [Nowak, s. 47]. О том, что произошло с ним дальше, известно с его собственных слов [Строев, с. 179—180]. Из них следует, что во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Алексей Михайлович взял под защиту поместье его отца, однако вопреки государевой воле оно было захвачено одним

из русских воевод, который, очевидно в расчете позднее получить выкуп, увез Илью в новгородские земли. Из плена Копиевскому вскоре удалось бежать, вероятно, в Москву, где он прожил несколько лет — до возвращения на родину в 1666 г. Его радость от освобождения была, однако, омрачена новым несчастьем. Как писал впоследствии он сам, по возвращении в родные края «иезуиты, попы Римския веры» обвинили его в измене и убедили короля Казимира отобрать у него родовое имение.

Из других источников мы знаем, что в следующие годы Илья учился в Слуцкой протестантской гимназии и затем работал в ней лектором (преподавателем) младших классов [Глебов, с. 183]. Очевидно, вскоре после женитьбы в поисках лучшей доли он перебрался в Амстердам — тогдашнюю «Мекку» для эмигрантов протестантского вероисповедания со всей Европы. О первых годах его жизни на новом месте историкам ничего не известно. Самые ранние сведения о ней относятся только ко второй половине 1690-х гг. В это время Копиевский называл себя «человеком духовного чина», т.е. священником Голландской реформатской церкви кальвинистской деноминации (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1). С его слов мы также можем заключить, что еще до приезда в Голландию Петра в августе 1697 г. он имел какие-то связи с российскими властями [Строев, с. 179].

Встреча в Амстердаме с Петром и его окружением круто изменила жизнь Копиевского. В конце 1697 г. он отказался от карьеры священника и целиком отдался исполнению петровского замысла по просвещению россиян: преподаванию, переводам и составлению учебных книг (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 67. Л. 1—2). Прибывших в Голландию с Петром дворян и «волонтеров» он учил иностранным языкам, морскому делу, астрономии и другим «наукам и искусствам». А параллельно с преподаванием работал еще над переводами древних авторов и составлением учебников. За несколько месяцев им были подготовлены краткие пособия по мореплаванию, астрономии, арифметике, латинскому языку и грамматике. Некоторые из них он использовал во время занятий с учениками, очевидно рассчитывая, что Петр в дальнейшем поручит ему стать их издателем.

Вопреки ожиданиям Копиевского, привилегию на печатанье в Амстердаме русских книг Петр выдал Яну Тессингу — купцу, не имевшему отношения ни к ученым занятиям, ни к книгоизданию [Зарецкий 2020, с. 261—262; Зарецкий 2021, с. 380]. Почему Петр сделал такой выбор? Скорее всего, из экономических соображений: тратить госу-

дарственные деньги на создание русской типографии за границей он не хотел, а у Тессинга, в отличие от неимущего Копиевского, денег было предостаточно. После получения Тессингом привилегии 17 мая 1698 г. Копиевскому ничего не оставалось, как начать сотрудничество с купцом в качестве наемного работника [Зарецкий 2020, с. 267—269]. И хотя такой статус в этом петровском начинании его явно не радовало, он энергично взялся за дело. Не вызывает сомнений, что именно Копиевским была проделана основная работа по созданию русской типографии в Амстердаме и печатанью в ней своих книг.

И хотя большинство этих книг содержало всего по несколько десятков страниц, огромный объем работы, проделанной им в это время, не может не удивлять: за несколько месяцев Копиевским была подготовлена к печати и опубликована целая серия учебных изданий. Вряд ли в его распоряжении имелись славянские рукописные книги светского содержания — единственные источники для поиска аналогов европейской ученой терминологии в то время. Следовательно, помимо прочего, ему пришлось самому эти русские аналоги создавать, то есть еще и изобретать русский научный язык [Nowak, s. 54].

В итоге с 10 апреля 1699 г. по середину 1700 г. благодаря трудам Копиевского из типографии Тессинга вышло семь книг. Это были учебники по всемирной истории [Копиевский. Введение краткое во всякую историю], арифметике [Копиевский. Краткое и полезное руководство во арифметику], астрономии [Копиевский. Уготовление и толкование... поверстания кругов небесных], два словаря [Копиевский. Номенклатор на латинском, русском и голландском языках]; [Копиевский. Номенклатор на латинском, русском и немецком языках] и два перевода с латыни — трактата о военном искусстве византийского императора Льва Миротворца [Лев VI Мудрый] и басен Эзопа [Эзоп].

Летом 1700 г. после выхода обоих словарей сотрудничество Копиевского с Тессингом прекратилось (судя по всему, в результате конфликта между обоими), и он решил создать собственную типографию. Для реализации этого плана он обратился за помощью к другому амстердамскому купцу, Яну де Ионгу [Пекарский, с. 16, 528; Raptshinsky]. Однако его партнерство с де Ионгом также оказалось недолгим: в 1702 г. между ними возник спор, завершившийся судебным разбирательством и арестом типографии Копиевского [Быкова, с. 327, 337]. До их окончательного разрыва Копиевский издал три книги: учебник латинской грамматики [Копиевский. *Latina grammatica*], панегирик на взятие Петром Азова [Копиевский. *Слава торжеств и знамен побед*] и перевод пособия по навигации [Деграф].

Арест типографии и безденежье вынудили Копиевского искать новые возможности для применения своих знаний и опыта по изданию русских книг. С этой целью в начале 1702 г. он отправился в Берлин для переговоров с Прусским научным обществом о создании при нем русской типографии. На этих переговорах, затянувшихся на несколько месяцев, шло обсуждение конкретных условий контракта, окончательная редакция которого была вынесена для обсуждения на пленарных заседаниях Общества 18 и 24 августа, проходивших под председательством Готфрида Лейбница. После этого переговоры между Копиевским и Обществом некоторое время продолжались заочно, пока в ноябре по каким-то причинам не были прерваны окончательно [Быкова, с. 329—332]. Несмотря на их провал, Копиевский не оставил надежд на возобновление издательской деятельности. Как можно судить по дальнейшим событиям, его первоочередными задачами стали выкуп арестованной в Амстердаме типографии и поиск других организаций и лиц, заинтересованных в печатании славянских книг.

Испытывая серьезные материальные трудности, в ноябре 1702 г. по приглашению русского посла в Дании А.П. Измайлова он переехал из Берлина в Копенгаген. Этот переезд мало что изменил: кроме переводов, гонораров за которые ему едва хватало на жизнь, никакой помощи от русской дипломатической миссии он не получил. Зато в Копенгагене возобновились его переговоры с немецкими пиетистами, заинтересованными в издании своей литературы на русском языке. В результате в феврале 1704 г. при посредничестве немецкого филолога-слависта Генриха Лудольфа Копиевский заключил договор о продаже центнера своих шрифтов известному богослову и педагогу, профессору университета в Галле Августу Франке [Быкова, с. 32—333].

Сделка с Франке на некоторое время избавляла Копиевского от безденежья, но не давала надежды на получение постоянного заработка от издания русских книг в будущем. Настойчиво продолжая поиск такой возможности, в середине 1705 г. из Дании он перебрался на север Польши, в Гданьск. Причиной очередной смены местожительства был интерес к печатанью русских календарей, проявленный профессором математики Торуньской гимназии Павлом Патером [Nowak, s. 73—74]. Что касается выбора Копиевским Гданьска, а не Торуня, то он, скорее всего, обусловлен его издательскими планами, осуществить которые было можно только в большом городе, имеющем богатые библиотеки. Впрочем, в Гданьске Копиевскому удалось написать и издать только одну последнюю свою

книгу — адресованное иностранцам введение в русскую грамматику [Копиевский. Руковедение в грамматику].

Дальше в биографию Копиевского вмешиваются военные действия, развернувшиеся на территории Польши в ходе Северной войны. В марте 1707 г. в Торунь расположилась штаб-квартира войск русского генерала Карла Ренеке, и находившийся в двухстах километрах севернее Торунь Гданьск оказался под контролем русской военной администрации [Nowak, s. 79]. Это обстоятельство, по-видимому, и обусловило последний поворот в его судьбе.

Летом этого же года Копиевский отправился из Гданьска в Варшаву, где в то время находился Петр. Там он подал прошение о поступлении на государственную службу и после принятия присяги 30 августа был зачислен переводчиком в Посольский приказ. Поскольку помимо традиционных для документов подобного рода формул текст присяги Копиевского содержит конкретные детали, относящиеся к его биографии, приведу его целиком:

«Понеже Пресветлейший и Державнейший Великий Государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, самодержец Всероссийский и прочае и прочая изволил меня нижеподписанного принять в службу свою для книжных и иных переводов, которые трудами моими могут и печататься во всякой исправности, того ради обещаю и кленуся Богом, истинным Учителем, что его царскому величеству в пребывающее время той службы во всем верен и благонамерен буду без всякие хитрости, как подобает исправляти великому слуге пред Богом и человек. И о противных и непотребных Московскому Государству делех и ответах кореспонденции и книг не иметь, и ни которого зла или противности чинить не буду, но во всем должен ему, оному государству ползы имать. И по возвращении своему из Гданьска как наискорые по-прежнему быть мне к войскам его царского Величества где оные обретатися имеют, и явитца в Посольской походной канцелярии.

Что учинено при написании руки моей свершав 1707 года месяца августа 30-го дни».

И в конце почерком Копиевского добавлено:

«Илия Копиевский приписал рукою своею, утвержая выше писаное» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1707 г. Д. 47. Л. 1—1об.).

Из содержания документа можно заключить, что составлен он был в Варшаве, где в то время находилась Походная канцелярия Посольского приказа, и что Копиевскому вскоре после 30 августа предстояла поездка в Гданьск.

По возвращении из Гданьска Копиевского прикомандировали к генерал-поручику артиллерии Якову Брюсу, в то время по распоряжению Петра занимавшемуся переводами [Петр I, с. 755—756]. Очевидно, что с самого начала это назначение не радовало ни самого Копиевского, ни его начальника. О недовольстве им Брюса можно судить по его письму Петру, написанному в конце мая 1708 г., где он предлагал перевести Копиевского в Москву под начало Гаврилы Головкина. Брюс писал, что в Москве от переводчика будет больше пользы, и даже предлагал названия книг, над которыми он мог бы там работать: «Вашему величеству всеуниженно доношу, что уже тому с два месяца прошло, как явился у меня Копиевич, который при мне живет без всякого дела, потому что мне в нем никакие помощи нет, для того что языку Немецкому неискусен; а зело б ему было кстати переводить книги Полские летописные, також и геометрическую, которая по приказу вашего величества, я, купя, отдал, будучи в Варшаве, в Посолскую канцелярию; того ради не лутче-ли его отослать к Гавриле Ивановичю [Головкину], понеже мне ненадобен, о чем вашего величества повеления ожидати буду» [Петр I, с. 756].

Почти одновременно к Петру с похожей просьбой обратился и Копиевский, объясняя ее своей усталостью от разъездов и желанием регулярно получать установленный ему размер жалованья: «И по сие число живу я без дела, и где мне вашего величества годовое жалованье брать, того не определено... И быть мне в походе при старости невозможно... Всемилостивый государь! Прошу вашего величества, да повелит державство ваше во определении дела моего быть за старостию в ином месте кроме здешняго походу, и чтоб вашею превысочайшею и щедролубивою милостию в совершенство был делом и вашего величества жалованьем определен» [Пекарский, с. 528—529].

Оба прошения были Петром удовлетворены, хотя и не сразу: по распоряжению Головкина Копиевского отозвали из Смоленска в Москву только спустя несколько месяцев, 4 сентября 1708 г. Ему был установлен ежегодный оклад и дано первое задание — во исполнение государевой воли переводить «Введение в европейскую историю» Самуэля Пуфендорфа: «Господин Копиевской! По получению сего, изволь ехать из Смоленска с приложенным при сем письмом к Москве и явись в Посольском приказе дьяком и Секретарю, ибо определено тебе быть в том Посольском приказе для переводу книг, и давать жалованья по трактату (по 200 р. на год)... и приехав к Москве, сыщи Гисторию Буфендорфову Латинскую или Немецкую и

переводи оную на Русской язык (ибо Его Царское Величество оной изволит нужно требовать)» [Токмаков, 1886, с. 75].

В приложенном к этому распоряжению письме говорилось, что по прибытии Копиевского в Москву секретарю и дьякам надлежит составить «указ Великого Государя, что ему быть в службе Его Ц.В. в Посольском приказе для переводу книг с иностранных языков (которых он умеет, а именно Латинскаго, Немецкаго и Голанскаго) на русской...» [Токмаков, 1886, с. 75]. Еще из одного документа Посольской канцелярии узнаем, что 27 сентября 1708 г. Копиевский явился с этим письмом в Приказ, и уже на следующий день указ о его назначении был готов [Токмаков, 1886, с. 76].

О жизни и работе Копиевского в Москве нам известны лишь отрывочные сведения. В частности, что помимо своих основных занятий по переводу истории Пуфендорфа и каких-то сочинений еще (о них будет сказано дальше), он участвовал в испытаниях на знание иностранных языков соискателей должностей в Посольском приказе и составлял челобитные с жалобами на своих обидчиков. В 1710 г. он принимал экзамен у Петра Ларионова, которого учил еще в Амстердаме, и отец которого теперь в качестве старшего подьячего ведал первым повытьем Посольского приказа [О немецких школах в Москве, с. 243—244; Серов, с. 53]. После учебы у Копиевского Ларионов-младший в течение нескольких лет продолжал обучение в Европе и затем два года проработал в российской дипломатической миссии во Франции. По возвращении в Москву он подал в Посольский приказ прошение о назначении на должность, соответствующую его знаниям и опыту («чином и государевым жалованьем против наук моих и трудов»). На основании этого прошения 11 января 1710 г. было решено «освидетельствовать его в науке иностранных языков». Назначенная для этого экзаменационная комиссия состояла из трех переводчиков приказа: Михаила Шафирова (младшего брата вице-канцлера барона П.П. Шафирова), Матвея Белецкого и Ильи Копиевского. Эти трое проверили Петра на знания латинского, немецкого, французского и голландского языков и пришли к заключению, что он «в науках оных языков искусен и переводчиком тех языков может быть свободно» [О немецких школах в Москве, с. 244].

Среди дошедших до нас рукописей Копиевского большую часть составляют жалобы на нанесенный ему разными людьми материальный и моральный ущерб. К нескольким, составленным еще в Амстердаме в конце 1690-х гг., в Москве прибавились другие, дающие представление о невзгодах его новой жизни. В первой из них, подан-

ной 20 октября 1709 г., Копиевский жалуется на иноземца, золотых дел мастера Петра Вилнета, не вернувшего ему часть денег за взятые узду, хомут и сани. Эта жалоба была удовлетворена, и ущерб в размере 3 руб. ответчик возместил (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 130. Л. 1—1об.).

Спустя несколько месяцев, в феврале 1710 г., Копиевский составил другую жалобу — на полковника Чамардина, который еще в 1707 г. отобрал у него под Гданьском две штуки дорогостоящего швабского полотна, купленного по поручению графа Г.И. Головкина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 19. Л. 1—1 об.). В той же челобитной содержится вторая жалоба — на трех лиц, продающих его книги в Москве без его ведома и согласия. Он называет в ней имена двух купцов и своего коллеги, переводчика Посольского приказа: «Паче же вины мне купецкой человек господин Иван Иванов сын Фоншведен за книги мои, которых я [т]искал в Амстердаме... а ныне из тех книг моих присмотрил в продаже здесь на Москве Посолского приказа у переводчика у Веденилта Шиленга, и корыстуютца они ими. Да у купецкого иноземца у Елисея Клюка, а мне чинят обиду немалую и разорение, которое нимало за оные книги заплатити хотят ниже обещаются». Известив государя об этом обмане, он просит его поступить по справедливости: «прошу Вашего Величества, да поволит державствие ваше оных вышеименованных должников моих во взятых моих и напрасно владеющих вещах сыскать и допросить, и свой милостивый монарший указ учинить». О результатах рассмотрения этой жалобы, также, как и первой, ничего не известно.

Последняя из челобитных Копиевского московского периода его жизни, от 18 сентября 1710 г., содержит обвинение некоего «шведа-полонянина» Яна Меера в том, что он избил его человека и отнял у него лошадь с телегой. Как следует из документов, жалоба эта не была рассмотрена, поскольку ответчик ко времени ее подачи в Посольском приказе уже не числился — «В Посольском приказе отвечать невозможно для того, что ведом он в Сибирском приказе» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 47. Л. 1).

Кое-что о жизни Копиевского в Москве можно также узнать из документов, составленных после его смерти. Все они недвусмысленно свидетельствуют об одном: достатка в его доме не было. В прошении его вдовы, составленном 8 октября 1714 г., сообщалось, что от мужа ей осталось множество долгов, вернуть которые она не в состоянии («муж мой умре, а после ево остались долги многие, и мне, рабе Вашей, немочно тех долгов после ево оплатить»). И к этому добав-

лялось, что в доме покойного нет денег даже на его похороны («чтоб его погребсти») (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1714 г. Д. 29). О долгах Копиевского и бедственном положении осиротевшей семьи говорится и в другом прошении его вдовы, поданном в январе 1715 г. — о выдаче годового жалованья покойного (РГАДА. Ф. 138. 1715 г. Д. 8). Наконец, последнее свидетельство о неблагоприятном материальном положении его семьи находим в протоколе допроса вдовы Копиевского в Посольском приказе 15 октября 1715 г. В ходе этого допроса Марья Андреевна, помимо прочего, сообщила, что в счет долга в 8 руб. она была вынуждена заложить «з десять» оставшихся после мужа латинских книг «жене Фонзалена» (возможно, имея в виду жену инженера-полковника, «немчина» Вильяма фон Залена) [Токмаков, 1885, с. 80]. Вряд ли все эти свидетельства следует интерпретировать как то, что жалованье переводчика Посольского приказа в 200 руб. в год было недостаточным для содержания его семьи. Скорее всего, дело было в его неумении распоряжаться деньгами.

О переводах, над которыми работал Копиевский с 1707 по 1714 г., как и об обстоятельствах его жизни в Москве, имеются только фрагментарные известия. Причем во многих случаях невозможно установить, какие из этих переводов он начал (или даже завершил) до поступления в приказ, а к каким приступил, уже находясь в должности. Ясность имеется только в отношении «Введения в европейскую историю» Самуэля Пуфендорфа — сочинения, которое ему было поручено переводить в начале службы. Работу над ним он, скорее всего, не завершил. Во всяком случае, у нас имеется свидетельство, что в бумагах Посольского приказа в 1715 г. оставалась его незаконченная рукопись («в Посольском приказе сысканы тетради, перевод с книги Пуфендорфа введение в историю неполной») [Токмаков, 1885, с. 81]. Сохранилась ли эта рукопись до сегодняшнего дня, неизвестно. Зато мы знаем, что через пять лет после смерти Копиевского История Пуфендорфа была напечатана в Санкт-Петербурге в переводе Гавриила Бужинского [Пуфендорф].

Точно известно, что сохранился другой перевод Копиевского, скорее всего, начатый им задолго до поступления в приказ — «История Александра Македонского» Квинта Курция Руфа (НИОР БАН. Ф. 15. Д. 31); [Исторический очерк и обзор, с. 410]. Он упоминается во всех трех списках книг, опубликованных Копиевским, как подготовленный к печати. В первом и втором этот перевод значится как «Квинтус Курций о великом Александре» и «Квинтус Курциуш о великом Александре Македонском», а в третьем, состоящем только из

латинских названий, — Quintus Curtius Rufus de rebus Alexandri magni, russica. In quatro.

Здесь нужно пояснить, что декабре 1699 г. Копиевский направил Петру список книг из 21 названия, распределенных по трем разделам. Первый включал те, которые он «по указу пресветлейшаго и великаго государя в Амстеродаме писал, и в друк, или печать, издал» (4 названия); второй — «которые в друк идут» (13 названий); третий — которые «еще не совершены» (4 названия). Десять книг из этого списка Копиевский напечатал (они названы выше), остальные либо остались не изданными, либо работа над ними так и не была им начата. В 1700 и 1706 гг. список 1699 г. с изменениями и добавлениями был воспроизведен Копиевским в двух его книгах. Все три опубликованы П.П. Пекарским [Пекарский, с. 523—526]. Можно предположить, что, как и в случае с Историей Пуфендрфа, перевод Квинта Курция издан не был из-за его неудовлетворительного качества. Само же сочинение римского писателя в первой четверти XVIII в. было трижды напечатано гражданским шрифтом в переводе неустановленного автора: два раза в Москве и один в Петербурге, причем оба московских перевода вышли еще при жизни Копиевского [Книга Квинта Курция].

Любопытные сведения, связанные с переводом Квинта Курция, можно найти в челобитной Тессинга Петру от июля 1698 г. Недавно получив привилегию на печатанье русских книг, он заверял в ней царя, что с усердием приступил к делу. В частности, уже начал переводить жизнеописание Александра: «Аз не щажу ни трудов, ни убытков для продолжения сего дела охотою и ревностию, и чаю начать сие житием и мужественными делами Александра Великого, описанных через Квинтуса Курцыуса, которая аз с латинского на московской язык перевожу и намерен тебе, моему государю, покорнейше принести и приписать» [Богословский, с. 429]. Вряд ли следует сомневаться в том, что Тессинг здесь лукавил. Прежде всего потому, что его знаний разговорного «московского языка» было недостаточно для перевода сочинения римского писателя, а церковнославянского он и вовсе не знал. Такое заключение подтверждает и то, что сама его челобитная была написана не на русском, а на немецком языке (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4. Л. 6—6 об.). Скорее всего, купцу было известно, что летом 1698 г. Копиевский уже переводил историю Александра, и он захотел приписать авторство этого перевода себе.

Гораздо меньше определенности имеется в отношении других переводов Копиевского, несколько упоминаний о которых встречается в

архивных документах. Что это были за сочинения? Дошли ли они до нас? По сообщению его вдовы, среди завершенных Копиевским переводов были три катехизиса. Вызванная 19 октября 1715 г. в Посольский приказ на допрос, она свидетельствовала, что это «три книги катизмусы», которые ее муж «сочинил и написал на словенском языке своею рукою... о разных верах, выбирая из разных книг с латинского, с галанскаго, с полского языков» [Токмаков, 1885, с. 80]. Эти рукописи, по ее утверждению, были переданы после его смерти П.П. Шафирову [Токмаков, 1885, с. 81]. Поскольку ни в одном из упомянутых списков книг Копиевского катехизисы не значатся, можно предположить, что он начал работать над ними после 1706 г., то есть уже в Москве.

Сохранились ли какие-то из них? Исследователи отвечают на этот вопрос скорее положительно. Ю.К. Бегунов считал, что Копиевскому принадлежат два неподписанных перевода кальвинистского катехизиса: рукопись одного находится в РГАДА, другого — в Библиотеке Хельсинкского университета [Бегунов, с. 122—123]. Еще одна рукопись перевода кальвинистского катехизиса, также неподписанная, выявлена в библиотеке дублинского Тринити-колледжа Л. Ронки де Микелис. Итальянская исследовательница считает, что Копиевскому может принадлежать и перевод «Бельгийского исповедания» — вероучительного сочинения, составленного в 1561 г. валлонским пастором Ги де Бре, рукопись которого также хранится в Библиотеке Хельсинкского университета. Она признает, что для безусловного признания Копиевского его автором оснований недостаточно, однако вполне допускает такую возможность [Ронки де Микелис, с. 593—594, 598—600].

Через некоторое время после допроса 19 октября вдова Копиевского Марья Андреевна принесла в приказ черновики переводов каких-то книг Ветхого и Нового Заветов. Как записано в протоколе, «после скаски принесла в Посолской приказ Ильи Копиевскаго жена тетради черные: перевод с краткого собрания Божественного писания Ветхого и Нового Заветов» [Токмаков, 1885, с. 80]. О чем здесь идет речь? В первом списке книг Копиевского 1699 г. значатся два названия, которые можно соотнести с «кратким собранием Божественного писания»: «Библиа русская и латинская» в разделе подготовленных к печати, и «Конкорданция на русском языке» в разделе запланированных. В списке 1700 г. — одно, «Конкорданция на русском языке на всею библию московскую», также в разделе запланированных. Наконец, в списке 1706 г. в разделе подготовленных к печати значится «*Biblia sacra in lingua sclavonica ad ordinem seu versus redac-*

ta. In folio» и в разделе еще незавершенных — «Concordantiae bibliorum in lingua sclavonica perficiuntur» [Пекарский, с. 525—526]. Может быть, Марья Андреевна принесла в приказ именно библейскую симфонию/конкорданцию? О том, что Копиевский составлял-таки упомянутую во втором и третьем списках симфонию к Библии, говорил и Ю.К. Бегунов, однако без каких-либо документальных подтверждений сказанного [Бегунов, с. 123]. Из той же протокольной записи о посещении Марьей Андреевной приказа следует, что она принесла туда и мужнину рукопись незаконченного латинско-польского словаря («лексикон латинополской неполной») [Токмаков, 1885, с. 80]. Никаких ее следов пока не обнаружено.

Существует еще одна категория переводов Копиевского. Это те названия работ, которые либо упоминаются им самим, либо приписываются ему исходя из историко-филологического анализа анонимных рукописей. В состав упоминавшегося раньше конволюта Славянского фонда Библиотеки Хельсинкского университета помимо кальвинистского катехизиса входит также перевод брошюры Карела Алларда об английской «Славной революции» 1688—1689 гг. и приезде Вильгельма III Оранского в Гаагу [Beschryving der Eerpoorten]. Ю.К. Бегунов, посвятивший его анализу специальную работу, полагал, что он вполне мог принадлежать Копиевскому [Begunov, p. 68—70].

В списке книг Копиевского 1706 г. как подготовленная к печати значится “Vestibulum Comenii latine, germanice et russice. In 8” [Пекарский, с. 525]. Чешский историк А. Чума считал, что этот перевод знаменитого «Преддверия» Яна Амоса Коменского был Копиевским завершен, однако его дальнейшая судьба неизвестна [Чума, с. 42—43]. Сегодня с большой долей уверенности можно утверждать, что, если он действительно был завершен, то остался неизданным.

Исследователи XIX в. высказывали мнение, что Копиевскому может принадлежать также перевод приложений к сочинению по географии неизвестного автора из рукописного собрания Соловецкого монастыря [Описание рукописей Соловецкого монастыря, с. 576]. Составители описания рукописи с этим переводом полагали, что приложения предназначались для книги, вышедшей на Московском печатном дворе в 1710 г. без указания имени автора [География или Краткое земнаго круга описание]. Однако сегодня обоснованность такого предположения вызывает у специалистов сомнения [Савельева, с. 230, примеч. 21].

Во всех трех списках своих книг Копиевский назвал еще один перевод, с русского на латинский, — «Синописис» Иннокентия Гизеля. О высокой степени его завершенности можно гипотетически судить

по подробному латинскому названию сочинения в списке 1699 г., напоминающему титульный лист книги: «Synopsis exhibens originem sclavonico Rosseanae celeberrimae gentis tum urbis Kioviae ac principum ejus, aut vitam et gesta potentissimi ducis Wladimiri et successors ejusdem imperii, usq. ad magnum Imperatorem Alexium Michailovecium, utriusq. Russiae absolutum dominium. Ex sclavonica veritate latine reddita» [Пекарский, с. 524—525]. Во втором списке, 1700 г., Копиевский объявил, что этот перевод он уже закончил: «Синописис киевская, на латинский язык переведена» [Пекарский, с. 524—525]. На то, что он был закончен, указывают и некоторые историки, не приводя, правда, никаких документальных подтверждений этого [Гизель, с. [6]; Ерёмин, с. 212]. Никаких упоминаний о существовании латинского перевода «Синописиса» петровского времени в каталогах архивов и библиотек мне разыскать не удалось. Не слухавил ли Копиевский, объявив о завершении этой работы?

Тот факт, что за время службы в Посольском приказе Копиевским не было опубликовано ни одного перевода, дает основания говорить о частичной утрате им работоспособности, в частности, вследствие ухудшения его психического здоровья [Быкова, с. 340]. О случавшихся с ним раньше душевных расстройствах он говорил и сам, объясняя их непомерными трудами по изданию своих книг: «Умолчу же о неразумивых типографах, которых нужда бысть учить мне самому, и их ради неумелости, во мнозе *преогорчих душу мою*» [Копиевский. *Latina grammatica*]; «избыточных ради трудов *преогорчих душу мою*, сам един труждаяся и в строении книг, и в друкарне, обучая мастеров в сиевом деле») [Дегграф].

Свидетельства его странностей или, по крайней мере, крайне эксцентричного нрава, обнаруживаются также в письмах Копиевского. Лучшим примером здесь может быть послание, отправленное им Королевскому Прусскому научному обществу во время переговоров о создании русской типографии в Берлине. В самом начале этих переговоров одним из условий своего согласия на сотрудничество Копиевский объявил включение его в состав ученой ассоциации в качестве полноправного члена. Теперь, когда ему в этом было отказано, он представил этот отказ как желание ученых мужей нанять его в качестве «поденного работника», заявил о своем намерении прекратить переговоры, однако тут же высокомерно провозгласил, что, если Общество посчитает это невозможным, то он все же будет готов сотрудничать с ним, однако не по доброму желанию, а по принуждению [Быкова, с. 330].

Странности поведения Копиевского отмечали и его современники. В частности, Генрих Лудольф, который вел с ним переговоры о продаже славянских шрифтов в Копенгагене. В письме к Августу Франке 11 марта 1704 г. он сообщал о непомерной цене, запрошенной Копиевским за свои шрифты, и добавлял, что бедственное финансовое положение несчастного ослабило его умственные способности (*sein Elend den Kopf geschwächt*) [Winter, p. 217]. А еще три года спустя о Копиевском как о «больном мастере» (*kränklichen Meister*) писал Александру Меншикову Генрих фон Гюйссен (правда, не указывая характер его болезни) [Winter, p. 221].

Намеки на неустойчивую психику Копиевского можно обнаружить и в документах о приеме его на службу. Г.И. Головкин после упоминания о государевом распоряжении переводить «Историю» Пуфендорфа давал дьякам и секретарю наказ тщательно контролировать его работу: «и вы в том его *понуждайте, чтоб с прилежанием оную переводил*». Петровский указ о принятии его в должность также заранее предупреждал о трудностях, которые могут возникнуть при выполнении этого распоряжения: «чтобы он, сыскав Гисторию Буфендорфову, с Латинского или Немецкого языка переводил на русское реченье с прилежанием, *и в том его понуждать, дабы он в переводе оной книги продолжения не чинил*» [Токмаков, с. 75, 76].

Не исключено, что нестабильное психическое состояние Копиевского в последние годы жизни мог усугубить и личный кризис. Приведенной текст присяги ясно говорит о том, что, поступая на службу в Посольский приказ, он рассчитывал на продолжение своей издательской деятельности: «принять в службу свою для книжных и иных переводов, *которые трудами моими могут и печататися во всякой исправности*» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1707 г. Д. 47. Л. 1). Не стала ли невостребованность в Москве знаний и опыта Копиевского по изданию русских книг главной причиной потери им прежней удивительной работоспособности?

Литература

Бегунов Ю.К. Копиевский (Копиевич) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. (К-П). СПб., 1999. С. 122—123.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. [М.], 1941.

Быкова Т.А. Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689—январь 1725 г. М.; Л., 1958.

География или Краткое земнаго круга описание. [Москва]: [Московский Печатный двор], Март 1710.

Гизель И. Киевский Синописис. Киев: Тип. Киевопечерской Лавры, 1836.

Глебов И.А. Историческая записка о Слуцкой гимназии. Вильна, 1903.

- Деграф А.* Книга учащая Морского Плавания. Амстердам: Печ. Авраам Бремман, 24 ноября 1701.
- Ерёмин И.П.* К истории общественной мысли на Украине 2-й пол. XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). 1954. Т. 10. С. 212—222.
- Зарецкий Ю.П.* Об отрядах обильных в одном параграфе книги Михаэля Мозера — и не только (Moser M. «Юности честное зеркало» 1717 г. У истоков русского литературного языка. Münster-Wien: LIT Verlag, 2020) // Новое литературное обозрение 2021. Т. 168. № 2. С. 379—386.
- Зарецкий Ю.П.* Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. Т. 133. № 5. С. 257—270.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век М.; Л., 1956. С. 410.
- Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского. Преведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 го. И напечатана. В Москве: [Московский Печатный двор], [окт. 1709]; 2-е стереотипное изд.: [Москва], Дек. 1711; 3-е изд.: ... в Санктпетербурге против тогож первое 1724 году, сентября в 2 день.
- Копиевский И.Ф.* [Номенклятор на латинском, русском и голландском языках. Амстердам: Печ. И.А. Тессинг, 1700].
- Копиевский И.Ф.* [Номенклятор на латинском, русском и немецком языках. Амстердам: Печ. И.А. Тессинг, 1700].
- Копиевский И.Ф.* Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 10 апреля 1699.
- Копиевский И.Ф.* Краткое и полезное руковедение во арифметику. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 15 апреля 1699.
- Копиевский И.Ф.* Руковедение в грамматику, во слянороссийскую или Московскую. Ко употреблению учащихся языка Московского. Штольценберг: Печ. Ф. Гольциус, 1706.
- Копиевский И.Ф.* Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразного поверстания кругов небесных. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, [1699].
- Копиевский И.Ф.* Слава торжеств и знамен побед. Амстердам: [Тип. И.Ф. Копиевского], 12 октября 1700.
- Копиевский И.Ф.* Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis sclavonico-gosseanae adornata. Амстердам: [Тип. Копиевского], 1700.
- Лев VI Мудрый.* Краткое собрание показующее дел воинских обучение. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тессинга, 1 января 1700.
- О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701—1715 гг.): Документы моск. арх., собр. С.А. Белокуровым и А.Н. Зерцаловым. М., 1907.
- Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в Библиотеке Казанской духовной академии: Ч. 2. Казань, 1885.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб, 1862. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946.
- Пуфендорф С. фон.* Введение, в историю европейскую. Печатано в Санктпите-рбурхе, 5 декабря 1718.
- Ронки де Микелис Л.* Из Амстердама в Москву: И.Ф. Копиевский и один русский перевод символических книг голландской реформатской церкви // Русская агиография: исследования. Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 591—602.
- Савельева Н.В.* Из истории одного рукописного сборника (заметки к московско-соловецким культурным связям Петровского времени) // Поэтика рус-

- ской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 220—231.
- Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2008.
- Собрание белорусской шляхты. — URL: <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=2116.0>; <http://www.nobility.by/forum/index.php?topic=3293.0>.
- Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882.
- Токмаков И. Ф.* Дело 1708 г. 4—19 сентября, о бытии в Посольском Приказе Илье Копиевскому при переводе Истории Пуффендорфовой и при прочих с Латинского, Немецкого и Голландского языков переводах / Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1886. № 5. С. 75—76.
- Токмаков И. Ф.* Дело о пожитках и книгах, оставшихся после умершего переводчика Илии Копиевского (1715 г. 19 октября) / Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей // Библиограф. 1885. № 4. С. 80—81.
- Чума А. А.* Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века). Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1970.
- Эзон.* Притчи Эзоповы. Амстердам: Тип. Ивана Андреева Тесинга, 1700.
- Begunov Yu. K.* “Opisanie vrat chesti...”: a Seventeenth-Century Russian Translation on William of Orange and the “Glorious Revolution” // Oxford Slavonic Papers: New Series. Vol. 20. Oxford, 1997. P. 60—93.
- Beschryving der Eerpoorten, in’s Graaenhage opgerecht tegen d’overkomst van William den III. ... Benevens een kort verhaal van de voornaamste zaaken, voorgevallen onder de Regeering van den geweezenen Koning Jacobus, tot aan des zelfs vlucht, na den slag ... by de Rivier de Boyne, etc. Amsterdam: C. Allard, 1691.
- Konarski S.* Szlachta kalwińska w Polsce. Warszawa, 1936.
- Nowak Z.* Eliasz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia // Libri Gedanenses: rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk. T. 2—3 (1968—1969). Gdańsk, 1970. S. 35—86.
- Raptschinsky B.* Russische drukkerijen te Amsterdam. 2. Kopiewski // Maandblad Amstelodamum. 1935. No 3. P. 26—27.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandskunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: западная литература в зеркале русской культуры (XVII—XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2020—2021 г.

Состав восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в.

Состав переводчиков и толмачей Посольского приказа в Москве начал формироваться с момента организации ведомства — 10 февраля 1549 г. [Белокуров, с. 21]. В него были включены лица, знающие западные и восточные языки: древнегреческий, греческий, латинский, английский, немецкий, «цесарский» (австрийско-немецкий), французский, шведский, голландский, польский, «волошский», итальянский, испанский, калмыцкий, татарский, крымский, ногайский, турецкий, хивинский, бухарский, арабский, фарси (РГАДА. Ф. 138).

Наиболее ранние достоверные сведения о составе переводчиков и толмачей Посольского приказа приведены в сочинении Григория Карповича Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», явившегося с конца 1650-х гг. подъячим этого учреждения. Он указал, что «для перевода и толмачества переводчиков латинского, свейского, немецкого, греческого, польского, татарского, и иных языков, с 50 человек, толмачей с 70 человек» [Котошихин, с. 71]. Согласно Белокурову, исследовавшему состав переводчиков и толмачей Посольского приказа, в нем переводчиков в 1617 г. числилось 6 человек, в 1622 — 11, в 1627 — 15, в 1630 — 19, 1673 — 25, 1689 — 22, а толмачей было больше, чем переводчиков: около 40—50-ти человек [Белокуров, с. 64].

До конца прошлого столетия исследователи, интересовавшиеся деятельностью переводчиков и толмачей Посольского приказа, ограничивались в основном данными Котошихина [Капустин, с. 76; Аракин, с. 242] и Белокурова [Сергеев, с. 118; Сабенина, с. 94; Усманов, с. 129, 136], игнорируя важное замечание последнего: «как велико было их (переводчиков и толмачей — Д.К.) число, равно какие языки они знали — неизвестно» [Белокуров, с. 34]. Вопрос оставался открытым, требовались дальнейшие поиски и изучение архивных источников, свидетельствующих о составе и переводческой деятельности переводчиков и толмачей Посольского приказа. В связи этим при исследовании памятников переводной деловой письменности, касающихся дипломатических отношений России с Хивинским и Бухарским ханствами в XVII в. я обратился к материалам фонда 138 «Дела о Посольском приказе и служивших в нем» РГАДА, чтобы определить состав восточных

переводчиков и толмачей [Кулмаматов, 1995]. Анализ источников показал, что основной контингент восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа составляли служилые татары российских городов или русские люди, бывшие долгое время в плену в странах Востока, а также новокрещены, владевшие русским и восточными языками [Кулмаматов, 2020].

Количественный состав переводчиков и толмачей Посольского приказа, в том числе восточных, не был строго фиксированным. В 1622 г. в нем числилось 11 переводчиков с разных языков: двое греческих (Свойтин Каменев, Иван Селунский), один татарский (Суналей Монанаев), один персидский и арабский (Сунчалей Искелев), трое немецких (Тимофей фон Немен, Еремей Еремеев, Вилим Вилимов), один немецкий, шведский и датский (Игнатий Кучин), один шведский (Андрей Петров), один датский (Вульф Яковлев), один польский и латинский (Федор Мозолевский). Кроме того, в приказе состоял 21 толмач с разных языков — 18 татарских (Гаврило Есипов, Семен Лежнев, Федор Мясоедов, Семен Епишев, Василий Досаев, Федор Тырин, Мочак Кучюмов, Гриша Санюков, Офонасей Золотухин, Данило Алишев, Софон Логунов, Иван Ушаков, Роман Родин, Титко Зябрев, Сава Олехин, Андрей Раков, Петр Чаплыгин, Петр Красников), 1 греческий (Христофор Иванов), 2 немецких (Иван Рехтерев, Роман Зеленой) (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1622 г. Д. 2. Л. 3—7). Восточных переводчиков было 3 человека и толмачей — 18, а западных — соответственно 8 и 3, причем отдельные переводчики владели одновременно несколькими западными и восточными языками.

В деле «Два имянные списка Посольского приказу переводчикам, подьячим, золотописцам и толмачам с оклады и с поденным кормом» от 1689 г. указано, что в 1665 г. при думном дьяке Алмазе Иванове и дьяке Ефиме Юрьеве в приказе было 16 переводчиков с разных языков — двое греческих, трое шведских и немецких, трое польских и латинских, один голландский, один арабский и шестеро турецких и татарских. Кроме них в приказе нес службу 41 толмач с разных языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 25, 27). В 1670 г. при боярине Афанасии Лаврентьевиче Ордине-Нащокине числилось переводчиков с разных языков 19 человек, а толмачей — 35 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 28). С 1683 по 1689 г. в Посольском приказе находилось 22 переводчика с разных языков — один эллинский, греческий, волошский и латинский (Николай Спафарий), два греческих (Иван Юрьев, Федор Константинов), один немецкий, латинский и голландский (Леонтий Гросс), три польских и латинских (Семен Лаврецкой, Степан

Чижинский, Стахей Гадзоловский), один французский, венгерский, польский, латинский и белорусский (Иван Тяшкогорский), один английский (Андрей Крефт), два немецких (Тобиас Мейснер, Тимофей Англер), один немецкий и латинский (Юрий Гивнер), один немецкий и шведский (Илья Гифнер), шесть татарских (Кутлоамет Устокасимов, Кучукай Сакаев, Сулейман Тонкачев, Тахтаралей Багинин, Кадралей Сакаев, Резеп Байцын), один турецкий и татарский (Петр Татаринов), один турецкий, татарский и арабский (Дмитрей Сеитов), один калмыцкий (Павел Кулвинский). Одновременно служили 17 толмачей с разных языков — один греческий (Юрий Суханов), один греческий, итальянский и турецкий (Дмитрий Петров), один немецкий и голландский (Андрей Гемс), один французский, турецкий и итальянский (Иван Сидоров), один турецкий, итальянский и греческий (Данило Леншин), один калмыцкий (Семен Иванов), один турецкий и итальянский (Афанасий Постригичев), три татарских (Полуэкт Кучюмов, Василей Козлов, Кузьма Издемирев), один татарский и нагайский (Тарас Иванов), один татарский и хивинский (Петр Хивинец), один татарский и персидский (Авраам Павлов), два турецких и татарских (Кирилл Панфилов, Иван Никитин), один турецкий, татарский и итальянский (Андрей Шербинин), один татарский, турецкий и волошский (Леонтий Посников) (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 1—5, 19—23, 32—34).

31 октября 1689 г. состав переводчиков и толмачей Посольского приказа, в частности восточных, был уменьшен: «Великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич... указали... в государственном Посольском приказе у своих государственных дел быти вперед с сего времени всяких чинов людем по розбору — переводчиком на Москве и с теми, которые живут в порубежных городех, пятнитцати человеком... толмачом пятнатцати человеком». На службе остались переводчики Николай Спафарий (эллинский, греческий, волошский и латинский), Леонтий Гросс (немецкий), Семен Лаврецкий (латинский и голландский), Степан Чижинский (польский и латинский), Иван Тяшкогорский (французский, венгерский, польский, латинский и белорусский), Юрий Гивнер (немецкий и латинский), Андрей Крефт (английский), Федор Константинов (греческий), Илья Гивнер (немецкий и шведский), Петр Татаринов (турецкий и татарский), Дмитрий Сеитов (турецкий, татарский и арабский), Павел Кулвинский (калмыцкий и монгольский), а также трое татарских — Кучукай Сакаев, Сулейман Тонкачев и Кадралей Сакаев. Из толмачей продолжили службу греческий Юрий Суханов, турецкий, итальянский и греческий Даниил Леншин, немецкий и голландский Андрей Гемс, французский, турец-

кий и итальянский Иван Сидоров, турецкий, татарский и итальянский Андрей Щербинин, татарский, турецкий и волошский Леонтий Понников, турецкий и итальянский Афанасий Постригичев, турецкий и татарский Кирилл Панфилов, турецкий и татарский Иван Никитин, татарский и нагайский Тарас Иванов, татарский и персидский Авраам Павлов, татарский и хивинский Петр Хивинец, татарский Полуэкт Кучюмов, татарский Василий Козлов, калмыцкий Семен Иванов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 45—48).

Таким образом, под сокращение попали семь переводчиков — с греческого языка Иван Юрьев, с польского и латинского — Стахей Гадзоловской, с немецкого — Тобиас Мейснер и Тимофей Англер, с татарского — Кутлоамет Устокасимов, Тахтаралей Багинин и Резеп Байцын, а также два толмача — с греческого, итальянского и турецкого языков — Дмитрий Петров и с татарского — Кузьма Издемир-ев. Как указывают А.Г. Гуськов и С.М. Шамин, «среди уволенных из приказа переводчиков встречаются как молодые, проработавшие в приказе несколько лет (принятый в 1686 г. Резеп Байцын, знавший только татарский язык), так и опытные сотрудники (служивший с 1667/1668 г. Стахей Гадзаловский, владевший польским и латинским, а также привлекавшийся для книжных переводов). В последующие годы четверо из семи уволенных переводчиков вернулись в приказ на освободившиеся места (в том числе Багинин Тахтаралей, вернувшийся в приказ толмачом в 1693 г.). Не вернулись в приказ Стахей Гадзаловский, Иван (Юрьев) Даданов (греческий язык) и Кутлоамет Устокасимов (татарский). Судя по их высоким годовым окладам, 35, 40 и 50 руб. соответственно, в 1689 г. навсегда ушли из приказа наиболее квалифицированные из уволенных сотрудников. Это позволяет сделать вывод, что произведенные увольнения нельзя объяснить профессиональной непригодностью сокращаемых, а причины увольнения следует искать в экономике и политике» [Гуськов, Шамин, с. 111].

Численность переводчиков Посольского приказа составляла в 1696 г. 16 человек: Иван Тяшкогорский (французского, венгерского, польского, латинского и белорусского языков), Степан Чижинский (польского и латинского), Федор Христофоров (греческого), Андрей Крефт (английского), Петр Вульф (латинского, цесарского и голландского), Петр Шафиров (немецкого), Лука Щуковский (польского, латинского и белорусского), Вилим Ибраимов (шведского), Тобиас Мейснер (шведского), Андрей Ботвинкин (эллино-греческого и латинского), Дмитрий Сеитов (турецкого, арабского и татарского), Павел Кульвинский (калмыцкого и монгольского), Сулей-

ман Тонкачев (татарского), Кадралей Сакаев (татарского), Рамазан Тевкелев (татарского), Резеп Байцын (татарского) (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 16. Л. 6—7).

К концу XVII в. при подборе переводчиков и толмачей для Посольского приказа предпочтение отдавали опытным лицам, владеющим одновременно двумя и более западными и восточными языками. На должность переводчика или толмача принимались лица, проходившие тщательную проверку на специальных «экзаменах» и прошедшие серьезное собеседование, проводимые наиболее квалифицированными переводчиками Посольского приказа [Кулмаматов, 2020, с. 65—67]. С момента создания Посольского приказа был установлен строгий контроль над зачислением туда должностных лиц. Кандидатов, изъявивших желание стать переводчиками или толмачами, принимали в Посольский приказ, если имелось вакантное место: «Во 137-м году взят был в Посольской приказ в татарские толмачи туленин Олександр Семенов на выбылое место на толмачево на Екимова место Сумарокова» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632 г. Д. 12. Л. 2)»; «Во 161-м году мая в 17 день по государеву указу велено быть в Посольском приказе в толмачех того ж Посольского приказу татарского языку толмача на Семеново место Птицына крымскому полонянику резанцу сыну боярскому Ивану Мосееву» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 66).

Интересный материал содержится в деле по челобитной переводчика Тахтаралея Багинина 1693 г.: «Во 198-м году по указу великих государей и по розбору думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова с товарищи ему, Тахтаралею, в государственном Посольском приказе в переводчиках быть не велено, потому что велено быть в государственном приказе переводчиком указному числу 15 человеком, толмачом указному числу 14 человеком, а сверх того числа иных вновь переводчиков и толмачей не принимать, а принимать тогда, когда будет убылое место, и ныне в государственном Посольском приказе толмаческое убылое место есть... в нынешнем, в 201-м году в апреле месяце волею Божию толмач Аврам Павлов умре... а на его место ныне пожалован того ж Посольского приказу бывшей переводчик Тахтаралей Богинин» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 2—3, 6). Несколько позже, в 1695 г., так же был принят Резеп Байцын, зачисленный в состав переводчиков в 1687 г. и попавший под сокращение 31 октября 1689 г. Через шесть лет его снова взяли в приказ на место умершего переводчика Кучюкая Сакаева: «В 203-м году апреля в 12 день по указу великих государей велено ему, Резепу, быть в государственном Посольском приказе татарского ж языка в перевод-

чиках в указном числе на убылое татарского языка переводчика на Кучюкаево место Сакаева» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 26. Л. 4).

На место восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа всегда было много желающих, что видно из челобитной толмача Уразмамета Есинева сына Акмаматова царю Михаилу Федоровичу от 1640 г.: «вели государь мне быть в Посольском приказе у своего государева дела в толмачех на брата моего родного, на Олеево место Акмаматова, а я, холоп твой, крымской и ногайской, и русской язык знаю, а на брата место бьют челом тебе государь многие челобитчики» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 13).

Приведу именной список восточных переводчиков второй половины XVII в. (1657—1680 гг.): турецкие и татарские — Михаил Кашаев, Абдул Байцын, Петр Татаринов; турецкие, татарские и арабские — Дмитрий Асанов, Дмитрий Сеитов; фарси и арабский — Девлет Мелеков; татарские — Степан Смайлев, Арслан Муртозин, Алмамет Алышев, Кучюкай Сакаев, Кутломамет Устокосимов, Едигер Шамаев, Арслан Кунтумышев, Асан Месетев, Абдурахман Тевкелев, Усеин Месетев, Алексей Месетев, Сулейман Тонкачев, Сеитахмет Шакулов, Тохтаралей Телмаматов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1622 г. Д. 10. Л. 71—76; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1657 г. Д. 5. Л. 2—7; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1669 г. Д. 8. Л. 45—51; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1673 г. д. 8. Л. 2—7; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1678 г. Д. 3. Л. 141—143; РГАДА. Ф. 138. Оп.1. 1680 г. Д. 1. Л. 5—6).

Личный состав восточных переводчиков всегда контролировался самими российскими царями. Например, 8 мая 1678 г. царь Федор Алексеевич, узнав о том, что в Посольском приказе переводом занимается всего три восточных переводчика — Михаил Кашаев, Сулейман Тонкачев и Дмитрий Асанов, а остальные «все по списку высланы на государеву службу» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 203), указал «взять в Посольский приказ в переводчики из казанских, ис касимовских и иных понизовых городов из служилых татар трех человек, которые б достаточно умели русского и фарсовского, и турецкого, и татарского языков и писем... таких людей в тех понизовых городех обыскав, прислать в Посольской приказ» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 158).

Для выяснения имен грамотных служилых татар, владеющих русским и восточными языками, были допрошены переводчики Посольского приказа Михайло Кашаев и Дмитрий Асанов. Указывая на трудность разрешения поставленной задачи, Михаил Кашаев сказал, что «он казанских и касимовских, и иных понизовых городов мурз и татар, которые б умели русской, турецкой и татарской грамоте до-

статочно, не знает, и в тех городех таких людей, которые б годились в переводчики, нет, а есть де мурзы и татары, которые умеют русской и татарской грамоте небольшое, а недостаточно, а турецкого де салтана грамот прочесть и розтолковать в Московском государстве ис казанских и ис касимовских, и иных понизовых городов из мурз и ис татар ништо не умеет, так же и с кизылбашского шаха грамоты, которые писаны бывають турецким языком, прочесть и розтолковать некому ж, а фарсовского де языка в переводчики в Казани и в Астарахани сыскать мочно, а он де, Михайло, имян их не знает, только про них слышал» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 204—205).

Недостаточность и отсутствие переводчиков с «фарсовского» и «турецкого» языков в Посольском приказе ощущалась всегда. Например, 3 августа 1700 г. документы на «фарсовском» языке, присланные из Астарахани, по указу царя Петра Алексеевича были «отданы переводить Посольского приказу переводчиком Дмитрею Сеитову с товарищи, и те переводчики, смотря тех писем, дали скаску за своими руками, а в ней пишет: 1700 года августа в 4 день государственного Посольского приказу татарского языка переводчики Дмитрий Сеитов, Сулейман Тонкачев, Рамазан Тевкелев, Резеп Байцын, Кадралей Сакаев, смотря выше описанных писем, сказали, что те письма фарсовского языку, и переводить они их не смогут, потому что фарсовского языка они не знают. Дмитрий Сеитов руку приложил. Сулейман Тонкачев руку приложил. Рамазан Тевкелев руку приложил. Резеп Байцы руку приложил. Кадралей Сакаев руку приложил. Августа в 10 день отписать в Казанской дворец то, что сказали переводчики. И те фарсовские письма отослать назад» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 20. Л. 1—2). С середины XVII в. состав переводчиков и толмачей Посольского приказа пополнялся за счет квалифицированных восточных переводчиков и толмачей, подготовленных на Бухарском постоялом дворе («корван сарае») в Астрахани и Посольском приказе [Кулмамаев, 2020, с. 67—70].

Анализ архивных источников показал, что в XVII в. в Посольском приказе переводчиков с восточных языков было от пяти до девяти человек, толмачей — от восьми до восемнадцати, а с западных языков переводчиков — от девяти до тринадцати человек, толмачей — от двадцати до тридцати.

Литература

- Аракин В.Д.* Иностранные языки в русском государстве в XVI—XVII вв. // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. 80. М., 1958. С. 241—273.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в 1680—1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1(83). С. 108—122.
- Капустин М.* Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века. М., 1852.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859.
- Кулмаматов Д.С.* Подбор и подготовка восточных переводчиков и толмачей Посольского приказа в XVII в. // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 60—71.
- Кулмаматов Д.С.* Среднеазиатские дела Посольского приказа как источник для истории русского языка: Автореф. дисс. ... доктора филологических наук. М., 1995.
- Сабенина А.М.* Толмачи и переводчики // Русская речь. М., 1971. № 5. С. 91—95.
- Сергеев Ф.П.* Русская дипломатическая терминология XI—XVIII вв. Кишинев, 1971.
- Усманов М.А.* О документах русско-восточной переписки на тюркских языках в XV—XVIII вв. и их источниковедческом значении // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 123—138.

«Царский толмач Симеон»: переводческая деятельность Симеона Полоцкого

Среди объемного и разнообразного литературного наследия первого московского профессионального литератора и поэта Симеона Полоцкого (1629—1680) на удивление совсем немного переводных сочинений: это «*De cura pastoralis*» Григория Двоеслова и несколько бесед-поучений против иудаизма и ислама, которые еще ждут своего исследователя; трактат «Венец веры», представляющий собой перевод и переработку «*Hortus Pastorum*» Жана Маршана (о трактате подробно написала М. А. Корзо в своей монографии [Корзо, 2011], поэтому мы не будем на нем останавливаться); ряд проповедей из сборников «Обед душевный» [см. Преображенская, с. 166—178] и, наконец, несколько грамот и речей, написанных Паисием Лигаридом и переведенных Симеоном на церковнославянский язык.

В отличие от многих своих «коллеги», например, Епифания Славинецкого, Симеон не был занят в переводе Библии на церковнославянский язык, изданной в Москве в 1663 г., так как, по единогласному мнению историографов, не знал греческого языка. Подтверждением этому служит указание Н. И. Субботина на то, что Паисий Лигарид иногда приводил в своих сочинениях фрагменты текстов по-гречески, которые Симеон при переводе на русский просто опускал, заменяя многоточием [Субботин, с. 12].

Итак, все письменные переводы иеромонаха на русский выполнены с латыни. Перевод сочинения Григория Двоеслова *De cura pastoralis* был закончен Симеоном 6 апреля 1671 г. [Горский, Невоструев, 1859, с. 246]. В Синодальном собрании ГИМ хранятся три списка перевода: черновой, автограф Симеона (ГИМ ОР. Син. собр. № 663) и два беловых, сделанных Сильвестром Медведевым и монахом Евфимием (ГИМ ОР. Син. собр. №№ 662, 381). Нам удалось обнаружить еще три рукописных копии «Пастырского попечения», сделанные в конце XVII в.: копия из библиотеки Успенского собора в Устюге Великом, записанная деловой скорописью [Румовский, с. 40; Степановский, с. 469] и копия, написанная полууставом, из Архангельской духовной семинарии [Викторов, с. 22].

Симеону принадлежат несколько бесед-поучений, часть из которых — переводные с латыни. Беседы читаются в рукописи № 660 (беловые списки: ГИМ ОР. Син. собр. №№ 289, 363) Синодального собрания ГИМ (ГИМ ОР. Син. собр. № 660). Среди них переводными являются «Беседа 1 преизрядныя вопросы содержащая, словопрения иудейская неверием исполненная, верою православнакофолическою чрез ответы обличающая» (Горский отмечает, что в рукописи № 257 (ГИМ ОР. Син. собр. № 289) Сильвестр Медведев прямо называет этот текст переводом) [Горский, Невоструев, с. 233]. Читающиеся в этой же рукописи «Ино Сказание о Махомете, и о его беззаконном законе», как установила М.А. Корзо, является переводом глав из «Speculum Historiale» Викентия из Бовэ, антииудейская беседа — переводом сочинения Петра Альфонса «Dialogi contra Iudaeos» [Корзо, с. 12]. Как указывают А.В. Горский и К.И. Невоструев, беседы «Книга Петра Алфонса родом еврейна, но обратившагося ко Христу Господу и писавшаго против иудеом» и «Тогожде Петра Алфонса, о законе сарацинстем» являются не переводами сочинений Петра Альфонса, но выдержками из его диалога с иудеем Моисеем. В качестве латинского источника указывается «Patrologiae Cursus Completus», t. CLVII. p. 537 [Горский, Невоструев, с. 234].

Исследователями литературного наследия Симеона Полоцкого [см. например Елеонская, с. 170—171] не раз отмечалось, что при составлении своих сборников проповедей «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683) Симеон обращался к написанным на латинском языке западноевропейским проповедям Фабера, Меффрета и Беллармина. Целый ряд проповедей Симеона из «Обеда» был полностью или фрагментарно переведен с латинского языка: это, например, «Слово 1, въ ндлю 11, по сошествии святаго духа» [Обед душевный, лл. 233—239] — *Concio II Dominica 21 post Pentecosten, Concio* [Faber, s. 1128 и далее]; «Слово 1, в неделю 15, по сошествии святаго духа» [Обед душевный, лл. 283об.—289] — *Dominica 18 Post Pentecosten, Concio 2* [Faber, s. 990 и далее]; «Слово 1, в неделю 18, по сошествии святаго духа» [Обед душевный, лл. 319—325] — *Dominica IV post Pentecosten, Concio X* [Faber, s. 537 и далее] и т.д. [полный перечень см. в Преображенская, с. 166—178]. Работа по анализу переводческих стратегий Симеона Полоцкого находится еще только в самом начале.

Среди памятников, в историографии значащихся как «переводы», сделанные Симеоном Полоцким, есть как минимум три текста, идентифицировать которые пока не удалось. Первый — некая «Книга птицам и зверем» [Луппов, с. 109, прим. 15; Сазонова, с.

651, прим. 119], которую Л. И. Сазонова идентифицирует — без каких-либо доказательств — как один из сборников эмблем [Сазонова, с. 651]. Известно, что в Посольском приказе также были переведены три книги о животных [Луппов, с. 43], однако неясно, об одном ли памятнике идет речь или нет. Текст «книги», равно как и тексты переведенных в Приказе книг, не сохранились, а немногочисленные упоминания «книги» в документах конца XVII в. не позволяют сделать вывод о характере произведения.

Второй якобы переведенный Симеоном «памятник» — известный лечебник XVII в. «Прохладный вертоград». Н.И. Привалова в своей статье сообщает о наличии в рукописном собрании Нижнего Новгорода некой рукописного списка этого лечебника и указывает, что книга была переведена Симеоном Полоцким с польского языка [Привалова, с. 497]. Никаких подтверждений того, что Симеон действительно переводил лечебник, нет: первое упоминание о том, что лечебник переводил Симеон, содержится в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Евфрона (где Симеон, между прочим, назван *Половцевым* [так! — А.В., А.А.]). На самом деле лечебник был переведен с немецкого подьячим Земского приказа Андреем Никифоровым [Флоринский, с. XII]. В.Ф. Груздев в обзоре рукописных лечебников Пушкинского дома не указывает переводчиков, сообщая, что большинство лечебников — анонимные и не датированные [Груздев, с. 344].

Один из наиболее любопытных «переводческих» эпизодов в московской жизни Симеона связан с делом патриарха Никона и Паисием Лигаридом. Давно известно, что сочиненные Паисием Лигаридом опровержение челобитной попа Никиты (РГБ НИОР Ф. 173.1 № 68. л. 3—62), «Назменования или наблюдения из различных соборов о обычаи, его же употребляху св. отцы в синодотворении, от смиреннаго митрополита Газского Паисии собранная» (РГБ НИОР Ф. 173.1 № 68. л. 63—67) и «Поучение или беседа увещательная» на Рождество Христово (РГБ НИОР Ф. 173.1 № 68. л. 70—73) были переведены с латинского языка Симеоном Полоцким. Все переводы были опубликованы Н. Субботиным в 9-ом томе «Материалов по истории раскола» [Субботин, 1895]. Кроме того, в «Истории о низложении патриарха Никона» Паисий пишет, имея ввиду книгу «Жезл правления», что Симеон просто перевел его сочинение [Palmer, p. 430, note 18].

Устная же переводческая деятельность иеромонаха связана с беспрецедентным событием в истории русской церкви, Большим Московским собором 1666—1667 гг., в работе которого приняли

участие, кроме русского духовенства, двенадцать зарубежных архиереев, в том числе два патриарха, шесть митрополитов и три епископа. Именно на заседаниях с их участием решалась судьба патриарха Никона [Чумичева, с. 679—684]. Важно подчеркнуть, что в соборных деяниях принимал участие лично царь Алексей Михайлович, а сами заседания Большого Московского собора проходили в Столовой палате царского дворца Московского Кремля (одной из трех, предназначенных для посольских приемов, в которой имелся трон [Юзефович, с. 155]), где обычно велись дипломатические переговоры с иностранными послами.

Царь собственноручно передал патриархам подготовленные к Собору документы, естественно на русском языке, переводить которые грекам должен был один из участников собора, газский митрополит Паисий Лигарид [Чумичева, с. 681]. Лигарид приехал в Москву еще в 1662 г., за четыре года до Большого Московского собора [Воробьев, с. 118], но русского языка так и не выучил, и в переводчики к нему был назначен Симеон Полоцкий, в свою очередь, не владевший греческим. Таким образом, имел место «двойной» перевод, Симеоном с русского на латынь и Лигаридом с латыни на греческий. И он включал в себя как письменный, так и устный переводы — Симеон через Лигарида «толмачил» царю речи на Соборе его греческих участников.

Сама по себе такая очевидным образом усложненная схема, на первый взгляд, противоречит логике. Как справедливо заметил Б.Л. Фонкич, уже «в 50-х гг. XVII в. в Москве — при царском и патриаршем дворах, в Посольском приказе, на Печатном дворе — было достаточно «экспертов» среди образованных греков или русских знатоков греческого языка» [Фонкич, с. 94]: только в Посольском приказе в год созыва Большого Московского собора служило три переводчика с греческого языка [Беляков, с. 114]. Кроме того, латынь в России вообще воспринималась как типичный еретический язык, по своей природе искажающий христианское учение. Во время спора Никона и Лигарида, когда последний стал возражать первому на латыни, патриарх воскликнул: «Рабе лукавый, от уст твоих сужу тя, яко не си православен, понеже и языком латинским бял-дословиши нас» [Успенский, с. 324].

Тем не менее, несмотря на имевшиеся возможности избежать двойного перевода и негативное отношение к латыни, власти пошли именно по этому пути. В чем же было дело? Скорее всего, предпочтение «двойному» переводу явным образом отражало положение Лигарида и Симеона при дворе как особо доверенных лиц Алексея Михайловича.

Первый, Паисий Лигарид, в деле патриарха Никона сразу принял сторону царя, сыграл решающую роль в подготовке Собора, низложившего в итоге главу русской церкви [Романова, с. 9], и даже написал на греческом языке книгу о суде над Никоном [Там же, с. 10]. Паисий, родом грек, получивший образование в римской Папской коллегии св. Афанасия [Романова, с. 8], по-видимому одинаково хорошо владел и греческим, и латинским языками — он вел переписку, общался и писал на обоих языках, причем в разных случаях переводчиками для него выступали разные люди — монах Агафангел, толмач Лигарида, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий. Паисий владел и разговорным греческим языком [Голубев, с. 296, 300].

Второй занимал совершенно уникальное положение среди московского духовенства. Симеон жил в Заиконоспасском монастыре, но не в кельях, вместе с братией, а в собственном, построенном на царские деньги доме, держал слуг и выезд, в Москве продолжал оставаться иеромонахом Полоцкого Богоявленского монастыря (в *intitulatio* своей духовной грамоты Симеон говорит о себе как о монахе полоцкого Богоявленского монастыря, так как именно там он принял постриг [Преображенская, 2020, с. 339]), получал, как иностранные дипломаты, полное содержание от казны [Лаврентьев, Преображенская].

Формально монах, а по сути человек «государева двора», Симеон имел возможность обсуждать с царем вопросы, высказываться по которым иное духовное лицо его ранга вряд ли рискнуло бы: «Царь Федор Алексеевич, по представлению ... Симиона Полоцкого ... умыслил учинить ига Руси папу выше греческих патриархов и в Руси учинить 4-х патриархов, где прежде были митрополиты, и 70 архиепископов и епископов, в папы призвать сверженнаго Никона, Иоакима патриархом в Новгород и пр.» [Татишев, с. 381].

В Москву из Полоцка иеромонах прибыл в 1663 г. [Лаврентьев, Преображенская, с. 760—763] и через год, как сообщает сам Симеон в одном из своих писем «лета 1664 декабря 18 ... я позван был в присутствии его царского величества для перевода латыни славнейшаго отца Паисия митрополита Газского» [цит. по: Татарский, с. 76]. Так что еще за два года до созыва собора иеромонах уже был личным переводчиком Алексея Михайловича.

И.А. Татарский охарактеризовал занятие иеромонаха как «царский толмач» [Там же, с. 64], но, строго говоря, такой придворной должности не существовало. Не существовало таковых и в Приказе Тайных дел, личной царской канцелярии [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 214—215], в штате которого переводчики не числились

(«Приказъ Тайныхъ Дѣлъ; а в немъ сидить дѣакъ, да подъячихъ съ ѿ» [Котошихин, с. 85]). В случаях приездов в Москву православных иерархов — греков, их, по посольскому обычаю, в Кремле принимал лично царь со двором [Посольская книга, с. 28—29, 66—67, 86—87], и в этом случае «посольские речи» «толмачили» переводчики Посольского приказа («И того дни митрополит [Дионисий Терновский — А.Л., А.А.] у государя на дворе был. А посылан по него толмач греческой Своитин Дмитреев» [Посольская книга, с. 87]).

Таким образом, ситуация на Соборе 1666—1667 гг., когда русские и греческие его участники общались посредством латыни Симеона Полоцкого, проистекала совсем не из нехватки знатоков греческого языка в Москве, а из этикетных и, очевидным образом, политических соображений. С точки зрения профессиональной деятельности переводчиков Посольского приказа, которая, как известно, включала как устный, так и письменный перевод, причем последний не сводился исключительно к дипломатической документации, Симеон Полоцкий, не имевший, естественно, никакого служебного отношения к дипломатической службе, тем не менее, входил в тот же «профессиональный цех» московских интеллектуалов XVII в.

Литература

- Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа. 1645—1682 гг. СПб., 2017.
- Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. Санкт-Петербург, 1890.
- Воробьев Г.* Паисий Лигарид // Русский биографический словарь. Под ред. А.А. Половцова. СПб., 1902. Т. 13.
- Голубев И.Ф.* Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. Л., 1971. С. 294—301.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 2: Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859 *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II: Писания Святых Отцов. Ч. 3: Разные богословские сочинения. М., 1862.
- Груздев В.Ф.* Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. 1971. Т. 29.
- Елеонская А.С.* Работа Симеона Полоцкого над подготовкой к печати книг «Обед душевный» и «Вечера душевная» // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 170—188.
- Корзо М.А.* Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.
- Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906.
- Лаврентьев А.В., Преображенская А.А.* Симеон Полоцкий: «финансовый портрет» // Slavia Orientalis. 2020. Т. LXIX. № 4. С. 747—765.

- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI—XVII вв. Словарь-справочник. М., СПб., 2015.
- Луппов С.П.* Книга в России XVII века. Л., 1970.
- Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.
- Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями). 1588—1594 гг. Подгот. текста М.П. Лукичева и Н.М. Рогожина. М., 1988.
- Преображенская А.А.* «А судь безъ милости не сотворшимъ милости». К проблеме личного благочестия русских монахов // Укрошение повседневности. Нормы и практики Нового времени / Под общ. ред.: М.С. Неклюдова. М., 2020. С. 322—345.
- Преображенская А.А.* Источники проповедей Симеона Полоцкого: перевод, пересказ, адаптация // Симеон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць. Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі 21—22 лістапада 2019 г. Мінск, 2019. С. 166—178.
- Привалова Н.И.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного Краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. 1956. Т. 12. С. 494—505.
- Романова А.А.* Паисий Лигарид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. XVII в. Ч. 3. С. 8—12.
- Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
- Симеон Полоцкий.* Обед душевный. Москва, Верхняя типография, 1681.
- Субботин Н.И.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875—1895. Т. 9.
- Степановский И.К.* Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890.
- Татарский И. А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
- Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1994. Т. 1. История Российская. Ч. 1.
- Успенский Б.А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 313—360.
- Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879.
- Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2007 (Россия и христианский Восток. Библиотека. Вып. 7).
- Чумичева О.В.* Большой Московский собор 1666—1667 гг. // ПЭ. Т. 5. С. 679—684.
- Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007.
- Faber M.* Concionum Opus Tripartitum: Pluribus In Singula Evangelia Argumentis instructum. Vol. 2. Ingolstadt: Typis Gregorii Haelini, 1642.
- Palmer W.* The Patriarch and the Tsar. London, 1873. Vol. 2.a

Татарский переводчик Прокофий Иванович Вражский: «собиратель земли русской»

Переводчики Посольского приказа принадлежали к небольшой, но чрезвычайно важной для государства социальной группе. Без их постоянного, нередко остающегося для позднейших исследователей анонимным, труда на дипломатическом поприще Московское государство, безусловно, имело бы гораздо больше сложностей в проведении собственного внешнеполитического курса. К служащим этой категории относились заботливо и бережно, что выражалось не только в постоянном контроле за их служебной деятельностью, но и в достаточно высоком материальном обеспечении. Хорошо известно, что все переводчики Посольского приказа получали годовое денежное жалованье, и подчас довольно высокое. Кроме того, те из них, кто не имел поместий и вотчин, получали поденный корм, выделяемый на пропитание их самих, членов их семей и челяди. Суммарно поденный корм переводчика за год был сопоставим с годовым окладом, а порой и превышал его. Например, один из самых заслуженных переводчиков Посольского приказа середины XVII в. Иван Фомин имел годовой оклад 70 руб., а поденный корм его за год составлял 73 руб., всего, т.о., 143 руб. в год; служивший в Новгороде в середине 1620-х гг. переводчик Андрей Петров при окладе 33 руб. в качестве кормовых денег получал еще 36,5 руб. [Беляков и др., с. 38, 168], условно говоря — примерно 20 прожиточных минимумов для того времени или пять годовых заработков рядового ремесленника [Устюгов, с. 237—238; Милов, с. 488; Новохатко, с. 539—540]. Поденный корм не полагался переводчикам, имевшим поместья или вотчины — считалось, что наличие земли с крестьянами должно полностью обеспечивать средствами для пропитания. Разумеется, в реальности все было сложнее, и нередки случаи, когда служилые люди, имевшие поместья, жаловались на скудость, не позволявшую качественно выполнить свой долг перед великим государем, например, снарядиться в поход или собраться с посольской свитой за рубеж щедрого Отечества. Тем не менее, известны случаи, когда переводчики Посольского приказа били челом о наделении поместьями, предполагая, видимо, что выгода от этого должна с лихвой компенсировать потерю поденного корма.

Немногим из служащих Посольского приказа удавалось обзавестись значительными земельными владениями. Тем интереснее казус татарского переводчика Прокофия Ивановича Вражского, который эту непростую задачу решил.

Прокофий Вражский, вероятно, был сыном астраханского стрелецкого сотника, упоминаемого в деле, датированном концом 1586 г. [Беляков, с. 182—183]. Сам Прокофий стал оставлять документальные следы в годы Смуты, когда при воеводе боярине Ф.И. Шереметеве он осуществлял контакты с ногайскими мурзами. Из охваченной мятежом Астрахани ему пришлось уйти, после чего, видимо, Вражский осел в Казани (в начале 1614 г. упоминается как казанский жилец, а на «Утвержденной грамоте» царя Михаила Федоровича поставил подпись как выборный дворянин от этого города) [Козляков, с. 521]. С 1614 г. Вражский служил в Посольском приказе переводчиком — дипломатическому ведомству он отдал последние 30 лет своей жизни. К закату жизни Прокофий Иванович был пожалован в московские дворяне, владел поместьями и вотчинами в нескольких уездах (Московском, Ярославском, Нижегородском, Арзамасском) [МИНК, ч. 1, с. 895; ч. 2, с. 635; Арзамасский уезд, ч. 2, с. 94; Описание ГКЭ, т. 3, с. 623—624] и имел рекордный по величине годовой денежный оклад — 150 руб. [Лисейцев 2003, с. 370—371; Беляков и др., с. 92—94].

Неплохое материальное положение не мешало Вражскому регулярно подавать челобитные, полные жалоб на стесненные жизненные обстоятельства. В сентябре 1634 г., например, он подал на государево имя очередное прошение. Поводом к тому стал случившийся в том же году в столице большой пожар, уничтоживший в Китай-городе и Белом городе множество домов, в том числе и двор челобитчика: «как горело в Китае и в Белом городе, и мое... дворишко в Белом городе и запасишко, и рухледишко в те ж поры все згорело». Вслед за стандартными для произведений этого жанра причитаниями о «скитании по чужим дворишкам» Вражский поведал государю и о бедственном положении своих поместий в Нижегородском и Арзамасском уездах: «в том... поместейце за грех хлеб рженой и еровой не родился, и крестьянишка разбрелися розно». Резюмируя, переводчик констатировал, что в сложившихся обстоятельствах без получения государева денежного жалования существовать в столице он не в состоянии: «дворишка себе построить и прокормитца нечим, стал скуден». Прощение было удовлетворено — к концу октября 1634 г. последовало распоряжение выплатить погорельцу его годовой денежный оклад сполна (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 38 (1634 г.). Л. 27—28).

Между тем Прокофий Иванович отнюдь не бедствовал. Жалование, получаемое им на государственной службе — сначала 100, а затем и 150 руб. в год — позволяло ему не только безбедно жить, но и накапливать солидные суммы, активно инвестируемые в приобретение недвижимости (наличие которой в челобитных переводчик старался не афишировать). В сентябре 1623 г. Вражский оформил закладную кабалу, согласно которой за 150 руб., взятые в долг на год, тарусский сын боярский Федор Хомяков должен был уступить Прокофию Ивановичу пустоши Макарьево (Макарово) и Окулово в Перемышльском стане Московского уезда — всего 42 чети земли. Землями вблизи от этих пустошей Вражский к тому моменту уже располагал — в Перемышльском стане ему принадлежали деревни Барыбино и Рюмино, т.е. наш герой «округлял» свои земельные владения. Весной 1627 г. фактически купленные у Хомякова пустоши Вражский юридически закрепил за собой, оформив соответствующие документы в Поместном приказе [ЗВКПП, с. 32—33]. И, видимо, чтобы «два раза не ходить», Прокофий Иванович подвел итог другой сделке, заключенной позже и на более значительную сумму. В январе 1626 г. он дал в долг арзамасскому вотчиннику Гавриле Хохлову 700 руб. на один год; по истечении срока по условиям оформленной кабалы Хохлов должен был передать Вражскому свою выслуженную вотчину — сельцо Хохлово в Арзамасском уезде. В марте 1627 г. с обоюдного согласия Прокофия Вражского и Гаврилы Хлопова сельцо было переписано в Поместном приказе на переводчика [ЗВКПП, с. 28].

Впрочем, с землями в Московском уезде, полученными по кабале, спустя несколько лет возникли осложнения юридического характера — Хомяковы в 1638/39 г. попытались оспорить права нового землевладельца. Дело тянулось в лучших традициях московского суда по делам такого рода, очень долго: его слушали в январе 1640 г., а потом вновь — в январе 1645 г., вскоре после кончины Вражского. Очевидно, что вдова Прокофия Ивановича Авдотья сумела отстаивать права на земли покойного супруга, но, видимо, после этого предпочла избавиться от проблемной недвижимости, продав подмосковные вотчины мужа человеку, с которым тарусские помещики Хомяковы вряд ли осмелились бы судиться — думному дьяку Посольского приказа Григорию Васильевичу Львову. Ему и достались расположенные в Перемышльском стане Московского уезда деревни Макарово, жеребьи деревень Курилово и Овечкино, сел Сатино Татарское и Русское [ЗВКПП, с. 1305]. За собой Авдотья Вражская предпочла оставить в качестве прожиточного поместья село Страхово в Арзамасском уезде, в котором по писцовому описанию нача-

ла 1620-х гг. числилось 237 четей с осминою земли и 36 жилых крестьянских и бобыльских дворов [Арзамасский уезд, ч. 1, с. 86—88].

В связи с этим судебным разбирательством любопытен один момент, озвученный во время тяжбы Прокофием Вражским. Доказывая неправомочность требований Хомяковых, переводчик в красках описал свою хозяйственную деятельность, направленную на подъем полученных им запустевших земель. По его словам, от Хомякова он получил совершенно запущенные угодья: пустошь Макарову тот заложил «пусту и лесом большим порослу». Вражскому пришлось нанимать людей для «лесной розчисти», «земляной распашки» и «сенной розчистки». В Макарово был поставлен двор вотчинника, крестьянские дворы (некоторых он перевел из других своих вотчин, иных же Вражский «призывал и посажал», т.е., видимо, переманивал у соседей). Интересная бытовая деталь — Прокофий Иванович завел в Макарово пруд, в котором разводил рыбу: «пруд устроил я в той вотчине, и рыбы в нем насадил». За то время, что бывшие владения Хомяковых числились у Вражского в закладе, а не в собственности (т.е. с 1623 по 1627 гг.), в Макарово трижды случались пожары, и освоение вчерашней пустоши приходилось начинать с чистого листа. Подводя финансовый итог своим усилиям, Прокофий Вражский констатировал: «и все мне то вотчинное строенье, кроме... что я им, крестьяном, давал ссуды своей денежныя и лошадиныя, и коров, и свиней, и всякой мелкой животины, и хлебной ссуды, и окроме деловых людей моих, стало мне то вотчинное строенье восьмьсот рублей семнатцеть алтын, окроме крестьян моих и деловых моих, и их животов, и хлеба, и всякой животины» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 82 (1640 г.). Л. 52). Не исключено, что, подсчитывая свои расходы на хозяйственное освоение пустоши Макарово, Прокофий Вражский зависил итоги калькуляции, добавив к озвученной круглой цифре — 800 руб. — для правдоподобности еще 51 коп., дабы сумма не выглядела «взятой с потолка». Но в любом случае мы можем быть уверены — освоение запустевших в начале XVII в. земель требовало от их владельцев немалых денежных вложений, и необходимыми для того ресурсами переводчик Посольского приказа Прокофий Вражский вполне располагал.

Напомню, что среди проданных вдовой Вражского земельных угодий числился и жребий сел Сатино Татарское и Русское. Эти два села существуют и ныне, входя с 2012 г. в состав Троицкого административного округа города Москвы. В краеведческой литературе указывают на наиболее раннее упоминание Сатина-Татарского в 1627 г., когда им владел служилый татарин Посольского приказа Богдан Исенчурин сын Байкешев, с национальной принадлежностью которого и связывает-

ся название села [Поспелов, с. 234]. Впрочем, имеются и более ранние сведения об этом селе: оно было пожаловано Богдану Исенчурину в 1622/23 г. [ЗВКПП, с. 1066]. Само же село упоминается в документах еще раньше: от сентября 1618 г., в частности, мы имеем информацию о занятии наступавшими на Москву со стороны Боровска польско-литовскими отрядами «Татарского села Сатина» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 9. Л. 146). Определенно, топоним этот существовал уже в конце Смутного времени и, надо полагать, обязан своим этническим компонентом факту вхождения в состав земельного фонда, предназначенного для пожалования поместьями татарских служащих Посольского приказа.

Обстоятельства, при которых эти земли достались Прокофию Вражскому, оригинальностью не отличаются — переводчик пошел традиционным путем приобретения недвижимости по закладной кабале. В 1631 г. он дал в долг своему сослуживцу — новокрещену Посольского приказа Айгильдею Бинокову сыну Нагаеву — 100 руб. на крайне короткий срок — от Рождества (6 января) до Благовещенья (25 марта). Залогом стал «усадный двор» в селе Татарском Сатине Московского уезда (село это находится всего в 2—3 верстах от уже принадлежавших Вражскому сел Курилово и Овечкино и в 5-ти верстах от Окулова). Расположение закладной вотчины в сочетании с коротким сроком займа вряд ли оставляют основания сомневаться в намерениях Вражского — он фактически покупал вотчину у сослуживца. Однако здесь у Прокофия Ивановича возникли осложнения — вступить во владение он длительное время не мог, вследствие чего незадолго до смерти, в июне 1644 г., стал судиться с наследниками своего должника — сыном Кириллом и вдовой Катериной (татарское имя — Нашихима). Ответчики заявили, что закладной вотчиной они никогда не владели, она у Айгильдея Нагаева также была в закладе, а настоящим владельцем спорной земли был другой служащий Посольского приказа — новокрещен Дмитрий (татарское имя — Шебан) Богданов сын Исенчурин. Обе семьи — Нагаевы и Исенчурины — в дипломатическом ведомстве служили из поколения в поколение по крайней мере с конца XVI в. [Лисейцев 2003, с. 389—390]. Вдова Айгильдея Нагаева, в свою очередь, выразила сомнения в том, что ее покойный супруг вообще брал деньги у Вражского: «не для де чего было мужу ее Айгилде у Прокофья Враского деньги заимывать, муж де ее и сам людей ссужал» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 40 (1644 г.). Л. 1—11). Дело, очевидно, вершилось победой Прокофия Вражского, поскольку его вдова в дальнейшем продала эту вотчину думному дьяку Григорию Львову.

Экономическая активность переводчика Посольского приказа Прокофия Ивановича Вражского может быть охарактеризована

термином, введенным в научный оборот Л.В. Миловым, а вслед за ним — В.А. Аракчеевым — «неадекватные формы капитала» [Милов, с. 483—553; Аракчеев, с. 11—16]. Впрочем, так ли уж неадекватно вел себя Прокофий Вражский? По сути — да: его излюбленный способ округления земельных владений был сродни ростовщичеству, ведь переводчик давал деньги в долг, явно не собираясь возвращать заклада прежним владельцам. Прямых наследников Вражский при том не имел (т.е. считать, что он заботился о благополучии потомства не приходится; в этом он напоминает другого бездетного «стяжателя» эпохи — своего непосредственного начальника, думного дьяка Посольского приказа Ивана Грамотина, плоды не всегда праведно добытого достатка которого пожинали после его кончины племянники [Лисейцев 2016, с. 131—136]). По поставленным целям, пожалуй, действия Вражского вполне адекватны — увеличение собственных земельных владений было целью и мечтой практически каждого служилого человека по отечеству в Московском государстве — от мелкого подьячего до великого боярина.

Литература

- Аракчеев В.А.* Помещик-стяжатель первой половины XVII в.: к вопросу о «неадекватных формах капитала» в России // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2017. С. 11—16 Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи. Ч. 1. Нижний Новгород, 2018; Ч. 2. Нижний Новгород, 2019.
- Беляков А.В.* Раннее упоминание г. Воронежа в документах Посольского приказа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 181—183.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. М., 2010.
- Козляков В.Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007.
- Лисейцев Д.В.* Думный дьяк Иван Грамотин: семья, хозяйство, внутренний мир // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи: материалы научной конференции. Москва, 2016. С. 131—136.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 1—2. М., 2015.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Новохатко О.В.* Разряд в 185 году. М., 2007.
- Описание грамот Коллегии Экономии. Т. 3. М., 2020.
- Поспелов Е.М.* Топонимический словарь Московской области. М., 2000.
- Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

Особенности организации и деятельности татарских толмачей и писарей Великого Княжества Литовского в сравнении с деятельностью татарских переводчиков Посольского приказа

Главным органом, обеспечивающим внешнеполитическую деятельность Великого княжества Литовского, являлась Канцелярия великого князя. Во второй половине XV — первой половине XVI в. этот орган был «многоязычным» и готовил документы на «русской мове» — официальном языке Великого княжества Литовского, на латыни и на татарском языке. Обычно дипломатические документы готовили только наиболее подготовленные писари русского и латинского отделов — наивысшие и старшие писари. Младшие писари и дьяки занимались только документооборотом высших органов управления. Исследователи не выделяют самостоятельный татарский отдел в Канцелярии. Чаще всего их включают в состав русского отдела, скорее всего, исходя из того, что именно русские писари переносили переводы в книги Метрики Великого княжества Литовского. Алесь Груша вообще утверждает, что татарские и «арабские» писари не входили в постоянный штат Канцелярии, привлекались по мере надобности, а должность использовали в качестве титула [Груша, с. 62].

Действительно, татарские писари не занимались подготовкой и составлением документов внутренних органов управления. Однако работы у них было предостаточно. Во-первых, дипломатические отношения между Вильно и татарскими государствами были в тот период весьма интенсивными, а объем переписки значительным. Гонцы и полноценные посольства доставляли не только ханские ярлыки и докончания, но также письма от многочисленной родни хана и придворных с просьбами подарков, выражениями приязни и шпионскими донесениями. В Метрику Великого княжества Литовского попадали далеко не все документы подобного рода, о чем свидетельствуют редкие оригинальные комплексы документов, а также особенности оформления дипломатических документов в книгах самой Метрики. Показательным примером объема работ является комплекс писем Девлет-Гирея I, членов его семьи и двора, написанных между 13 и 20 июня 1572 г. и адресованных великому

князю и королю польскому Сигизмунду II Августу. Этот комплекс включает три десятка писем. Некоторые из них имеют оригинальное содержание, другие являются практически идентичными копиями друг друга, отличающимися только адресантами (AGAD. Archiwum Koronny. Dz. Tatarski. K. 65). В метрические регистры такие документы не вносились вовсе или помечались формулой «потому ж писан».

Во-вторых, грамотных и компетентных татарских писарей катастрофически не хватало. Татарские писари должны были владеть письменной культурой «русской мовы», читать и переводить с различных тюркских языков и при этом иметь навыки разбора каллиграфических текстов, написанных арабской графикой. О том, насколько мало было таких специалистов, свидетельствует дипломатический казус 1508 г. Толмач Канцелярии Муртоза принес крымскому хану послание от великого князя и короля Сигизмунда Старого. Письмо было написано «русскою мовою», и пререводить его пришлось татарскому «писаю Абрагиму» (Ибрагим бен Тимер князь Юшинский), который в тот момент был невыездным из ставки хана по причине большого долга [Lietuvos Metrika, с. 135]. В виленской Канцелярии были прекрасно осведомлены, что при хане нет переводчиков со славянских языков, поэтому отправить такое письмо могли только в том случае, если вдруг в Вильно не оказалось никого из татарских писарей.

В-третьих, на татарских писарях и толмачах лежала функция, не свойственная другим писарям Канцелярии — сопровождение посольств и служба гонцами. Это сближает их с коллегами по Посольскому приказу в Русском государстве. В 1508 г. действительно при Канцелярии не было татарских писарей, поскольку все они были за рубежом. Упомянутый Ибрагим безотлучно в течение долгого времени находился в Крыму [Любая, 2015, с. 173]. Его двоюродный брат Кульзуман (Кутлу Зуман бен Хидыр князь Юшинский) в том же году был отправлен в Крым с упоминками, но по дороге был ограблен и продан в рабство астраханскими казаками [Любая, 2018 (1), с. 13—14]. Многие толмачи на тот момент тоже были отправлены с разными поручениями. Кроме того, совсем не обязательно, что они были готовы работать с письменными документами. Таким образом, нет оснований говорить о том, что работа татарских писарей, как в целом всего «татарского отдела» Канцелярии Великого княжества Литовского носила формальный церемониальный характер.

С точки зрения структуры и функций все сотрудники этого отдела делились на две неравные группы: писари, осуществлявшие письменный перевод документов, и толмачи, практиковавшие устный перевод, а также выполнявшие функции приставов при посольствах и татарских гонцах. Фактически это совпадает со структурой сотрудников в Посольском приказе Русского государства с той разницей, что вместо переводчиков высшие места в профессиональной иерархии занимали писари (татарские, а позже арабские), которые перед получением этой должности служили толмачами.

С точки зрения географии татарские писари и толмачи локализовались в двух центрах — в Вильно, при Канцелярии, и в Киеве. Среди киевских толмачей было много торговцев-армян, имеющих обширные связи в Причерноморье и Восточной Европе. Однако их служба носила сугубо ситуативный утилитарный характер, например, сопровождение неожиданных татарских гонцов или посольств. Они практически никогда не становились писарями, за исключением некоего Дедка. Возможно, он был киевским боярином татарского происхождения. В 1505 г. его отправили в Крымское ханство для подготовки нового посольства после смерти киевского воеводы Дмитрия Путятича, который должен был возглавить великое посольство [Pietkiewicz, с. 27—28]. Следует отметить, что проблема существования киевского центра толмачей совсем не исследована.

Интересен вопрос о происхождении специалистов по устному и письменному переводу. В истории Посольского приказа часто можно встретить династии толмачей и переводчиков, например, отец, сын и внук Англера (переводчики со шведского и немецкого языков) или отец, сын и внук Тевкелевы (переводчики с татарского языка) [Беляков и др., с. 42—47, 192—195]. В татарском отделе Канцелярии Великого княжества Литовского (буду настаивать на таком определении ввиду масштабов его деятельности) тенденции к семейственности приобрела совершенно иные масштабы. Во второй половине XV—XVI в. на должностях писарей и толмачей служило почти два десятка представителей одного клана — князей Юшинских. Всего нам удалось выявить 17 человек на протяжении пяти поколений, точно относящихся к этой семье, еще нескольких можно соотносить с ней с высокой долей вероятности. Это примерно половина всего штатного состава татарского отдела, напрямую связанного с виленской Канцелярией. Вполне возможно, что некоторые из оставшихся так же были связаны с Юшинскими, например, посредством браков или в рамках клановой системы татарских хоругвей. По всей

вероятности, способность к устному и письменному переводу, дипломатические таланты и навыки шпионажа составляли в этом роду культурный капитал, передаваемый из поколения в поколение и трансформируемый князьями Юшинскими в экономический, социальный и, что совсем не характерно для татарской общности Великого княжества Литовского, в политический капитал [Любая, 2018 (3), с. 151]. Встречаются единичные случаи принятия на службу квалифицированных специалистов из-за рубежа.

Что касается квалификации специалистов, то в целом к аппарату Канцелярии Великого княжества Литовского предъявлялись высокие требования. Как минимум восемь писарей латинского отдела имели университетское образование. В отличие от польской Канцелярии, практически все писари и дьяки были людьми светскими (духовный сан имело 13% служащих), в основном шляхетского происхождения, обоих христианских вероисповеданий [Груша, с. 78—79]. Очевидно, что образовательный ценз был неприменим к служащим татарского отдела по очевидным причинам. Мы также не знаем, каким образом проверялась квалификация, проводились ли экзамены. Практически все служащие отдела при виленской Канцелярии имели татарское происхождение и пользовались титулом князь (улан/оглан), а значит относились к нобилизированной верхушке татарского сообщества. Подавляющее большинство были мигрантами в третьем и более поколениях. Исходя из дипломатических материалов, отложившихся в Метрике Великого княжества Литовского, писари татарские осуществляли перевод с кипчакского, турецкого, арабского и, возможно, персидского языков на «русскую мову», некоторые из них владели также польским языком.

Установить качество работы по переводу дипломатических документов, а также степень владения письменной культурой славянских языков не представляется возможным из-за особенностей формирования государственного архива Великого княжества Литовского. В отличие от Русского государства, в котором дипломатический архив оригинальных документов и их переводов хранился в сундуках и ящиках в Посольском приказе, в Великом Княжестве Литовском велись особые книги, куда вписывались копии документов, оригиналы которых отдавали на руки заинтересованным лицам (почтовые, судебные книги, книги записей и ревизий и т.д.). Важные международные документы могли храниться у канцлера и впоследствии становились элементами частного архива. Поэтому мы лишены возможности установить индивидуальные стилистические, гра-

фические и орфографические особенности каждого писаря. К тому же текст переведенных документов вносился в книги Метрики писарями русского отдела Канцелярии и мог подвергаться серьезной редакции на этом этапе. Но в редких случаях сохранились жалобы крымской стороны на работу татарских писарей и даже просьбы отклонить конкретного писаря от перевода документов, поскольку текст переводится не полностью. Например, в 1524—1525 гг. такие претензии выдвигал крымский хан Саадет-Гирей к самому опытному на тот момент татарскому писарю Канцелярии [Любая, 2015, с. 173—174]. Были и обратные примеры, когда контрагенты просили присылать или давать переводить документы конкретному сотруднику, пользующемуся доверием.

Подобно тому как в Русском государстве толмачи могли перейти в переводчики, в Великом княжестве Литовском некоторые татарские толмачи могли стать татарскими писарями. Некоторые татарские толмачи начинали карьеру в юном возрасте приставами при татарских посольствах, продолжали ее самостоятельными гонцами, а самые одаренные становились писарями. Присутствие толмача или писаря было обязательным при принесении присяги членами посольств, чтобы убедиться в подлинности приносимых клятв. Процедура клятвоприношения предусматривала присутствие Корана и имама, который в Великом княжестве Литовском назывался молна или молла. Коран при шертвовании татарских послов начал использоваться в Канцелярии не позднее конца XV в. [Любая, 2018 (2), с. 56], на 60 лет раньше, первых сведений о использовании Корана в Посольском приказе Русского государства. Как минимум три из известных мне писарей имели духовные звания (молна Ибрагим Юшинский и гафиз Легуш Юшинский) или особый религиозный статус (богомolec). Процедура клятвоприношения мусульман в Русском государстве хорошо известна [Зайцев, Конев, Арапов] и позволяет интерполировать этот обряд на дипломатическую практику Великого княжества Литовского. С одной стороны, присутствие имама не позволяло профанировать клятвы татарским гонцам и послам, а с другой — подготовка служителей культа обеспечивала передачу письменной культуры восточных языков. К сожалению, степень сохранности документов о религиозной жизни мусульман в Великом княжестве Литовском не позволяет проследить, насколько долгой и постоянной была практика принятия духовного сана татарскими писарями.

Обеспечение татарских писарей и толмачей в Великом княжестве Литовском несколько отличалось от жалования переводчиков в

Русском государстве, где сотрудникам Посольского приказа полагались поместный оклад, годовое жалование, поденный корм и разовые дачи. Все господарские татары, состоявшие на военной службе великого князя литовского, получали земельные владения, называемые татарщизнами, практически на правах шляхты, с которых должны были кормиться и выставлять определенное количество всадников в татарские хоругви. Татарские писари за свою службу получали дополнительные татарщиzny. Например, первый из известных нам татарских писарей Тимирча Юшинский получил от великого князя литовского земельное владение в Ставиниках в Троцком повете, а его сын Ибрагим за долгую службу увеличил семейные владения, получив в разное время имения Саковщизна и Андреевщизна, а также часть имения Роготная в Белицком повете, а кроме того дворец Красное село и несколько крестьянских служб в Троцком повете, что позволило ему стать одним из самых состоятельных татарских землевладельцев [Любая, 2015, с. 181—182]. Кроме того, татарские писари и толмачи получали нерегулярные пожалования от великого князя литовского зерном, медом, сукном и деньгами в качестве оплаты за службу. Отдельно финансировались посольства и поездки гонцов. Если татарские гонцы или писари при посольствах расходовали собственные средства и, тем паче, делали долги, находясь при дворах татарских ханов, эти средства компенсировали из Скарба Великого княжества Литовского. Если же писарь попадал в плен, как это случилось с Кутлу Зуманом бен Хидиром в 1508 г., то деньги на выкуп были заботой великого князя литовского.

Таким образом, сравнительный анализ институтов татарских писарей в Великом княжестве Литовском и переводчиков Посольского приказа в Русском государстве показывает не только общие черты, связанные с характером деятельности, но также и некоторую специфику. Институт татарских писарей возник из института латинских и русских писарей Канцелярии, главной целью которого было обеспечение внутреннего документооборота, а не как часть органа, обеспечивающего дипломатическую деятельность. Характерной особенностью является также практически семейный характер этого института в Великом княжестве Литовском. Сложно сравнивать качество и квалификацию сотрудников Канцелярии и Посольского приказа из-за разницы отложения источников в государственных архивах. Тем не менее в сравнительном подходе видятся перспективы для понимания деятельности как дипломатических служб, так и в более широком контексте культурных взаимовлияний в Восточной Европе в ранее Новое время.

Літэратура

- Lietuvos metrika = Литовская Метрика. Кн. 7: (1506—1539). / parengė: Inga Parienė, Laimontas Karalius, Darius Antanavičius. Vilnius, 2011.
- Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka : studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznan, 1995.
- Арапов Д.Ю.* Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX века // Древнее право. 2002. № 2(10). С. 252—262.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. Москва, 2021.
- Груша А.І.* Канцлярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006.
- Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI—XIX вв. // Отечественная история. 2008. № 4. С. 3—9.
- Конев А.Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI—XVII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172—177.
- Любая А.А.* Князь Ибрагим бен Тимер из рода Юшинских // Alba Ruscica: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X—XVI вв.). Москва, 2015.
- Любая А.А.* (1) Гісторыя жыцця Кутлу Зумана бен Хідыра, татарскага дыпламата на службе вялікіх князёў літоўскіх // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. № 12. С. 8—15.
- Любая А.А.* (2) Коран в дипломатической практике Канцелярии Великого княжества Литовского // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 1. С. 51—58.
- Любая А.А.* (3) Талмачы і пісары татарскія з роду князёў Юшыных: генеалагічныя падставы прасапаграфічнага аналізу // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 11. Минск, 2018. С. 140—153.

Переводчики и толмачи на иранском направлении внешней политики Московского государства в конце XVI — начале XVII в.

Дипломатические отношения между Московским царством и Сефевидским государством начались еще при великом князе Василии III, но весь ранний этап их чрезвычайно слабо документирован [Кораев, с. 160—161], в сохранившихся источниках имеются лишь случайные упоминания. Только со времени царствования Федора Ивановича имеются достаточно систематические сведения, объединенные в посольские книги. Поэтому ранний период отношений двух держав изучен недостаточно, сохраняется много вопросов. Не так давно стало ясно, что вопрос об языке дипломатического общения не так однозначен, как считалось ранее. Известно, что языком официальных документов государства кизилбашей был фарси, но при этом часть дипломатической переписки велась на тюрки. В.А. Шорохов и Т.А. Слесарев обнаружили фирман шаха Аббаса I астраханскому воеводе от 1622 г., написанный на тюркском языке, который был «чрезвычайно близок османскому» [Шорохов, Слесарев, 2019, с. 31, 32, примеч. 1]. Основным же языком Посольского приказа в переписке с восточными монархиями и сообществами был тюркский. Учитывая, что средой, из которой рекрутировались специалисты по международной коммуникации, первоначально были ордынцы — великокняжеские татары, а позднее более многочисленная группа служилых татар, а также бывшие полоняники, то очевидно, что они знали тюркские языки. Знали ли фарси в Посольском приказе — большой вопрос. Попробуем ответить на него, рассмотрев сведения о толмачах и переводчиках, задействованных в русско-иранских отношениях.

Во встречах иранских посольств и их сопровождении принимали участие толмачи Душкой Тенишев, Шестак Иванов, Бурнаш Томонаев, Юрий Тенешев, Девлет-Бахты Чекаев, Степан и Вельямин Степановы, Первоня Титов, Петр Муратов, Семейка Судок, Богдан Кузмищев. Что известно нам о компетенции этих людей? Душкой Тенишев участвовал во встречах ногайских посольств (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5 (1587 г.). Л. 4). Петр Муратов известен

как татарский толмач. В 1598 г. он ездил в Крымское ханство с грамотой, а в 1604—1605 гг. был приставом у крымских послов [Лисейцев, с. 376]. Как татарский толмач известен и Бурнаш Томонаев [Лисейцев, с. 375]. Степан и Вельямин Степановы так же известны в первую очередь как высококлассные переводчики татарского языка, специализировавшиеся в первую очередь на крымском направлении русской внешней политики [Виноградов, с. 32—40]. Все остальные перечисленные люди также известны именно как переводчики с татарского языка. То есть работа на иранском направлении внешней политики для всех них была всего лишь эпизодом в их профессиональной деятельности. Вряд ли можно было бы ожидать от них сколь-нибудь глубокого знания фарси. Но быть может в лучшую сторону отличалась компетенция тех из них, кто участвовал в аудиенциях, на которых русским царям представляли персидских послов? Нам известно, что Степан Степанов участвовал в подобных церемониях, являя царю Борису Федоровичу посла Ази Хосрова [ПДТП-1, с. 184]. Однако этот случай не показателен, так как Ази Хосров был литвином «полоцкого взятия», и языковой барьер мог и отсутствовать или не быть непреодолимым [Магилина, с. 106]. А.В. Виноградов указывает, что в этом случае Степанов выступал в роли дипломатического консультанта Бориса Годунова [Виноградов, с. 35—36]. Впрочем, братья Степановы участвовали в приемах кизилбашских гонцов и послов не единожды. Степан переводил речи послов Бутак-бека и Анди-бека, гонца Кая [ПДТП-1, с. 166]. Слова шахского посла переводил и бакшей Кучук Устакасимов [ПДТП-1, с. 125]. В своей челобитной 1589 г. он писал: «всякие мудрые грамоты турецкие и фарсовские, и арапские, и татарские перевожу и с руского писма, в мусулманские государства, в Бухару и в Юргенч, и в ыные, государева мудрые предисловья пишу» (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 25 (1589 г.). Л. 2). Впрочем, не исключено, что Кучук-бакшей несколько преувеличивал свою компетентность, а при устном переводе и Степановы, и Устакасимов имели дело с носителями тюркских языков, так как Сефевиды и представители правящего класса Ирана были тюркоязычными. Так же надо учитывать, что дипломатическая переписка Кизилбашской державы велась не только на фарси, но и на азербайджанском и турецком языках [Фарзалиев, Мамедова, с. 49]. Русские посольские книги также фиксируют, что часть переписки велась на татарском языке [ПДТП-1, с. 171, 308, 332]. Более того, русские власти отдавали себе отчет в слабости своих специалистов в фарси. Отправляя в Сефевидский Иран кн. Ва-

силія Тюфякина в 1597 г., в наказной памяти послу рекомендовали добиваться, чтобы межгосударственный договор был написан не на фарси, а на тюрки [ПДТП-1, с. 370]. В 1598 г. послания шаха Аббаса переводились по следующей схеме: «переводил с тех грамот тезик Алага (Улага), а писал переводы перево́тчик Нагай бек» [ПДТП-2, с. 8]. Схема такой работы хорошо известна и состояла в том, что знаток языка зачитывал грамоту и устно ее переводил на другой известный язык, а другой специалист записывал этот перевод за ним. В источнике это описано следующим образом: «грамота писана фарсовским письмом; прочитал Алага и сказывал, а писал перево́тчик Нагай-бек» [ПДТП-2, с. 11]. Тезик Алага занимался переводом с фарси в Астрахани и не был служащим Посольского приказа. О его деятельности мы узнаем из грамот астраханских воевод. Эти материалы зафиксировали, что переводы не только иранских грамот, но, например, и шевкальских выполнялись в пограничных городах. Кроме Астрахани, подобная работа осуществлялась в Терках. В Москве же полученные переводы могли редактироваться. Например, Вельямин Степанов в 1597 г. «приправлял» «терской перевод» с шевкаловой грамоты [ПДТП-2, с. 27]. Можно полагать, что подобное делегирование переводческих функций из центра на места могло быть связано с отсутствием необходимых специалистов в Москве.

Литература

- Виноградов А.В.* Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. М., 2019. С. 32—40.
- Кораев Т.К.* Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI—XVII вв.: соседство, соперничество, сосуществование // Исторический вестник. Т. 11. М. 2015. С. 154—199.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Магилина И.В.* Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI — начале XVII вв. Волгоград, 2012.
- Фарзалиев А.М., Мамедова Р.М.* Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб., 2004.
- Шорохов В.А., Слесарев Т.А.* Фирман персидского шаха Аббаса I астраханскому воеводе из фондов Российского государственного архива древних актов // Клио. 2019. № 4(148). С. 28—33.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20—18—00432.

Данила Ефимьев сын Вицкин и проблемы военного перевода в России эпохи Смуты

Межэтнические коммуникации давно привлекают исследователей, описывающих передачу различными языками типичных и специфических культурных явлений, способы распространения информации, регламентацию норм права, заимствование повседневного опыта, прозелитизм, многообразие способов общения. Особое место занимает проблема перевода, неотделимая от судеб его осуществляющих.

Профессия военного переводчика таила множество опасностей. Ошибочное слово или умолчание, особенно в сражении, при быстро меняющейся оперативной обстановке, могло превратить досадное недоразумение в катастрофу. Так, Нарвское поражение осенью 1700 г. среди прочего приписывали незнанию царским командующим Шарлем Эженом де Круа русской речи, лишая способности отдавать внятные распоряжения подчиненным. Подобные сложности сопровождали допросы пленных, показания которых перед проверкой требовали разъяснений, чтение трофейных документов, трактовку договоров, все чаще встречающихся планов и карт, захваченной корреспонденции и офицерских патентов, «заморских» учебников и наставлений по тактике.

Откуда брались кадры? Иногда общение поручалось языкустому рядовому, выделявшемуся способностями из общего ряда. Среди служилых ирландцев середины 1610-х гг. свободно владел русским Александр Ард, упоминаемый челобитной 1618 г. в качестве толмача, хотя остальные документы помещают его в список обычных солдат [Скобелкин, 2015, с. 251]. Переводивший 19 сентября 1617 г. захваченное шведское письмо Вульф Яковлев сменил статус «взятого в языцах полоняника» 1614/15 г. на положение одного из самых искусных лингвистов Посольского приказа, отказавшегося после Столбовского мира возвращаться в Швецию, продолжая высокооплачиваемую службу еще в 1643/44 г. [Лисейцев, с. 367—368].

Чаще всего власти определяли к иноземцам сметливого человека, обладавшего прописанным статусом, вроде «французского переводчика» Бажена Иванова, состоявшего в 1609—1610 гг. при отрядах

Якоба Делагарди, осуществлявшего международную деятельность полкового уровня, что являлось распространенной европейской практикой. В случае необходимости такие специалисты совмещали армейские заботы с дипломатией. Например, в 1621 г. во время польско-турецкой войны великий коронный гетман Станислав Жолкевский отправил к османам для переговоров делегацию, куда вошли кн. Самуил Корецкий, гусарский поручик Абрахам Злопольский и сопровождавший многонациональные войска Речи Посполитой переводчик Кшиштоф Дружбич (*tłumacz Krzysztof Drużbicz*) [Tretiak, s. 201; Podhorodecki, Raszba, s. 38].

Использование наемников из различных уголков Старого Света обусловило важность взаимопонимания внутри разношерстных формирований смешанного состава, а также при общении с начальством и мирными обывателями. Квалификация зависела не только от личных свойств отдельных ратников, но и общих способностей понимать боевые задачи.

Разорванные Смутой начала XVII в. границы России привели в страну множество искателей приключений, солдат удачи, которые при установлении в Кремле твердой власти добровольно или принудительно поступали на более предсказуемую и надежную правительственную службу. К ним относились «Шкотцкая и Ирляцкая роты Бельских немцев», названных так по крепости Белой, при капитуляции которой летом 1613 г. часть польско-литовского гарнизона британского происхождения предпочла тяготам плена русскую службу. Уже 20 мая 1614 г. с ними в Тулу для защиты южных рубежей от крымцев направился толмач Данила Ефимьев сын Вицкин, имя которого с этого времени регулярно встречается в приказном делопроизводстве [Лисейцев, с. 374].

Его происхождение и ранние занятия поглощены туманом Смуты. Сам он рекомендовался «иноземцем старых московских немец», позволяя предполагать, что обосновался в стране до начала острой стадии борьбы за престол претендентов, поддержанных внешними игроками. Источники именуют иноземца Вицкин, Витцкин, Итцкой, Вицкий, меняясь в соответствии со слухом и пристрастиями писарей. Свободное владение шотландским языком, довольно редким на крайнем Востоке Европы начала XVII в., приводит к мысли о связи с северобританскими выходцами. В таком случае Данила мог носить искаженную позднейшими транслациями фамилию Витсон или Уитсон (*Whitson*), типичную для графства Файф, а также Перта, Пиблса, Данкелда [Black, p. 813].

Конечно, здесь стоит соблюдать разумную осторожность. Известно, что, становясь наемниками, бывшие крепостные, должники, вязни, преступники, просто бродяги часто сознательно меняли фамилии, например цесарцы ополячивались, а поляки принимали германские формы или прозвища, решительно порывая с прежним зависимым статусом, стремясь потеряться для бывших господ и юрисдикций. В этом контексте отмечу упоминание (по созвучию) приходной книгой Устюжской четверти 1620/21 г. епифанского откупщика «бельского сидельца Ивашку Вискова» [Приходо-расходные книги, 1983, с. 333], хотя иноземное прошлое толмача всегда считалось само собой разумеющимся.

Состав «бельских немцев», сохранившиеся письма и обращения, дают основание понимать в качестве «шкотцкого» распространенный на равнинной части Шотландии близкий английскому самостоятельный литературный шотландский язык или «Скотс» («Scots leid»), мало напоминавший используемое горцами «гэльское наречие» кельтов. Кроме Вицкого государеву службу в 1610-х гг. нёс «шкотцкий толмач», а позднее переводчик из гданьских шотландцев Павел Томасов (Пол Стерлинг, Paul Sterling), попавший ребёнком в русский плен, где его научили изъясняться «московским обычаем», взяв в Посольский приказ [Ноздрин, с. 88—90].

Очевидно, Данила разумел и английский, что объясняет его включение в смешанный англо-шотландский отряд сэра Артура Эстона («князя Артемия Астона»), действовавший с конца 1614 по 1615 г. против лисовчиков. Как участник боёв, он получил благодарность вместе с наградным золотым. Сложные взаимоотношения Астона с правительством царя Михаила Федоровича, вызвавшие опалу «князя» за желание покинуть Россию и слишком вольное поведение, затронули покровительствуемых им земляков. В феврале 1615 г. Вицкий получил назначение в Казань, вместо поездки обратившись к царю с челобитной направить его по-прежнему в «Шкотцкую роту», наряду с описанием трёхлетних походов и толмачества, упоминая отклоненную просьбу отставки. При этом указанный им срок косвенно может объяснять сравнительно молодой возраст челобитчика и отсутствие достойных указания свершений ранее 1612/13 г.

Стремление Данилы отправиться в Тулу к прежним сослуживцам удовлетворили, как и просьбу другого «кормового немчина» Дениса Федорова сына Гондерерова, жаловавшегося царю: «написан я, холоп твой, в роте у Томаса Ярна з бельскими немцы, а язык у них

шкотцкой и ирлянской, а я, холоп твой, языку их не разумею... Вели государь меня написать в роту у Петра Гаментова или у Дениса Фанфисина, чтоб мне, холопу твоему твоя государева служба служить с родимцы с своими вместе» [Скобелкин, 2015, с. 202—203]

В 1615 г. Вицкин получал из Большого прихода 14 руб. оклада с дополнительными пятью кормовыми рублями на год. 20 августа 1619 г. по помете думного дьяка Томилы Луговского «немецкому толмачю шкотцкого языка Данилу Вицкину государева жалования на нынешний 128-й год половину оклада ево десять рублей дано самому. А в его место руку приложил шкотцкой немчин шляхтич Ондрей Вуд по-немецки. Danill gott his money, and I Andrew Wood subscrivit». Чуть ранее, в августе 1617 г., за лично взявшего деньги Вицкина руку прикладывал «шкотцкие земли писарь Ян Фарфар» [Приходо-расходные книги, 1983, с. 239; Приходо-расходные книги, 1912, с. 672], что ставит вопрос о письменных навыках толмача.

Хорошее знание дел иноземного сообщества позволяло использовать связи в личных целях. Как указывал в челобитной сам «Данилка Ефимьев сын Вицка... в нынешнем во 125-м году после Петрова дни изменил тебе, государю, ирлянской Томасовы роты Юстосова немчин Каларель, а у него, государь, остался на Москве дворишко на Кулишках позаде Никола Поткопая и Трех Святителей, а у меня, холопа твоего, дворишка своего нет и поместейца и вотчинки нет... пожалуй меня... тем немчиновым дворишком», следствием чего стал царский указ «отдать тот двор Данилу» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 78. Л. 189—193). Помимо того, записанный рядовым толмачом роты капитана Томаса Герна Данила Итцкой в конце 1620-х гг. числился нижегородским помещиком с окладом в 450 четьей [Скобелкин, 2001, с. 214]. Одно из поздних упоминаний иноземца приходится на 1630 г., когда его имя указано среди переславских помещиков, хотя сложно понять о Переславле Залесском или Рязанском идет речь [Скобелкин, 2015, с. 546].

Толмач шотландского языка, помещик и воин Данила Вицкин принадлежал к малозаметным героям своего времени, почти лишенным героического начала, оцененного властями в наградной золотой или одну приличную порцию виски, но именно его труд обеспечивал слаженность взаимодействия приказных начальников, иноземцев, наемников, их жен и детей, внесших вклад в преодоление Россией последствий Смуты.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. М., 2021.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Ноздрин О.Я.* Посольские службы Пола Стерлинга // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий. М., 2019.
- Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетий. М., 2019.
- Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1983.
- Приходо-расходные книги Московских приказов. Ч. I. М., 1912.
- Скобелкин О.В.* Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Воронеж, 2015.
- Скобелкин О.В.* Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2001. № 4(1).
- Black G.F.* The Surnames of Scotland: Their Origin, Meaning, and History. New York, 1946.
- Tretiak J.* Historja wojny Chocimskiej (1621). Kraków, 1921.
- Podhorodecki L., Raszba N.* Wojna Chocimska 1621 roku. Kraków, 1979.

Репрезентация образа России и киргиз-кайсацких племен в служебных и исследовательских материалах переводчика и дипломата М. Тевкелева

История российско-казахских отношений насчитывает более трех веков и с фактологической точки зрения изучена достаточно хорошо. Не считая эпизодических контактов конца XVII в., отправной точкой взаимоотношений принято считать обращение хана Младшего жуза Абулхайра в 1730 г. о подданстве и ответную миссию в киргиз-кайсацкую орду, возглавляемую переводчиком и дипломатом Маметем Тевкелевым. Предметом исследования данной статьи является попытка обращения не столько к содержательной стороне наследия Тевкелева, сколько к формируемым посредством его текстов и зафиксированных речей, обращенных к казахской элите, образов России и включаемого в состав империи этноса. Методологический инструментарий работы с «образами» недостаточно разработан, так как применяемое понятие образа в истории слабо структурировано и в значительной степени неопределенно. Образ создавался не в результате логического моделирования, а в ходе «восприятия» — способа познания, имеющего ярко выраженный субъективный характер. Тексты переводчика Тевкелева анализировались с целью вычленения основных характеристик Империи и казахского этноса, транслируемых дипломатом и культурным посредником в период начала взаимоотношений двух различных в цивилизационном плане структур.

Кутлу-Мухаммед Мамешевич Тевкелев (1674/75—1766), первый генерал-мусульманин в истории России, принадлежащий к одному из самых известных мусульманских родов, представители которого с XVII в. находились на дипломатической службе в Посольском приказе. Имеются сведения о переводческой деятельности двоюродного дяди Ромазана Абдрахмановича и его сына Муртазы Ромазановича Тевкелевых [Беляков, с. 192—194, 267; Ханыков, с. 19]. Русское имя мурзы, встречающееся в историографии и ряде документов — Алексей Иванович — дань российской официальной эпонимической традиции, согласно которой администраторы-иноверцы имели двойные имена.

Впервые Тевкелев упоминается как переводчик ориентальных языков во времена Прутского похода 1711 г. Далее он должен был участвовать в печально известном походе Бековича-Черкасского, однако попал в плен к иранскому наместнику и благодаря этому остался жив. Во время Персидского похода 1722—1723 гг. значился как «старший переводчик по секретным делам». Участвовал в переговорах с турецкими посланниками на Немировском конгрессе в середине 1720-х гг. [Ерофеева, 2005, с. 10]. Однако главное дело его дипломатической карьеры — это приведение в подданство киргиз-кайсацких племен и «курирование» взаимоотношений с ними вплоть до конца 1750-х годов. Тевкелев состоял при Оренбургской экспедиции (комиссии), занимался внешнеполитическими контактами в правлении Оренбургской губернии.

Российские администраторы начала XVIII в. не обладали достоверными сведениями о киргиз-кайсацком народе. До материалов М. Тевкелева информация черпалась из эпизодических «отписок» сибирских воевод, «расспросных маршрутов», сказок купцов, проезжавших через Степь из Центральной Азии. В то же время Петр I был заинтересован в проектах продвижения России в азиатском направлении с целью контролирования азиатско-европейских торговых путей. Тевкелев в последующем процитировал наставление императора от 1722 г.: «хотя де оная Киргиз-кайсацкая [орда] степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата... и буде оная орда в подданство не пожелает, то стараться несмотря на великие издержки хотя бы до миллиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцию Российской империи быть обязались» [Казахско-русские отношения, с. 31]. Формальный повод к началу российско-казахских отношений получили в 1730 г., когда хан Младшего жуза Абулхаир без согласования со знатью отправил посольство в Санкт-Петербург с просьбой о поддержке (понятой в России как просьба о подданстве).

Влияние личностного фактора на политические процессы давно отмечено. Успех миссии определило назначение в качестве ее руководителя Маметья Тевкелева. Свободное владение устными языками: казахским, башкирским, татарским, узбекским и др., единым письменным языком для азиатских народов — чагатайским тюрки, знание традиций и обычаев, исповедование ислама, дипломатический талант мурзы — все это сделало возможным принятие присяги о подданстве от казахских, каракалпацких ханов и салтанов и поддержание длительных доверительных отношений с казахской элитой.

Тевкелев являлся главным специалистом и «консультантом» по казахским вопросам в 1730—1750-е гг., организовывая встречи, разъясняя требования российской администрации, составляя проекты по развитию региона. Его письменное наследие опубликовано [История Казахстана, Казахско-русские отношения, Материалы], но не достаточно изучено. Это отчеты о поездках, оформленные в виде журналов, делопроизводственная документация, письма казахским ханам и салтанам. Историографическая традиция включает диаметрально противоположные оценки деятельности Тевкелева [Байназаров, с. 4—8]. Самым спорным моментом службы мурзы было участие в подавлении башкирских восстаний. В данном исследовании предпринимается попытка рассмотрения служебных и исследовательских материалов переводчика, имеющих отношение прежде всего к казахскому этносу. «Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Маметья Тевкелева», «Известие о киргиз-кайсацком народе...», «Экстракт... о двух киргиз-кайсацких Средней и Меньшей ордах по многим с киргизцами разговорам» и др. — уникальный материал, во-первых, по формированию образа казахского этноса у российской администрации, во-вторых, по репрезентации образа России кочевым сообществам.

Материалы Тевкелева явились «ключевыми текстами» [Замятин, с. 481] для российских властей. Определяющие данные и характеристики Степи и этноса были сформулированы не просто одним из администраторов порубежья, но знатоком быта, традиций, менталитета кочевых культур. Информация фиксировалась в ходе полевых изысканий, в результате прямого, без посредников в лице толмачей и переводчиков, общения. Свободное владение языком позволяло Тевкелеву получать неискаженные данные.

Проблема качества переводов на порубежных территориях не раз обсуждалась исследователями, подчеркивалась нехватка профессиональных кадров [Хисамова; Ерофеева, 2014; Осипова]. Сложности возникали, во-первых, при переводе устного языка на неадаптированный письменный (чагатайский) язык, во-вторых, российское делопроизводство при переходе от приказной к коллегиальной системе претерпевало изменения и трансформации, что вело к изменению правил составления документов, формулировок. В-третьих, переводчикам приходилось зачастую самостоятельно создавать терминологический аппарат общения и переписки со Степью. Так, в сборнике «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты» приводится три достаточно сильно отличающихся друг от друга пе-

ревода одного и того же текста — обращения Абулхаира к Анне Иоанновне. Перевод современника Тевкелева Мустафы Турченинова содержит фразу «желаем под протекцию быть», что понималось как просьба о принятии в подданство. Переводы Т.К. Бейсамбиева и Р.М. Пейгумбари, осуществленные в XX в., звучат принципиально иначе: «просим вас установить мир между нами и вашими рабами — уральскими башкирами» [Эпистолярное наследие, с. 107—108]. Можно согласиться с мнением В.В. Трепавлова о том, что представители правящей элиты казахов рассматривали отношения с Российской империей как взаимовыгодный военно-политический союз под мало обязывающим патронатом более сильного «белого царя», а не как вечное подданство [Трепавлов, с. 164]. Переводчики могли упрощать многословные формулы обращений и интерпретировать их согласно своим представлениям о происходящем, переводить их на русский язык привычным словом «подданство». В узком смысле слова языковые, в широком — ментальные отличия между представителями Империи и Степи проявлялись уже на уровне переводов посланий. Таким образом, компетенция переводчика имела принципиальное значение для успеха дипломатической миссии.

Переводы Тевкелева отличались точностью формулировок. Тевкелев, как известный знаток тюркских языков и традиционной системы родственных отношений, хорошо ориентировался в многообразии тюркоязычных терминов. Материалы Тевкелева — это самые ранние письменные источники по истории, географии, генеалогии пяти династийных ветвей казахских ханов, родоплеменной структуре. Специалисты отмечали, что он практически не допускал терминологических ошибок. В этом отношении его материалы выгодно отличаются от подавляющего большинства других российских официальных документов XVIII в., в которых присутствуют фактографические неточности и противоречия [Ерофеева, 2005, с. 23].

Репрезентация образа России в казахской степи являлась одной из основных задач главы киргиз-кайсацкой миссии. Основной посыл зафиксированных переводчиком и дипломатом речей, посланий к казахской элите — внушение благоговения перед Российским государством, осознания выгоды и неизбежности включения жузов в зону имперского влияния. основополагающая черта России — экономическое и военное могущество. «Россия в свете славное государство, яко непоколебимый столп». [Казахско-русские отношения, с. 89]. В обращениях Тевкелева подчеркивалось, что многие независимые правители были добровольно включены в со-

став империи. Исходя из данного положения, отношения между Российской империей и казахскими жузами не могли быть равноправными. «Такому славному монарху с вами, яка степными зверьми, быть в миру не прилично, ибо Российская империя от вас никакого опасения не имеет, и в вас нужды немалой нет, а вам от подданных российских — великая опасность: первое — от калмык, второе — от башкирцов, третье — от яицких казаков, четвертое — от сибирских городов; и всегда вы от них побеждены и разорены бываете» [Казахско-русские отношения, с. 53]. Тевкелев в обращениях подчеркивал, что Россия в подданстве киргиз-кайсаков не нуждается, но если они обращаются за ним — то принимает милостиво.

Дипломат акцентировал внимание казахской элиты на том, что отношения между Россией и ордами не могут быть паритетными. Став свидетелем слабости ханской власти и нежелания старшин давать присягу на подданство, получая угрозы расправы, российский посланник заявлял, что в случае отказа поддержать прошение Абулхаира он заключать мирный договор с жузом не будет, так как «такого бесславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет» [История, с. 18]. Тевкелев обращался к старшинам с такими словами: «Или вы гнушаетесь, чтоб вам в подданстве быть? Не токмо вы, яко степные звери, но многие самовластные цари и ханы в подданстве всероссийском имеются: первое — царь грузинский, Аюка-хан калмыцкий, Аликула-хан, Усмий-хан кагацкий» [История, с. 56]. П.И. Рычков — автор первой «Истории Оренбургской», работавший совместно с Тевкелевым в правлении Оренбургского края, так описал данную ситуацию: «будучи о нравах сего дикого народа довольно сведом, так добро против всех их угроз поступал и умел говорить, что они, многажды собираясь на убийство его и находящихся при нем людей, сами со страхом, а иногда со многим удивлением от него разъезжались и поставляли его за такого человека, который больше человеческого разум имеет» [Рычков, с. 8]

Тевкелев в обращениях к казахам подчеркивал, что несмотря на свое могущество Россия милостива к подданным и соседям. Положение включенных в состав России башкирских и калмыцких племен стало гораздо лучше прежнего благодаря защите «белого царя». Говоря о случае с Бековичем-Черкасским, он отмечал, что войска не были посланы Петром Великим для отмщения не из-за слабости, а из-за милости правителя. «Посланцам сеют обиду плуты, но Россия приняла извинения и простила» [Казахско-русские отношения, с. 52]. Не акцентировал он внимания и на обязательности выплаты

ясака пушниной в случае присяги, подчеркивая, что Россия готова идти на траты по строительству города в Степи не для своего интереса, а для торговых выгод казахов.

Конфессиональная составляющая в обращениях Тевкелева не звучала, однако дипломат апеллировал к неким общепринятым «в свете» традициям. Посланцам угрожать смертью недостойно, как и требовать от послов постоянных угощений. «Во всем свете приезжих довольствуют, а не с них спрашивают» [Казахско-русские отношения, с. 60]. В то же время мурза старался максимально уважительно относиться к традициям киргиз-кайсаков: «от страха, от голоду и холоду приемлем несносную трудность того ради, что в киргиз-кайсацкой орде мне корм не дается, и я у них не прошу и не озлобляю, понеже-де они преж сего такого обычая не имели и ныне едва приходят на истинный путь» [История, с. 61]. Тевкелеву развитие всех человеческих обществ, включая азиатские жузы, виделось линейным, и единственным способом перехода из стадии «дикости» представлялось включение в состав Российской империи.

Тексты Тевкелева изобилуют образными выражениями. Россия сравнивается с непоколебимым столпом, а кочевые этносы — с ветрами, кружащими вокруг данной основы. Применяются анималистические эпитеты, когда кочевники сравниваются с дикими зверями. Степные племена, не вошедшие в состав империи, уподобляются зайцам, спасающимся от борзых собак [Казахско-русские отношения, с. 383]. Под последними понимались башкиры и калмыки, пользующиеся защитой России.

О казахских племенах российские администраторы знали гораздо меньше, чем казахи об империи. Тевкелев, передавая свой первый разговор с Абулхаиром, цитирует его высказывания о собственном народе так: «люди дикия, вдруг их в путь наставить невозможно, так надобно с ними поступать, как уменьем ловят диких зверей» [История, с. 53]. Характеристика киргиз-кайсаков как «людей диких, подобных зверям» встречается во многих текстах Тевкелева, перейдя и в труды Рычкова [Рычков, с. 7] и А.И. Левшина [Левшин, с. 183, 289], закрепившись в качестве стереотипа в общественном сознании.

Другая черта образа казахов согласно материалам Тевкелева — склонность к воровству и легкой добыче. В исследованиях и служебных документах мурзы часто встречаются характеристики «воры, плуты и бездельники», «ненасытным оком что не увидят, желают захватить» [Казахско-русские отношения, с. 93]. Используя данную особенность этнического характера, Тевкелев подарками подкупал

уважаемых старшин и салтанов, а уже после принятия подданства Младшим и Средним жузом обосновывал необходимость выплаты жалования ханам «для верности».

Дикость и воровство, по мнению Тевкелева, отчасти следствие слабости ханской власти. Объясняя невыполнение требований России, чиновник доносил: «люди вольные, ханов мало слушают» [Казахско-русские отношения, с. 88]. Абулхаир, согласно журналу мурзы, себя сравнивал с «бесхозной лошадейю, которую люди бьют, и звери ловят». Слабость власти приводила к бедствиям населения и трудностям в управлении порубежным регионом. Положение рядовых казахов было плачевным: «разорялися и свой скот сами бросали, а в самой необходимой нужде жен и детей брося, только сами уходили» [Казахско-русские отношения, с. 383].

Важным элементом образа этноса выступает характеристика правителя. Проблема статуса ханской власти обсуждалась российскими администраторами на протяжении нескольких десятилетий. Первые губернаторы Оренбургского края И.И. Неплюев и А.Р. Давыдов являлись сторонниками децентрализации власти с целью более легкого управления кочевниками. Однако Тевкелев, более тонко понимая ситуацию в кочевых сообществах, отстаивал необходимость концентрации полномочий в одних руках. Центральной фигурой, на которую необходимо было ориентироваться в проведении политики в Степи в 1730—1740-е гг., по его мнению, являлся Абулхаир. Хотя Тевкелев отмечал, что желание хана просить о подданстве было «невольное и небезсомнительное», однако он — наиболее достойный кандидат на ханское звание. В материалах мурзы встречаются его характеристики как умного и тщеславного правителя: «достаточного ума и не без лукавства, непослушные орды почитает себе в озлобление» [Казахско-русские отношения, с. 99].

После смерти Абулхаира Тевкелев обосновывал опасность раздробления власти у казахов и предлагал «главного хана указом сделать» с выплатой достаточного жалования. В качестве наиболее достойного кандидата выступал сын Абулхаира Нурали. Тевкелев предлагал администраторам участвовать в ежегодных курултаях, губернатору один раз в год проводить встречи с ханами, старшинами и султанами. Постоянный диалог должен был стать залогом стабилизации ситуации в полиэтничном и поликонфессиональном регионе.

Формами такого диалога могли быть поездки знатных людей в Санкт-Петербург и аманатство. Во время посольства в столицу сына и брата Абулхаира Тевкелев просил выделить им сани-трон для посеще-

ния Кунсткамеры и других достопримечательностей [Казахско-русские отношения, с. 48]. Аманаты могли быть политическими — это сыновья от первых жен ханов и султанов, и экономические — представители купечества. Мурза настаивал на частой смене «почетных заложников», уважительном к ним отношении. Однако во время пребывания Тевкелева в Санкт-Петербурге первым губернатором Оренбургского края Неплюевым аманат от Абулхаира Кожакмет удерживался в течении шести лет. Это привело к кризису русско-казахских отношений, во время которого практически прекратилась торговля, происходили набеги на приграничные территории, угон скота, казахи предприняли попытку взять Сорочинскую крепость, где находился в то время сын хана. Губернатор в свою очередь предлагал Коллегии иностранных дел выбрать нового хана из казахских старшин, а также «одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести» [История, с. 42]. Коллегия иностранных дел не поддержала радикализм Неплюева, в Оренбуржье был отправлен «для примирения губернатора и хана» М. Тевкелев.

«Природа» казахского этноса Тевкелевым раскрывалась посредством предлагаемых методов управления порубежьем. В качестве главного принципа в одном из донесений в Санкт-Петербург звучала фраза: «добрым людям справедливость, а вора́м — страх» [Материалы, с. 152]. В случае возникновения проблем следовало использовать противоречия между казаками, башкирами и калмыками, чтобы не перебрасывать в регион войска: «киргиз-кайсаки, калмыки и башкиры — народ дикий и легкомысленный. Один на других при случае посылать можно» [Казахско-русские отношения, с. 100].

Включение в зону российского влияния степных территорий, по мнению Тевкелева, не должно было сопровождаться увеличением числа русских в регионе. После пересмотра программы, согласно которой должен был быть построен один крупный город в Степи, в пользу проекта строительства линий крепостей, Тевкелев призывал селить здесь мешеряков и тептярей, но не русских; принимать в уфимские полки только тех, кто знал обычаи и язык инородцев [Материалы, с. 97]. Тевкелев сообщал в Коллегию иностранных дел, что кочевники между собой «почитают русских людей вместо мышей», так как они «невоенные, яко сарты, сиречь посадские или пахотные мужики» [Казахско-русские отношения, с. 89].

Характерно крайне уважительное и доверительное отношение в жузах к Тевкелеву. Непонимание между казахской элитой и российскими администраторами делало ситуацию в регионе крайне

нестабильной и неконтролируемой. Во время отсутствия в регионе главного специалиста по казахскому вопросу от киргиз-кайсаков в Коллегию приходили письма с просьбами вернуть «друга мурзу», так как «он сам язык знает и изъяснения его всем понятно и приятно». Абулхаир при этом отмечал, что, если будет прислана более знатная персона, но не Тевкелев, толку не будет, так как главное не титулы, а знание языка и обычаев [Казахско-русские отношения, с. 97]. Ханша Попай (Бопай) уже после смерти своего супруга Абулхаира обращалась за содействием к Тевкелеву, называя его единственным человеком, способным выразить интересы казахов: «что у нашего народа есть во уме, то Вы все выразумить и обряды их признать изволите» [Казахско-русские отношения, с. 410].

При назначении губернатором Оренбургского края Волкова кн. А.М. Голицын от Коллегии иностранных дел обратился за консультацией к генералу Тевкелеву. Однако мурза заявил, что изложит собственное мнение по казахскому вопросу, только если получит главную команду над краем. По причине возраста (более 80-ти лет) и вероисповедания данное назначение было оценено как «неприличное», к услугам Тевкелева правительство более не обращалось [Ерофеева, 2005, с. 45—46].

Исследовательские и служебные материалы переводчика, дипломата, администратора М. Тевкелева «открыли» для российской власти, а затем, после публикации отдельных журналов и экстрактов, и для общественности киргиз-кайсацкий этнос. Были получены достоверные сведения об истории, географии, родоплеменной структуре, разделении на жузы, династической ситуации в киргиз-кайсацких ордах. Основные, субъективные характеристики «природы» новых подданных, такие как дикость, тщеславие, склонность к воровству и вольности — прочно вошли в сознание и повторялись у последующих исследователей региона. Материалы Тевкелева стали «ключевыми текстами», включив в себя и презентуя основные компоненты образа пространства и населяющего его этноса. Благодаря вольному владению языком, знанию традиций кочевников, Тевкелев воспринимался как посредник между «белым царем» и этносом, как «друг любезнейший», которому доверяли гораздо в большей степени, нежели другим администраторам региона. Представитель империи в своих как устных, так и письменных обращениях к элите этноса формировал в сознании новых подданных образ Империи — могущественной, поликонфессиональной, справедливой по отношению к лояльным родам.

Литература

- Байназаров И.Н.* А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30—50-х гг. XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа, 2005.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Ерофеева И.В.* Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII — XIX в. как исторический источник // Эпистолярное наследие казахской правящей литы 1675—1821 гг. Сборник документов. В 2-х т. Т. 1. / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2014.
- Ерофеева И.В.* Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731—1759 гг.) // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. III. Алматы, 2005.
- Заматин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
- История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков.* Сборник документов. Т. III. Алматы, 2005.
- Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (сборник документов и материалов).* Алма-Ата, 1961.
- Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. М., 2018.
- Материалы по истории России.* Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: В 2-х т. Т. 1. / Сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург, 1900.
- Осипова Я.В.* «Трудности перевода»: переводчики и толмачи как посредники культуры на южно-уральском порубежье Российской империи в XVIII веке // *Magistra vitae*: электронный журнал по истории и археологии. 2020. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-perevodchiki-i-tolmachi-kak-posredniki-kultur-na-yuzhnouralskom-porubezhie-rossiyskoy-imperii-v-xviii-veke>
- Рычков П.И.* История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.
- Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018.
- Ханыков Я.В.* Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева // *Временник Московского общества истории и древностей российских.* Кн. 13. М., 1852. С. 19 *Хисамова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии России XVI — XIX вв. Казань, 1999.
- Эпистолярное наследие казахской правящей литы 1675—1821 гг.* Сборник документов. В 2-х т. / Сост. И.В. Ерофеева. Т. 1. Алматы, 2014.

Еще раз о методах работы над библейским текстом Московских книжников второй половины XVII века (на материале Библии 1663 г.)

Библия, напечатанная в 1663 г. на московском Печатном дворе (Б63), имеет составленное Епифанием Славинецким предисловие, на внутреннее противоречие которого в недавнее время обратили самое пристальное внимание [Кузьминова, 2021, с. 30—43]. С одной стороны, в нем содержится указание на исправления, внесенные в текст при подготовке к изданию (о́бращеши в нѣкихъ нѣжнѣйшихъ мѣстѣхъ, внихъже в переводѣ ѿнегоже сѣа книга напечатася явственое поползновение, елико во именѣхъ, или в реченіяхъ бысть, здѣже исправлены), с другой — ниже утверждается, что Б63 была издана съ готоваго перевода, кнѣза константина острожскаго печати неизмѣнно (Издание Б63 цитируется по оцифрованному экземпляру, находящемуся в РГБ: <https://dlib.rsl.ru/01003345095>. Дата обращения 15.06.2021).

«Само московское издание 1663 г. явилось почти буквальной перепечаткой Острожской Библии (далее ОБ)» [Евсеев, с. 137]), ставшей, однако, почти на целый век ведущим официальным изданием Библии в России до появления Елизаветинской Библии 1751 г. [Кузьминова, 2020, с. 414].

При общей декларации неизменности издания на уровне текста и несущественности прочих исправлений справа все же была проведена. Наиболее последовательными и регулярными были изменения в орфографии. Прежде всего это касалось дублетных букв, затронуло это и диакритику — словом, ту область, которая была по традиции наиболее детально регламентирована в орфографических руководствах и отношения между единицами которой были оформлены в виде системы правил. Таким авторитетным руководством было для справщиков московское издание грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. Кроме того, подверглась своеобразной унификации система именного склонения [Кузьминова, 2020, с. 414—416]. Однако эти исправления орфографического и грамматического характера, при всей их регулярности и системности, не затрагивают уровень перевода и относятся к области редакторской, а не переводческой деятельности.

Кроме того, справа проводилась в разных библейских книгах неравномерно. Наибольшее число исправлений синтаксического характера (замена одиночного инфинитива на конструкцию *еже + инфинитив* для выражения значения цели; изменение падежной формы относительных местоимений в соответствии с управлением глагола в придаточном предложении) приходится на Псалтырь. Одна из причин кроется, по всей вероятности, в авторском начале — именно Псалтырь правил сам Епифаний Славинецкий [Кузьминова, 2014, с. 132; Кузьминова, 2020, с. 416]. Следует отметить также, что в истории славянской библейской книжности Псалтырь — одна из наиболее фундаментально и часто редактируемых книг. Достаточно вспомнить предшествующее длительное редактирование Псалтыри Максимом Греком в предыдущем столетии. Следует учесть также разницу в истории сложения текста каждой библейской книги, которая может быть обусловлена ее литургической нагрузкой, формой организации текста (его последовательным изложением или того или иного рода перекомпоновкой, в частности, вхождением его в литургические книги, например, в Паремийник), языком, с которого делался перевод на предыдущих стадиях развития текста (греческий или латынь).

Важное место в определении характера работы над изданием Б63 занимает вопрос о его греческом оригинале. Поскольку Б63 считалась до недавнего времени простой перепечаткой ОБ, вопрос об использовании греческих источников при подготовке московского издания не ставился. Упоминания о привлечении при работе какого-либо издания греческого текста Септуагинты отсутствуют в предисловии к Б63, принадлежащем самому Епифанию Славинецкому. Такое отсутствие сведений о греческом тексте для справки сближает предисловие к Б63 с предисловием к ОБ и заметно отличается от предисловия к Новому Завету, переведенному под руководством Епифания Славинецкого в 1670-х—1690-х гг. (далее НЗЕ), составленного его учеником Евфимием Чудовским, который перечисляет большинство привлеченных для нового перевода источников, в том числе и издания греческого текста [Исаченко, 2015, с. 156]. О сверке с греческим оригиналом, сделанной в Б63, свидетельствуют, в частности, восстановленные на полях стихи и фрагменты стихов, отсутствующие в ОБ. При этом перевод этих стихов делался специально для Б63 [Пентковская, 2020, с. 33]. Это порождает ряд вопросов об использованном в Б63 греческом тексте. Был ли это тот же источник (-и), что и для ОБ, то есть Альдинская

Библия и Комплютенская полиглотта [Алексеев, с. 211—212; Евсеев, с. 86, 89; Кузьмина 2014, с. 125]? Использовался ли при составлении Б63 один греческий источник или несколько, как при работе над НЗЕ? Если несколько, то привлеклись ли греческие рукописи или исправления делались только по печатному тексту? Использовался ли отдельный греческий источник для редактирования Нового Завета? Наконец, привлекались ли издания толкового текста? Так, при создании нового перевода Посланий апостола Павла с толкованиями, частично сохранившегося в рукописи ГИМ, Син. 718, Епифаний Славинецкий использовал издание греческого текста толкований Феофилакта Болгарского (*Theophylacti archiepiscopi Bulgariae in d. Pauli epistolas commentarii: Studio et curae Reverendissimi Patris, Domini Augustini Lindselli, Episcopi Herefordensis, ex antiquis Manuscriptis Codicibus descripsi, et castigati, et nunc primum Graece editi. Cum Latina Philippi Montani versione, ad Craecorum exemplarium fi dem restituta. Londini, e Typographeo Regio. M.DC.XXXVI*). Именно этот перевод, освобожденный от толкований, лег в основу Павловых посланий в НЗЕ [Горский, Невоструев, с. 188—189; Пентковская, 2017, с. 27—52].

Хронологически близка к изданию Б63 шеститомная Лондонская полиглотта 1653—1657 гг. (*Biblia Sacra Polyglotta. Edited by Brian Walton. London: Thomas Roycroft, 1657, <https://archive.org/details/WaltPoly1PrologVariantReadings>. Дата обращения 31.07.2021*). Во всяком случае, в этом издании читаются пропущенные в ОБ стихи Быт. 39:13, Исх. 4:26 и Исх. 15:20—21, а также фрагмент стиха Исх. 12:35 [Пентковская, 2020, с. 32—33]. Предполагается, что это издание было привезено в Москву [Исаченко, 2009, с. 131, примеч. 8]. Хотя московскими книжниками вряд ли могли быть востребованы включенные в лондонское издание версии на восточных языках, использование полиглотты как типа издания могло существенно облегчить труд по выявлению чтений, восходящих к Вульгате, и их замены чтениями, согласующимися с Септуагинтой.

Логичным выглядит предположение об использовании при работе над Б63 тех же греческих источников, которые привлекались при переводе НЗЕ. В предисловии к четвероевангелию РГБ, ф. 310 (собр. В.М. Ундольского) № 1291 первой трети XVIII в. названо несколько изданий греческого текста: франкфуртское 1597 г. (*Divinae scripturae, nempe veteris ac novi testamenti, omnia. Recens a viro doctissimo et linguarum pertissimo diligenter recognita, et multis in locis emendata Francofurti: Andreae Wechelheredes, 1597*), а также точно не иденти-

фицированное лондонское издание 1600 г., по всей вероятности, восходящее к Женевской версии. Не исключено использование *Textus qui dicitur Receptus, ex prima editione Elzeviriana (Lugduni Batavorum anno 1624 impressa)* или же Лондонской полиглотты [Исаченко 2015, с. 156, примеч. 2].

От работы над НЗЕ Б63, по всей вероятности, отличает использование оригинала только на одном языке. Так, для Б63 не привлекались польские переводы Библии. Не вполне ясно, какое место при редактировании занимало сличение с Вульгатой. Во всяком случае сверенные с ней чтения ОБ выносятся в маргиналии (в частности, Лев. 18:21, 20:2—4), а в основной текст принимается чтение, соответствующее Септуагинте [Пентковская, 2020, с. 31—32].

При работе над изданием Б63 сделанные исправления вносились как в основной текст, так и располагались в маргиналиях (или внутрь лежаща, или на краях страниц оставлены). Как правило, на полях находились новые, предлагаемые справщиками лексико-грамматические варианты. Именно по ним можно судить о применяемой московскими книжниками технике перевода. Этот способ — глоссирование — впоследствии будет развит в НЗЕ и в других работах Чудовской книжной школы, и прежде всего, в переводах Евфимия Чудовского.

Переводы-редактуры, активно использующие глоссирование, имеют важный отличительный формальный признак — место расположения новых лексических и грамматических вариантов. Так, при неоднократном редактировании текста Псалтыри, в частности, в интерлинейрной Псалтыри 1552 г., Максим Грек на полях помещает заменяемые им чтения предшествующих редакций, а новый авторский вариант вводит в основной текст [Вернер, с. 103]. Напротив, в переводе Поучений аввы Дорофея в киевском издании 1628 г., напечатанном Памвой Берындой в типографии Киево-Печерской лавры, иерархия расположения лексем-произвольников иная. В основном тексте сохраняется вариант среднеболгарского перевода XIV в., который послужил базой для редактирования, а новый лексический вариант дается на полях. Поучение первое: разѹмъ [на поле глосса: намѣрѣнїє] е^{ст} (яко^ж рѣ^х) просто нїѣ Вл^цѣ ѣшемъ хъ, нахчїти на^с ѡкѹдѣ прїидохоѹ въ всѧ грѣхи сїѧ (л. 34, Текст цитируется по оцифрованному экземпляру РГБ: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/mk-rgb/prepodobnyu-avva-dorofey-poucheniya-kiev/#image-8>).

Сопоставление со среднеболгарским переводом показывает, что в киевском издании повторен с небольшими изменениями его текст,

ср. РГБ, ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой лавры) № 163 разумъ есть просто нѣѣ вл^нцѣ наше^м ху наоучити на^с. ѿкуда приходимъ во вса грѣхи сиа (л. 19) — Σιοπὸς, εἶπον ἀπλῶς, ἄρτι τῷ Δεσπότη ἡμῶν Χριστῷ, διδάξαι ἡμᾶς λόθεν ἤλθομεν εἰς ὅλας τὰς ἀμαρτίας ταύτας [PG 88, col. 1624]. Маргинальный вариант намѣреніе является предложением киевских редакторов для перевода ὁ σχολός ‘цель’ [Чэнь, с. 61—62, 68—69]. Принципу киевских книжников, отразившемуся, в частности, в данном издании первой четверти XVII в., следуют и редакторы Б63 [Пентковская, 2021]. Такое расположение вариантов свидетельствует, на наш взгляд, о желании сохранить ведущую роль традиции при редактировании и хорошо согласуется с декларируемым в предисловии Епифания Славинецкого принципом точности воспроизведения текста ОБ.

Таким образом, противоречия в предисловии Епифания Славинецкого к Б63 оказываются мнимыми. Констатируя внесение орфографических исправлений, в остальном в самом тексте издания (за исключением Псалтыри) московские редакторы стремились следовать ОБ. Новые варианты, как правило, выносились на поля, а не включались в сам текст. По сути, это был важный шаг к созданию критического издания с разночтениями, но, в отличие от более поздних критических версий библейского текста (прежде всего НЗЕ), новым вариантам в Б63 отводилось не основное, а вспомогательное место в тексте. Поэтому причина декларации неизменности положенной в основу издания ОБ заключается не только в том, что Епифаний Славинецкий стремился предотвратить негативную реакцию на «новый масштабный издательский проект» со стороны противников литургической реформы патриарха Никона [Кузьминова, 2020, с. 414], но и в том, какое место в иерархии редакторских замен занимали проведенные им исправления. То, что относилось к уровню языка, точнее, к уровню репрезентации текста, — орфография и связанные с ней исправления морфологических форм — подвергалось системному исправлению. То, что относилось к уровню самого текста, прежде всего лексическое варьирование и текстологические расхождения, по преимуществу оставалось за рамками текста, то есть в маргиналиях. Следовательно, утверждение о неизменности текста ОБ в московском издании имеет в виду такого рода исправления, которые, несмотря на их наличие во всех библейских книгах, не находились в пространстве основного текста, были вне зоны действия грамматических правил и оставались точечными и в ряде случаев индивидуальными решениями.

Литература

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Вернер И.В.* Интерлинейарная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека. М., 2019.
- Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II: Писания святых отцов. Ч. 1: Толкование Священного Писания. М., 1857.
- Евсеев И.Е.* Очерки по истории славянского перевода Библии. Петроград, 1916.
- Исаченко Т.А.* «Оглавление лжесловий латинских» в составе трактата «На оглаговляющая священную Библию» и вопросы полемики вокруг нового библейского перевода конца XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 5. С. 128—135.
- Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80—90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015.
- Кузьминова Е.А.* Книжная справа // Православная энциклопедия. Т. 36. М., 2014. С. 122—134.
- Кузьминова Е.А.* Острожская Библия 1581 г. и Московская Библия 1663 г.: лингвистические аспекты книжной справки // Мир науки, культуры, образования, № 4(83). С. 411—417. DOI 10.24411/1991—5497—2020—00810
- Кузьминова Е.А.* Спорные вопросы библейской книжной справки XVI—XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. Изд-во Моск. ун-та, 2021. № 1. С. 30—43.
- Пентковская Т.В.* Ветхозаветные маргиналии в Московской Библии 1663 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 31—37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.496
- Пентковская Т.В.* Об одном типе глосс-произвольников в Московской Библии 1663 года // Сборник тезисов международной конференции «Маргиналии-2021: границы культуры и текста». <http://uni-persona.srcs.msu.ru/site/conf/marginalii-2021/thesis.htm>
- Чэнь Ю.* Система маргиналий в Поучениях аввы Дорофея (Киев, 1628). Квалификационная работа магистра. М., МГУ, 2021.
- Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca.* Ed. J.-P. Migne. T. 88. Cosmas Indicopleustes, Constantine the Deacon, Joannes Climacus, Agathias Myrinae, Gregory Bishop of Antioch, Joannes Jejunator (Patriarch John IV of Constantinople), Dorotheus the Archimandrite. Parisii, 1864. Col. 1617—1836.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20—012—00224 А «Московская Библия 1663 г. и ее культурно-лингвистический контекст».

Служба и социальное положение провинциальных толмачей на востоке России в XVI—XVII вв.

На востоке России в XVI—XVII вв. в административных и военных центрах — городах — были образованы кадры местных толмачей и переводчиков. В западные и северные провинции Русского государства переводчики направлялись из Посольского приказа, которому они и подчинялись [Беляков и др., с. 14]. Отсутствие толмачей и переводчиков по ряду языков на протяжении всего столетия было проблемой даже для крупных центров Русского государства. 23 мая 1660 г. воевода Белгорода окольный кн. Г.Г. Ромодановский послал русское войско под началом стряпчего Григория Косагова из Белгорода в Царев-Борисов «по вестям» о набеге кочевников. 29 мая кн. Ромодановский сообщил в Разрядный приказ, что Косагов прислал в Белгород «выходца венгера, и тот венгер русского языка не умеет, а в Белгороде венгерского языка никто не знает, и спросить было его некому, да будет и впредь взяты будут или выходцы такие ж, венгеры или волохи и сербы и мультаня, и нам спрашивать будет некем: таких людей, кто таким языком знал, и толмачей у нас в полку нет». Только в Москве в приказе удалось расспросить венгра, который сообщил о себе, что он Лаврушко Чесарь, ротмистр войска Ракоци, взятый в плен татарами [Акты Московского государства, т. 3, с. 89]. Переводчиков не хватало даже в Посольском приказе [Гуськов и др., с. 116— 18].

На востоке уже в конце XVI столетия во время строительства русских крепостей по р. Волге южнее Казани остро встал вопрос о толмачах в новых гарнизонах. В 1586 г. кн. Григорий Засекин основал Самару, в 1589 г. Царицын, а в 1590 г. Саратов. В 1587 г. кн. Засекин после переговоров с ногайской знатью писал царю Федору Ивановичу: «а толмачей, государь, и переводчик татарской и вожов у меня, у холопа государева, нету» [Дубман, с. 149].

В крупных военных городах на востоке Русского государства — Казани, Свияжске, Астрахани, Терском городке, Уфе, позднее в Тобольске были сформированы значительные группы толмачей. По данным выписи из Казанского дворца 1630 г. «что в Понизовых и в Мещерских и в Сибирских городех воевод и дьяков и всяких приказных людей, что с ними ратных и всяких людей в городех налицо и по

службам, и сколько с ними ясачных людей» всего под началом приказа служили по списку 31 786 «всяких служилых людей». В приказе Казанского дворца служил калмыцкого языка переводчик с окладом в 36 руб. 29 алтын [Окладная, с. 44]. В Казани к 1630 г. всего «служилых русских людей и с иноземцы» было в службе 2 405 чел. В составе этих служилых людей Казани отмечены после воевод, дворян, детей боярских, иноземцев — немцев и литвы, стрельцов, пушкарей и зятинщиков также и 10 толмачей [Временник, с. 39]. К 1636 г. в Казани служили также 10 толмачей [Книги разрядные, т. 2, с. 923].

Как отмечал еще кн. Андрей Курбский, в Казанском царстве кроме татар жили мордва, чуваша, черемисы, вотяки (арцы) и башкиры. По данным казанских окладных книг к 1679 г. в Казани служили 10 толмачей с трех языков — татарские, черемисские и вотяцкие. Оклад толмачей составлял 53 руб., из которых они получали жалование «в полы их окладов» только 26 руб. с полтиной. Отмечалось, что толмачи «бывают во многих посылках» [Окладная, с. 46].

В других городах Казанского края также служили толмачи. К 1630 г. в Свияжске среди 709 русских служилых людей «и с иноземцы» отмечены и 5 толмачей с переводчиком [Временник, с. 41]. В 1636 г. в Свияжском городе служили уже 7 переводчиков и толмачей [Книги разрядные, т. 2, с. 925]. К 1681 г. в Свияжском городе служили 6 толмачей, из которых трое получали по 6 руб. денег, ржи и овса «потому ж», двое по 5 руб. денег, ржи и овса «потому ж», один — 3 руб. денег, ржи и овса «потому ж». Однако, как и подьячие города, толмачи получали жалование только «в полы окладов». [Окладная, с. 63]. В 1630—1636 гг. в Чебоксарах среди 499 чел. служилых людей были отмечены 4 толмача [Временник, с. 39]; в Уржуме из 297 служилых людей числились трое толмачей [Временник, с. 43]; в Козьмодемьянском среди 348 служилых людей четверо были толмачами; в Цивильске их было четверо, в Ядрине — двое, в Кокшайске — двое, в Царевосанчурске — трое. В 1630 г. в Яранске служили 2 толмача, в Курмыше — 3, в Царевококшайске — 4 [Временник, с. 40—45]. В 1636 г. в Малмыже был один толмач [Книги разрядные, т. 2, с. 935]. В 1630 г. в Уфе отмечены 11 чел. «новокрещенов и толмачей с переводчиком», в 1636 г. — переводчик и 9 толмачей [Книги разрядные, т. 2, с. 923]. К 1681 г. на Уфе переводчик получал оклад 10 руб., 10 чет ржи, 10 четей овса [Окладная, с. 52].

В Царицыне в 1630 и 1636 гг. служил 1 толмач, в Самаре 1 переводчик и 2 толмача; в 1681 г. в Самаре служил татарский толмач с окладом 4 руб. и чувашский с окладом 2 руб. [Окладная, с. 64].

В 1630 г. в городе Черный Яр служили 2 толмача [Книги разрядные, т. 2, с. 920]. К 1681 г. в Царицыне 2 толмача получали всего 19 руб., один из них получал и хлебное жалование 10 четей ржи, 10 четей овса [Окладная, с. 56]. В Симбирске 2 толмача получали 10 руб. [Окладная, с. 57]. В 1630 г. в Астрахани отмечены переводчик и 13 толмачей [Временник, с. 43], в 1636 г. — переводчик и 15 толмачей [Книги разрядные, т. 2, с. 921]. В Астрахани в 1678 г. татарский переводчик отмечен в разделе с подьячими Приказной палаты города; толмачи записаны со стрельцами, пушкарями, воротниками и сторожем [Окладная, с. 47].

В 1630 г. не отмечены толмачи в Саратове, Васильгороде, Алатыре, и Мещерских городах — Касимове, Темникове, Арзамасе, Кадоме, Шацке, где были крупные корпорации «служилых мурз и татар» [Временник, с. 48].

С.А. Белокуров писал, что в практике Посольского приказа толмачи служили «для устных объяснений» с иностранцами, а переводчики должны были переводить грамоты на иностранных языках и другие документы [Белокуров, с. 54]. Должность переводчика требовала более высокой квалификации и лучше оплачивалась. В 1726 г. митрополит Астраханский и Ставропольский Лаврентий писал в Синод, что в Астрахани нет хороших переводчиков на калмыцкий и татарский языки, а есть только неграмотные толмачи [Ходарковский, с. 115].

Главным русским центром на Северном Кавказе в XVI—XVII вв. был Терский город. Первых толмачей в Терский город прислали из Астрахани. В 1589 г. кн. Андрей Хворостинин, воевода Терского города, писал в Посольский приказ, что ему некому послать по государеву делу в земли Кавказа: «толмачей нет». Как отмечал воевода, из Астрахани прислали в Терский город «толмачей полонеников», из которых один год «как вышел из полону, а иному и нет году». Ранее присланный в город в толмачи из Астрахани из «полонеников» Юшка Федоров был послан «для государева дела» в землю Тюмень на Кавказе, и бежал оттуда далее в Ерпели. Воевода отмечал, что не может отвечать за поведение таких толмачей: «и мы, холопи твои, тех толмачей посылати не смеем» [Кабардино-русские отношения, с. 59].

В 1630 г. в Терском городе отмечены 1 переводчик и 5 толмачей [Временник, с. 43]. К 1636 г. в Терском городе служили уже 8 толмачей [Книги разрядные, т. 2, с. 920]. В 1647 г. отмечен толмач съезжей избы Терского города Гришка Ортемьев, участвовавший в сборе таможенной пошлины с таможенным головой [Кабардино-русские отношения, с. 281]. В окладной росписи 1681 г. в Терском городе в

списке переводчик и толмачи города выделены в отдельную группу с окладом в 100 руб. Кроме того, переводчик получал и хлебное жалование [Окладная, с. 47].

По данным Хронографической повести, составленной в середине XVII в., «В том же Сибирском царстве живут люди розноязычни: первые — татаровя, таже — вогуличи, остяки, самоядь, лопане, тунгусы, киргизы, колмаки, якуты, мундуки, шилаги, гаритили, имбаты, зеншаки, сымцы, аринцы, моторцы, точинцы, саянцы, чаландасцы, камасирцы и иных много разноязычных людей в том великопространном Сибирском царстве» [Летописи сибирские, с. 45]. Всего автор Хронографической повести отметил в Сибири 17 народов — «Всех же языков в Сибирском царстве числом 17. А от разделения язык си языцы, како нарицалися, сего не вем, да и сами не ведают же, по своим языком писмен не имут» [Летописи сибирские, с. 50]. Правда далее автор отмечает, что татары Сибири и калмыки имели письменность.

В Сибири к 1630 г. татарские, вогульские и остяцкие толмачи служили по 1 человеку на Верхотурье, Таре, в Сургуте и Березове, Пельме, в Нарымском остроге, в Кетском остроге, Томске [Временник, с. 48—51]. К 1633 г. в городах Тобольского разряда в Западной Сибири служили 7 татарских, остяцких, вогульских толмачей (РГАДА. Ф. 214. Кн. 46. Л. 58). Позднее количество толмачей в городах Тобольского разряда увеличилось. К 1669 г. воевода Тобольска Петр Годунов писал, что в Тобольске и городах Тобольского разряда служили 17 толмачей, которые получали в оклад всего 114 руб., а также хлебное жалование (РГАДА. Ф. 214. Кн. 535. Л. 248—249). К началу XVIII в. всего в уездах Сибири служили 56 толмачей, которых, как и другие группы служилых людей при Петре I, записали в государственные крестьяне [Емельянов, с. 115; Акишин].

Тобольск являлся главным административным и военным центром, столицей русской Сибири, откуда посылали посольства в южные и восточные государства ойратов, монголов, маньчжур, казахов, Бухару, Хиву и Китай. В XVII в. Тобольск стал центром управления огромного края, где жили народы с очень разными культурами и языками. Для устного перевода, кроме настоящих толмачей, воеводы направляли и служилых людей, особенно служилых татар, для временной работы — «в толмачах». По данным окладной росписи жалования за 1681 г. в Тобольске служили 3 татарских толмача, 3 остяцких и 1 калмыцкий. Татарские толмачи получали жалование 1 человек — 13 руб., 9 четей с осьминою ржи, 6 четей овса, 2 чело-

века — 10 руб., 7 четей ржи, 4 чети овса, 1 человек — 8 руб., 7 четей ржи, 4 чети овса. Остяцкие толмачи получали 1 человек — 6 руб., 1—5 руб. 8 ал. 2 деньги, 7 четей ржи, 4 чети овса, 1 человек — 4 руб., 8 ал. 2 деньги, 5 четей ржи, 5 четей овса. Калмыцкий толмач получал 5 руб., 5 четей ржи, 5 четей овса. В списке имеется помета: «против астраханских толмачей татарских один, а остяцких два, и калмыцкой один» [Окладная, с. 67].

В Разрядной книге 1614 г. в списке войска, посланного из Казанского края в Литовскую землю, толмачи отмечены после детей боярских «из Свяжского дворян и детей боярских 50 чел, з головою с Олексеем Тетериным детей боярских и толмачей и подьячих 10 чел., да новокрещенов и князей и мурз жаловальных 210 чел., да людей их 28 чел., да з земли чувашаи и черемисы 712 человек» [Ермолаев, 1980, с. 71].

И.П. Ермолаев на материале Среднего Поволжья полагал, что толмачи были частью «приказного управления» края, в разрядной книге за 1614 г. они были отмечены с детьми боярскими и подьячими, и потому были «скорее всего, по происхождению русскими людьми, хорошо владеющими языками народов Среднего Поволжья» [Ермолаев, 1982, с. 47]. Однако автор не привел данных, доказывающих русское происхождение толмачей Казанского края, отметив, что «среди толмачей встречаются лица с типично нерусскими именами», например толмач Исупка [Ермолаев, 1982, с. 184]. В дальнейшем Ермолаев отметил, что кроме русских людей толмачами часто были и служилые татары [Ермолаев, 1982, с. 139]. Майкл Ходарковский полагал, что большинство толмачей, специалистов в восточных языках в первые столетия Русского государства происходили из русских людей, ранее бывших пленниками у кочевников, и только позднее им на смену пришли принявшие крещение «новообращенные христиане» из кочевых народов [Ходарковский, с. 110]. Надо отметить, что на востоке России, особенно в Сибири, уже с начала XVII в. именно «новокрещены» из местных народов были важным и, видимо, основным источником формирования толмачей. При этом здесь имелись и бывшие пленные, которые также включались в толмачи [Пузанов].

Характерно, что и в Уфе в списке 1630 г. в списке «ратных людей» толмачи отмечены в одном списке именно с «новокрещенными», в списке было записано 11 человек «новокрещенов и толмачей с переводчиком», а затем служилые татары [Временник, с. 48]. В Русском государстве XV—XVII вв. и более высокие группы правящей элиты формировались не только из русских по происхождению, но и

представителей восточных народов, особенно татарской знати. После принятия крещения многие выходцы из татарской знати заняли почетные места в «Государевом дворе» и русской аристократии. В «Бархатной книге», составленной в конце XVII в., из 930 фамилий московской знати по данным Н.П. Загоскина 156 семей, т.е. 17% по подсчету В.О. Ключевского имели татарское и вообще восточное происхождение [Ключевский, с. 193].

Правительство при необходимости назначало на должность толмача в восточные города Русского государства не только представителей инородцев, но и бывших холопов. Так, 18 сентября 1697 г. в Тобольске по государеву указу «новокрещен» калмык Иван Васильев, который ранее «жил в холопстве» у казачьего сына Александра Сутулова, был назначен толмачом в Тобольскую приказную палату для перевода и писем (РГАДА. Ф. 214. Ст. 1312. Л. 176).

Должность толмача предоставляла возможность успешной карьеры. Павел Кульвинский, «ссылной иноземец», взятый в плен в Польше и в 1658 г. отправленный в Сибирь, благодаря изучению здесь восточных языков стал сыном боярским Томска, а затем Тобольска. В 1679 г. Кульвинский был зачислен переводчиком в Посольский приказ и с 1684 г. стал дворянином московского списка [Белокуров, с. 148—150].

Кроме официальных толмачей в гарнизонах городов востока России были и служилые люди, которые в грамотах отмечались как состоящие «в толмачах», т.е. привлекались для устного перевода воеводами и командирами гарнизонов края. Это могли быть представители местного населения, зачисленные в службу, или русские служилые люди, хорошо знавшие местные языки. В этом качестве особенно часто использовали служилых татар Сибири. В списке Тобольска 1633 г. отмечено, что «которые служилые люди» и юртовские служилые татары оставались в Тобольске, и «те посылаемы в розные мелкие посылки», в том числе «на государевы рыбные ловли... в приставах и в толмачах» [Тобольск, с. 28]. Как отмечала З.Я. Бояршинова, «томские и чатские служилые татары использовались в качестве толмачей-переводчиков при общении царских служилых людей с сибирскими народами, в посольствах, направляемых из Томского города в соседние государства» [Бояршинова, с. 105].

В Сибири большинство служилых людей, направляемых воеводами для устного перевода, не имели официального статуса толмача, а находились обычно в других группах служилых людей города, кото-

рых по знанию языков направляли не толмачами, а именно «в толмачах», как отмечали эти официальные грамоты.

По данным И.П. Ермолаева, в Казанском крае должность толмача «была очень заметной в структуре административного аппарата и влиятельной среди приказных людей и населения». Историк полагал, что толмач XVII в. был не только переводчиком, но и юристом, толкователем законов и даже вел «пропагандистскую работу среди населения» [Ермолаев, 1982, с. 140]. К сожалению, последние положения не были в достаточной степени подкреплены источниками. Конечно, толмачи, как и другие представители русской власти — подьячие, дьяки, воеводы и служилые люди в отношениях с местным населением должны были действовать по законам, однако сложно по данному критерию считать толмачей юристами. А.В. Малов и О.С. Смирнова отмечали на основании отписки из Тобольска в Туринский острог, что в Сибири «в жалобах ясадного населения толмачи занимают то же место, что в европейской России в жалобах русских тяглых людей занимали приказные люди [дьяки и подьячие] [Малов, Смирнова, с. 216].

В городах Поволжья, Сибири — востока Русского государства официальные толмачи служили в приказных избах, входили в ближайшее окружение воевод и играли важную роль в управлении уездами, являясь посредниками в отношениях между воеводами и местным населением. Головы татарские и толмачи производили суд «в малых делах» над служилыми татарами [Путеводитель, с. 60].

Первый архиепископ Сибири Киприан писал государю Михаилу Федоровичу, что в Сибири «сибирские воеводы выбирают толмачей по себе, для своего пристрастия, и всякое насильство и продажи делаются от толмачей вместе с ними; татары, вогулы и остяки бьют челом воеводам и приводят новых толмачей, но воеводы последних не принимают и старых не отставляют» [Буцинский, 1999, с. 245]. Проблемой были поборы служилых людей при сборе ясака в Восточной Сибири. В 1660-е гг. воеводы городов Восточной Сибири брали за назначение служилых людей в зимовья за ясаком 300 руб. с приказчиков, 40 руб. с толмачей, 6 руб. с казаков. К 1715 г. в Якутском уезде эти «великие накупы» воевод достигали уже 200 руб. с толмачей и 10 руб. с казаков [Зуев, с. 23]. Ясачные люди стремились добиться назначения толмачом знакомого и близкого человека, от которого они ожидали поддержки. В 1648 г. в Томске ясачные люди Томского уезда требовали сменить в городе толмача и назначить на эту должность новокрещена пешего казака Томска Дмитрия Тихонова.

Сибирский приказ дал на это согласие несмотря на сопротивление воеводы Томска кн. О.И. Щербатова, который называл казака сторонником бунтовщиков и говорил, что он «ис кабацкой избы ярышка» [Покровский, с. 190]. В сентябре 1648 г. по челобитной «остяцких князцов» Дмитрий Тихонов был назначен новым толмачом Томска.

Толмачи имели официальный статус при контактах русского населения с приезжими людьми из других государств и ясачными людьми. Городскому толмачу полагалось сообщать о деловых контактах русских жителей и иностранцев. В 1672 г. в Кузнецком остроге во время «судного дела» над конным казаком Федором Максимовым, которого приезжий бухарский купец, живший у него на дворе, обвинил в краже товаров, воевода Н.Б. Доможиров спросил казака: приняв к себе на двор купца, «бил ли челом великим государем», общил ли об этом в приказной избе воеводе, и «толмачю сказывал ли» [Первое столетие, с. 20].

Толмачи должны были под началом воеводы участвовать не только в отношениях с ясачными людьми и служилыми татарами, но и в переговорах русской власти с представителями других государств. Здесь роль их заключалась не только в простом переводе с других языков, толмачи своим участием в деле также должны были гарантировать отсутствие частного интереса и даже «измены» в действиях воевод далеких городов. В декабре 1651 г. на допросе в Сибирском приказе бывший воевода Томска кн. О. Щербатов в ответ на обвинение в измене, будто он «списывается с калмыцкими людьми», сказал, что он решал «порубежные дела» и принимал посольства из чужих владетелей не один — «на посольском дворе он, князь Осип, один не сиживал: бывали с ним товарищи его, и служилые многие люди, и подьячие, и толмачи» [Оглоблин, 1903, с. 21].

Толмачи городов Сибири привозили важные данные — вести из кочевых государств и обществ. Из городов по Волге толмачи ездили в «Нагаи», а позднее к калмыкам. На Кавказе толмачи Терского города собирали в поездках важные сведения о политической жизни кавказкой знати, их отношениях с Персией, Турцией [Кабардино-русские отношения, с. 168]. 15 июля 1619 г. после приезда толмач Данилко Григорьев рассказал Никите Вельяминову последние вести о войнах в Дагестане, отношениях кумыков с Персией и других событиях [Кабардино-русские отношения, с. 98]. «Добрые толмачи» должны были участвовать в «посылках» из Терского города к владельцам Кавказа с детьми боярскими и подьячими [Русско-даге-

станские отношения, с. 140, 196]. Толмачи обычно сопровождали голов стрельецких, детей боярских и подьячих съезжей избы в дипломатических поездках на юге России [Кабардино-русские отношения, с. 155, 165, 220, 236, 265].

Толмачи могли выполнять и самостоятельные посольские поручения. В 1589 г. из Терского города был послан толмач Иван Творогов к князьям Кабарды Хотону с товарищи, которые приняли власть русского царя, с приглашением приехать в город для дачи закладов [Кабардино-русские отношения, с. 63]. В 1619 г. толмач Данилко Григорьев был послан из Терского города воеводой Никитой Вельяминовым в Кумыки к Илдару-мурзе «для государева дела». В особых случаях из Терского города направляли с толмачом также и переводчика. В 1634 г. уцмий (титул одной из земель Дагестана) Рустем-хан дал шерть и «учиниться в холопстве» царю от всей Кайдацкой земли. По указу Михаила Федоровича 23 ноября из Терского города к уцмию было послано посольство с сыном боярским толмачом и переводчиком и государевым жалованием. Переводчик записал текст шерти [Русско-дагестанские отношения, с. 125]. В ряде случаев провинциальные толмачи могли и привлекаться воеводами городов к переводу грамот. В марте 1617 г. воевода Терского города Никита Вельяминов сообщил в Посольский приказ, что приказал присланную грамоту от кумыцкого Андеи-шевкала, которая «писана по-татарски» «для нужи велел перевести абызу на тезицком дворе тезику и твоим государевым толмачем, боясь того, любо есть в той грамоте которое твое государево великое дело». Причина привлечения толмачей к переводу была в том, что, по словам воеводы «на Терке, государь, переводчиков нет, перевести грамоты на Терке некому» [Русско-дагестанские отношения, с. 60]. В мае 1687 г. воевода Астрахани отправил толмача астраханской Приказной палаты Алексея Грузинцева и юртовского татарина Байтюбета Уразаева к Эндиреевскому мурзе Чеполову, чтобы говорить «о сыске русских людей, взятых в плен на рыбной ловле и у соляных озер, а также о службе мурзы государю» [Башнин и др., с. 33].

В городах Тобольского разряда — особого военно-административного округа, в котором до 1629 г. находились все русские владения в Сибири, а позднее, когда был выделен особый Томский разряд, большая часть уездов Западной Сибири, толмачи относились к особой группе оброчников («обротчики»), выполнявших различные службы по городу и уезду. В списке 1681 г. толмачи городов Сибири отмечены в статье «В городех Сибирского приказа oprичь детей

боярских и новокрещеных и стрельцов и казаков», т.е. кроме служилых людей. Характерно, что толмачи Тобольска написаны в начале списка обротчиков города [Окладная, с. 68]. Н.Н. Оглоблин справедливо отмечал, что этих «оброчников» надо отличать от жилецких «оброчных» людей — крестьян, посадских людей, которые платили в казну «оброки». Представители этой особой группы «жалованных людей» Сибири «оброчились» казне — получали особые «дачи» и т.о. «служили по найму и договору, а не за установленные оклады жалования как служилые люди» [Оглоблин, 1900, с. 113]. Надо отметить, что на практике различие между этими обротчиками и другими группами служилых людей по прибору в Сибири не было значительным. Кроме городов Сибири обротчики отмечались и в Понизовых городах востока России. Однако здесь по данным окладной росписи 1681 г. почти все «жалованные люди» от подьячих и лекарей до безпоместных иноземцев старого и нового выезда до стрельцов, пушкарей, сторожей, воротников и толмачей были отнесены к «разных чинов обротчикам» [Окладная, с. 44—47]. Толмачи были отмечены в списке обротчиков Казани. К обротчикам отнесены в росписи и все служилые люди Астрахани, Уфы, Саратова и других городов Казанского приказа [Окладная, с. 44—67].

В росписи «великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича... денежного и хлебного жалования, и кормов и суков на Москве и в городех всяких чинов людям, oprичь ружников, по сметным спискам, каковы снесены к смете его великого государя казны» на 1680/81 г. по окладу в Московском уезде к обротчикам отнесены подьячие, сторожа, мастера, садовники, плотники, мельники, кузнецы, конюхи, гусятники, служащие дворцовых сел Измайлова, Преображенского, Коломенского и других [Окладная, с. 1—23]. К обротчикам в росписи отнесены подьячие Стрелецкого приказа и стрельцы Москвы, Нижнего Новгорода, Олонца, Кольского острога [Окладная, с. 25—33]. Надо отметить, что в Сибири дети боярские, литва, новокрещены, стрельцы и казаки в списках отмечались именно как служилые люди, отдельно от обротчиков городов края. Характерно, что и в росписи 1681 г. эти группы служилых людей в городах Сибири не отмечены [Окладная, с. 67].

Термин обротчики/оброчники употреблялся и в царских грамотах, и в челобитных служилого населения русских городов. В царской грамоте царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича от 19 июля 1682 г., посланной в ответ на челобитную о ловле рыбы жителей города Черный Яр на Волге, стрельцы также отмечены отдель-

но от обротчиков города — «били челом нам, великим государем», города Черный Яр «ружники и обротчики и стрельцы» [Акты исторические, с. 141]. В грамоте отмечается и население других Понизовых городов, «их братья» — «ружники, обротчики и всякие градские жители» Царицына и Саратова [Акты исторические, с. 142].

В 1645 г. «всяких чинов люди всего Терского города ружники и оброчники» подали челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой подписались основные группы русского населения. Челобитная была подписана духовенством города, князьями Черкасскими, стрелецкими головами, детьми боярскими, сотниками стрелецкими, съезжей избы подьячими, а затем толмачами, пушкарями, воротниками, пятидесятниками, стрельцами, новокрещенами и окоченами, терскими и гребенскими казаками [Русско-дагестанские отношения, с. 167]. Характерно, что толмачи подписали челобитную сразу после подьячих города и перед другими группами служилых людей.

Таким образом, как свидетельствуют приведенные материалы, на востоке Русского государства с XVI в. начинается формирование института провинциальных толмачей, которые играли значительную роль в присоединении новых земель, колонизации края и формировании обществ на окраине страны. Толмачи занимались административной деятельностью, выполняли дипломатические поручения, собирали сведения о ближайших народах и обществах. Особенно важное значение толмачи имели в Сибири. В городах Поволжья, Северного Кавказа и Сибири толмачи относились к особой социальной группе оброчников («обротчики»), выполнявших различные службы по городу и уезду.

Литература

- Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1842.
- Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660—1664. СПб., 1901.
- Башин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.) // Российская история. 2021. № 4. С. 30—43.
- Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021.
- Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Историко-филологические науки. Т. 112. Томск, 1950. С. 23—210.
- Бущинский П.Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Тюмень, 1999.

- Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 4. М., 1849. С. 48.
- Гуськов А.Г. Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в 1680 — 1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—118.
- Дубман Э.Л.* О князе, который строил города... [жизнь и деятельность князя Григория Засекина]. Самара, 2018.
- Емельянов Н.Ф.* Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган, 1991.
- Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI—XVII в. [Хронологический перечень документов]. Казань, 1980.
- Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. [Управление Казанским краем]. Казань, 1982.
- Зуев А.* «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2012.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 2. М. 1988.
- Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 2. СПб, 1855.
- Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв. Документы и материалы. Т. 1. М., 1957.
- Летописи сибирские. Новосибирск, 1991.
- Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи Посольского приказа в 1613—1621 годах: по расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 209—229.
- Оглоблин Н.Н.* К истории Томского бунта 1648 г. М., 1903.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа [1592—1768 гг.]. Ч. 3. М., 1900.
- Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалования за 1681 год. Б/м. Б/г. С. 68.
- Первое столетие освоение Сибири русскими. Новые документы. Томск, 1999.
- Покровский Н.Н.* Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI—XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46—59.
- Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958.
- Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958.
- Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.
- Ходарковский Майкл.* Степные рубежи России. М., 2019.

К истории перевода братьями Лихудами книги «Сфинкс» Афанасиуса Кирхера

Светлой памяти моего учителя Бориса Львовича Фонкича

Деятельность двух греческих иеромонахов Иоанникия (1633—1718) и Софрония (1652—1730) Лихудов исследуется уже на протяжении почти двух столетий. Однако основной фокус внимания ученых был связан с их преподаванием в Московской славяно-греко-латинской академии (в 1685—1894 гг.) [Смирнов, с. 18—77; Сменцовский, с. 64—85; Яламас, 1995; Яламас, 2001; Рамазанова, 2002; Рамазанова, 2003; Рамазанова, 2011], Итальянской школе (1697—1700) [Лукичев; Рамазанова, 2019] и Новгородской греко-славянской школе (с 1707 г.) [Сменцовский, с. 334—374; Вознесенская, 2005] и Московской греческой школе [Вознесенская, 2015]. Существенно меньшее внимание уделялось изучению других аспектов трудов Лихудов, в том числе связанных с поручениями русского правительства относительно переводов книг и документов с различных иностранных языков, которыми владели Лихуды: греческого, латинского, итальянского. К исключениям можно отнести исследования, посвященные участию Софрония Лихуда в редактировании славянского перевода Библии [Сменцовский, с. 390—435].

О большинстве переводческих трудов Лихудов встречаются лишь отдельные упоминания в историографии. В отношении некоторых из них долго не удавалось понять, какие именно иностранные книги скрываются за лаконичными упоминаниями в источниках. Так, впервые документ, где говорится о неких двух латинских книгах, которые Петр I распорядился передать Лихудам для перевода, опубликовал И.И. Голиков в «Деяниях Петра Великого». Это послание Петра I к адмиралу Ф.М. Апраксину, отправленное из Вильны 10 октября 1707 г.: «при сем посланы к вам две книги на латинском языке, которыхя изволь послать в Новгород к старцам Лихудиевым, чтоб они перевели на славянский язык» [Голиков, с. 329—330, № 818].

Публикация Голикова не прошла мимо внимания А.С. Пушкина, собиравшего материалы по истории петровского царствования [Пушкин, с. 182]. В своих подготовительных текстах он приводит почти дословную цитату из письма Петра о том, что в разгар военных приготовлений царь отправил две латинские книги к Апраксину «с по-

велением отдать их для перевода» братьям Лихудам. Также, опираясь на издание письма в «Деяниях Петра Великого», о факте отправки латинских книг царем для перевода их Лихудами упоминали и другие исследователи XIX столетия, например, митр. Евгений (Болховитинов) [Евгений, с. 249] и П.П. Пекарский, причем последний отметил: «какие именно были это книги, неизвестно» [Пекарский, с. 216].

С другой стороны, в свое время П.М. Строев также обратил внимание на упоминание в письме новгородского митрополита Иова факта перевода Лихудами двух латинских книг по распоряжению Петра. В этом письме новгородский иерарх писал о переводах «творения Афанасия Кирхера, иисуита, книги Сфинкса» и сочинения «Риза римских добродетелей, унеи, иже в Вергиле» (то есть, по-видимому, «Энеиды» Вергилия), готовившихся греческими иеромонахами на основе присланных от царя книг. Фрагмент письма Иова, в котором указаны латинские произведения, Строев поместил в составлявшемся им в 1830-е гг. «Библиологическом словаре», однако исследователь не связал письмо митрополита с опубликованным ранее письмом царя Апраксину. Работу над своим трудом Строев не закончил, и его наблюдение оставалось неизвестным, пока не было опубликовано в 1882 г. А.Ф. Бычковым [Строев, с. 191]. Полностью вышеупомянутое письмо митр. Иова к Апраксину издал в 1861 г. И.А. Чистович в составе выборочной публикации писем новгородского иерарха разным лицам [Чистович, с. 123—124] (современное переиздание: [Анисимов, с. 57—58]). В комментарии к публикации Чистович связал переводы с царским поручением и привел оригинальное название упомянутой Иовом латинской книги Кирхера: «Sphinx mystagoga, sive Diatribe hieroglyphica», но не указал ее выходных данных. В полной мере объединить сведения, помещенные в указанных посланиях Петра I и митр. Иова, удалось лишь в конце XIX в. М.Н. Сменцовскому в монографии «Братья Лихуды». Ему уже были известны труд Голикова, материалы «Библиологического словаря» Строева, а также публикация Чистовича (современный шифр рукописи с вышеупомянутым письмом Иова, хранящейся в составе Библиотеки Новгородского Софийского собора: ОР РНБ. Ф. 728. № 1427. Л. 87—87 об.). Сопоставление всех данных позволило Сменцовскому определить, что в указанных источниках упоминаются одни и те же книги, которые надлежало перевести Лихудам [Сменцовский, с. 349].

Выявление сведений о переводе «Сфинкса» Кирхера было продолжено в начале XX в. в ходе подготовки 6-го тома «Писем и бу-

маг» Петра I. К публикации издание, вышедшее в 1912 г., готовил И.А. Бычков, дополнивший документы комментариями. Среди изданных писем Петра было упоминавшееся послание государя, датированное, в отличие от издания Голикова, 1 октября 1707 г. [ПБИПВ, с. 117 (№ 2004)]. Хорошо зная предыдущую историографию, а также состав собраний рукописей Императорской Публичной библиотеки, Бычков указал на рукопись перевода «Сфинкса» Кирхера, находящуюся в Эрмитажном собрании [ПБИПВ, №2004, с. 372—373]; современный шифр хранения рукописи: ОР РНБ. Ф. 885. №105.

Вышеприведенными сведениями фактически исчерпывается отечественная историография, связанная с судьбой загадочного перевода книги «Сфинкс» профессора Римского коллегиума Афанасиуса Кирхера (1602—1680). Следует вкратце отметить, что автор книги, которую российский монарх в 1707 г. поручил перевести Лихудам, во второй половине XVII в. заслужил широкую известность в Западной Европе своими научными трудами в различных областях, к числу которых относились естественные науки, математика, лингвистика и ориенталистика (см. подробнее: [Fletcher]). При этом египтология занимала особо значимое место в ряду исследований Кирхера: за полтора столетия до расшифровки древнеегипетской письменности Ж.-Ф. Шампольоном ученый немецкий иезуит полагал, что раскрыл секрет иероглифического письма. Интерпретация иероглифики Кирхером, как показало развитие египтологии, была целиком ошибочной, но для своего времени его книги на эту тему стали научной сенсацией. Сочинение «Sphinx mystagoga», которое привлекло внимание Петра I, было третьей по счету «египтологической» монографией Кирхера. Прежде «Сфинкса» в Риме вышло в свет главное произведение ученого «Египетский Эдип» («Oedipus Aegyptiacus»; 1652—1654) — название было обусловлено тем, что подобно мифологическому Эдипу, разгадавшему загадку Сфинкса, Кирхер считал, что разгадал тайну иероглифической письменности, представив читателям свои латинские переводы известных в то время иероглифических надписей, собранные в своеобразный каталог (подробнее: [Stolzenberg]). Затем последовало издание выполненной ученым иезуитом «расшифровки» Александрийского обелиска («Ad Alexandrum VII. P.M. Obelisci Aegyptiaci nuper inter Isaei Romani rudera effossi interpretatio hieroglyphica» (Рим, 1666)).

Еще при жизни Афанасиуса Кирхера его имя получило известность и в России: сохранились свидетельства о том, что при дворе царя Алексея Михайловича интересовались иероглифической пись-

менностью [Waugh; ср. Шамин, 2010, с. 104]; в 1671 г. Куранты не обошли вниманием известие из Рима о присланной туда из Польши уникальной рукописи с необычными начертаниями, которую надлежало передать для исследования Кирхеру, «мужу zelo мудрейшему»; кроме того, сообщение о кончине ученого иезуита в 1680 г. также было включено в Куранты [Шамин, 2011, с. 275].

Тем не менее трудно предполагать, что память о трудах и учености римского профессора у российских властей оказалась настолько длительной, чтобы малолетний на момент смерти Кирхера царевич Петр Алексеевич успел не только подхватить у своего отца интерес к иероглифической тайнописи, но и пронести этот интерес почти через три десятилетия, и в 1707 г. внезапно инициировать перевод книги «Сфинкс». В связи с этим открытыми остаются несколько вопросов, ответы на которые позволили бы прояснить не только причины распоряжения Петра, адресованного Лихудам, но и характер поручения монарха. Перечислю наиболее важные, на мой взгляд, аспекты проблемы: с чем связан интерес Петра I именно к этому сочинению Кирхера? Почему посредником в деле исполнения монаршего поручения оказался недавно получивший адмиральский чин Федор Матвеевич Апраксин, казалось бы, не имевший отношения к кураторству переводческой деятельности? Наконец, как сложилась судьба перевода, над которым работали Лихуды?

Сохранившаяся в Эрмитажном собрании ОР РНБ рукопись содержит в названии прямые указания на источник оригинала: «Афанасиа Кирхера Иисуита Сфинкс тайноскоказатель или упражднение иероглифическое, В нем же Сушая от Мемфитида града египетскаго сиречь Алкаира сокровенных пирамид изъятая мумии, и никогда же во ино время во Францию принесшияся, по намерению древних тайносвященных со всяким прирадением опасным изъявляется Толкование. К пресловутым сокровенных разумов, мудрейшим французским любословцем управляемая... В Амстелодеме, в лавке Ианссониоваесмпергиано, Лета 1676» (ОР РНБ. Ф. 885. № 105. Л. 3). Рукопись представляет собой чистовой список с аккуратно приведенными на полях вариантами перевода отдельных слов (например, вместо «иероглифическое» — «священнознателное», вместо «изъятая» — «списанья» либо «снятыя»); она содержит лишь 8 листов; написана на бумаге с филигранями «голова шута» (семизубый, типа [Дианова, № 708]).

Указанные в рукописи выходные данные позволяют однозначно определить оригинальное издание, послужившее латинским источником перевода: «Athanasii Kircheri... Sphinx mystagoga, sive Diatribe

hieroglyphica, qua mumiae, ex Memphiticis pyramidum adytis erutae... exhibitur interpretatio», Amstelodami [Amsterdam] : ex officina Janssonio-Waesbergiana, 1676. Книга вышла форматом in folio, текст на 96 страницах ([8] л., 72 с., [4] л., 5 л.) сопровождался иллюстрациями; также иллюстрации были помещены на 5 отдельных листах.

Из сопоставления двух источников — рукописного славянского перевода и латинского печатного оригинала — видно, что количество листов в двух памятниках не совпадает: 8 листов рукописи и в совокупности 96 страниц печатного текста. Сравнение текстов показывает, что в славянском списке присутствует перевод лишь начальных составляющих книги: это титульный лист (ОР РНБ. Ф. 885. № 105, л. 3); цензурное разрешение на издание, выданное главой ордена иезуитов Иоанном Павлом Оливой (1600—1681) (л. 3 об.) и посвящение лионскому архиепископу Камиллу де Нёвиллю де Виллерау, написанное Афанасиусом Кирхером в Риме в декабре 1675 г. (л. 4—6). Все последующие части, среди которых, например, обращение «к читателю», «содержание» и основной текст сочинения Кирхера, отсутствуют в изучаемом списке перевода. Следовательно, замечание И.А. Бычкова о том, что в рукописи присутствует «перевод труда Кирхера» [ПБИБВ, №2004, с. 372—373], является неточным.

Вместе с тем, в рукописи Эрмитажного собрания помещены дополнительные по сравнению с латинским оригиналом тексты: это «Иоанникиа и Софрониа иеромонахов и учителей Лихудиевых Предведение краткое о Сфинге и мумиех, о них же пишет сия книга» (л. 2) и «Предречение учителей Лихудиевых» (л. 6 об.—8 об.), то есть два предисловия, специально написанных Лихудами для пояснения содержания книги. О них и писал в своем письме митр. Иов, отправляя в октябре 1707 г. рукопись Апраксину: «послах к тебе, господину, для ведения преведения с кратким учителским толкованием тетрадки, что суть сфинкс и мумия и в ризе римских добродетелей Публия Виргилия Марона книг Энеевых деяний» (ОР РНБ. Ф.728. №1427. Л. 89; ср.: [Анисимов, с. 57—58]).

Содержание письма Иова оставляет возможность для неоднозначных интерпретаций слов новгородского митрополита: под «тетрадками» мог подразумеваться более полный текст перевода «Сфинкса», нежели сохранившийся в известной нам рукописи Эрмитажного собрания; и, что тоже вероятно, перевод «Энеиды», выполнение которого поручалось Лихудам наряду с книгой Кирхера. С другой стороны, в письме Иов также сообщал адресату, что присланные от царя книги Лихудами «дненощно преводятся, и мних в

помощи Божией вскоре уготовятся» (Там же). Так били иначе, «тетрадки», отправленные митр. Иовом Апраксину, по-видимому, дошли до царя: согласно описи фонда, рукопись с неполным переводом сочинения Кирхера (ОР РНБ. Ф. 885. №105) была «взята из архива имп[ератора] Петра I» [Эрмитажное собрание, с. 40 (№ 145)].

Вероятно, полный перевод «Сфинкса» на момент отправки письма Иова еще не был осуществлен и, во всяком случае, не был отредактирован, тем более что митрополит просил Апраксина прислать греко-славяно-латинский «Лексикон» Епифания Славинецкого: «Просим... об отдаче ко мне на самое малое время дать посланному моему с роспискою с Печатнаго двора Лексикон Епифаниевскаго для совершеннаго по преводе оных присланных латинских книг исправления» (ОР РНБ. Ф. 728. № 1427. Л. 89 об.). Необходимость присылки «Лексикона» Иов объяснял тем, что «преводником нашим руским некия речи от учителей по эллински и латински сказуемы неудоборазумителны. Пожалуй не закосня благоволи сотворити к его монаршеской воли» (Там же. Л. 90).

Как известно, рукописный автограф «Лексикона» Епифания Славинецкого хранится в греческом собрании рукописей Синодальной библиотеки (ГИМ. Син. греч. 383 (Вл. 488)). В настоящее время нет достоверных сведений о том, чтобы этот обширный кодекс (744 л., разм. 270x213/4 мм) или какой-то из двух сделанных с него в Москве списков [Фонкич, с. 281—282] по просьбе Иова был привезен в Новгород (ср. иное мнение: [Анисимов, с. 216]). Также известно, что Софроний Лихуд в конце 1707 г. покинул Новгород и по распоряжению властей стал преподавателем новообразованной Московской греческой школы [Пекарский, с. 217; Вознесенская, 2015]. Это позволяет допустить, что перевод «Сфинкса» все же не был окончен, в ином же случае завершал его оставшийся в Новгороде один Иоанникий. Возможна, впрочем, и третья версия: нельзя исключить, что братья Лихуды успели выполнить перевод книги Кирхера до отъезда Софрония из Новгорода в Москву, и будущие архивные разыскания позволят обнаружить основную часть недостающего текста.

Вопросы, связанные с мотивацией Петра I, передавшего Апраксину распоряжение о переводе книги Кирхера и фактически возложившего на адмирала контроль за его исполнением, заставляют вновь обратиться к письмам царя, послужившим отправной точкой для историографии, не раз упоминавшей о монаршем поручении относительно «латинских книг». Следует заметить, что, помимо тре-

бования о переводе книг, послания Петра Апраксину от 1(10) октября 1707 г. посвящены еще двум темам: краткому извещению о передвижениях шведских войск, а также поручению о дрессировке новорожденных щенят царской собаки, носившей имя «Леита (или Лента)» [ПБИПВ, с. 370]. Из более ранней записки царя, датированной 26—28 сентября 1707 г., мы узнаем имена этих щенков, недвусмысленно отсылающие к античной мифологии: кобели — «Пироис, Эоис, Аетон, Флегон», суки — «Паллас, Нимфа, Венера» [ПБИПВ, с. 110 (№ 1997)]. Таким образом, оказывается, что на фоне военных приготовлений в Литве в один и тот же день царь размышлял не только о переводе на русский язык книг о тайнах Древнего Египта и доблестях римлян, но и о тренировке собак, которые едва родились, но уже успели обрести античные имена. Как показал В.М. Живов, Петр сознательно выстраивал свои триумфы «по образцу триумфов императорского Рима», а «смешение кощунственно-пародийных элементов с элементами официальной (государственной) деятельности» было «достаточно характерной (если не постоянной) чертой петровского времени» [Живов, с. 395, 420—421]. Все это позволяет думать, что поручение о переводе книги Кирхера было отдано Петром I не столько в связи с целенаправленным интересом к загадкам египетского «Сфинкса», сколько явилось результатом прихоти, возникшей на фоне увлечения античными антуражем и символикой. Неизвестно, чтобы в дальнейшем царь интересовался судьбой перевода книги Афанасиуса Кирхера, поручал его редактировать или готовить к изданию. По-видимому, адмирал Апраксин оказался случайным доверенным лицом, которому пришлось передать монаршее повеление братьям Лихудам. Уже спустя несколько месяцев после распоряжения Петра о переводе «латинских книг» Иоанникий и Софроний Лихуды оказались в разных городах, отдавая время и силы исполнению других поручений российских властей.

Литература

- Анисимов Е.В. (сост., вступ. статья, коммент.)* «Москва и Новгород едина держава Божия»: Новгородский митрополит Иов и его переписка конца XVII — начала XVIII в. Великий Новгород, 2008.
- Вознесенская И.А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 205—235.
- Вознесенская И.А.* Московская греческая школа Софрония Лихуда // Россия и Христианский Восток. Вып. IV—V. М., 2015. С. 376—397.
- Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России: Собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 11. М., 1789.
- Дианова Т.В.* Филигранные XVII—XVIII вв. Голова шута. М., 1997.

- Евгений, митр. (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Т. 1. СПб., 1827.
- Лукичев М.П.* К истории русского просвещения конца XVII в. // *Лукичев М.П.* Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению / Сост. Ю.М. Эскин. М., 2004. С. 352—361 *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002.
- Пекарский П.[П.]* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6 (июль-декабрь 1707) / ред. И.А. Бычков. СПб., 1912.
- Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. IX. История Петра. Заметки о Камчатке. М., 1952.
- Рамазанова Д.Н.* Богоявленская школа Лихудов — первый этап Славяно-греко-латинской академии // *Очерки феодальной России. Вып. 7.* М., 2002. С. 211—238 *Рамазанова Д.Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685—1694). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Рамазанова Д.Н.* Славяно-греко-латинская академия — центр просвещения в России в конце XVII в. // *Религиозное образование в России и Европе в XVII в.* / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2011. С. 133—141.
- Рамазанова Д.Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697—1700 гг.). М., 2019.
- Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899.
- Смирнов С.[К.]* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855.
- Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003.
- Чистович И.А.* Новгородский митрополит Иов и его переписка // *Странник.* 1861. Т. 1. Отд. 1. С. 61—145.
- Шамин С.М.* Неизвестная тайнописная азбука из Приказа тайных дел // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2010. Вып. 2(40). С. 103—106.
- Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.
- Эрмитажное собрание. Опись фонда. Ленинград, 1965 (электронный ресурс: <http://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/Opisi/885.pdf>).
- Яламас Д.А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Дисс. ... канд. фил. наук. М., 1992.
- Яламас Д.А.* Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.
- Fletcher E.* A study of the life and works of Athanasius Kircher, “Germanus incredibilis”: with a selection of his unpublished correspondence and an annotated translation of his autobiography. Leiden, 2011.
- Stolzenberg D.* Egyptian Oedipus: Athanasius Kircher and the Secrets of Antiquity. Chicago, London, 2013.
- Wauch D.C.* Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // *Oxford Slavonic Papers.* N. S., 1977. Vol. 10. P. 46—50.

**«Имена составам, которые сглождаются к огненным хитростям» в составе «Воинской книги» Михаила Юрьева и Ивана Фомина (1607).
Ранний опыт составления естественно-научного индекса в русской книжности**

Разнообразные индексы, списки и каталоги, посвященные природным объектам, будь то минералы, растения или животные, явились для европейской натурфилософии раннего Нового времени важным инструментом систематизации знаний об окружающем мире. Оформившись в европейских печатных изданиях XVI в. в виде упорядоченных, часто многоуровневых и снабженных перекрестными ссылками списков, подобные индексы предшествовали первым собственно научным попыткам биологической и минералогической классификации [Blair; Любарский]. В русской книжности XVI—XVII вв. такие списки наиболее известны в составе травников, в т.ч. переведенных с европейских языков, но попытки каталогизировать природные феномены предпринимались и в текстах технического и военного содержания. В настоящем сообщении анализируется один из ранних индексов такого рода, входящий в состав «Воинской книги» 1607 г. — первого перевода европейского военного трактата на русский язык.

«Воинская книга» 1607 г. представляет собой неполный и существенно измененный по структуре перевод второго тома компендиума «Kriegsbuch» немецкого военного теоретика Леонхарда фон Фроншпергера (ок. 1520—1575), впервые вышедшего во Франкфурте в 1573 г. [Fronsperger; о «Воинской книге» и ее редакциях см. Лобин; Русаковский; Немировский] Переводчики Посольского приказа Михаил Юрьев и Иван Фомин, оба иноземцы по происхождению [о них см. Беляков и др., с. 36—40, 227], поднесли ее царю Василию Шуйскому в мае 1607 г. Труд Юрьева и Фомина дошел до нас в трех списках, два из которых содержат относительно полный текст перевода. Первый из них, относящийся к середине XVII в., находится в собрании Казанского государственного университета (Научная Библиотека им. Лобачевского. № 4550), второй, выполненный в 1670-х гг., был недавно выявлен в Российской Национальной Библиотеке (РНБ. НСРК. Q 183). Российская Национальная Библиотека распо-

лагает и еще одним списком памятника, содержащим его окончание и существенно расходящимся текстуально и по составу с упомянутыми выше (РНБ. ОСРК. F.IX.19). В 1620 г. сотрудник Пушкарского приказа Анисим Михайлов Радишевский переработал текст Юрьева и Фомина и преподнес результат своих трудов царю Михаилу Федоровичу. «Воинская книга» Радишевского сохранилась в двух списках и была опубликована в конце XVIII в. по утраченной сегодня рукописи [Устав].

Работа над «Воинской книгой» потребовала от переводчиков специальных познаний не только в военном деле, но и в естественных науках, в частности, в тех их областях, которые мы сегодня отнесли бы к химии, минералогии и ботанике. Столкнувшись с большим количеством незнакомых немецких и латинских названий веществ и растений, использовавшихся при изготовлении взрывчатых веществ, Юрьев и Фомин создали специализированный индекс — «Имена составом, которые згожаютца к огненным хитростем». Они поместили этот пространный — на 59 наименований, большинство из которых снабжены краткими пояснениями — список в последнюю, 221-ю, «статью» (параграф или небольшой раздел) своего труда, которая дошла до нас в двух из трех его сохранившихся списков (НБ им. Лобачевского. № 4550. Л. 380 об.—385 об.; РНБ. НСРК. Q 183. Л. 377—381 об. В дальнейшем цитаты из списка приводятся без дополнительных примечаний в соответствии со списком РНБ). «Имена» не имеют аналога в немецком оригинале и являются плодом самостоятельных лексикографических усилий переводчиков. Они также не дублируют постатейное оглавление, представленное в начале обеих рукописей (НБ им. Лобачевского. № 4550. Л. 4—25; РНБ. НСРК. Q 183. Л. 3 об.—24).

Сознавая ограниченность своих знаний, Юрьев и Фомин обратились к доступной специализированной литературе и профессиональным медикам: «А в книге те имена написаны по латыни, а по аптекарскому травнику и по докторовым скаскам те имена написаны в сех главах по руски, как в которой статьи до тех имени, которые написаны по латыни, дойдет и тем именам толкования смотреть в сех главах». В качестве «докторов», вероятно, выступали иноземцы, хорошо знакомые как с европейской (латинской и немецкой), так и русской медицинской терминологией. Известно, что после 1606 г. штат придворных медиков резко сократился, так как некоторые из них были высланы из страны или отправлены в ссылку новым царем Василием Шуйским за действительные или предполагаемые связи с

его политическими противниками. В 1606/07 гг. обязанности царского лекаря исполнял только Давид Фасмер, нанятый около 1600 г. в Любеке [Dumschat, S. 234—235]. На хорошие связи иноземных врачей и аптекарей с создателями «Воинской книги» косвенно указывает тот факт, что один из переводчиков, Иван Фомин, был внуком английского врача на русской службе, «доктора Романа», а позднее предуготовил медицинскую карьеру для своего сына, отправив того в 1629 г. учиться в Англию [Беляков и др., с. 36].

Упомянутый в «Воинской книге» «аптекарский травник» или, по уточнению постатейного оглавления в одном из списков, «аптекарский *государев* травник» (РНБ. НСРК. Q 183. Л. 24; здесь и далее курсив мой — О.Р.), мог быть иноязычным, вероятнее всего, немецким, изданием, или же его русским переводом. Известно о бытовании в Москве рубежа XVI—XVII вв. трех таких переводных руководств. Один из них, т.н. «Травник воеводы Бутурлина», едва ли подходит на эту роль, поскольку он был переведен с польского оригинала польскими переводчиками [Николаев, с. 95—96], а индекс «Воинской книги» не обнаруживает следов полонизмов и, напротив, пестрит германизмами. Гораздо более вероятно использование изданий, переведенных с немецкого. «Книга об искусстве дистилляции» («*Liber de arte distillandi*») страсбургского врача Иеронима Бруншвига, впервые изданная в 1500 г. и включавшая в себя, помимо прочего, «Травник» на 350 наименований, была переведена на русский в последней четверти XVI в. Известно по меньшей мере о семи ее списках, в т.ч. иллюстрированных [Сапожникова, 2016; Сапожникова, 2019]. Несколькими десятилетиями раньше, в 1534 г., выходец из Любека Николас Бюлов, известный на Руси как Николай Любчанин, перевел с немецкого травник Иоганна фон Кубе «Сад здоровья» («*Gaerde der Suntheit*», 1492 г.). Труд Бюлова сохранился в пяти русских списках, причем достоверно известно о бытовании одного из них в Москве сразу после конца Смуты [Исаченко, 2000; Исаченко, 2009].

Именно «Травник Любчанина» обнаруживает существенные совпадения с индексом, помещенным в «Воинской книге». По меньшей мере пять из девяти видов трав и деревьев, а также некоторые сорта смол и масел, перечисленные Юрьевым и Фоминим, упомянуты также и в работе Бюлова. В их число вошли два растения, которые, как специально отметили составители индекса, «растут в аптекарских огородах». Первое из них, «газел вурц, то есть трава подлесник» — «*Haselwurz*» [Fronsperger, Bl. 223r] — широко распространено в европейской России и известно нам сегодня как

подлесник или копытень обыкновенный. Вторая из «огородных» трав — «рутын, то есть трава рутова» или рута душистая — напротив, эндемична для средиземноморского региона и в средней полосе России в диком виде не встречается. Любчанин именовал ее «огородной рутой» [Словарь, т. 22, с. 261]. Разумеется, мы не можем знать точно, выращивали ли душистую руту в московских аптекарских огородах в начале XVII в., или же местные лекари, консультировавшие Юрьева и Фомина, знали ее только на основе письменных источников.

Влияние иноязычных травников и их русских переводов, вероятно, не ограничивалось лишь идентификацией отдельных растений или минералов, а распространялось на способ организации материала, избранный переводчиками «Воинской книги». И «Книга об искусстве дистилляции», и «Травник Любчанина» содержат специализированные индексы, в том числе алфавитные [Сапожникова, 2016, с. 16; Исаченко, 2009, с. 105]. Юрьев и Фомин взяли на вооружение форму записи, использованную в переводных травниках — латинское или немецкое название минерала, вещества или растения в кириллической транскрипции, за которым следовало его русское наименование и, если нужно, краткие пояснения относительно происхождения или использования. «Имена составам», однако, существенно проигрывают травникам в системности и удобстве для читателя. Названия веществ не упорядочены здесь ни по алфавиту, ни по разновидности, ни по свойствам. Отсутствуют и ссылки на то, в каких именно «статьях» основного текста встречаются эти наименования.

Состав индекса Юрьева и Фомина весьма разнороден. В нем упомянуты металлы («антимониум», т.е. сурьма), природные минералы («сал камуне, то есть простая соль») и растворы («аква фортин, то есть водка золоторазводная» — высокопроцентный раствор азотной кислоты). Как уже говорилось, широко представлены растения, а также смолы различных деревьев, такие как «колофонь, то есть смола греческая, цветом черноватою» — канифоль, или «гумия арабикум, то есть смола арапская, наличем подобно вишневому клею» — Gummi Arabicum [Fronsperger, Bl. 194v, 206v], смола ближневосточных акаций. Трижды речь в индексе идет не о названиях каких-либо веществ или растений, а о латинских по происхождению выражениях, которые переводчики приняли за самостоятельные понятия и передали кириллицей, но затем смогли правильно интерпретировать: «перепаррит, то есть составлено» (от лат. *praeparatus*, ‘подготовленный’), «куний ацето дистилата, то есть перепущение уксусом, что ни

есть» (от лат. *cum aceto distillato*, ‘очищенно уксу́сом’ [Fronsperger, Bl. 225v]) и «конфорт, имяну́етца сила» (от лат. *cum forte*, ‘с силой’).

Порой одно и то же вещество или растение упомянуты в индексе под двумя разными «именами». Так, очевидно, произошло с валерианой, фигурирующей под сходными названиями. Первое из них, «спикананди, то есть масло спиканарное» соответствует в оригинале «*Spicanandi*» [Fronsperger, Bl. 213r], второе — «спика романум, то есть трава спика римская добравонная» — «*Spica Romana*» [Fronsperger, Bl. 226v]. В обоих случаях речь, вероятно, идет о валериане кельтской или близких к ней видах, известных в латинской ботанической номенклатуре XV–XVII вв. под названиями «*spica romana*», «*spica celtica*», «*nardum celticum*» [Gentner]. «Спика» или «спиканардус» описана и в «Травнике Любчанина» [Словарь, т. 27, с. 31]. Возможно, идентичны «опирмент белой, то есть белой мышьяк» и «арсеникум альбум, то есть мышьяк белой» («*Arsenicum Album*» у Фроншпергера [Fronsperger, Bl. 224r]) — оксид мышьяка, использовавшийся, несмотря на свою высокую токсичность, при производстве красителей, в т.ч. для устройства цветных фейерверков. Вероятно, очень близки по своему составу упомянутые отдельно «оли бенедик, то есть святое масло» («*Oleum Benedictum*» [Fronsperger, Bl. 217r]) и «олеум латрани, то есть кирпичное масло» («*Oleum Latrani*» [Fronsperger, Bl. 200r]). Обе смеси растительных масел использовались в артиллерийском деле при очистке («перепущении») селитры и были столь близки по составу, что в немецкоязычном пространстве на них распространялось общее название «*Ziegelöl*», дословно, «кирпичное масло» [Deutsches Wörterbuch, Bd. 31, Sp. 914]. В России XVII в. оба состава знали [Словарь, т. 9, с. 35], но вопрос о том, насколько их отличали друг от друга, остается открытым.

В подавляющем большинстве случаев комментарии медиков к индексу достаточно точны и позволяют с большой долей уверенности идентифицировать вещества и растения, о которых идет речь. Ошибки и недостоверные сведения в индексе редки. Так, например, «Олиум сатурни, то есть масло красные меди» («*Oleum Saturni*» [Fronsperger, Bl. 194v]) в действительности не имеет отношения к соединениям меди, а представляет собой свинцовую соль уксусной кислоты (ацетат свинца), представляющий собой бесцветные, реже светло-желтые прозрачные кристаллы. О природе «масла Сатурна» как соединения свинца было хорошо известно еще в раннее Новое время [Klein, S. 149–152], но в России XVII в. другие его упоминания найти не удалось.

Лишь единожды создатели индекса прибегли к объяснению, которое сегодня мы сочли бы мифологическим или алхимическим: «Василиск, то есть имянуетца змей Василиск, царь есть змеям, зраком своим язвит людем смертною язвою, а родитца от яйца добре старого петуха, а смерть ему бывает от горностая или от ластьки, и того кровь во огненные составы згождаетца». Большая часть сведений, которые сообщают в этой заметке переводчики, была хорошо известна в европейской оккультной традиции [Handwörterbuch, Bd. 1, Sp. 935—937; Smith, p. 45], но точные источники представления о крови василиска как ингредиенте «огненных составов» остаются неизвестными. На Руси о василиске знали из византийских и западных текстов [Словарь, т. 2, с. 23], но сведения «Воинской книги», по всей видимости, уникальны для русских источников XVI—XVII вв.

Определенная загадка связана со следующим «составом»: «Саборний дерево, в травнике не написано, а есть в травнике написано трава сардония, приржением горяче и сухо, в составех горит прытко». Между тем, у Фроншпергера без дальнейших пояснений упомянуто именно дерево под названием «Sarboni (sic!) Holtz» [Fronspurger, Bl. 213r]. Николаус Бюлов знал и траву «сардонис», и дерево «алое по-латынски и по-гречески, по-русски сабур» [Змеев, с. 12; Словарь, т. 23, с. 10]. Пока остается неясным, что имел в виду Фроншпергер и какой из двух разных вариантов написания растения — «Sarboni» или «саборний» — можно отнести на счет ошибки, сделанной при подготовке немецкого печатного издания или русской рукописи. Словом «сабур» в современном русском языке называют высушенный сок алоэ, но фонетическое соответствие ему в немецких текстах XVI в. не найдено. Что же касается «сардонии», то речь вероятно идет о легендарной траве, произраставшей на острове Сардиния и обладавшей, по сообщениям античных авторов, наркотическими свойствами, которая сегодня не может быть с точностью опознана.

В четырнадцати случаях медики оказались не в силах помочь, заставив Юрьева и Фомина выделить отдельный раздел: «Имяна латынским составом, которых в аптекарских травниках не сыскано, и дохторы сказали, не знают же, а сказали, что имяна знают пушкарки, которые составливают огненные хитрости». К пушкарям, однако, переводчики не обратились, оставив этот список без комментариев. По крайней мере в некоторых случаях причиной этому была небрежность его составителей. Упомянутые ими «пратика», «салпрания», «салпратика», «салбратикум» и, вероятно, «соль проука» в действительности представляют собой то же самое, что и не

вызвавший затруднений продукт перегонки селитры «*Salpertia*» [Fronsperger, Bl. 214v]: «сальбертика, есть состав, из гораздо перепущенные селитры учинитца селитра, а селитру перепустить с горячим вином, с нашатырем, с камфорою и та учинитца салбертик». Очевидной ошибкой стало включение в список слова «гурт» — «Hurt» у Фроншпергера [Fronsperger, Bl. 228r] — соответствующего современному «Hurde» и обозначающего крытую деревянную галерею в верхнем ярусе стены или башни [Deutsches Wörterbuch, Bd. 10, Sp. 1970]. Несколько раз переводчики и помогавшие им медики не опознали вполне реальные минералы — «дуркон» от немецкого «Türkis», бирюза [Deutsches Wörterbuch, Bd. 22, Sp. 1862], и «ганфер», от немецкого «Hanferz», асбест [Deutsches Wörterbuch, Bd. 10, Sp. 434] — или растения — «фелбен дерево», от немецкого «Felben Stock», ива [Fronsperger, Bl. 226v; Deutsches Wörterbuch, Bd. 3, Sp. 1474]. Для некоторых других наименований, таких как «кыны», «емуитри», «накамтис» и «лоргет» соответствия затруднительно найти и сегодня.

Анисим Радишевский, подготовивший в 1620 г. собственную редакцию «Воинской книги», воспользовался индексом Юрьева и Фомина, сократив его до 22-х наименований и поместив в одну из последних «статей» собственной редакции [Устав, т. 2, с. 227—228]. Порядок расположения «имен» в тексте Радишевского в целом следует редакции 1607 г. и также не подчиняется алфавитному или предметному принципу. Постатейные ссылки на основной текст «Воинской книги» в нем отсутствуют, равно как и упоминания об «аптекарском травнике» или «дохтуровых сказках» как возможных источниках. В большинстве случаев Радишевский скопировал краткие комментарии Юрьева и Фомина, хотя, вероятно, они были не всегда понятны для него самого или переписчиков его труда. Так, «желтый огустень, то есть камень янтарный или лимонная пугвица» в книге Радишевского предстает как «желтый уголстинской янтарь», хотя в действительности название «огустень» образовано от немецкого существительного «Augstein» [Fronsperger, Bl. 202r], которое само по себе означает янтарь и не требует определения [Deutsches Wörterbuch, Bd. 1, Sp. 816].

Дважды Радишевский внес значимые исправления в текст своих предшественников. Так, «испликум, то есть ярь шпанская» («Hispanicum» [Fronsperger, Bl. 211v]) в его тексте передан как «эс гиспаникум, ярь веницейская». Речь идет о медной соли уксусной кислоты (ацетате меди), известной в качестве красителя в немецком языковом ареале как «испанская зелень» (Spangrün, Grünspan, viride hispanicum

[Deutsches Wörterbuch, Bd. 16, Sp. 1881]), на Руси же с XVII в. как «ярь венецйская», т. е. венецианская зеленая краска [Словарь, т. 2, с. 75]. В раздел «бурес, то есть бурра, пояют ею *золотое* дело» Радишевский внес частное уточнение: «бурис, бура к паянью *серебренаго* дела», хотя в действительности флюс на основе буры (тетрабората натрия) может применяться при пайке многих благородных и неблагородных металлов, а русские источники XVII в. знали, в том числе, пайку с помощью буры по золоту [Словарь, т. 1, с. 355].

Как видно из приведенного обзора, переводчики и лекари, участвовавшие в составлении индекса к «Воинской книге», продемонстрировали в целом хорошие познания в русской, немецкой и иноязычной терминологии, относящейся к медицине, ботанике и минералогии. Действенным подспорьем в их работе оказался «аптекарский травник», очевидным, хотя и небесспорным кандидатом на роль которого представляется так называемый «Травник Любчанина» 1534 г. Составители индекса не только использовали материал фармакологических и ботанических руководств, но и заимствовали из них, вольно или невольно, некоторые приемы лексикографического описания. Однако результат их труда уступал лучшим переводным справочникам XVI в. по ботанике и медицине в системности и охвате материала. Индекс к «Воинской книге» хаотичен по структуре и неудобен для читателя, что, вероятно, явилось одной из причин его сокращения Радишевским. Для переведенных в XVII в. на русский язык военных трактатов этот опыт остался уникальным. Сотрудники Посольского приказа, работавшие с иноязычными руководствами по артиллерии в раннепетровскую эпоху, уже не отваживались составлять подобные индексы самостоятельно, довольствуясь аккуратным переводом уже имевшихся в оригинале указателей и оглавлений.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю. М., 2021.
- Змеев Л.Ф. Русские учебники. Исследование в области нашей древней учебной письменности. СПб., 1895.
- Исаченко Т.А. Травник из Уваровского собрания под № 623. Его судьба и перспективы // Уваровские чтения—III. «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность» / Ред. колл. Т.Б. Купряшина, Ю.М. Смирнов. Муром, 2000. С. 224—227.
- Исаченко Т.А. Является ли харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 97—109.

- Лобин А.Н.* «Воинские книги» 1607—1620 гг. Опыт заимствования европейской военно-теоретической науки // Смутное время в России. Конфликт и диалог культур / Под ред. А.И. Филюшкина. СПб., 2012. С. 163—168.
- Любарский Г.Ю.* Рождение науки. Аналитическая морфология, классификационная система, научный метод. М., 2015.
- Немировский Е.Л.* Анисим Михайлов Радишевский (около 1560 — около 1631). М., 1997.
- Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Русаковский О.В.* «Воинские книги» 1607/1620 гг. и их немецкий оригинал. Попытка сопоставления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3. С. 53—63.
- Сапожникова О.С.* Лицевой травник Сергия Шелонина. Список с перевода русского врача XVI в. // Вестник Альянс-Архео. 2016. Вып. 15. С. 11—40.
- Сапожникова О.С.* Европейское издание эпохи Возрождения (Liber de arte distillandi). Причины избирательности русского перевода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 175—193.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1— ... М., 1975— ...
- Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Т. 1—2 / Изд. под смотрением В. Рубана. СПб., 1777—1781.
- Blair A.M.* To Much to Know. Managing Scholarly Information before the Modern Age. New Haven, CT — L., 2010.
- Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm // Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21, <https://www.woerterbuchnetz.de/DWB>, дата доступа 01.08.2021.
- Dumschat S.* Ausländische Mediziner im Moskauer Russland. Stuttgart, 2006.
- Fronsperger L.* Kriegßbuch / Ander Theyl. Franckfurt am Mayn, 1573.
- Gentner G.* Einiges über den Speik // Jahrbuch des Vereins zum Schutze der Alpenpflanzen. 1932. H. 4. S. 63—75.
- Handwörterbuch des Deutschen Aberglaubens / Hrsg. von Hanns Bächtold-Stäubli, E. Hoffmann-Krayer. Bd. 1—10. Berlin — NY., 1927—1942.
- Klein U.* Verbindung und Affinität: Die Grundlegung der neuzeitlichen Chemie an der Wende vom 17. zum 18. Jahrhundert. Basel — Boston, MA — Berlin, 1994.
- Smith P.H.* Vermillion, Blood and Lizards. Matter and Meaning in Metalworking // Materials and Expertise in Early Modern Europe / Ed. by U. Klein, E. C. Spary. Chicago, ILL — L., 2009. P. 29—49.
- Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.*

«...Стояли на ругодивской стороне и говорили с ними через реку». Тязвинские толмачи и переводчики 1592—1593 гг.

В январе 1590 г. московские полки перешли демаркационную линию, обозначенную после Плюсского перемирия со Швецией, и двинулись на запад. В короткий срок ими были взяты Ям и Копорье, они подошли к Ивангороду, заняли его и предполагали своей следующей целью Нарву. Однако закрепиться на правом берегу Наровы не удалось. Город подвергся артиллерийской бомбардировке, но не сдался Московиту: Карл Херникссон Горн, выбитый из Ингрии, смог защитить Нарву. Наступление захлебнулось (а целью была — по возможности — вся шведская Ливония). Боевые кампании 1590 и 1591 гг. не принесли новых значимых успехов московскому войску. Напротив, войска Морица Грипа и Класа Флеминга совершали рейды в сторону Новгорода Великого. Летом 1591 г. шведская армия пыталась осадить Гдов, а флот — блокировать Ивангород. В сентябре 1592 г. под Ивангородом близ деревни Тязвино на «русской» стороне Наровы начались долгие переговоры о мире.

Посольский приказ отправил на переговоры со Швецией достаточно разных людей. Главой посольства стал окольный Михаил Глебович Салтыков; в товарищах у него был бывший видный опричник думный дворянин Деменша Иванович Черемисинов. Секретарем посольства служил дьяк Постник Дмитриев. Шведская сторона была представлена Класом Флемингом, скорее военным, нежели дипломатом, Карлом Густавссоном Стенбуком, Йораном Бойе, многолетним наместником Нарвы Арвидом Эрикссоном Столармом и Герхардом Донхофом, наместником в Хапселе.

Если московское посольство имело право заключить как мир, так и перемирие, то шведское посольство получило от короля Юхана III полномочия лишь на заключение перемирия. Сообщение со Стокгольмом было гораздо сложнее, чем с Москвой. За весь период переговоров Салтыков с товарищами получали из Москвы не менее двенадцати царских наказных грамот с определением меры возможных уступок; шведам же лишь единожды удалось получить уточнение своих полномочий (в ноябре 1592 г.). Царь Федор и Борис Годунов были готовы подписать какое бы то ни было мирное соглашение

только при условии передачи Московскому государству Корелы (Кексгольма); неизменная позиция шведов в ходе переговоров заключалась в сохранении *status quo*, достигнутого на момент окончания военных действий в 1591 г.

Первые мирные переговоры между представителями Московского царства и Шведского королевства в Тязвине 1592—1593 гг. — хорошо документированный процесс. Хотя статейный список посольства М.Г. Салтыкова, видимо, погиб, черновые материалы полутора десятков посольских съездов хорошо сохранились (НА СБИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296). Важнейшая роль в коммуникации принадлежала переводчикам и толмачам, чье качество работы в значительной степени определяло успех дипломатической миссии. Сохранились и некоторые документы о переговорах, созданные в шведском посольском лагере. Специальное исследование этих материалов было предпринято библиотечарем Юрьевского университета В. Кордтом, который выявил в коллекции библиотеки в конволюте XVI—XVII вв. 19 документов: списки посольских отчетов и копии адресованных московской стороне грамот шведских послов. Дав краткий и оригинальный исторический очерк политической ситуации 1592—1593 гг., Кордт опубликовал отдельным изданием эти памятники [Cordt]. Мне удалось установить шесть случаев, когда документы в публикации Кордта имеют аналогии (переводы) в документах столбца 296 из коллекции 226 Научного архива СБИИ. Кроме публикации Кордта, об этих первых Тязвинских переговорах вскользь упомянуто в капитальном труде Х. Альмквиста [Almqvist, s. 5—7], эти переговоры совершенно игнорировал в своем исследовании Г.В. Форстен [Форстен]. Б.Н. Флоря, подробно исследовавший вопрос о политической истории заключения Тязвинского мира, опирался на посольскую книгу № 7 96-го фонда РГАДА (тогда ЦГАДА) «Сношения России с Швецией», которая содержит материалы только о вторых тязвинских переговорах, и также не коснулся вопроса о переговорах 1592—1593 гг. [Флоря]. Небольшая статья об этих переговорах принадлежит автору этих строк [Селин].

Количество документов, которые в ходе переговоров требовалось немедленно переводить, было существенным: прежде всего, это грамоты, которыми обменивались посольства. В комплексе «тязвинских» документов я насчитал девять таких грамот, переведенных с немецкого, и четыре грамоты, отправленные из русского стана в шведский. Но не менее существенной была роль толмачей, как во время посольских съездов, так и во время многочисленных предвзятельных встреч посольских дворян.

Процедура назначения этих встреч была примерно следующей. Одна из сторон ее инициировала. Для этого с ивангородского или с нарвского берега «кликали» на другую сторону. Другая сторона как правило, отзывалась и отправляла своих посланных. Так, к примеру, 8 октября 1592 г. навстречу русским дворянам Прокофию Пушечникову, Григорию Языкову и Афанасию Власьеву (будущему посольскому дьяку) к реке Нарове выехали ротмистры Андерс Линдуссон и Аксель Курк с толмачами Андрюшей и Федькой, начавшие переговоры через реку (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 107—109). На следующий день, 9 октября, шведская сторона «кликала» из Нарвы и просила толмача уже с русской стороны; ивангородский воевода кн. Ф.И. Хворостинин выслал навстречу Гаврила Бекетова.

Примечательны личности толмачей, участвовавших с обеих сторон в процессе переговоров. Московские источники называют шведских толмачей русскими уменьшительными именами — Федька, Андрюшка, Игнашка. В двух случаях толмач Федька назван по фамильному прозвищу — «Копорский» (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 101). Надо думать, с эвакуацией шведских гарнизонов из западных областей Новгородской земли в 1590—1591 гг. часть населения ушла за Нарову; несомненно, прозвище «Копорский» указывает на связь этого Федьки с Копорьем. Как и в московской традиции, что показал Д.В. Лисейцев [Лисейцев], толмачи шведской службы служили гонцами и рассылщиками во время посольства. Они ездили к послам с сообщениями от партнеров по переговорам, выполняли мелкие поручения.

Показателен и состав толмачей с московской стороны. Они на тязвинских съездах комплектовались из дворян и детей боярских. В конце октября 1592 г. возник конфликт между толмачем Иваном Зелениным и новгородцем Федором Клементьевым. В разговоре Федор Клементьев сказал толмачу «да что деи послы не съезжаютца, мы деи ведаем на чом им миритца, да и стерегут у нас над ними». Толмач не преминул донести об этом разговоре «в государевом деле» властям (собственно, их дело разбирали сами послы). Ф. Клементьева не сочли злоумышленником, допрошенный, он объяснял свой интерес к посольским делам тем, что его брат находится в плену (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 58—59).

Еще один толмач русской стороны, упоминающийся в документах посольства М.Г. Салтыкова (23 декабря 1592 г.) — Гришка Крокольский, скорее всего происходивший из ямогородских своеземцев, чье фамильное прозвище связано с деревней Кроколье в устье Луги (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 274). Позднее толмач Григорий

Крокольский упоминается в 1601 г. во время встречи в Ивангороде австрийского посланника М. Шеля [Памятники, ст. 754—755]. Явно его родственник, ямогородский городовый приказчик Иван Крокольский упоминается в 1599 г. (РГАДА. Ф. 1209. Д. 16960. Л. 107—109).

Но самой интересной фигурой был служивший толмачом не в польском стане, а в Ивангороде Гаврило Бекетов. Яркий эпизод начала переговоров между сторонами относится к январю 1593 г., уже после получения в обоих станах известия о смерти короля Юхана III. Шведские власти «кликнули» из Нарвской крепости в адрес ивангородских властей, которые выслали на башню, «что над старым тайником», толмача Гаврила Бекетова, «а сами есмь, утаяся за турами, тут же стояли». Шведский толмач Андрюшка, видимо, заметив откликнувшегося Бекетова снова «кликал из Ругодива от Троицы», чтобы ивангородские власти выслали на реку «дворянина добра да толмача», которым будет вручена грамота шведских послов. Московская депутация во главе с псковским сыном боярским Андреем Хвостовым и толмачом Гаврилой Бекетовым прошествовала к реке, где на льду встретила с депутацией из шведского посольского стана во главе с ревельцем Эвертом Гуртом и неперменными толмачами Андрюшкой и Федькой Копорским (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 339—340).

Судьба Бекетова хорошо прослеживается по источникам. Согласно десятне 1605 г., Гаврило Савинов сын Бекетов был взят в плен шведами примерно в 1577/78 г., провел 11 лет в плену (там, вероятно, и выучив язык). Вернувшись в Московское государство в 1588/89 г., он, однако, не получил поместного оклада и денежного жалованья, в том числе и на верстании 1602/03 г. В десятне Водской пятины 1605 г. его скитания описываются следующим образом: «В Иванегороде в толмачах для свейскаго языку, а в московском списке и в десятне 112 году к поместному и к денежному верстанью не написан: 59. Гаврило Савинов сын Бекетов, и во 114 году в Иванегороде Гаврило Бекетов бил челом государю, а сказал: был де он в полону в Сvei 11 лет, а из полону вышел в 97 году, а государева жалованья поместья за ним учинено без верстанья за полон и за службу в Вотской пятине 400 чети, а велено ему быть в Иванегороде на время для толмачества свейскаго языку, а поместным де окладом не верстан, и государь бы его пожаловал, велел его поверстать поместным верстаньем, кому он в Вотской пятине в версту отечеством и службою. А денежное де государево жалованье оброк емлет из чети, и прежнюю свою ввозную поместную грамоту клал, а в грамоте прежний его оклад написан 400 чети». Только на ивангородском верстании в сентябре 1605 г. ему был назначен оклад в 550 четвертей

[Мятлев, с. 472]. Однако, будучи еще не верстанным, Бекетов, после заключения Тязвинского мира (а возможно и ранее), получил поместье в Озерецком погосте Водской пятины. Почти сразу же он начал ожесточенно спорить о разделе земель со своим соседом Федором Нащокиным. В 1597/98 г. Гаврило Бекетов судился с Нащокиным о жерновах и о земляной запашке (НА СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 62), а через год, в 1598/99 г., уже Нащокин обвинил крестьян Бекетова (равно как и крестьян других окрестных помещиков, Бориса Бекетова и Михаила Мякина) в свозе хлеба и потравле пожен (НА СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 74). Интересны строки из письма Ганса Англера, приведенные В.И. Ульяновским: «В письме от 28 сентября 1605 г. (написанном через день после ивангородского верстания. — А.С.) русскому толмачу в Ивангороде Габриэлю Савиновичу, он (Англер — А.С.) заявил, что шведы “много от меня хотят узнать, а я ничего не знаю”». Упомянутый «Габриэль Савинович» — наш ивангородский толмач Г.С. Бекетов [Ульяновский]. Он продолжал служить в Новгороде Великом и в Смутное время и участвовал в переговорах новгородцев с Якобом Делагарди весной 1611 г.: 23 марта 1611 г. Гаврилу Бекетову «для немецкие посылки» были выданы три ведра вина из новгородского винного погреба (РА. NOA. Serie 2: 124. Ст. 118). Имя Бекетова исчезает со страниц источников после того, как его, посланного в 1612/13 г. в Ладугу, по дороге взяли в плен тихвинские казаки (РА. NOA. Serie 1:99. С. 339).

Вероятно, многие новгородские дети боярские, служившие на переговорах под Тязвино, также знали «немецкий» язык. В конце ноября 1592 г. поступил донос на новгородца Ивана Лихарева. Стрелецкий сотник Степан Бородулин будто бы заметил, как после заключения со шведами договоренности о возобновлении переговоров под Тязвино приехал сын боярский Иван Лихарев и «кликал немец и говорил с толмачом с Ондрюшкою да с Федком неведомо по-немецки и неведомо по-латышски, а не по-русски и много». Бородулин разговора не понял, но расслышал, что, прощаясь, толмач Андрияша, обратился к Ивану Лихареву уже по-русски: «слышу деи яз, то и скажу во всем в том». Надо сказать, что Лихарев заметил следившего за ним стрелецкого сотника и уверил его в скором заключении мира со шведами: «ведаю деи яз, что доброе дело постанетца: доселева деи свейского короля с превеликие з братом с своим и ссылались с ноугородцкими наместники, а ныне деи, государь, велели писатися королю собою з братом с твоим». На очной ставке Иван Лихарев заперся и все отрицал. Бородулин продолжал уличать Лихарева, ссылаясь на московских толмачей (по имени назван был только некий Юшка),

что будто бы ранее Лихарев общался «по-немецки» с двумя перебежчиками из шведского стана, а значит — скрывает свое знание языка (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 144). Последствий для Лихарева это дело не имело, однако здесь ценно указание на особенности той среды, в которой служили новгородские дети боярские.

В начале декабря 1592 г. во время посольского съезда произошел интересный эпизод с русским толмачом. В грамоте шведских послов М.Г. Салтыкову с товарищами среди прочих инвектив говорилось: «Не начаялись есмь того, что вы, такие великие господины послы, так неподелно учинили, так с нами делается, а к делу есте кабы пьяни приехали, а и ваш толмач пьян был, неподелно делал, и то от вас немудро и нехорошо учинилося, что есте так учинили» (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 255—257). Московская сторона вынуждена была оправдываться: «А что писали есте о толмаче, и толмач на съезде был не пьян, да и не ведетца тово у нас, что пьяным на съезд приезжати, а шапкою махнул толмача Вилима для того, что у него Вилим прерывал слова и мешал ему говорити, а до вас до послов ему и дела нет» (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Ст. 252—254). Если обвинения в пьянстве и нерадении были достаточно употребительны в риторике той эпохи, то здесь важен именно характер эпизода — столкновение между двумя толмачами во время переговоров. Толмач Wilhelm, несомненно — тот самый Вилим, упомянут в еще одном документе начала декабря 1593 г., в котором сказано, что Йоран Бойе не смог взять его на очередной тур переговоров и вынужден был удовольствоваться переводчиком: хотя Вильгельм и быстрее переводит русских, но его отправили в Везенберг с телами мертвых (?) [Cordt, 126] (пользуюсь случаем поблагодарить Н.А. Малиновского за помощь в уточнении перевода).

Эпизод с «пьяным толмачом» — единственный сохранившийся в источниках, прямо указывающий на работу толмачей и переводчиков во время переговоров. Нет сомнения в том, что и Посольский приказ командировал в Тязино своих переводчиков (статейный список посольства Салтыкова 1592—1593 г., как отмечено выше, не сохранился), и посольство Шведского королевства было укомплектовано специалистами, готовыми качественно переводить (и вычитывать) грамоты московских послов. На сложность задач, которые стояли перед переводчиками в Тязине, указывают два других эпизода.

В грамоте Салтыкова с товарищами к посольству Флеминга от 20 октября 1592 г. содержался упрек в нетитуловании царя Федора самодержцем (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 66—68). Ответный текст шведских послов от 1 декабря 1592 г. [Cordt, s. 122—126],

переведенный в московском стане (НА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Л. 260—264) содержал инвективы с отсылками на текст Священной истории: «вы вашего великого князя, земного человека, божественную титулу даете и обладателем всеа Руси. И тому статись нелзе, что земному человеку что здержати, оприч дивного всемогущего Бога, творца небу и всея твари, он есть один сам здержитель королевством и княж(е)ством и всем людем и всей твари, что есть на небе и в водах, и на земле живет. И по писанию святому пишетьца, что Бог все(х) корольей высит, дает королевства, кому хочет».

Второй эпизод сохранился в протоколе финальной части переговоров дьяка Постника Дмитриева и Герхарда Донхоффа 21 января 1593 г. (сохранилась только немецкая версия). В ней речь вновь зашла о титулах московского государя и шведского короля. Дьяк Постник Дмитриев усомнился в правомерности ношения шведским государем королевского титула относительно того, как он соотносится с титулами Александра Великого и других языческих королей и властителей. Герхард Донхофф в ответ утверждал, что Швеция уже тысячу лет как королевство, тогда как Москва является только великим княжеством (*grosfürstenthumb*) [Cordt, с. 145—149].

В обоих эпизодах высокий уровень перевода (и толмачества — во втором случае) свидетельствует, на мой взгляд, что его должен был делать кто-то, находившийся в штате Посольского приказа (но не толмачи Г. Крокольский или даже Г.С. Бекетов). Однако на сегодняшний день их имена неизвестны.

Литература

- Almquist H.* Sverige och Ryssland. 1595—1611: tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens eröfring och den stora dynastiska planen, Uppsala, 1907.
- Cordt B.* Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im 16. Jahrhundert, Dorpat 1892.
- Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Мятлев Н.Н.* Десятина Водской пятины 1605 г. // Известия Российского генеалогического общества. Вып. 4. СПб., 1911. С. 435—509.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римской империей. Ч. 2 (с 1594 по 1621 г.). СПб., 1852.
- Селин А.А.* Дипломатическая риторика первых тязвинских переговоров в сентябре 1592 — январе 1593 гг. // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2020. Т. 17. № 3. С. 71—81.
- Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. 1990. С. 60—75.
- Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века. М., 1973.
- Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетии (1544—1648). Т. 2. СПб., 1894.
- Статья написана в рамках исследовательского проекта Novogradum inter discrimina*

Коммуникационные практики российско-османских властей южного пограничья: устные сообщения и письменные переводы документов (1710-е — 1720-е гг.)

Статья является продолжением авторских публикаций о толмачах и переводчиках в пространстве южного пограничья конца XVII—XVIII вв. [Сень, 2019, с. 134—143; Сень, 2020, с. 84—120]. Ранее проделанная работа позволила сформулировать несколько актуальных исследовательских задач, необходимых для изучения этой новой научной темы. Среди них — установление/изучение персонального состава соответствующих специалистов; реконструкция их биографий [Сень, 2019, с. 136 и др.] — как индивидуальных, так и коллективных. Изучение биографий толмачей и переводчиков важно при изучении еще одной темы — роли «кадров» Посольского приказа/ Коллегии иностранных дел в реализации внешней политики России на Юге в конце XVII—XVIII в. Реализованный в федеральных и государственных архивах России этап необходимой эвристики привел к составлению автором предварительной (2019 г.) и уточненной (2020 г.) сводки данных о таких толмачах и переводчиках.

В центре моего внимания тогда оказались толмачи и переводчики, работавшие преимущественно в интересах Азовской воеводской администрации (а также воеводской власти в Троицком-на-Таганроге) в течение второй половины 1696 г. — января 1712 г. Они осуществляли устные и письменные переводы с восточных языков (калмыцкого, татарского, османо-турецкого). Было доказано, что азовские власти сумели быстро создать в регионе эффективную систему толмачения с восточных языков (с письменными переводами дело обстояло несколько хуже, хотя и эта проблема постепенно решалась). Например, в группе толмачей (или лиц, выполнявших толмаческие функции) выделены условные подгруппы (количественные показатели которых неравнозначны при сравнении друг с другом. Более подробные данные о персональном составе указанных подгрупп см. [Сень, 2020, с. 93—120]), среди которых представлены:

1. Переводчики Посольского приказа, которые из-за специфических условий местной обстановки выполняли также толмаческие

функции (именно поэтому, несмотря на видимое противоречие, они здесь выделены в отдельную подгруппу);

2. Толмачи Посольского приказа. Выявлен, к примеру, случай исполнения летом 1699 г. присланным из Посольского приказа в Азов специалистом, Рамазаном Сакаевым, толмаческих функций. Судя по автографу, Сакаев неплохо владел русской грамотой (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 181. Л. 9—9 об.). Не исключено, что он приходился родственником другим Сакаевым — переводчикам Посольского приказа [Беляков и др., с. 169—173];

3. Казаки конных полков в Азове и Троицком-на-Таганроге;

4. Иностранцы на российской службе;

5. Крещеные калмыки, проживавшие в Азове;

6. Войсковые толмачи Войска Донского и донцы, владевшие татарским либо османо-турецким языком.

«Местные» толмачи славянского и неславянского происхождения время от времени переводили для азовских воевод документы с восточных языков. Но основную роль в указанном процессе сыграли переводчики Посольского приказа, в т.ч. принадлежавшие к таким известным переводческим фамилиям, как Байцыны, Тевкелевы, Тонкачевы (Тонкачеевы) [Беляков и др., с. 61—63, 194—195, 196—198, 267—268; Сень, 2020, с. 95—96, 115—119]). Также известно о переводчике Тахтаралее Багинине, отправленном на службу в Азов и Троицкий-на-Таганроге для перевода «турецких и татарских писем» (РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 125—125 об. См. о нем: Беляков и др., с. 55—56). В РГАДА выявлены сведения еще об одном переводчике с «турского и татарского языков», правда, до лета 1696 г., когда крепость Азов стала российской. Речь идет о Дмитрие Асанове, отправленном вместе с С. Тонкачевым из Москвы под Азов еще в 1694/95 г., возможно, во время первого 1-го Азовского похода (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 35. Л. 4). Замечу, что в Троицком-на-Таганроге тоже находились толмачи и переводчики (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 3. Л. 7; РГАВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1. Л. 125—125 об.) — хотя, конечно, в существенно меньшем количестве, нежели в Азове.

Цель статьи состоит в изучении дальнейшей деятельности этих и подобных им лиц, в попытке расширения обновленного автором в 2020 г. (по сравнению с публикацией 2019 г.), но, конечно, «незакрытого» перечня толмачей и переводчиков, служивших не только в Азове. Предстоит обозначить новые исследовательские проблемы, например, вопрос о письменной и иной коммуникации россий-

ских властей Азовской губернии с турками-османами после передачи им крепости в январе 1712 г.; о языках устной коммуникации полиэтничного населения южного пограничья, результаты которой также активно влияли на местную обстановку и на состояние трансграничного политического и культурного диалога. Несомненный интерес представляет анализ менявшегося состава толмачей и переводчиков — с учетом того, что необходимость для российских властей иметь в регионе толмачей и переводчиков сохранялась и после января 1712 г. Необходимо также выяснить, кто из толмачей и переводчиков, находившихся в Северо-Восточном Приазовье в течение 1696—1711 гг., прослужил дольше других. Можно утверждать, что переводчики Посольского приказа продолжали вплоть до 1711 г. отправляться в «азовские посылки», хотя в целом столь застарелую проблему, связанную с их нехваткой, не удалось окончательно решить даже при азовском воеводе и губернаторе И.А. Толстом. Одним из тех переводчиков Посольского приказа, перед передачей крепости туркам-османам в начале 1712 г. продолжавших толмачить в ней, например, с татарского языка (данные за весну-лето 1711 г.: [РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 296, 303 об.; Служба донских казаков, с. 97, 103, 104]), стал Кутлумабет Тонкачев (о начале его службы в Азове см.: [РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1703 г. Д. 44. Л. 1—3; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 440. Л. 3]).

Крещеный калмык Иван Камыш (Комыш) [случай 1702 г.: ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 33] еще в 1711 г. продолжал толмачить в Азове с калмыцкого языка [Служба донских казаков, с. 88, 106]. В том же году в расспросах калмыцких «мурз» Бока и Бека в Троицкой приказной палате участвовал толмач Троицкого конного полка — казак Захар Болдырь [Служба донских казаков, с. 90]. В апреле 1711 г. этот же казак толмачил речи другого калмыцкого «мурзы» — Женкодера Эрке [Служба донских казаков, с. 95]. Отмечу, что имя З. Болдыря ранее отсутствовало в перечне толмачей и переводчиков, о котором шла выше речь; другие сведения о нем пока не выявлены. Дмитрий Иванов сын Болдырь, казак Азовской конной службы, был тогда же привлечен властями в Троицком-на-Таганроге к устному переводу с татарского языка [Служба донских казаков, с. 95]. Казак Троицкой конной службы Петр Михайлов толмачил в Троицком-на-Таганроге речи крымского татарина 10 июня 1711 г. [Служба донских казаков, с. 104]. Поручик Азовской конной службы Максим Тимофеев толмачил в Азове речи «арапа» — выходца с Кубани, говорившего по-турецки (июль 1711 г.) [Служба донских казаков, с. 130].

Таким образом, в новый вариант авторского перечня дополнительно включены имена еще четырех человек, выполнявших функции толмачей: Д. Болдырь, З. Болдырь, П. Михайлов, М. Тимофеев. Не исключено, что М. Тимофеев и раньше привлекался к толмаческим функциям — если отождествить его с М. Тимофеевым более раннего времени. Дело в том, что в 1706 г. губернатором Толстым был отправлен из Азова в Стамбул с письмами к П. А. Толстому «конной службы казак Максим Тимофеев и того казака с теми письмами Ачуевский Хасан-паша в Константинополь не пропустил и держал у Ачуева больше года» [История русского флота, прил. № 4, с. 374].

Еще во второй половине выделенного периода (лето 1696 г. — январь 1712 г.) не прекращалась коммуникация российских и османских чиновников. Например, во время Булавинского выступления продолжали переписываться друг с другом азовский губернатор Толстой и ачуевский мухазыфз Хасан-паша. Вероятно, это могло иметь место вплоть до 1710 г., когда Хасан-паша был переведен в Очаков на аналогичную должность. А началась эта переписка, подчеркну, через несколько месяцев (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 327. Л. 108, as Л. 108, 113) после начала воеводской деятельности в Азове И. А. Толстого в июне 1703 г. Переписка губернатора Толстого и генерал-губернатора Ф. М. Апраксина с турками-османами в 1711 г. получила неожиданный импульс в связи с непростыми переговорами о передаче Османской империи крепости Азов, обострившимися осенью 1711 г. Так, поручик И. Честихин вручил 13 октября 1711 г. османскому сераскеру Магмету-паше «листы» от Толстого, а в крепость привез от него «лист турецкого письма» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 151—151 об.). Направляя свое письмо Апраксину 15 октября 1711 г. (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 155—156), Толстой выделил: «При сем полагаю к вашему сиятельству переводы с листов турецких и доезд Честихина» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 156). Отмечу, что сераскер Магмет-паша неоднократно направлял письма и генерал-губернатору Апраксину в 1711 г. о передаче крепости Азов, в т.ч. на французском языке, переведившиеся на русский язык (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 136, 141, 179, 180). А в 1712 г., до своего отъезда из региона в столицу, Апраксин получал в Транжаменте письма из Азова от различных османских чинов и военачальников, включая Айваса-пашу, Рамазана-пашу, Мегмеда-агу, уджацких аг, тоже переведившиеся на русский язык (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 106—106 об., 116—116 об., 117—117 об, 118). Сам же Апраксин направил 10 февраля 1712 г. «из обозу от речки Самбека»

свое письмо на имя Айваса-паши о разорении и оставлении Таганрогской крепости, последовавших 1 февраля 1712 г. (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 93—93 об.). В частности, генерал-губернатор писал о том, что «по отступлении нашим получили мы от вас приятное письмо со уведомлением о прибытии «в Азов... почтеннейшаго Рамазана-паши, которой и сам к нам в обоз прибыл и объявил, что повелено ему разорение Таганрожской крепости осмотреть» (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 93). Апраксин списывался также в 1712 г. с Мегмедом-пашой, пребывавшим в Азове, с которым состоял в переписке и губернатор Толстой [История русского флота, прил. № 4, с. 161—163].

Подчеркну, что еще раньше мухафыз Ачуева Хасан-паша, неоднократно получавший из Азова письма на русском языке, любезно просил воеводу Толстого писать ему по-гречески или по-французски, «поскольку у него под рукой были люди, читавшие на этих языках» [Воеск, 2009, р. 150]. Но, судя по всему, часть писем на русском языке, поступавших из Азова в Ачуев до января 1712 г., турки-османы все-таки переводили. Любопытный случай произошел в 1705 г. во время разведывательной миссии подполковника И. Нестерова в Керчь и в Кафу, начавшейся в конце июля. В частности, ему поручили передать кафинскому бейлербею письмо, адресованное губернатором Толстым. Однако подполковник вручил письмо в османском лагере Сулейману-паше, руководившему строительными работами у Керченского пролива [Аваков, 2010, с. 211]. Послание Толстого «было отправлено для перевода в Ачуев — турецкую крепость на противоположном, восточном берегу Азовского моря. После того, как ачуевскому бею Хасану-паше перевели документ, он послал в Азов своих разведчиков под предлогом доставки губернатору Толстому письма» [Аваков, 2010, с. 211].

После передачи Азова туркам-османам, состоявшейся 2 января 1712 г., ситуация в регионе существенно изменилась: произошла реставрация Азакского (Азовского) санджака Османской империи. Что до территории Азовской губернии и системы местного управления (в т.ч. землями Северо-Восточного Приазовья), то произошли важные изменения: генерал-губернатор Апраксин после относительно недолгого пребывания в крепости Транжамент зимой-весной 1712 г., отбыл в Санкт-Петербург. Правда, перед этим он дал необходимые инструкции представителям своей администрации [Комолов, с. 95]. Летом того же года И. А. Толстой разрушил Транжамент и приступил к созданию Нового Транжамента — в нескольких ки-

лометрах выше г. Черкаска. В новой крепости разместились его резиденция и канцелярия, причем он продолжал именоваться губернатором [Комолов, с. 121]. 25 августа 1713 г. Толстой умер в Новом Транжаменте, успев закончить его строительство. После этого, как отметил П. А. Аваков, «высшим представителем Российского государства в крае стал полковник Алферий Павлович Пиль», назначенный Ф. М. Апраксиным комендантом Транжаamenta» [Аваков, 2010, с. 302. См., однако, письмо самого Пилия азовскому паше от 22 декабря 1713 г., в котором он сообщил, что 13 декабря 1713 г. получил известие о царском указе, назначавшем его комендантом Транжаamenta: Акты о татарских набегах, с. 8]. Что касается «административного веса» коменданта в системе управления территориями Азовской губернии, то, конечно, его необходимо соотнести с прямым подчинением Пилия генерал-губернатору Апраксину и вице-губернатору С. А. Колычеву. Последний был назначен на данную должность именным указом от 27 ноября 1713 г. [Комолов, с. 126]; с 1715 г. его резиденцией стал Воронеж. Что касается Транжаamenta, то крепость была включена в состав Воронежской провинции Азовской губернии, числясь в ней, например, по состоянию на 1719 г. [Комолов, с. 62]. Замечу, что после 25 августа 1713 г. Пилию пришлось налаживать контакты с турками-османами в «нестандартной» обстановке: Апраксина уже не было на территории губернии, куда он больше не приезжал; а Колычев вскоре после нового назначения отправился на русско-турецкую границу для ее размежевания. «Большую часть следующего года он провел на этой службе и фактически губернией не руководил» [Комолов, с. 127].

Соглашусь с мнением о том, что «Транжамент оставался главным опорным пунктом России на приазовском участке границы с Османской империей вплоть до 1730 г., когда поблизости была заложена новая крепость Святой Анны, призванная заменить его. Следует отметить, что Транжамент решал не только сугубо военные, но и политические задачи» [Аваков, 2010, с. 303]. Среди них — профилактика и разрешение пограничных конфликтов с ногайцами и с турками-османами (включая переговорный процесс в формате «Пограничной с Турцией комиссии»), переписка с азовскими пашами и с Бахчисараем, сбор всевозможной разведывательной информации и пр. Транжамент занял существенное (хотя не единственное) место в коммуникации российских властей с турками-османами в Северо-Восточном Приазовье после 2 января 1712 г. Итак, предстоит изучить еще один малоизученный в историографии вопрос — о формах

и методах реализации властями Транжамента т.н. пограничной дипломатии, в т.ч. предполагавшей устную и письменную коммуникацию с турками-османами. Безусловно, местная администрация обращалась к услугам толмачей и переводчиков. Поводов для этого было достаточно, в т.ч. в связи с началом работы в Транжаменте с 1719 г. «Пограничной с Турцией комиссии», подчинявшейся Коллегии иностранных дел [подр.: Бабич, с. 13—16; Комолов, с. 176—178]. Среди местной «чиновной братии», по данным Комолова, был и «переводчик турецких писем» (1721 г.) [Комолов, с. 186]. Переводчики (правда, не всегда «способные», как пишет М. В. Бабич), присылались в крепость из Санкт-Петербурга для нужд Комиссии, хотя их не хватало. Уже в первой половине 1720-х гг. регулярными, в рамках работы Комиссии, становятся «допросы» возивших «в Азов письма и деньги переводчиков и казаков, нет на Кубани военных приготовлений» и пр. В конце 1720-х гг. в работе Комиссии даже оживилась «корреспонденция» с Азовом и с Бахчисараем [подр.: Бабич, с. 14, 15].

И все же — регулярные контакты российской стороны с турками-османами Азова стали формироваться раньше, как минимум, в 1713 г. Сделано наблюдение о том, что паша писал в Транжамент, как минимум, двум важным адресатам — губернатору И. А. Толстому и А. П. Пилю. Переписка Толстого и азовского бей Резепа-паши имела место еще в июле-августе 1713 г. [Аваков, 2010, с. 301; Акты о татарских набегах, с. 8]. Первый комендант Транжамента Пиль вступил в переписку с пашой летом того же года. Очевидно, что это произошло еще при жизни Толстого, умершего 25 августа 1713 г. 3 августа того же года Пиль направил азовскому паше Резепу-паше свое письмо в связи с военной активностью крымских татар и кубанских ногайцев [Акты о татарских набегах, 1874, с. 6—7]. Из текста письма становится известно о посланце бей — некоем Мустафе-паше, прибывшем из Азова в Черкасск с письмом. Комендант проинформировал бей о том, что Мустафа-паша, не дождавшись его ответного письма, уехал из Черкасска. Поэтому, уточнял адресант, он и пересылает ответное письмо из Транжамента в Азов [Акты о татарских набегах, с. 7]. Мы также располагаем письмом Пили от 23 августа 1713 г., отправленным в Азов с полковником Н. Шамшиным [Акты о татарских набегах, с. 9—10]. Оно тоже ответное — как реакция на письмо азовского бей Резепа-паши от 20 августа 1713 г. Укажу на деталь, важную для реконструкции переписки — Пиль частично пересказывает содержание бейского письма, например, о его общении с нурадыном-султаном, прибывшим с Кубани в Азов [Акты о татарских набегах, с. 9—10].

Пиль направил в Азов очередное ответное письмо 29 августа 1713 г. [Акты о татарских набегах, с. 8—9]. Для анализа важен лапидарный пересказ содержания исходного письма азовского бея от 26 августа того же года. Итак, Резеп-паша сообщал о приезде к нему в Азов полковника Н. Васильева с письмами от Толстого [Акты о татарских набегах, с. 8]. Фраза из письма Пилия («и что в тех письмах писано, то вы разумели») позволяет судить о том, что губернаторские письма были в Азове переведены. Этим же письмом Пиль сообщал паше о смерти Толстого, а также о своей готовности сотрудничать с азовскими властями. Данное письмо Пилия было передано из Транжамента в Азов с доверенным лицом бея — Хаджи-Арсланом [Акты о татарских набегах, с. 9].

22 декабря 1713 г. из Транжамента в Азов последовало очередное содержательное письмо Пилия, адресованное «визерю» Магмету-паше (?) [Акты о татарских набегах, с. 7—8]. Можно предположить, что Пиль обращался к новому азовскому бегу, ранее направившему в Транжамент свое письмо. Комендант информировал пашу не только о полоняничных делах, но также о налаживании переписки, «а по оном вашим письмам елико возможно буду отправлять и желаю с вашим превосходительством быть в дружелюбии» [Акты о татарских набегах, с. 8]. В 1714 г. азовский бей Рамазан-паша направил свое ответное письмо Пиллю [Акты о татарских набегах, с. 10—11]. Принципиально важными являются слова бея о том, что письма коменданта в Азов доставил «от вашей честности толмач Унек-Явинда», «и оные письма вы (по смыслу должно быть написано «мы». — Д.С.) разумели» [Акты о татарских набегах, с. 11]. Выходит, что этот толмач представлял российскую сторону. Новый азовский паша также сообщал коменданту Транжамента о пограничных конфликтах между ногайцами и донцами, о чем он написал в Черкасск войсковому атаману, не получив от того ответа [Акты о татарских набегах, с. 11]. В интересующий нас комплекс документов включено еще одно письмо Пилия, адресованное азовскому бегу Рамазану-паше, написанное после 29 июня 1714 г. [Акты о татарских набегах, с. 11—12]. Оно стало ответом на письмо бея и было передано нурადыном-султаном в Черкасск через некоего Рахман-Али-агу [Акты о татарских набегах, с. 11—12].

К этому же комплексу принадлежат еще два источника, к сожалению, не представленные в публикации 1874 г. Заголовок одного из них имеет прямое отношение к теме статьи: «Показание полковника Николая Васильева, посланного к Азовскому паше с письмами из Нового Транжамента от Коменданта 20 Генваря 1814 г. (должно быть

«1714 года». — *Д.С.*), о приеме ему сделанном там и о поступках паши» [Опись актам и запискам, № 3, с. 16]. Из заголовка другого документа узнаем о письме 1714 г. азовского паши Пилю с жалобой на обиды, причиненные казаками и калмыками азовцам [Опись актам и запискам, № 4, с. 22]. Не исключено, впрочем, что речь шла об упомянутом выше письме Рамазана-паши за 1714 г., поскольку его тематика близка содержанию интересующего нас заголовка. Таким образом, в 1714 г., по сравнению с 1713 г., переписка коменданта и азовского бея продолжилась, причем удалось выяснить, что полковник конного полка Н. Васильев не первый раз ездил в Азов для доставки писем.

Проанализированные выше письменные источники позволяют утверждать, что российские и османские администраторы сумели быстро наладить эффективный диалог между Транжаментом и Азовом, направленный на решение целого спектра вопросов местной пограничной жизни. Судя по исследовательским кейсам, адресаты и адресанты регулярно писали друг другу, передавая оперативную информацию и демонстрируя стремление к налаживанию деловых отношений. Неудивительно, поэтому, что в 1716 г. Пиль договорился с «азовским беем о разрешении транжаментским жителям ловить рыбу в дельте Дона в обмен на продажу в Азов дров, которые были там дефицитным ресурсом» [Аваков, 2011, с. 41]. 5 марта 1719 г. азовский бей Ибрагим-паша направил уже новому коменданту Транжамента свое письмо («лист»), в котором обсуждалось несколько важных тем, в т.ч. и «дровяная» [Опись актам и запискам, № 4, с. 25; Акты, с. 283—284]. Во-первых, указанное письмо стало ответным — ранее комендант писал беем о русском полоне, захваченном кубанским султаном Бахты-Гиреем, а также спрашивал о местонахождении султанского капычи-баши [Акты, с. 283]. Исключительно важна оговорка Ибрагима-паши о том, что после получения им информации об этом посланце «послали мы от себя к вашему благородию Ахалджи (Аль-хаджи?) Иосифа-агу с писмами» [Акты, с. 283]. Во-вторых, бей поведал коменданту о своей переписке с атаманом Войска Донского В. Фроловым. Оказалось, что войсковой атаман письменно просил Ибрагима-пашу разрешить донцам ловить рыбу в азовских «юртах». Тот, судя по всему, соглашался, но просил атамана, в свою очередь, продать достаточное количество дров для него самого и для жителей Азова [Акты, с. 283]. Бей жаловался, что, не обеспечив поставку дров в крепость, В. Фролов «послал от себя казаков в наши юрты рыбу ловить без ведома нашего». При этом паша писал, что солдатам из Транжамента ловить рыбу он разрешил.

Ибрагим-бей просил коменданта о посредничестве в разрешении спорной ситуации с Войском Донским, «а буде какая трата в людях учиницца, чтоб они на нас не досадовали» [Акты, с. 284].

После восстановления в 1712 г. Азакского санджака действительно быстро восстанавливаются связи Войска Донского с Азовом, в т.ч. за счет обоюдной переписки войсковых атаманов и азовских пашей [Аваков, 2011, с. 41; Описание актам, № 5; Акты, с. 280]. К примеру, осенью 1717 г. (в октябре?). азовский паша прислал в Черкасск своего нарочного с «листом» — предупреждая о готовящемся походе султана Бахты-Гирея на «украинные городы» и под донские городки [Акты, с. 280]. Судя по всему, донцы и азовцы вновь стали заключать после января 1712 г. соглашения друг с другом [Аваков, 2011, с. 41], а также вернулись к традиционным практикам взаимной торговли, различного информирования, поездок друг к другу и пр. Так, в 1713 г. «азовцы, сохраняя мирное постановление, оказывают к ним [казакам] всякую дружбу и всякие ведомости на письме о приходе тех кубанцов им дают (выделено мной. — Д.С.), а для покупки хлебных запасов и харчу к ним в Черкасской приезжают, и свое товары всякие привозят, так ж и они, казаки, в Азов для покупок всяких овощей ездят всегда свободно, и живут как азовцы у них в Черкасском, так и казаки их в Азове по месяцу и по два для торговых промыслов своих и для рыбных ловель по Дону до каланчей им казаком ездить свободно, а малые которые суды для рыбной же ловли и на море пропускают» [Боук, с. 152]. По всей видимости, Войско Донское и власти османского Азова также пошли на возобновление т.н. замирения/розмирения, практиковавшихся между ними еще со второй половины XVI в. Недаром комендант Транжамент Пиль писал в 1719 г. об «обыкновении» казаков и азовцев разбирать несогласия друг с другом при помощи мировщиков, посылаемых обеими сторонами [Описание актам и запискам, № 4, с. 24—25. Об истории «замирения»/«розмирения» казаков и азовцев см.: Сень, 2018, с. 170—187].

Полагаю, что переводы писем, а также устная коммуникация не доставляли властям Азова и Транжаменты исключительных проблем: была налажена система передачи писем, российская сторона (к примеру) располагала своими толмачами (как минимум, двумя) и пр. Автору статьи удалось идентифицировать, в их числе, российского толмача, отправленного Пилем в Азов 10 июля 1717 г. для сбора разведывательной информации. Речь идет о «конной службы Николаева полка Васильева казаке Максиме толмаче», расспросные речи которого датированы 16 июля 1717 г. [Акты о татарских набег-

гах, с. 23—25]. Эти речи достаточно содержательны — среди информантов толмача оказались русский полоняник, кафинский армянин, азовский житель, бешлейский ага. Собранные толмачом данные (включая слухи) относились, главным образом, к событиям масштабного летнего похода на российские территории кубанского султана Бахты-Гирея. Вполне вероятно, что этот толмач Максим и ранее толмачивший в Азове Максим Иванов — одно и то же лицо. Так, в 1700 г. «Николаева полку Васильева казак Максим Иванов» переводил устную речь с татарского языка на русский (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13). Не исключено, что М. Иванов был неграмотен: недаром к тексту, зафиксировавшему его перевод речей кубанских ногайцев в июне 1700 г., приложил руку писарь одного из азовских полков М. Чернойров (ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 13).

Тот же азовский толмач М. Иванов находился в составе миссии прапорщика М. А. Озерова, отправившейся на Кубань по повелению азовского воеводы С. И. Салтыкова 14 января 1700 г. (подр.: Сень, 2020, с. 98—99). М. Иванов активно участвовал в расспросах местного населения и невольников по пути следования группы М. А. Озерова на встречу с новым нурадыном Гази-Гиреем, озвучивал ему на татарском языке письмо от воеводы Салтыкова, адресованное предыдущему нурадыну — Шахбаз-Гирею [Вернадский, с. 284, 285]. 1 февраля 1700 г. группа Озерова вернулась с Кубани в Азов с проезжим письмом, выданным Гази-Гиреем и с его письмом, адресованным воеводе Салтыкову. Перевод «татарского письма» оказался двухступенчатым (подобное случалось в Азове неоднократно): письмо Гази-Гирея «переводил турчанин Ибраим, а толмачил Николаева полку казак Максимка Иванов» [Вернадский, с. 286]. Идентифицировать толмача Максима из Транжамента и азовского толмача М. Иванова как одно и то же лицо помогает указание на место их службы. В обоих случаях оно было одним и тем же — полк конной службы Николая Васильева (того самого, который ездил с письмами из Транжамента в Азов). Полк конной службы Н. Васильева после оставления Россией Азова 2 января 1712 г. был передислоцирован в том же году в Транжамент, находясь там еще в 1721 г. [Комолов, с. 186]. Это мой главный аргумент для решения промежуточной исследовательской задачи об идентификации «двух» Ивановых. Сомнительно полагать, чтобы в одном полку одновременно служили бы два толмача-тезки. Если реконструкция автора верна, то выходит, что в Транжаменте М. Иванов оказался одним из немногих представителей того круга толмачей и перевод-

чиков, который формировался еще Азовской воеводской администрацией.

В заключение отмечу, что российские власти крепости Транжамент (Новый Транжамент) оказались активно вовлечены в переговорный процесс с турками-османами из Азова в период 1712—1736 гг. Данная коммуникация демонстрирует в определенном смысле типологическую и содержательную связь с предыдущим этапом в истории русско-турецких пограничных отношений на Юге (1696—1712 гг.). Вероятно, внутри выделенного периода можно выделить два *подпериода*, граница которых — 1718/19 гг. (учреждение и начало работы «Пограничной с Турцией комиссии»). Краеугольный камень соответствующей коммуникации — переписка российских и османских администраторов (как правило, не встречавшихся лично), которую стоит оценивать не как личную, а как делопроизводственную документацию. Российская сторона, в соответствии с практикой приказного и коллежского делопроизводства, прибегала к написанию писем в двух вариантах — черновые отпуски и беловики. Переводы писем, поступающих из Азова в Транжамент (либо в обратном порядке), судя по документам 1710-х гг., не вызывали у сторон переговорного процесса особых проблем. При этом, имена переводчиков с русского и османско-турецкого языков пока остаются неизвестными. Выскажу предположение, что такие «кадры», к примеру, с российской стороны, не были связаны до 1719 г. с ресурсами Посольского приказа/Коллегии иностранных дел. Вместе с тем, открытым остается вопрос о профессиональной судьбе толмачей и переводчиков, «собранных» Азовской администрацией в период 1696—1712 гг. Кто из них продолжил свои занятия в Транжаменте, начиная с 1712 г.? Пока известно только о толмаче М. Иванове, служившем в Транжаменте в конном полку Н. Васильева еще в 1717 г. Коменданты и азовские беи сумели быстро создать эффективную систему обмена документами, включая их доставку через доверенных лиц, а также, вероятно, через Войско Донское. Можно говорить об устойчивом характере переписки между комендантами Транжамента азовскими беями, по крайней мере, в течение второго десятилетия XVIII в.

Между Транжаментом и Азовом развивались каналы и устной коммуникации, включая толмачей. Языковые способности толмачей могли использоваться и на других направлениях деятельности пограничных администраций. Безусловно, администрация Войска Донского тоже включалась в устную и письменную коммуникацию с османским Азовом и Транжаментом, связанную с вопросами пограничной

жизни (выкуп и обмен пленных, набеги кубанцев, разрешение пограничных конфликтов и пр.). Не исключено, что в Транжаменте работали и толмач(и)/переводчик(и) с калмыцкого языка, поскольку т.н. калмыцкие дела частично входили в сферу интересов Транжаментной комендантской администрации и «Пограничной с Турцией комиссии». К тому же, время от времени калмыки допрашивались в канцелярии Транжамента [Акты о татарских набегах, с. 22—23; Опись актам и запискам, № 4, с. 22], а также обращались туда с просьбами о крещении. Встретилось упоминание о письме калмыцкого хана Аюки Пилю за 1715 г., которым он просил коменданта о возмещении за убитых И. Краснощокковым в калмыцких улусах черкесов и за взятых у них пожитков и лошадей [Опись актам и запискам, № 4, с. 23].

Устная и письменная коммуникация местных администраций Российской и Османской империй на Юге 1712—1736 гг. отразила богатейший опыт управления ими пограничными территориями, в т.ч. направленный на нормализацию отношений и выполнение условий мирных договоров. Изучение подобной коммуникации позволяет уяснить общее и особенное в реализации сторонами пограничной дипломатии, в т.ч. на фоне эволюции набеговой системы Крымского ханства и положения ногайской Кубани. Анализ работы толмачей и переводчиков необходим для системного исследования разнообразных практик как формальных, так и неформальных связей пограничных администраторов обеих империй, их взаимного опыта собирания, проверки и передачи необходимой информации. Эти практики не только транслировали политическую линию правящих дворов, о чем чаще всего пишется в научной литературе. Такие коммуникационные практики органично вобрала в себя «мозаичность» местной пограничной жизни и местных сообществ, влиявших на характер и интенсивность общения российско-османских властей, в т.ч. совместно выступавших за поддержание бюрократического (документированного) пограничного порядка.

Литература

- Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация и управление: Дис. ... к.и.н. Ростов н/Д., 2010. 358 с.
- Аваков П.А.* Меж полумесяцем и двуглавым орлом // Азовская земля: общество и власть. Ростов н/Д., 2011. С. 25—46.
- Акты о татарских набегах на землю Войска Донского // Труды Областного Войска Донского Статистического комитета. 1874. Вып. 2. Отд. 2. С. 3—47.
- Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. 347 с.

- Бабич М.В.* «Мир» на русско-турецкой границе в преддверии войны 1735—1739 гг. // *Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700—1762): Сб. материалов Всероссийской конференции. Вып. 1.* СПб.: 2002. С. 13—16.
- Беляков А.В., Гусков А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / науч. ред. А.А. Романова. М., 2021, 304 с.
- Боук Б.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // *Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции.* Краснодар, 2001. С. 147—161.
- [*Вернадский Г.В.*] К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698—1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* Т. 57. Симферополь, 1920. С. 249—296.
- История русского флота. Период Азовский. Приложения. Часть II.* СПб., 1864. 521 с.
- Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709—1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. 257 с.
- Опись актам и запискам, собранным в архивах Донском, крепости Св. Дмитрия, Азовском, Таганрогском, крепости Новохоперской и Астраханском // *Донские войсковые ведомости.* 1865. № 3 (19 января). С. 13—16; 1865. № 4 (26 января). С. 21—25; 1865. № 5.
- Сень Д.В.* Вынужденное соседство: традиции «замирения/розмирения» Войска Донского и османского Азова // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11—12 мая 2018 г.) / отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень, д.ф.н. А.В. Яровой.* Ростов н/Д., 2018. С. 170—186.
- Сень Д.В.* Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII — начало XVIII вв.) // *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы Международной научной конференции.* М., 2019. С. 134—143.
- Сень Д.В.* «А что в тех письмах писано... того нам неведомо»: новые дипломатические практики русско-крымско-османских властей в южном пограничье (конец XVII — начало XVIII в.) // *Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.): *Избранные труды / отв. ред. В.В. Трепавлов.* Ростов н/Д., 2020. С. 84—120.
- Служба донских казаков. Отставные казаки Войска Донского. 1777 год: материалы по истории и генеалогии казачества / автор-составитель В.А. Гусев.* Вып. 12. Волгоград, 2019. 392 с.
- Voeck B.J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. N. Y.: Cambridge, 2009. 255 p.

Академический переводчик Иван Ильинский

Иван Георгиевич Ильинский (ум. в 1737) был родом из Ярославля [Байер, с. 207, МиИАН, т. 3, с. 359]; однако в документах архива Синода указано, что он «из малороссийских» [ОДДС, т. 10, стб. 1313], таким образом, нельзя исключить, что его родным городом был Ярослав (древнерусск. Ярославль), находящийся на территории Польши, недалеко от Украины. В алфавитных указателях архивных материалов и документов, в библиографических описаниях и в исследовательских работах отчество Ильинского также приобрело варианты: Юрьевич [МиИАН, т. 2, с. 110, 147, 186; т. 3, с. 884; т. 6, с. 621] и Иванович [ОДДС, т. 15, стб. 1069; Сводный каталог, с. 147, № 881]. Опираясь на процитированный здесь далее документ, мы склоняемся к тому, что изначально отчество Ильинского было Георгиевич, затем оно трансформировалось в форму «Юрьевич».

Вероятно, еще во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Иван Ильинский оказался в семье будущего члена Берлинской Академии наук князя Дмитрия Кантемира (1673—1723), перешедшего во время войны Турции с Россией в 1711 г. на сторону Петра I; и стал «дядькой» Антиоха Кантемира [Евгений, с. 246], младшего из сыновей князя. Ильинский был исполнителем поручений, переводчиком и секретарем самого князя, и до 1723 г. его жизнь была тесно связана с жизнью Дмитрия Кантемира. То, что Ильинский был известен как хороший знаток латинского языка, подтверждается следующей историей: в 1716 г. Петр I дал задание найти в Праге иезуитов, знавших славянский язык, и поручить им перевести с латинского языка «лексиконы и юриспруденцию», граф Мусин-Пушкин приказал им в помощь «выслать из наших славенолатинских школ учеников Ивана Никитина сына Воейкова да Ивана Георгиева сына Ильинского, который живет при князе Волоском (Дмитрии Кантемире. — А.С.), понеже оные по латыне умеют хорошо» [Белокуров, с. 34]. Тогда за Ильинским «посылали с Москвы в Комаричи к князю (понеже в то время был он там); однакож князь его не отпустил и сказал, что царское величество приказал ему держать при себе» [Пекарский, 1862, с. 233]. В связи с тем, что

Ильинский был одним из лучших учеников, у бакалавра Московской духовной академии С. Смирнова в изложение событий закралась ошибка [Пекарский, 1862, с. 235]: согласно ему, Ильинский не только выполнил поручение Мусина-Пушкина, но и был отправлен на учебу во Франкфурт [Смирнов, с. 235]. Оставаясь при князе, Ильинский не ездил учиться за границу, но, как отмечает историк Г.Ф. Миллер, он хорошо знал русский, латинский и греческий [МиИАН, т. 6, с. 101]. Основным известным трудом, выполненным Ильинским в доме Дмитрия Кантемира, был перевод написанной князем на латинском языке книги «Система Магометанской Религии» [Kohl, p. 20]. По повелению Петра I она была напечатана в 1722 г. (в указе Петра I Святейшему Синоду сообщается, что эту книгу «переводил князь Контемир» [Воскресенский, с. 112—113]), прибавленные к изданию похвалы Дм. Кантемиру и его книге, латинские стихи ректора Феофилакта и иеромонаха Гедеона Вишневского датированы 1719 г. [Евгений, с. 246—247]. Миллер сообщает, что Ильинский также перевел на латынь тюркскую историю, написанную князем, и описание Молдавии, рукопись которой потом оказалась у Байера [МиИАН, т. 6, с. 102].

В 1722 г. Петр I отправился в Персидский поход, в числе других его сопровождал и Дмитрий Кантемир с семейством. Во время похода Кантемир занимался главным образом составлением и печатанием манифеста к народам Кавказа и Персии, сопровождавший его Ильинский кратко описал историю передвижения и события похода в своих «Повседневных заметках» [Майков, с. 295—313]. Во время похода князь Кантемир занемог и так и не оправился от болезни. После смерти Дмитрия Кантемира Ильинский был вынужден искать новое место и должность.

В журнале «Notationes quotidianae», или «Повседневные записки», который Ильинский вел, вероятно, для себя [Пекарский, 1862, с. 236] с 19 июня 1721 г. по 1730 г., сообщается о собраниях в Сенате, переписках, обедах и визитах, маскарадах, о свадьбах, днях рождения, ассамблеях и фейерверках, о военном походе и передвижениях по городам (от Коломны до Астрахани). Упоминаемые в заметках лица — Петр I, П. Толстой, кн. И. Трубецкой, А. Меншиков, Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский, П. Шафиров, кн. Долгорукие, кн. А. Черкасский и многие другие. Две записки сделаны на латинском языке: об ответе Гавриилу Бужинскому и о числе потерянных во время сражения солдат [Майков, с. 307]. В журнале Ильинского изредка появляются упоминания о самом себе, из них

мы узнаем некоторые подробности его жизни, например, о сестре с зятем, живших в Москве [Майков, с. 302] и о имевшемся у Ильинского ящике с письмами [Майков, с. 308]. Кроме того, есть сообщения о его преподавательской деятельности: 2 июля 1721 г. «Филипа писать учить начал» (вероятно, племянника) [Майков, с. 296]; и о занятиях переводами: 30 июня 172 г. «Агапита» окончив, князю подал» [Майков, с. 296]; император «изволил взять к переводу “Полидора” и моево переводу “Агапита”» [Майков, с. 308]. 28 мая 1724 г. «Я “Эпиктета” и прошение подал И. Величеству в доме светлейшаго князя Меншикова в Слободе понеже весь сенат туда съезд имел» [Майков, с. 312].

Несмотря на тесное и неразлучное сотрудничество с семьей Кантемира и жизнь в его доме, в записях современников — самих Кантемиров и их биографа Г.З. Байера — упоминаний о роли и деятельности Ильинского в доме Кантемиров нет. Исключением оказывается только В. Третьяковский, который мог познакомиться с ним в 1722—1723 гг., когда Кантемиры останавливались в Астрахани, позднее они вместе занимались переводами в Российском собрании. В 1755 г. Третьяковский оставил об Ильинском теплый отзыв, включив его в число семи «великороссийских стихотворцев»: С. Полоцкий, К. Истомирин, Ф. Поликарпов, Л. Магницкий, И. Ильинский, А. Кантемир, П. Буслаев [Третьяковский, с. 776—778]. Впрочем, стихотворное наследие Ильинского не велико: до нас дошло одно стихотворение в издании его «Симфонии на Священное Четвероевангелие и Деяния Святых Апостолов» [Ильинский, с. 6] и две эпиграммы на русском и латинском языках, напечатанные в «Словаре русских светских писателей» [Евгений, с. 246].

1 апреля 1725 г. по указу императрицы Ильинский определен переводчиком в Академию наук, он получил сообщение об этом 7 апреля [Майков, с. 313]. Он одним из первых был назначен на должность переводчика в Академию наук (вместе с ним первыми академическими переводчиками были И.В. Паус и И.С. Горлецкий) и остался служить там до конца своей жизни.

Перейдя на службу переводчиком в Академию наук, Ильинский уже редко делал какие-то записи в своих *Notationes quotidianae*. Отдельные события его жизни зафиксированы в материалах и документах Академии наук. Из документов архива Синода мы узнаем, что помимо занятий переводами Ильинский также составил «симфонию на четвероевангелие и Деяния апостольския, которая была поднесена Ея Императорскому Величеству, и Императрица повелела ее напеча-

тать... из приложенной справки, симфония на псалтирь была напечатана в Петербургской типографии в 1726 году, в количестве 1 250 экземпляров, из коих два экземпляра поднесены Императору Петру II и его сестре Наталье Алексеевне, а членам Верховного тайного совета и Святейшаго Синода роздано 9 экземпляров, да 4 книги отдано в уплату за бумагу, взятую у господина Кантемира, о чем надсмотрщику Недьякову и указ послан» [ОДДС, т. 12, Стб. 683—684]. Симфонию допечатывали в 1733 г., другие издания были выпущены в 1761 и 1821 гг.

В Академии наук Ильинскому было назначено более крупное жалование, чем другим русским переводчикам, больше него получал только И.В. Паус [МиИАН, т. 1, с. 650, МиИАН, т. 2, с. 500]). Но, как это обыкновенно случается, средств не хватало, переводчики просили о прибавке им жалования в 1729 г. [МиИАН, т. 1, с. 457], однако результата не было, наоборот, к марту 1731 г. оказалось, что им не выплатили положенного уже за пятнадцать месяцев, о чем они подали письменное прошение [МиИАН, т. 2, с. 26].

С 1726 по 1728 г. академические переводчики (В. Алодуров, М. Сатаров, И. Горлецкий, И. Ильинский, С. Коровин) занимались переводом диссертаций, или статей с латинского языка для русской версии ученого журнала Академии наук «*Commenarii Academiae Scientiarum*». В «Краткое описание комментариев Академии наук» вошли выполненные Ильинским переводы трех исторических диссертаций Г.З. Байера. Считается, что ему поручили перевод «исторического класса», так как еще у Д. Кантемира он переводил его турецкую историю, оставшуюся в рукописи [МиИАН, т. 1, с. 602—603; т. 6, с. 102], к тому же в одной диссертации Байер опирается на материалы, собранные Кантемиром. Затем Ильинский вместе с Горлецким и Сатаровым был занят переводами разных лексиконов [МиИАН, т. 1, с. 499; Сводный каталог, т. 147, № 881]. Зафиксированные в документах задания, даваемые Ильинскому в Академии, не часты: в 1730 г. он получает задание перевести «как скоро возможно» на латинский язык «описание о звере мамонте» [МиИАН, т. 1, с. 632]. В феврале 1732 г. ему послана для перевода с латинского языка похвальная речь И.С. Бекенштейна, сочиненная к торжественному собранию Академии 1731 г. [МиИАН, т. 2, с. 112]. В июле того же года Шумахер просил его перевести на латинский язык письмо о Российской карте и «экстракт из книги патера Рибера — с латинского на российский» [МиИАН, т. 2, с. 147]. В 1733 г. Ильинский получил приказ от президента Академии наук барона фон Кейзерлинга «российскую рукописную о копейках книгу, которая под владением рос-

сийских великих князей и царей, также от российских городов чеканены были, перевесть на латинский язык, как возможно немедля» [МиИАН, т. 2, с. 365].

В 1735 г. было учреждено Российское собрание переводчиков Академии наук, туда вошли В. Тредиаковский, В. Адодуров, И. Ильинский, И. Горлецкий. Во время заседаний им поручили проверять и исправлять подготовленные переводы [ЛРАН, с. 156]. Ильинский, как видно, с неудовольствием писал А. Кантемиру, что переводчики этим занятием, «а наипаче тридневную по вся недели и по утру и по полудни в Академии броднею весьма отягощены» [Майков, с. 49]. В том же году Ильинского вместе с Тредиаковским призвали в Синод для решения вопроса о печатании русских летописцев. Присланный за ними копиист П. Шиловцев не нашел в Академии наук ни того, ни другого и узнал, что «они бывають в оной не по вся дни» [ОДДС, т. 15, стб. 49—51].

Одна из последних документальных записей об Ильинском позволяет сделать вывод о том, что за годы службы в Академии он изучил немецкий язык: в 1736 г. приказано «реэстр о присланных из известной экспедиции травах и камнях в академии с немецкого на российский язык перевести» [МиИАН, т. 3, с. 48]. Заметим, что в период работы над «Немецко-латинским и русским лексиконом» Э. Вейсмана (1731) Ильинский этого языка еще не знал [Пекарский 1870, с. 403—404].

В эпистолярном наследии А. Кантемира имеется два письма к нему Ильинского и одно, на латыни, от него к Ильинскому [Майков, с. 49—50; 73—74; 76—77]. В последнем Ильинский сообщил, что он неудачно поскользнулся, ударился головой и долго болел, и спешил успокоить князя, что, когда все это случилось, он все письма сжег. Оттуда же мы узнаем, что в конце жизни он проживал на Васильевском острове. Его кончина вызвала переписку Антиоха Кантемира с Х.-Ф. Гроссом по поводу остававшихся на хранении у Ильинского вещей отца и тех предметов, которые он по договоренности держал при себе, в частности, рукопись турецкой истории Д. Кантемира [Майков, с. 89—90]. Еще ранее Ильинский передал «более двадцати медных досок, на которых, под надзором еще князя Дмитрия, вырезаны изображения турецких султанов», они нужны были для написания истории рода Кантемиров, которым занимался Байер [Пекарский, 1870, с. 193—194; 220].

Биографы Антиоха Кантемира считают, что Ильинский во многом повлиял на будущего поэта и дипломата [напр., Радовский, с. 10;

Веселитский, с. 5]. В деятельности их обоих действительно можно заметить параллели, как будто ученик шел по стопам учителя: составление симфонии («Симфония, или Согласие, на богодуховенную книгу псалмов Царя и Пророка Давида» (1727) Кантемира, по мнению И.-Х. Коля, составлена с помощью Ильинского [Kohl, p. 182]) и занятие переводом руководства к нравственной жизни «Энхиридион» Эпиктета.

Биографии людей, живших в начале XVIII в., переполнены противоречивыми фактами; составляя биографию Ильинского, я попыталась проанализировать каждый, чтобы подойти ближе к тому, что было на самом деле.

Из всех упомянутых переводов Ильинского сохранились, вероятно, лишь напечатанные: книга «Система Магометанской Религии» Д. Кантемира (латинский оригинал, кажется, утрачен), а также три исторические статьи Байера в первом русском научном журнале «Краткое описание Комментариев»: «О начатке и древних пребывалищах скифов», «О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы» и «О стене кавказской» [Байер, с. 125—207]. В предисловии к журналу, которое было написано Шумахером и переведено Адодуровым [МиИАН, т. 6, с. 156], говорится, что переводы диссертаций несовершенны. По чьему приказу оно было написано и кто его утвердил, стало одним из вопросов следственной комиссии, созданной в 1743 г. [Пекарский, 1873, с. 90, 335]. Г.Ф. Миллер также сообщает, что вышедшее из печати «Краткое описание» оказалось малопонятным для читателей, которые решили, что причина этого кроется в изложении самих статей и в неумении переводчиков: «Dunkelheit des Vortrags und Untüchtigkeit der Übersetzer» [МиИАН, т. 6, с. 156].

Три упомянутые латинские диссертации Байера включают в себя греческие цитаты, иногда снабженные латинским переводом, и отдельные фразы на арабском языке с латинским подстрочником. Сопоставим диссертации Байера [Baye, p. 385—399] с переводом Ильинского, главным образом обращая внимание на примечания и пояснения переводчика. Перевод Ильинского дословный, греческие термины и арабские фразы в русском тексте сохранены, к каждой дан перевод. Во многих местах перевода калькируется синтаксис латинского текста (Миллер в целом отмечает эту особенность у Ильинского [МиИАН, т. 6, с. 102]), это делает текст тяжеловесным и неясным, однако в начале XVIII в. тенденция к латинизированию была свойственна не только письменному языку, но и устному [Смирнов, с. 119].

В одних случаях добавления переводчика вставлены в текст в круглых или квадратных скобках, в основном они имеют пояснительный характер, например, «in Maeotin» — «в Меотское озеро (гнилое или Азовское море)»; «Herodoti Melpomene» — «Геродотова Мельпомене (книга тако зовома)»; «Gallia» — «Галлия [Франция]»; «Pretorius in orbe Gothico» — «Претории в книге свет (или мир) Готический»; «ad Pontum» — «при Понте (черном море)». В других случаях слова отмечены астериском, и пояснения к ним вынесены на поля, например, «in latissimam planitiem» — «в препространную *равнину», *на полях* — «*луговое место», «incertus auctor peripli Ponti Euxini» — «неизвестный *об плаванья Черного моря» (*плавательного объезда). Иногда переводчик предлагал на полях синонимические варианты: «sine velis» — «без *ветрил» (*парусов); *proles* — исчадие (*отродие) и *stirpes* — колена (*роды). Иногда — в основном при транслитерации в переводе — примечание переводчика имело характер определения: *Argonautica* — описание *аргоплавания (*плавания на корабле Аргос); *Maphrianus* — Мафриан (*патриарх несторианский); *parasanga* — парасанг (*каждая парасанга содержит в себе 30 поприщ); *rhabarbarum* — ра-барбар (*ревень); *sinus* — залив (*рукав морской или пазуха); «diabethes» — «диабетес (*болезнь тако именуемая); *Erocha* — Эпоха (*определенное времени размерение); *heros* — ирой (*храбрый муж); *eques* и ἵπλιτες — «всадники» (*конные мужи) и др. Редкие пояснительные вставки переводчика видны только при сопоставлении текстов, например, «ab Istro ad Cercinitin» — «от Дуная до острова Церцинит зовомаго» (видимо, сюда закралась ошибка переводчика: в другой диссертации Байер называет Церцинит рекой); «illum ipsum in Media Araxem dici putavit in Clio» — «возмел в книге своеи Клио именованной, яко самыи тои, иже в Мидии Аракс поминается», «ab Naeto» — «от горы Гемус зовома».

В некоторых случаях пояснение появляется после того, как слово уже несколько раз было употреблено: *stadium* — поприще (*мили или версты); *Vosrogus* — Босфор (*пролив морской).

Отмечу один случай, когда перевод, предложенный на полях, оказывается предпочтительным: лат. «*promontorium*» в первый раз переведено как «нос горы» (*предгорие или мыс), далее это слово переводится как «предгорье». Также в продолжении перевода диссертаций происходит «обновление» терминологии: русский эквивалент к лат. *Caspium mare* в первой диссертации — «Хвалынское море», в последней — «Каспийское море».

Сопоставление перевода Ильинского с оригинальным текстом диссертаций Байера показало, что передача отдельных слов и тер-

минов вызывала трудности у переводчика-первопроходца (слова «эпоха», «всадник», «герой» и др. представлены в переводе как неологизмы), примечания и пояснения в тексте и на полях показывают, каким образом он пытался создать более понятный текст.

Литература

- Байер Ф.З.* О начатке и древних пребывалищах скифов. О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы. О стене кавказской [пер. И. Ильинского] // Краткое описание Комментариев Академии наук, ч. 1 (1726 г.). СПб., 1728. С. 125—207.
- Белокуров С.А.* О посылке в 1716 г. из Москвы в Прагу для перевода книг двух учеников славяно-латинских школ // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1896. Кн. 3. Отд. 5. С. 34—35.
- Веселицкий В.В.* Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974.
- Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т. I. 1945.
- Евгений* (Болховитинов Е.А.), митр. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. I. М., 1845.
- Ильинский И.Г.* Симфония, или согласие, на Священное Четвероевангелие и Деяния Святых Апостолов. М., 1761.
- Майков Л.Н.* Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира. СПб., 1903.
- Материалы для истории Императорской Академии наук / Сост. М.И. Сухомлинов. Т. 1—10. СПб., 1885—1900.
- Летопись Российской Академии наук / Ред. Н.И. Невская. Т. 1. 1724—1802. СПб., 2000.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. Т. 12 (1732). СПб., 1902; Т. 15 (1735). СПб., 1907.
- Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862.
- Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870; Т. II. СПб., 1873.
- Радовский М.И.* Антиох Кантемир и Петербургская академия наук. М.; Л., 1959.
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800). Т. I. М., 1962.
- Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
- Тредиаковский В.К.* Сочинения Тредьяковского. Т. I. СПб., 1849.
- Vayer Th.S.* De origine et priscis sedibus Scytharum. De Scythiae situ, qualis fuit sub aetatem Herodoti. De muro Caucaseo // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. I (1726). Petropoli, 1728. P. 385—463.
- Kohl I.P.* Introductio in historiam et rem literariam slavorum im primis sacram, sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri duobus libris absoluta. Altonaviae, 1729.

Список с грамоты иерусалимского патриарха Феофана III 5 июля 1619 г.: особенности перевода

Одними из самых популярных у исследователей русско-греческих отношений документов являются грамоты вселенских патриархов, связанные с поставлением русских иереев на московскую патриаршую кафедру. Однако широко практикующееся цитирование или даже публикация текстов таких документов не сопровождается, разумеется, в тех случаях, когда дошедшие до наших дней материалы позволяют это сделать, их источниковедческим изучением, необходимость которого обусловлена тем обстоятельством, что изначально данные акты представляли собой тексты на иностранном, греческом, языке, обязательно требовавшие для своего использования на территории России русского перевода. В связи с этим первостепенное значение для понимания и оценки содержания грамот восточных патриархов имеет изучение истории подготовки русских вариантов их текстов в Посольском приказе, что, в свою очередь, подразумевает на основе проведения палеографического и текстологического анализа вновь возникших документов выявление особенностей работы участвовавших в этом деле приказных служителей различного ранга, отразившихся в конечном результате их труда — русском варианте греческого оригинала [Тимошина, 2008, с. 205—305; Оборнева, с. 136—219].

Благодатный материал для таких исследований предоставляет «настолярная грамота» иерусалимского патриарха Феофана III Каракалла московскому патриарху Филарету Никитичу, подготовленная через 11 дней после поставления ростовского митрополита на московскую патриаршую кафедру, 5 июля 1619 г., и сгоревшая в московский пожар 1626 г. [Макарий (Булгаков), митр., с. 278—279; Ченцова, с. 127, примеч. 12; Белякова, с. 27]. Только, вопреки мнению исследователей, основанному на отсутствии упоминания этого акта в составленной после пожара описи материалов Посольского приказа [Фонкич, с. 400—401], в момент бедствия грамота Феофана III находилась не в архиве внешнеполитического ведомства, а в канцелярии московского патриарха, где и погибла. На это обстоятельство указал сам патриарх Филарет в грамоте иерусалимско-

му владыке от 8 июня 1626 г., отметив, что данная ему от Феофана «настольная грамота» «в нынешнем во 134-м году... в нашей (то есть патриаршей. — *Л.Т.*) казне згорела», и прося Феофана «написать новую настольную грамоту» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1625 г. № 5. Л. 216—217). Дополнительным, пусть и косвенным, доказательством справедливости слов Филарета Никитича является тот факт, что майского пожара, как следует из той же описи 1626 г., благополучно избежали две более ранние грамоты, также связанные с избранием московского патриарха — настольная грамота константинопольского патриарха Иеремии митрополиту Иову 1589 г. и благословенная соборная грамота высшего греческого духовенства ему же, датированная 10 мая 1590 г. [Опись, с. 67—68].

Просьба московского патриарха была выполнена более чем через три года: не позднее 10 сентября 1629 г. в Москву приехал посланный от веррийского митрополита Аверкия келарь Ватопедского монастыря Пахомий (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 1—5, 43) и привез написанный, по определению В.Г. Ченцовой, сторонним писцом, но подписанный самим Феофаном список с «настольной благословенной» грамоты от 5 июля 1619 г., причем исследовательница полагает, основываясь на особенностях оформления русских царских жалованных грамот, что сам лист для списка «с уже заготовленным роскошным инициалом “Б”, роскошно орнаментированный золотой краской» был изготовлен в царской канцелярии [Ченцова, с. 128 и примеч. 16]. Предположение интересное, но требующее, на мой взгляд, более серьезных доказательств, чем стилистическое сходство отдельных элементов. Б.Л. Фонкич считает, не вызывая возражений других исследователей, что список был изготовлен около 28 июля 1629 г. в Яссах [Фонкич, с. 401; Ченцова, с. 128; Международная конференция, № 33, с. 55]. В результате в деле о приезде келаря Пахомия сразу после отписки путивльских воевод кн. С. Прозоровского и А. Толбузина, адресованной и царю Михаилу Федоровичу, и его отцу, патриарху Филарету, полученной в Посольском приказе 10 сентября (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 1), следует черновой перевод списка с грамоты иерусалимского патриарха, занимающий в столбце десять неодинаковых по величине листов (указанные далее размеры приблизительны из-за потрепанных или обрезанных краев некогда пострадавших от влаги и реставрированных в 1960-х гг. листов): л. 6 (37,5×15), л. 7 (38×15), л. 8 (34,5×15), л. 9 (37,5×15), л. 10 (35×14), л. 11 (33×14,7), л. 12 (33×14,5), л. 13 (22×14,5), л. 14 (33,5×13,7), л. 15 (32,5×13). Фи-

лигрань — «столбы с виноградом» — просматривается плохо, на л. 9, 12, 14 виден ее нижний фрагмент [близок: Дианова, Костюхина, № 1187], расстояние между понтюзом на всех листах — 2,0 см.

Основной текст этого варианта перевода написан пятью почерками:

л. 6, 7, 8 (верхние десять строк, граница «архимариты / и игумены») — первый почерк;

л. 8 (22 нижние строки) — второй почерк;

л. 9—10 — третий почерк;

л. 11 (четыре без трети верхние строки; граница — «учителя / недремательна») — четвертый почерк;

л. 11 (без четырех без трети верхних строк) — 15 — пятый почерк.

Шестым, четким, уверенным, не то, чтобы каллиграфическим, но хорошо читающимся почерком, светло-коричневыми, заметно отличающимися по тону от использовавшихся другими писцами чернилами на л. 6 сделана отметка о привозе документа — «А привез тое грамоту к Москве [верийс]кого митрополита келарь Пахомей во 138-м году», на л. 15 — помета о передаче грамоты и перевода патриарху Филарету и проведена правка всего основного текста черновика.

Седьмым, еще более четким почерком, совершенно черными, также не встречающимися на пространстве основного текста чернилами на л. 15 первоначально читающаяся фраза «А на низу у грамоты рука патриарха» была исправлена на «А у грамоты рука патриарха, написано».

Помимо разницы в объеме подготовленного разными людьми текста, при его палеографическом анализе бросаются в глаза существенные графические различия почерков пяти участвовавших в создании этого документа людей. Если первый, третий и пятый писцы имели беглый, уверенный, выработанный почерк, хотя, учитывая черновой характер работы, написанное ими выглядит иногда не слишком аккуратно, то обладатели второго и четвертого почерков такой характеристикой похвастаться не могли. Почерк писца, выполнившего на л. 8 десять верхних строк в целом довольно беглый, но некрасивый, даже довольно неуклюжий, выдает человека, безусловно, свободно владеющего русским языком и умеющего писать, но, по-видимому, не обучавшегося этому навыку профессионально. Что же касается четвертого писца, которому удалось написать менее четырех строк на л. 11, то характер его чуть более мелкого, чем у других писцов, неровного, с несколько «танцующими» буквами, почерка выдает в нем человека, который также владел русской письменной речью, однако несколько неуверенно.

Сказанное позволяет видеть в обладателях первого, третьего и пятого почерков профессиональных писцов — подьячих Посольского приказа, что доказывается их участием в составлении и других документов в деле о приезде келаря Пахомия: обладателем первого почерка в этом комплексе изготовлены, только с использованием других, светло-, а не темно-коричневых, чернил и более толстого пера, два первые листа (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 40 и 41) в довольно большом черновике грамоты московского патриарха Филарета иерусалимскому патриарху Феофану от 15 декабря 1629 г., хозяином пятого почерка — 20 нижних строк на л. 42 и 12 верхних строк на л. 43 в этом же документе, а обладатель третьего почерка выполнил, правда, используя свое умение писать почти каллиграфически, текст отпуска грамоты царя Михаила Федоровича константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису от 15 декабря 1629 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 27—30); кроме того, обладатель первого почерка оформил в деле о приезде в сентябре 1629 г. вифлеемского митрополита Афанасия начальные же листы перевода грамоты того же Феофана Иерусалимского царю Михаилу Федоровичу от 28 июля 1629 г. (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 8. Л. 15—17).

Что же касается второго и четвертого участников перевода, то сравнение их почерков с автографами работавших в конце 1620-х гг. в Посольском приказе переводчиков с греческого языка дает возможность установить, что читающееся на л. 8 (кроме десяти верхних строк) принадлежит руке попавшего в плен в Османскую империю и проведенного в неволе 15 лет, с 1608 по 1623 гг., русского человека Бориса Богомольцева [Беляков и др., с. 66], а менее четырех строк на л. 11 — православному греку, выехавшему в Россию вместе с отцом еще в конце XVI в. и работавшему в Посольском приказе с 1615 г. Ивану Селунскому [Беляков и др., с. 180], для которого русское письмо, несмотря на длительность пребывания в Москве, оставалось непривычным.

Следовательно, в подготовке перевода греческого оригинала грамоты иерусалимского патриарха участвовали сразу двое работавших в этот момент во внешнеполитическом ведомстве и осенью 1629 г. находившихся в Москве переводчиков с греческого, тогда как третий, Анастас Селунский, в конце 1620-х гг. вместе с русскими послами С. Яковлевым и П. Евдокимовым пребывал в Османской империи [Беляков и др., с. 178]. Необходимо поэтому, на мой взгляд, внимательнее присмотреться к механизму организации их совместной друг с другом и с приказными подьячими деятельности.

Прежде всего стоит заметить, что оригинал грамоты патриарха Феофана написан на довольно большом (72,5x59,5 см) пергаменном листе весьма убористым почерком, и весь греческий текст занимает 47 строк с минимальным расстоянием между ними [Фонкич, с. 402; Международная конференция, № 33, с. 55]. Трудно представить, что переводчики, мысленно разделив грамоту пополам или в какой-то иной пропорции, толкались, мешая друг другу у лежащего на столе листа, читали из-за плеча коллеги текст, переводили его, записывая на столбцовом листе отдельные слова, выражения или фразы, и снова обращались к оригиналу с риском соскользнуть глазами с необходимой строки и пропустить фрагмент текста. Точно так же кажется маловероятным предположение, что Б. Богомольцев и И. Селунский сделали каждый для себя копию доставшейся им части греческой грамоты, чтобы работать уже с ней — в сентябре 1629 г. для этого просто не было времени (см. ниже), да и такой «двойной» труд был вообще вряд ли целесообразен из-за риска допустить ошибки уже при переписывании.

Остается думать, что двое греческих переводчиков действительно работали над грамотой иерусалимского патриарха вместе и одновременно, но осуществляли свое сотрудничество особым образом. Представляется, что сначала кто-то один из них читал и переводил греческий текст, а другой записывал перевод, а затем через какое-то время они менялись ролями. Такой способ совместной работы не только позволял Богомольцеву и Селунскому, переключаясь с одного вида деятельности на другой, лучше сохранять внимание, но, главное, они могли сразу же, экономя время на последующую доработку, обсуждать друг с другом, находя наиболее точные по их мнению варианты перевода, сложные для адекватной передачи на русском языке фрагменты греческого оригинала весьма немаловажного для церковной жизни страны документа. Следовательно, можно предположить, что первый, «переводческий» вариант русского текста списка с грамоты Феофана был написан, при том или ином соотношении конкретных объемов, обоими сотрудниками Посольского приказа — и Богомольцевым, и Селунским.

На втором этапе при переписывании для последующего редактирования этого первого черновика [Тимошина, 2019, с. 154—160], к работе подключились трое подъячих Посольского приказа, и их совместными с двумя переводчиками трудами был создан сохранившийся в деле о приезде келаря Пахомия документ — второй, «приказной», черновик (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 6—15). К сожалению, подготов-

ка первоначального русского варианта греческого текста Богомольцевым и Селунским, как, впрочем, и их участие в создании имеющегося «приказного» черновика перевода не нашли отражения ни в посвященных этим людям или самой грамоте исследованиях, ни в недавно вышедшей подборке материалов о переводчиках Посольского приказа [Беляков и др., с. 64—66, 178—180; Фонкич, с. 400—410]. Исключением можно было бы считать монографию З.Е. Оборновой, но и в ней имя Б. Богомольцева как переводчика грамоты Феофана (РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 9) упомянуто только в общей сводной таблице о трудившихся в 1620—1645 г. над иноязычными документами сотрудиниках приказа [Оборнева, с. 133], участие же Ивана Селунского в подготовке русского варианта текста не отмечено вообще. Вместе с тем подобное совмещение на одних и тех же листах «приказного» черновика перевода фрагментов текста, написанных и переводчиками, и подьячими, встречается не так уж часто и требует своего объяснения.

Очевидно, что участие Богомольцева и Селунского в написании этого второго черновика было в какой-то мере случайным, так как каждый из них на пространстве одного листа и даже одной и той же строки или продолжил работу кого-то из подьячих, или, наоборот, написанное им было завершено штатным приказным писцом. Поэтому прежде всего необходимо представить объем работы самих подьячих без вмешательства переводчиков. В таком случае обладатель первого почерка изготовил бы текст, разумеется, при учете приблизительности подсчетов из-за написания слов с выносными буквами, под титлом и др., объемом приблизительно 3 100 знаков (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 6—8), третьего — 1 300 знаков (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 9—10), пятого — 3 000 знаков (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 11—15). Создается впечатление, что работа с предназначенным к переписыванию текстом первого, «переводческого» черновика предварительно задумывалась таким образом, что весь документ был поделен на три части для одновременной работы трех же подьячих; величина первой и третьей частей была примерно одинакова, а вторая составляла чуть менее половины от их объема. При этом не исключено, что планировавший и контролировавший ход делопроизводственных работ, связанных не только с переводом грамоты Феофана III, но и с подготовкой других документов дела о приезде келаря Пахомия, занимавший более высокое положение еще один чиновник Посольского приказа, старый (справный) подьячий заранее определил, зная уровень квалификации своих сотрудников и степень их загруженности на других работах, подьячих, которые будут пере-

писывать первый черновик. Представляется далеко не случайным тот факт, что обладатель третьего почерка, получивший наименьший по своему объему текст (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 9—10), был больше занят оформлением исходящих документов, в частности, того же отпуска грамоты царя Михаила Федоровича константинопольско-го патриарху Кириллу Лукарису от 15 декабря 1629 г.

Однако этот предварительный план в ходе реальной работы был, как можно думать, несколько нарушен: подьячий, обладатель первого почерка, успел написать на л. 8 только десять верхних строк, после чего его сменил Б. Богомольцев, а подьячий, обладатель пятого почерка, наоборот, был вынужден начать свою работу на л. 11, продолжая текст начальных строк, выполненных рукой И. Селунского.

Такая кажущаяся на первый взгляд несколько хаотичной смена писцов, как, равным образом, и привлечение сразу трех подьячих к переписке не столь уж большого по объему документа имели свои причины. Необходимость их коллективной деятельности объяснялась, по всей вероятности, срочностью работы, обусловленной содержанием привезенного келарем Пахомием документа, перевод коего надо было, по мнению приказных служителей, как можно быстрее представить патриарху Филарету. Не вдаваясь в подробное рассмотрение всей довольно запутанной истории попадания в Россию в 1629 г. списка с «настоальной благословенной» грамоты Феофана III от 5 июля 1619 г., которая, несмотря на имеющиеся исследования [Каптерев, с. 41—45; Фонкич, с. 401—402], требует дальнейшего изучения, отметим, что сразу после появления 10 сентября 1629 г. в Москве, а на самом деле, в ее окрестностях — селе Семеновском [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 16], келаря Пахомия и сопровождавшего его племянника веррийского митрополита Аверкия Дементия Микулаева служители Посольского приказа запросили инструкции у Филарета Никитича: как патриарх укажет, «велит ли их к Москве звать, и где их поставить, или к митрополиту отослать» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 16]. Ответа из патриаршей канцелярии в деле о приезде нет, но из имеющейся там записи об аудиенции Пахомия и Дементия у московского патриарха уже 20 сентября 1629 г. [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 17] понятно, что русский первосвятитель распорядился срочно доставить людей веррийского митрополита собственно в столицу и возможно скорее организовать встречу с ними. Следовательно, для подготовки необходимого к моменту аудиенции перевода грамоты патриарха Феофана, не только изложения по-русски ее текста, но и редактирования вновь созданного документа, а затем переписывания его набело, требовалась дружная и

быстрая работа всех приказных служителей: двух переводчиков и трех подьячих. Стоит к тому же учитывать, что на 14 сентября приходился праздник Воздвижения Креста Господня, который, как двенадцатый, по 25 статье X главы Соборного Уложения являлся для приказных служителей выходным днем [Соборное уложение, с. 33—34; Новохатко, с. 286—287]. Разумеется, речь идет о гораздо более позднем по сравнению с 1629 г. законодательном памятнике, однако ее-источником этой главы были решения Стоглавого собора 1551 г. [Соборное Уложение, с. 190]. Соответственно, время работы над переводом списка «настойной благословенной» грамоты в сентябре 1629 г. сократилось на один день, что еще более требовало ускорения работы над ним.

Можно поэтому думать, что подьячий, обладатель первого почерка, был вынужден отвлечься от переписывания первого черновика для подготовки каких-то других документов, видимо, связанных с появлением в Москве в это время других делегаций православного духовенства [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1630 г. № 2, 3] или светских лиц и не обязательно с территорий, входивших в сферу влияния Османской империи, и его работу, чтобы не замедлять переписывания, сразу же продолжил Б. Богомольцев. Напротив, обладатель пятого почерка к этому моменту, не исключено, немного не успел закончить некий предыдущий документ, почему начальные строки порученного ему заключительного фрагмента написал, опять-таки помогая подьячему в условиях спешки, И. Селунский.

Таким образом, если высказанные соображения о механизме совместной работы пяти сотрудников Посольского приказа на начальном этапе подготовки второго, «приказного», черновика перевода справедливы, то они позволяют прийти к нескольким выводам.

Во-первых, как показывает палеографический анализ текста и совпадение фрагментов филигранный «столбы с виноградом» на использовавшейся различными писцами бумаге, формально различавшиеся по кругу своих обязанностей люди — подьячие и переводчики — трудились в непосредственной близости друг от друга, имея тем самым возможность при необходимости тут же подменять друг друга. Скорее всего, они сидели за одним и тем же столом, беря однородную бумагу из одной и той же лежавшей там стопки, но при этом каждый из них пользовался, судя по изменению тона чернил у различных писцов со светло- (Иван Селунский) до темно-коричневого тона (подьячий, обладатель первого почерка), собственными чернильницами и собственноручно отточенными, исходя из очевидно различной толщины линий, перьями. Видимо, такое при-

влечение Б. Богомольцева и И. Селунского было необходимо для незамедлительных консультаций при воспроизведении подъячими непонятно написанных в первом, «переводческом», черновике слов или уточнения смысла тех или иных выражений. В настоящее время без проведения дополнительных исследований трудно сказать, была ли такая практика общепринятой, или столь тесное сотрудничество обуславливалось спецификой конкретной ситуации — спешностью работы при переводе важного документа.

Во-вторых, подобный образ действий, когда собранные вместе люди имели возможность, не мешая друг другу, спокойно трудиться над своими фрагментами текста, подразумевает, что в распоряжении каждого из них находилось то или иное количество заранее выделенных и выданных им отдельных листов. Ранее, обращая внимание на точно такую же особенность использования разновеликих столбцовых листов при подготовке в 1649 г. списков с некоторых документов из несохранившегося до нашего времени, но имевшегося в середине XVII столетия в архиве Посольского приказа дела 1618—1620 гг. о приезде иерусалимского патриарха Феофана, я пришла к выводу, что подъячие, получив отдельные расклеенные листы, не только копировали необходимые тексты, но и стремились представить внешний вид лежавших перед ними оригиналов. Они изготавливали точно такое же количество листов, сколько их имелось в «антиграфе», хотя количество строк из-за особенностей почерков отдельных писцов могло, по-видимому, варьироваться, и использовали первоначально целые листы бумаги, а затем, при необходимости, обрезали их, чтобы не допустить возможности приписки в дальнейшем тех или иных сторонних фрагментов [Тимошина, 2021, с. 47—49, 64—68, 74—76, 88—90, 94]. Думается, что и в отношении второго, «приказного», черновика перевода списка «настойной благословенной» грамоты иерусалимского патриарха Феофана можно говорить о точно таком же подходе. Писцы, имея на руках некое количество еще не соединенных между собой листов первого, «переводческого» черновика, изготовили и передали для редактирования занимающему более высокое положение приказному служителю ровно столько же листов, сколько их получили, то есть опять-таки отчасти воспроизвели внешний вид «антиграфа», возможно, допуская некоторую, но очень небольшую вариативность в строках, чтобы контролировавший их работу начальник мог легко и быстро удостовериться в идентичности двух текстов.

И наконец, имеющийся в деле о приезде келаря Пахомия 1629 г. «приказной» черновик перевода дает возможность определить, хотя

бы частично, объем первоначально выполненной каждым из переводчиков работы. Представляется, что Борис Богомольцев и Иван Селунский, соответственно, начиная или заканчивая написанное подьячими, ориентировались именно на листы, изготовленные собственноручно. Иными словами, с большой долей вероятности можно полагать, что начальная часть «антиграфа», представленная в деле о приезде Пахомия на л. 6—8, была написана Богомольцевым, а заключительный фрагмент (на л. 11—15) — Селунским. Пока не вполне понятно, кому из них принадлежала «середина». В «антиграфе» тексты л. 9—10 могли быть написаны кем-то одним из переводчиков, так и принадлежать им обоим, если допустить, что Борис Богомольцев и Иван Селунский подготовили каждый по листу.

На втором этапе работы переписанный тремя подьячими с помощью двух переводчиков текст был отредактирован еще одним служителем Посольского приказа, имевшим четкий, уверенный почерк и использовавшим очень светлые, почти рыжие чернила, и им же в начале текста сделана помета о привозе документа в Москву келарем Пахомием [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 6]. Стоит заметить, что таким же почерком были выполнены заголовки записи об аудиенции 20 сентября 1629 г. келаря Пахомия и Дементия Микулаева у патриарха Филарета, отпусков грамот царя Михаила Федоровича от 15 декабря 1629 г. константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису и иерусалимскому Феофану III [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 8. Л. 17, 27, 31] и др., что позволяет видеть в этом человеке одного из старых подьячих Посольского приказа, если не самого второго дьяка Максима Матюшкина, рукой которого, по наблюдениям Б.А. Куненкова, в 1627—1632 гг. «были приписаны» почти все документы по связям с иноземцами [Куненков, с. 109], то есть должностное лицо, от начала до конца «ведшее» дело о приезде келаря Пахомия.

Что же касается текста перевода, то большая часть выполненной приказным редактором правки состояла в стилистико-грамматических поправках, в частности, в привнесении различных предлогов (выделены курсивом) — «и архимариты, и игумены со всею соборною кафилическою церковью и со всем царьским синклитом» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 8), в изменении глагольных и падежных форм слов — «познали есмь и обрели» под его пером превратились в «познахом и обретохом» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 7), «всех патриархов» — «всем патриархом» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 9) и др., а также в некоторых смысловых изменениях предложенных переводчиками вариантов или их дополне-

нии — «многоволением» стало читаться как «благоволением» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 8), во фрагмент — «и настоятель ваш *той есть непоколебимый*» — добавлены выделенные курсивом слова (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 10—11) и др.

Однако самым значимым произведенным этим подьячим видоизменением представленного ему текста явилась коррекция наиболее важного для подобного рода документов — «настольная благословенная» грамота — фрагмента. Первоначально читавшееся «произволением и многоволением превечнаго Отца и помощью превечнаго Сына и созданием Святого Духа руку положили и священного и святодостойнаго и како ему достоит и исполнили есми, и пресвятейшим его патриархом воздали есмя великия Христовы кафолическия церкви царствующаго града Москвы» стало иметь вид (разнотчтения выделены курсивом) — «и произволением и *благоволением* превечнаго Отца и помощью превечнаго Сына и *совершением* Святого Духа руку *на него* положили и *преосвященна* и святодостойна, *как* ему достоит, *его* исполнили, и пресвятейшим его патриархом *нарекли* великия Христовы кафолическия церкви царствующаго града Москвы» (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 8—9). Оставляя пока в стороне все другие грамматические и смысловые предложенные этим редактором варианты, остановимся на ключевом выражении: довольно расплывчатые по смыслу и не подразумевавшие каких-либо четких действий со стороны иерусалимского патриарха слова «воздали есмя» превратилось под пером правщика в безапелляционное «нарекли», что подразумевало основополагающую роль именно иерусалимского патриарха Феофана III в поставлении московского патриарха Филарета.

К сожалению, слова «воздали есмя» находятся на л. 9, а написанный на этом листе текст перевода не удастся, как отмечено выше, с уверенностью атрибутировать ни Богомольцеву, ни Селунскому, хотя изначальная принадлежность данного выражения кому-то из них сомнения не вызывает. Очевидно, что появление чрезвычайно существенного изменения смысла полученного в Москве в сентябре 1629 г. документа было связано с деятельностью совершенно иного служителя Посольского приказа. Очень трудно предположить, по крайней мере никаких, даже косвенных сведений об этом обстоятельстве не имеется, что кто-то из работавших там в конце 1620-х гг. старых подьячих, может быть, второй дьяк, настолько хорошо владел греческим языком, что сумел поправить допущенную профессиональными переводчиками неточность. Гораздо более вероятным представляется, что этот чиновник, редактор-правщик всего текста перевода, руководствовался, не обращаясь к

греческому оригиналу, русскими делопроизводственными клише, прежде всего, русским текстом хранившейся в тот момент в архиве Посольского приказа соборной «благословенной» грамоты высшего греческого духовенства от 10 мая 1590 г. московскому патриарху [Опись, с. 69—70]. В переводе этого акта, с которым редактор-правщик не только мог, но и, скорее всего, посчитал необходимым ознакомиться перед началом работы над русским вариантом списка с «благословенной» грамоты патриарха Феофана III, действительно говорится о «наречении» митрополита Иова патриархом Московским [Посольская книга, с. 69; Муравьев, с. 236; греческий оригинал: РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 5; Regel, р. 85—91, tabula III и IV; о грамоте см.: Фонкич, с. 377—380]. Поэтому независимо от того, насколько перевод этого термина в 1590 г. соответствовал греческому оригиналу, приказному служителю конца 1620-х гг. производный от указанного существительного глагол оказался, по-видимому, как уже традиционный, наиболее подходящим, независимо от действительного смысла содержащихся в греческом оригинале слов, и при подготовке перевода хронологически гораздо более позднего документа.

Разумеется, проведение в будущем сравнительного анализа точности перевода греческого текста и выявление наиболее адекватно передающего смысл написанных в оригинале слов будет весьма интересно, однако необходимо учитывать, что в дальнейшем в русском обиходе использовался именно отредактированный одним из чиновников Посольского приказа текст перевода с употребленным там глаголом «нарекли». В дальнейшем этот правленный текст второго, «приказного», черновика был переписан набело и вместе с самой грамотой отдан, как сообщил в имеющейся в конце черновика приписке его редактор своими характерными рыжими чернилами, патриарху Филарету: «А подлинная грамота и с нее чистой перевод у великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Руси» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 15].

По всей вероятности, служители Посольского приказа изготовили только этот, «патриарший», беловой вариант перевода и не стали утруждать себя еще одним переписыванием не являвшегося столь уж необходимым внешнеполитическому ведомству документа для собственных нужд, удовольствовавшись наличием в деле о приезде келаря Пахомия отредактированного второго варианта черновика. Что же касается «патриаршего» беловика, то, как представляется, впоследствии именно этот документ был передан из патриаршей канцелярии в формировавшийся в конце XVIII в., во время архивной реформы Н.Н. Бантыш-Каменского, фонд-коллекцию «Сношения России с

Грецией», и в составленной в это же время описи, исходя из читающейся в нем даты о написании грамоты 5 июля 1619 г., был именно под этим годом учтен архивистами МАКИД [Бантыш-Каменский, с. 42].

Доказательством действительно осуществившейся передачи этого документа в патриаршее ведомство, на что не обратил внимания издавший его текст Б.Л. Фонкич [Фонкич, с. 406—409], является сделанная на обложке дела помета «к греческ.» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. П]. Однако соединение в публикации белого «патриаршего» перевода грамоты именно с привезенным келарем Пахомием в 1629 г. списком «настойной благословенной» грамоты, а не с ее утраченным в пожаре 1626 г. протографом представляется вполне оправданным, хотя никаких доказательств такой хронологической приуроченности археограф во вступительной статье не привел, как и не отметил само наличие «приказного» черновика. Тем не менее тождество филигранни — «столбы с виноградом» — бумаги, на которой выполнены оба варианта русского перевода, и совпадение почерков трех из пяти писцов «патриаршего» белоголика с обладателями первого, третьего и пятого почерков «приказного» черновика показывает, что предназначенный патриарху Филарету текст действительно был изготовлен сразу же после окончания работы редактора-правщика в сентябре 1629 г., а не десятью годами ранее, и, видимо, в еще большей спешке, потребовавшей привлечения уже не трех, а пяти подъячих Посольского приказа.

В результате, московский патриарх прочитал, скорее всего, накануне аудиенции келаря Пахомия и Дементия Микулаева, тот самый, подготовленный переводчиками Борисом Богомольцевыми и Иваном Селунским и отредактированный кем-то из вышестоящих приказных чинов текст. Однако вместо ожидаемой, по-видимому, благодарности за новую грамоту в ответном послании иерусалимскому патриарху от 15 декабря 1629 г. Филарет Никитич прежде всего подчеркнул, что, обращаясь летом 1626 г. к приехавшему в Москву архимандриту Кириллу с предназначенной для передачи патриарху Феофану III просьбой о другой, взамен сгоревшей, настольной грамоте, он прекрасно осознавал юридическую необязательность таких действий: «А возможно было мне, Филарету патриарху, брату и сослужебнику твоему, написать настольная грамота и у нас на Москве, потому что блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси прислана грамота всех патриархов за руками и за печатями и многих митрополитов и архиепископов, и епископов у тое грамоты руки и печати, что поставляти на Москве патриархов соборне московским властем, и та грамота и ныне у нас в домово́й казне» [РГАДА.

Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 41—42]. И далее, объясняя все-таки имевшее место обращение к иерусалимскому первосвятителю, добавил, что «учинил» так, исходя только из своих собственных, личных чувств благорасположения к патриарху Феофану — «от великого сердечного желания для духовные любви, хотя от тебя видети на себе твое благословение и духовную любовь» [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1629 г. № 18. Л. 42].

Трудно с определенностью сказать, чем была вызвана такая отповедь греческому иерарху, с которым на протяжении многих лет московский патриарх поддерживал самые добрые отношения. Возможно, свою роль сыграла более чем трехлетняя, связанная с привходящими обстоятельствами, например, с тем фактом, что архимандрит Кирилл со свитой был отправлен в обратный путь не через южнорусские земли и Дунайские княжества, а морским путем вокруг Европы через Архангельск [РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1625 г. № 5. Л. 212], задержке, которая в восприятии Филарета Никитича могла показаться игнорированием иерусалимским патриархом его просьбы. Впрочем, не менее вероятным представляется и прекрасно понятное Филаретом, как свидетельствует его ссылка на юридическую правомерность и достаточность решений Московского собора для избрания московского же патриарха, преувеличение роли Феофана III в восшествии ростовского митрополита на московскую патриаршую кафедру, выразившееся в привнесенном в текст перевода его редактором слове «нарекли», возможно, насколько об этом можно судить по использованному кем-то из переводчиков выражению «воздали есмя», не вполне соответствующим греческому оригиналу.

Таким образом, проведенный палеографо-текстологический анализ черновика перевода списка «настойной благословенной» грамоты иерусалимского патриарха Феофана, привезенного в Москву келарем Пахомием в сентябре 1629 г., позволяет установить не только имена работавших над русским текстом переводчиков — Бориса Богомольцева и Ивана Селунского, но и выявить степень изменения подготовленного ими перевода редактором — кем-то из старых подьячих Посольского приказа или вторым дьяком Максимом Матюшкиным, ориентировавшимся, по-видимому, не на точность передачи смысла греческого оригинала, а на существовавшие в русском делопроизводстве традиционные формулировки. Приведенные же выше слова Филарета Никитича, на которые в историографии не обращалось должного внимания, подтверждают правоту тех исследователей, кто считал, что легитимность его избрания на московскую патриаршую кафедру не подвергалась бы сомнению и без

участия Феофана III [Карташев, с. 94—95; Козляков, с. 123], и составляют отказаться от утверждений других, существенно преувеличивавших значение выданного 5 июля 1619 г. документа и, соответственно, его списка [Каптерев, с. 31—32; Фонкич, с. 400—401].

Литература

- Бантыш-Каменский Н.Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в. Материалы к словарю. М., 2021.
- Белякова Е.В.* Тема учреждения Патриаршества в русских Кормчих // История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2010.
- Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Филигранны XVII века. По рукописным источникам ГИМ. Каталог. М., 1988.
- Каптерев Н.Ф.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 2008.
- Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991.
- Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004.
- Куенков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура, служители, дело-производство. Дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.
- Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Кн. 6. М., 1996.
- Международная конференция «Крит, Восточное Средиземноморье и Россия в XVII в.». Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. М., 1995.
- Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. 1. СПб., 1858.
- Новохатко О.В.* Законодательство второй половины XVII века о внутреннем распорядке приказов // Исследования по источниковедению России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2004.
- Оборнева З.Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613—1645 гг.). М., 2020.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977.
- Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588—1594 гг. М., 1988.
- Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.
- Тимошина Л.А.* Грамоты вселенских патриархов 1682 г., привезенные П.Б. Возницыным, в делопроизводстве Посольского приказа и археографии // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб., 2008.
- Тимошина Л.А.* Материалы о приезде иерусалимского патриарха Феофана в Русское государство в 1619—1620 годах в документах Посольского приказа XVII в. // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 34. М.; СПб., 2021.
- Тимошина Л.А.* Переводчики и делопроизводство Посольского приказа в XVII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы международной научной конференции Москва, 12—13 сентября 2019 г. М., 2019.
- Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003.
- Ченцова В.Г.* О греческих грамотах иерусалимского патриарха Феофана из собрания Российского государственного архива древних актов (постановка проблемы) // Четвертые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Международная научная конференция 9—10 ноября 2006 г. Материалы. М., 2006.
- Regel W.* Analecta byzantino-russica. Petropoli, 1891.

Новые сведения о русских переводах иностранного репортажа о битве при Зенте (1697 г.)

Информация о военных победах, произошедших за пределами России, могла, хотя и не часто, преднамеренно распространяться московским правительством среди своих подданных. Примеры новостей о текущих событиях появлялись в рукописях вне государственных архивов. В последнее десятилетие XVII в. подобная информация получила более широкую читательскую аудиторию. В качестве такого примера рассмотрим случай распространения новостей о возможно самой знаменитой битве в ходе Великой турецкой войны, которая окончательно завершилась мирными договорами 1699 и 1700 гг. 11 сентября 1697 г. габсбургская армия под командованием принца Евгения Савойского полностью разгромила османские войска при Зенте (Центе) на р. Тисса на территории современной Сербии. Едва спасся сам султан; великий визирь и командир янычар погибли. Река была так сильно завалена трупами, что победители настигали доски прямо на них, пользуясь ими в качестве моста. В турецком лагере удалось захватить огромную добычу. Далеко не самым значительным трофеем стали десять султанских жен и золотое кольцо с печатью, которую визирь носил на шнуре на своей шее. Печать все еще можно увидеть в Вене, в то время как судьба султанских жен не известна по документам.

Новости об этой битве и последовавшем за ней триумфальном ее праздновании широко тиражировались в различных газетах и отдельных памфлетах. Самые первые из появившихся памфлетов кажется были распространены в очень сжатой форме, но вскоре появились более солидные по объему дневники о военных действиях накануне и в ходе самой битвы. Вероятно, примером самых первых сообщений является брошюра (*Erfreuliche Zeitung / Von dem den 11. Sept. 1697. wider die Türcken bey Zenta in Hungarn erhaltenen Sieg* (n.p., n.d.) (VD17 12:622197C)), которая имеет внутренние выходные данные (*Auss Wien / vom 14. Septembr. 1697*). Копии издания находятся в библиотеке Гарвардского университета (Ott 408.11) и в Мюнхене (*Bayerische Staatsbibliothek: Res 4 Turc. 93,7*). Через несколько дней в Вену пришла дополнительная информация, данные о потерях с

обеих сторон и размерах добычи стали более точными. Самые значимые сообщения появились в нескольких изданиях в различных городах, и ряд газет того времени в сокращенном виде передавали описания этих событий. Несколько сообщений отобрали и перевели для русского правительства. Некоторые из этих текстов быстро начали распространяться в копиях за пределами приказов. Естественно в ходе процесса отбора и копирования в западных источниках не все данные передавались дословно, и это позволяет с уверенностью определить источники описаний событий для нескольких русских переводов. В нашей работе мы не пытаемся привести подробный текстовый анализ, признавая, что скорее всего нужно применять еще рукописный материал. Наша статья сводится к суммарному изложению наших наблюдений об источниках русских переводов известий о битве при Зенте, о соотношениях переводных текстов и об их копиях. Касательно первых попыток проанализировать русские документы стоит отметить работу Д.С. Уо [Waugh, 2008, с. 497—502]. Позднее С.М. Шамин обнаружил новые важные архивные материалы и дополнил наше исследование в своей книге [Шамин, с. 188—195]. Автор выражает глубокую благодарность С.М. Шамину за щедрое предоставление как своих копий первоисточника, так и своего анализа нового материала до его публикации.

Петр Великий узнал об этом событии, когда пребывал в Нидерландах — в одной из важнейших точек распространения новостей в Европе, связанной с постоянными источниками передачи информации во всех направлениях, где он мог быстро получить сведения от агентов или в печатных изданиях. Сводки западных газет в российских архивах подтверждают, что переводы с них были сделаны служащими, сопровождавшими Петра в Нидерландах, а уже после этого вместе с оригиналами отправлены обратно в Москву. Хотя приобретение западных газет Посольским приказом для сведения их в куранты в отсутствие Петра продолжалось, вероятно материалы, направленные им из Нидерландов, содержали информацию, которая не могла попасть в Россию иным путем. Отчасти она могла быть более точной или более своевременной. Поскольку Россия еще входила в союз европейских государств, продолжавшую войну с турками, естественно такие сообщения как о битве при Зенте пользовались большим интересом.

Среди тех, кто посылал Петру новости, был живший в Вене царский переводчик — Адам Стила (Стиль) Свейковский. Дипломатические документы, касавшиеся отношений со Священной Рим-

ской империей, включали регулярные новостные письма на латыни, которые он отправлял русскому посольству в Гаагу. Мы исследовали эти документы (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д 3), которые относятся к периоду начала битвы и нескольким последующим неделям. Нынешний порядок, в котором эти материалы хранятся в архиве, не повторяет последовательности этих событий; ясно, что некоторые документы идут не по порядку, а другие возможно утеряны. Вероятно, что некоторые из новостных источников и их переводы были извлечены переводчиками в Москве для работы над курантами или теми, кто изъясил их из архива, чтобы копировать эти тексты для более широкой аудитории, и таким образом они оказались утеряны или отложились где-то еще помимо того, что сохранилось в материалах, связанных с отношениями с Габсбургами. Кроме того, Свейковский отправлял в Гаагу с новостью в письменном виде опубликованное в брошюре и газетах, которые специализировались на событиях Центрально-Восточной Европы. Служащие Петра обычно переводили письма Стили и, возможно, наиболее интересные дополнения, которые он присылал. Хотя не все документы присутствуют в архивном фонде, представляется очень вероятным, что одно из его писем, посланное через несколько дней после битвы, содержит первое известие, которое Петр получил о сражении при Зенте. Заголовок одной из копий новостных сообщений, который циркулировал за пределами приказов [Waugh, 2003, p. 300—301] указывает, что это — перевод с латыни, возможно одного из писем Стили. Д.К. Уо опубликовал этот текст из Хлыновской рукописи Семена Попова (содержащей и некоторые из султанских апокрифических писем). Существует также второй список, с незначительными разночтениями (РГБ. Ф. 310 (собрание В.М. Ундольского). Д. 635. Л. 40—42об.). В архивных делах сохранилась частичная копия одного из важных памфлетов, опубликованных сразу за битвой: письмо, написанное героем дня — Евгением Савойским, которое представляет подробный отчет о том, как происходила вся военная кампания и победа в частности (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 6—7об.). Хотя брошюра, хранящаяся в архиве, является самостоятельной публикацией, ее текст является идентичным другому опубликованному тексту (*Copia Der An Ihro Käyserlichen Mayestät Von Ihro Hochfürstl. Durchl. Eugenio Printzen von Savoyen Entlassenen allerunterthänigsten Relation De Dato Käyserl. Feld-Lager zwischen Senta und Klein-Canischa / den 12. Septembr. 1697* (n.p., 1697). Каталогизировано в VD 17 как 12:622207Z; копия в Bayerische Staatsbibliothek, München: Res 4 Turc.

93,9 м). Можно предположить, что эта брошюра является одной из тех, что Стила направил Петру I, но отсутствуют свидетельства о том, что ее перевели, возможно потому что существовал альтернативный вариант из других подробных отчетов. Один из них был полностью переведен с копии, полученной от Стивы Петром 23 сентября (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 12—20). Заголовок представляет следующее: «Перевод с печатного диариуша о цесарском бою с турки сентября в АИ-м числь учинившемся под владѣтельством цесарского генерала кн(я)зя Эйгениуса Саоойского, на котором бою турков на боевом мѣсте з *КВ ч(е)л(о)в(е)к мужественно побито и множество в пол(о)н взято и мало не весь обоз без великого убытку цесарских войск в добычь получен. А учинилса тот бой недалеко от Сента и Малой Кониши. Прислал сей диариуш из Вены в Гагу к великим и полномочным послом цесарской переводчик Адам Стиля в н(ы)ншнем СС-м году сентября в КГ д(ень) чрез почту». Очевидно, что источником являются «Relations-Diarium», которые существуют в нескольких редакциях, в которых существуют небольшие различия по сравнению с текстом на русском языке. Перевод сделан с немецкой брошюры (Relations-Diarium, Der grossen / Zwischen denen Kayserl. und Türckischen Kriegs-Waffen den 11. dieses Monaths Septemb. unter dem Com[m]ando Ihrer Durchl. Printzen Eugenio von Savoyen/ unweit Senta und klein Canischa vorbey gangenen blutigen Feld-Schlacht : In welcher Die Unsere über die Muselmänner überauß glorieus victorisirt, deren in 22000. Mann auff der Wahlstatt ritterlich erlegt / viel der Feind gefangen genommen/ und darneben bey fast das völlige feindliche Lager ... glücklich erobert» (n.p., 1697) (VD17: 14:079334L; Bayerische Staatsbibliothek, Res/4 Turc. 93.12 м). Также известны копии с Sächsische Landesbibliothek (Dresden) (Hist. Turc. 407,36) и Библиотеки Гарвардского университета (Ott. 408.12)). Текст в хронологической последовательности сообщает военные события за несколько дней до начала битвы, представляет достаточно официальную их запись и описывает часть захваченной добычи. В конце брошюры помещена запись о убитых и раненных с габсбургской стороны — перечень, который точно воспроизведен в русском переводе. Также существует другой перевод памфлета о битве при Зенте в габсбургских материалах, содержащих документы периода пребывания Петра в Нидерландах (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 21—25). В документе отсутствует титул с заглавием, и текст начинается со строки: «Из цесарского обозу меж Сентом и Малою Конишею стоящаго сентября в ЕИ д(ень)» и она на самом деле извлечена из другой публикации.

Текст очень похож на аналогичный из немецкой брошюры (Außführliche Relation, Von dem den 11. Sept. 1697. wider die Türcken bey Zenta in Hungarn erhaltenen Herrlichen Sieg (n. p., 1697) (VD 17: 12:622182H; копия в: Bayerische Staatsbibliothek, Res 4 Turc. 93.5m). Отсылка к «Малой Конишеи» в заголовке отсутствует в немецком памфлете, и в русском переводе отсутствует короткий заключительный параграф из текста на немецком языке. Текст предположительно написан очевидцем. Он более живой в отдельных деталях, возможно потому, что это не было официальным отчетом для габсбургского двора.

Хотя возможно, первые сведения о битве при Зенте пришли в Москву ранее, самым первым конкретным текстуальным доказательством предположительно является текст, помещенный в куранты за 12 октября 1697 года, открытие и первое исследование которого принадлежит С.М. Шамину (РГАДА. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Ч. 3. Л. 516—558). С.М. Шамина любезно предоставил перевод с листов 516, 536—554 и 558об.; нам удалось потом сверить текст с оригиналом по фотографиям, сделанным с архивного микрофильма Ингрид Майер и Глебом Казаковым. Шамина также предоставил копии отдельных новостей о битве при Зенте, датированных в Вене 18 сентября, сообщающим главным образом о статистике военных трофеев и людских потерь (РГАДА. Ф 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 12. Л. 61). Нельзя предположить, что этот источник текстуально относится к другим текстам, речь о которых идет в этой статье; опираясь на внутренние ссылки, можно предположить, что источником является газета, вышедшая в Бранденбург-Пруссии. С.М. Шамина считает весьма вероятным, что очень многие другие сведения, относящиеся к битве при Зенте, еще можно обнаружить распыленными по другим архивным документам.

Заголовок перевода, хранящегося в РГАДА (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Ч. 3. Л. 516—558) говорит о том, что он основывается на немецких газетах, поступавших через Ригу; текст начинается с четырех сообщений о битве при Зенте и в более широком контексте — о турецких войнах. Объединение в один выпуск курантов сообщений из нескольких отдельных источников является обычной практикой. Хотя кажется, что большая часть этого «компендиума» о битве при Зенте восходит к опубликованным сообщениям из газет, стоит также поразмыслить над тем, что хотя бы один из этих источников был опубликован отдельно.

Их перечень начинается с полного (иногда просто сжатого) перевода подобной брошюры (далее русский текст будет обозначаться

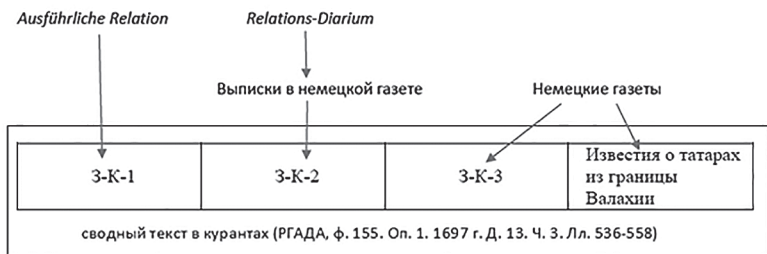
3-K-1). (Ausführliche Relation, Dessen Was sich seit den 22. Augusti bis den 13. September in Ungarn / zwischen der Christlichen und Türckischen Armee zugetragen: Aus dem Feld-Lager bey Zenta / den 13. September / Ao. 1697 (n. p., 1697) (VD 17: 1:651275L; копия в: Staatsbibliothek zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, 36 in: Ui 20). Заголовок русского перевода (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Ч. 3. Л. 536) звучит следующим образом: “Подлинное объявление что августа 3 KB-г числа по ПI-е сентября меж хр(и)стианским и турским войском учинилось. Писано из обозу при Центе сентября ПI-г числа „АХЧЗ-г году.”. Хотя некоторые небольшие разночтения предполагают точно определить источник, в действительности перевод близок к несколько вольному прочтению текста «Полного отчета» битвы, опубликованного в 1697 г. Этот источник отличается от того, что можно найти в упомянутых выше габсбургских дипломатических документах. Анонимный текст начинается с событий, происходивших за несколько дней до битвы. Сообщается о перемещениях войск, приводятся разведывательные данные. Хотя текст может быть «официальным» сообщением, он не является письмом, отправленным Евгением Савойским императору (цитированному выше). По-видимому, существовало несколько подобных текстов, написанных участниками битвы. Таким примером является письмо, написанное саксонским лейтенантом в день после битвы, которое было издано в новостных сообщениях и датировано 22 сентября. Оно появилось в немецкой газете (*Stralsundischer Relations Courier*, 1697, No. 79: [iii]—[iii]^v).

Вторая часть компиляции в курантах представляет собой гораздо меньший по объему текст (обозначенный в статье как 3-K-2) и датированный «Из Вены 21 сентября», и предполагающий, что он был взят из газетной статьи (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Ч. 3. Л. 546—551). Под выходными данными находится заголовок, который, как представляется взят из другого источника, и этим источником возможно являются «Relations-Diarium», которые служащие Петра Великого получали и переводили в Нидерландах. Информация, содержащаяся в тексте курантов, хотя и осталась в нескольких фрагментах из первоначального дневника, отбиралась не в Москве, но для немецкой газеты, которую использовали переводчики в Москве (Relations-Diarium (VD17: 14:079334L): fols. [iii]—[iii]^v, [iv]^v). Таким образом, текст в курантах не является копией, взятой из перевода, сделанного для Петра, но скорее это новый перевод уже произведенной выборки, хотя, в конечном счете, оба восходят к одному источнику. Сообщение немецкой газеты включало только несколько

коротких предложений, описывающих итог битвы, бегство султана, перечисление некоторых трофеев (включая вновь обнаруженное золотое кольцо-печатъ) и сведенные вместе подсчеты потерь в самом конце первоначального памфлета (а не более детальную статистику по боевым полкам) (РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 12—20).

За этим в компиляции курантов следует другое вступление с теми же выходными данными (“Того ж числа из Вѣдны”) предположительно также из короткого газетного сообщения (здесь обозначено 3-К-3). Большая часть этого текста представляет собой еще одно перечисление потерь в сражении и основных военных трофеев, поскольку сообщалось о них, возможно, когда принц Дитрихштейн спешил в Вену с первыми новостями о битве. Этот перечень обнаруживается почти в идентичной форме во многих газетах того времени, хотя не полная сохранность газетных материалов того времени не позволяет точно определить с какого именно из этих источников сделан перевод (*Leipziger Post- und Ordinar-Zeitung*. Das II. Stück der XXXVII. Woche / 1697: 601 (первоначальная статья из Вены от 21 сентября); *Die Europäische Relation* [Altona], 1697, No. 75: 603—604; *Stralsundischer Relations Courier*, 1697, No. 78: [iii]^v—[iv]).

Последняя часть этой компиляции из курантов, относящаяся к битве при Зенте и турецким войнам, в первую очередь посвящена битвам с татарами, как об этом сообщается с валашской границы, хотя в конце появляются несколько предложений, которые, как кажется, взяты из другого сообщения, касающиеся бегства турецкой армии после битвы при Зенте. Затем компиляция из курантов переходит к другим новостям. Представить структуру компендиума о битве при Зенте в курантах можно в виде следующей схемы:

Интересная сторона этой компиляции из курантов заключается в том, что текст скопирован почти полностью в одной рукописи, не находившейся в приказах, и, как показал Шамин, кратко излагается в других копиях. Полная копия находится в рукописи, которая была собрана

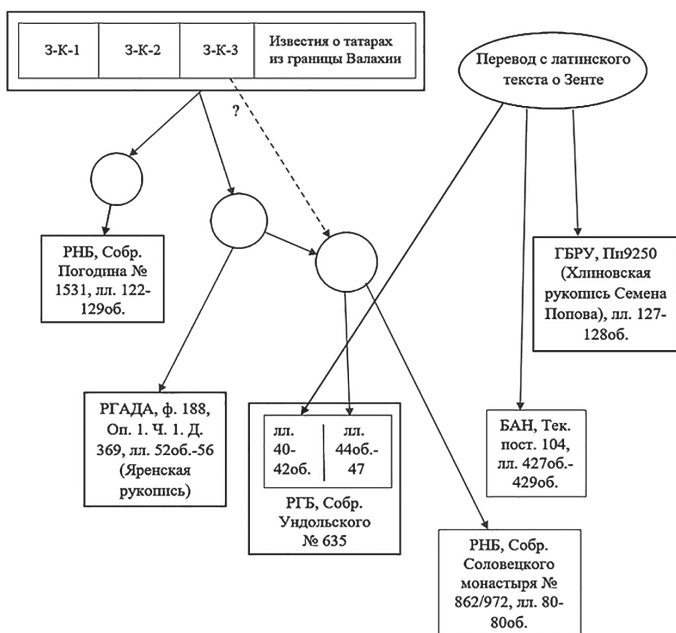
П.В. Строевым в 19 веке (РНБ, собрание Погодина, № 1561, описано Бычковым, с. 116—118). Сводка текстов, возможно скопированных вместе в то же самое время в конце XVII или начале XVIII в., включает сокращенную копию подложной «Истории двух посольств», хорошо известного древнего пророчества о крушении Османской империи, тексты о битве при Зенте, перечисление преступлений стрельцов, казненных в 1698 г., астрологический прогноз и отрывок из работы Аристотеля. К сожалению, отсутствуют сведения, кто мог собрать эти тексты вместе.

Еще одна из рукописей, привлеченных С.М. Шаминам, принадлежит крестьянской семье в Яренской области в южной части Архангельской губернии. Эта семья владела копией части текстов в сводке текстов о Зенте из курантов 1697 г. Действительно ли эти крестьяне интересовались сообщениями в курантах, является важным вопросом, поскольку они использовали чистые обороты документа для абсолютно другой цели. С.М. Шамин цитирует Б.Н. Морозова впервые введшего в научный оборот этот архивный источник (РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Д. 369. Л. 52об.—56). С.М. Шамин предоставил нам копию текста и его сравнение с текстом из Отдела рукописей РГБ (РГБ, собрания Ундольского, № 635). Не приходится удивляться в любознательности и грамотности северных русских семей, которые как предприниматели и, возможно, старообрядцы ценили грамотность. Эта копия материалов, относящихся к битве при Зенте, серьезно сокращена, сохранив текст З-К-1 и краткие данные о потерях из З-К-2, сведения из З-К-3 и последние сообщения о поражении татар. Судя по всему, подробности, касающиеся войны как таковой, не привлекли их внимания.

Яренская рукопись интересна текстуальной связью с другими рукописями о битве при Зенте, которые находились вне приказного обращения. Две копии сокращенной версии З-К-3 являются отдельными текстами (т.е. они не находятся вместе с другими текстами курантов, посвященных битве при Зенте), один из которых находится в РГБ в собрании Ундольского № 635 и вероятно восходит к началу XVIII в. В своем исследовании этого источника С.М. Шамин указывает на отсутствие прямой связи яренской копии с другими, а скорее, что они имеют общий источник, восходящий в конечном счете к материалам курантов. Как уже отмечалось, эта рукопись (РГБ. Ф. 310 (собрание В.М. Ундольского). № 635. Л. 40—42об.), также содержит перевод краткого латинского текста о битве при Зенте. Рукопись также содержит просьбу бывшего пленного, описывавшего свою жизнь в плену у османов, — памятник, хорошо известный по другим копиям, и отрывки из указов выпущенных в 1700 г. Ее описание со-

держится в работе А.Е. Викторова [Викторов, с. 47] и машинописной копии «Описания» 1936—1937 гг. с добавлением de visu, отмеченных Д.К. Уо [Waugh, 1972, с. 804]. Невозможно составить представление, когда все различные части рукописи были сведены в одну книгу, которой мы сейчас располагаем. Вторая копия З-К-3, очевидно того же времени, является рукописью из библиотеки Соловецкого монастыря на Белом море (РНБ, Соловецкое собрание, № 862/972). Текст опубликован Д.К. Уо [Уо, 2003, с. 301—302]. Эта книга содержит более позднее дополнение, включая обозрение об Астраханском восстании 1706 г. и печатный экземпляр Петровских ведомостей, датированный 17 сентября 1723 г. Нами не была исследована третья копия, присоединенная к копии XVIII века московского «Старого летописца» («Отдел рукописей БАН, тек. пост. № 104), описанная в «Описании Рукописного отдела БАН» [Описание. Т. 3. Ч. 1. 1959. С. 366—367].

Схематически взаимосвязь копий текста о битве при Зенте в русской рукописной традиции выглядит следующим образом (схема показывает существующие промежуточные копии и не отражает точную хронологию бытовавших рукописей):

Это в некотором смысле сложный пример сообщений о битве при Зенте уточняет то, что мы установили о распространении апокрифических писем султана (Waugh, 1978; Waugh 2019). Этот пример показывает скорость, с которой распространялись новости: сведения о битве при этом дошли до Вены от 2 до 3 дней после сражения, достигло Нидерландов вероятно в пределах недели и была переведена с печатного варианта в Москве приблизительно через месяц после того, как эти события произошли. Можно указать на растущую осведомленность в Московском государстве во всем, что касается войн с Турцией, что по меньшей мере оказало бы влияние на экономику, объединяя большое количество людей на военную службу того или иного рода, и могла бы иметь отношение к традиционным для православия интересам борьбы «истинной веры» с ее врагами. В этом контексте, в случае доказательств копии рукописей могут показаться слишком легковесными (здесь не имеются в виду распространение печатных копий), наблюдался некоторый рост распространения рукописей, касающихся «турецкой темы» — феномен, которое могло бы получить благоговение у правительственных чиновников в период времени, когда военные победы пропагандировались с помощью торжественных церемоний в стиле барокко. В этом отношении победа Петра Великого под Азовом в 1696 г. является своего рода значимым явлением.

Великое посольство Петра также служило укреплению антитурецких союзов на месте. Не случайно, что даже в период, когда царь пребывал в Нидерландах, учась кораблестроению, Петр поддерживал тесные связи с венским двором. Битва при Зенте была значимой новостью и, казалась, обещала окончательную победу над османами. Благодаря своему информатору в Вене, Петр имел в изобилии информацию о битве при Зенте. Его служащие перевели по крайней мере два из большого количества памфлетов и газет, содержавшие короткие сообщения о битве при Зенте. Хотя, похоже, этот материал потом отослали обратно в Москву, независимо друг от друга переводчики в Посольском приказе располагали своими источниками для составления курантов, среди которых имелся еще один отдельный памфлет об этой битве и различные более короткие новостные сообщения. Как только они перевели сообщение о битве при Зенте, похоже, что они переслали эти копии Петру, не зная, что он лучше информирован о ней (РГАДА. Ф. 155. 1697 г. Д. 13. Ч. 3. Л. 558об.). Копирование текстов в приказе также привело к распространению новостей даже в отдаленные территории Русского севера, сообщение с которыми упростилось благодаря усовершенствованию почтовых связей с Архангельском в начале 1690-х гг.

К сожалению, как и в других примерах, когда мы бы захотели идентифицировать «читателей» сообщений из Москвы, ответа на наши вопросы нет. Одна копия очень краткого сообщения о битве при Зенте может быть связана с Соловецким монастырем на Белом море, другая копия — с ризничим в Хлынове, о любознательности которого по поводу многих предметах имеется большое количество документов из его библиотеки, и третья копия — связанная с крестьянской семьей из Яренска. Все они находятся далеко от Москвы. Информации, которая позволяла бы связать некоторые другие «не приказные» копии сообщений с отдельными владельцами и читателями, мало. Более того, учитывая неопределенности в датировках, нельзя точно сказать, когда эти тексты появились в месте своего назначения и были ли эти сообщения актуальными, если их получили намного позднее имевших место событий. Возможно, они оказались интересными для русского читателя на фоне Северной войны и короткой, но неудачной войны против османов, которая завершилась капитуляцией Петра на р. Прут в 1711 г.

Литература

- Бычков А.Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882.
- [*Викторов А.Е.*] Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского описанный самым составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по 579-й. С приложением Очерка Собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе. Москва., 1870.
- Морозов Б.Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. №2. С. 57—61.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 1 (Хронографы, летописи, степенные, родословные разрядные книги). Изд. 2-е, доп. М.—Л., 1959.
- Описание Собрания В.М. Ундольского (№580—1432). М. 1936—1937 (неопубликованный машинописный текст).
- Уо Д.К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре Петровского времени. СПб, 2003.
- Шамин С.М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI—начала XVIII столетия. М., 2020.
- Waugh D.C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in Its Muscovite and Russian Variants. With a foreword by Academician Dmitrii Sergeevich Likhachev. Columbus, 1978.
- Waugh D.C.* “The Great Turkes Defiance Revisited”. *Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies* 8/1. P. 162—187 (http://slovene.ru/2019_1_Waugh.pdf).
- Waugh D.C.* “How Might We Write a History of Reading in Pre-Eighteenth-Century Russia?” // *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia*. Vol. 1 / ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano, 2020. P. 45—75.
- Waugh D.C.* News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey* / ed. by C. Dunning, R. Martin and D. Rowland. Bloomington. P. 491—506.
- Waugh D.C.* Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Unpublished Ph.D. Dissertation, Harvard University, 1972.

«Стихи иамвийстии» в переводе Николая Спафария

Вторая половина XVII столетия стала важным этапом в развитии культурных связей Московского государства с другими землями, что сказалось и на усилении интереса к сочинениям на иностранных языках, появлении новых переводов литературных текстов. В 1670-е гг. одним из самых известных московских переводчиков стал Николай Спафарий [Белоброва, 1978]. Вместе с сотрудниками, помогавшими ему в работе, он перевел и прокомментировал целый ряд сочинений с разных языков, в том числе и с греческого. Исследовать переводы Николая Спафария подчас удавалось только по сохранившимся русским текстам, поскольку установить источники, с которых они сделаны, не всегда было возможно.

Долгое время оставался неизвестным и основной источник знаменитого «Хрисмологиона» Спафария — книги, посвященной «науке о предсказаниях». Определить, с какой «древнейшая харатейная книга еллиногреческая» были переведены вошедшие в сочинение тексты, прокомментированные Николаем Спафарием, оказалось особенно сложно, поскольку от использованной им в Москве рукописи с греческим подлинником произведения дошло лишь шесть разрозненных листов. Ныне они известны как «Фрагмент Уварова» (ГИМ. Муз. 3629. Л. 1—6). Сопоставление текста «Хрисмологиона» с сохранившейся в венецианской библиотеке Марчиана копией пропавшей московской рукописи — греческой «Хроникой» Франческо Бароцци (Marc. gr. VII.22 [Coll. 1466]), — позволило установить, что именно этот текст послужил тем подлинником, который по его московскому списку переводил и комментировал Николай Спафарий [Tchentsova, 2013; Ченцова, 2014].

Впервые на то, что в «Хрисмологионе» содержится перевод текста л. 6 об. рукописи «Фрагмента Уварова», было указано Ф.Е. Коршем в его комментариях к сделанному Г.С. Дестунисом изданию и исследованию манускрипта [Корш, 1890, с. 73; Дестунис, 1890, с. 29—72.]. Сама венецианская рукопись имеет и иное название — «Слово Мефодия Патарского о царстве народов», поскольку включает тексты «Откровения» Псевдо-Мефодия Патарского. На сходство текста «Хрисмологиона» с «Откровением» Псевдо-Мефодия Патарского указывал В.М. Истрин [Истрин, 1897, с. 299—305]. Высказанное Н.П. Чесноковой предполо-

жение, что Николай Спафарий переводил не так называемую «Хронику» Бароцци по рукописи, от которой сохранился «Фрагмент Уварова», а какой-то иной манускрипт, привезенный, якобы, антиохийским патриархом Макарием, не подкреплено достаточными аргументами [Бибииков, Родионов, Чеснокова, 2015, с. 149—151, 158—159]. Оно не учитывает то обстоятельство, что значительные фрагменты «Хрисмологиона» представляют собой точный перевод текста «Хроники».

Оба манускрипта — венецианский и московский — были переписаны и украшены миниатюрами известным греческим писцом и художником Георгием Клондзасом [Παλιούρας, 1977]. Некоторые миниатюры по московской рукописи были скопированы в подносном экземпляре «Хрисмологиона» [Ченцова, 2014, с. 72, 76—77]. Отдельные части греческого сочинения вводятся стихотворными строками из одиннадцати или двенадцати стоп. Исследовавший венецианскую рукопись А.Д. Палиурас предполагал, что сложить эти вирши мог сам Георгий Клондзас [Παλιούρας, 1977, σ. 75].

Выявление оригинала текста сочинения позволило сопоставить его со сделанным в Москве русским переводом. Лишь два переведенных Николаем Спафарием и его сотрудниками-переводчиками текста «стихов иамвийстих» [Изд. по московской рукописи: Дестунис, 1890, с. 53—54] сохранилось в обеих греческих рукописях: 1) ГИМ. Муз. 3629. Л. 6 v / Marc. gr. VII.22. fol. 10 r — Перевод: Эрм. 27. Л. 42; 2) ГИМ. Муз. 3629. Л. 6 v / Marc. gr. VII.22. fol. 11 v — Перевод: Эрм. 27. Л. 10. Все остальные можно обнаружить лишь в венецианской рукописи (часть из них была издана А.Д. Палиурасом [Παλιούρας, 1977, σ. 83, 87, 88—89]). Между текстами «Фрагмента Уварова» и соответствующими им строками венецианского манускрипта практически отсутствуют какие-либо расхождения. Поэтому несмотря на то, что подлинным источником для «Хрисмологиона» Николая Спафария была не венецианская рукопись, а фрагментарно сохранившаяся московская, текст «Хроники» из Венеции можно с полным основанием считать греческим оригиналом русского перевода «стихов»:

1. Marc. gr. VII.22. fol. 13 r — Эрм. 27. Л. 70.
2. Marc. gr. VII.22. fol. 26 v — Эрм. 27. Л. 208 об.
3. Marc. gr. VII.22. fol. 27 r — Эрм. 27. Л. 227.
4. Marc. gr. VII.22. fol. 14 r — Эрм. 27. Л. 245.
5. Marc. gr. VII.22. fol. 27 v — Эрм. 27. Л. 273.
6. Marc. gr. VII.22. fol. 28 r — Эрм. 27. Л. 320.
7. Marc. gr. VII.22. fol. 30 r — Эрм. 27. Л. 328.
8. Marc. gr. VII.22. fol. 32 v — Эрм. 27. Л. 331.

«Стихи иамвийстии» в «Хрисмологионе» — это не всегда «хрисмы», видения и предсказания в подлинном смысле слова, но порой изложение в поэтической форме библейских событий. Однако именно их Николай Спафарий не только переводит, но и истолковывает, используя сочинения по библейской и древней истории разных авторов и рассматривая в качестве структурирующей основы своего собственного произведения. Переведенные в «Хрисмологионе» двенадцатисложники относятся к известной из Библии смене четырех монархий [Дан. 2: 1—45]: Ассирийской (Халдейской или Вавилонской), Мидийской (Персидской), Греческой (царства Александра Македонского) и Римской. Монархии в одном из видений пророка Даниила являются в виде выходящих из моря удивительных и страшных зверей, символизирующих царства: крылатого льва, медведя с тремя клыками, барса с четырьмя головами и птичьими крыльями, рогатого чудовища с железными зубами [Дан. 7]. «Стихи иамвийстии» стали подобием эпитафий к отдельным частям текста, воспроизводящим библейскую историю пророка Даниила, сумевшего истолковать сон вавилонского царя Навуходоносора о смене земных царств, после которых наступит царство Христа.

Включенные в «Хрисмологион» библейские цитаты, использованные для комментирования переводов «стихов», и некоторые фрагменты самих стихов были частично скопированы переводчиками по московской Библии 1663 г. Однако в переводах стихотворных текстов краткие цитаты или аллюзии на них не всегда соответствуют изданию 1663 г., видимо, поскольку не были определены Николаем Спафарием и его сотрудниками как таковые или же не укладывались в метр. В результате они оказались переведены заново. Так, в тексте перевода строк о видении пророком Даниилом архангела Гавриила, предсказавшего Рождество Христово, часть цитаты передана как в Библии 1663 г., а часть переведена иначе: «В лето третие царствующу Киру || страну персидскую, || Гавриил послан бысть, || анг(е)л божий, ко Даниилу пророку, || нося ему глаголы, глаголяй сице: || Слова моя вразуми, желателный муже, || приклони оухо твое, приложи сердце твое, || и тебе объявлю будущая быти, || сице бо будет в последняя времена» («Δανιήλ. Ὁρασις πρώτη. || Ὁρασις καὶ ἀποκάλυψις Δανιήλ τοῦ προφήτου. || Ἐν ἔτη τρίτῳ βασιλεύοντος Κύρου || Χώρας τῶν Περσῶν, Γαβριήλ ἀπεστάλη, || Ἄγγελος Θεοῦ, εἰς Δανιήλ προφήτην, || Φέρων αὐτῷ ῥήματα καὶ λέγων οὕτως· || Λόγοις μου σύνες, ἐπιθυμιῶν ἄνερ, || Κλῖνον τὸ οὖς σου, τοῦ δέ σου τὴν καρδίαν || Καὶ σοι δηλώσω τὰ μέλλοντα γενέσθαι, || Οὗτος γὰρ ἔσται ἐν καιροῖς τοῖς ἐσχάτοις») (Эрм. 27. Л. 245 / Marc. gr. VII.22. fol. 14 r).

Аллюзия на Псалмы (16.6), включенная в греческий двенадцатисложник «Λόγοις μου σύνες, ἐπιθυμιῶν ἄνερ, ἢ Κλῖνον τὸ οὖς σου, θεοῦ δέ σου τὴν καρδίαν» (Marc. gr. VII.22. fol. 14 r), была переведена словами «приклони оухо твое, приложи сердце твое» (Эрм. 27. Л. 245), что соответствует тексту Библии 1663 г.: «Приклони оухо твое мне». Но другой фрагмент с обращением архангела к «желательному мужу» переведен иначе, чем это сделано в Библии 1663 г.: «И рече ко мне: Данииле, мужу помышлений, разумей в словесех сих, яже аз глаголю к тебе» (Дан. 10.11).

Греческое силлабо-метрическое стихосложение предполагало определенное количество слогов в строке с определенной же последовательностью долгих и кратких слогов. А.Д. Палиурас полагал, что сами стихи «Хроники» весьма посредственны, а строгий метр в них вообще отсутствует [Παλιούρας, 1977, σ. 75]. Зато Николай Спафарий определил греческие стихотворные строки как ямбы. Речь, видимо, с его точки зрения, шла о шестистопном ямбическом стихе или ямбическом триметре порой с нарушениями и с 11 или 12 слогами в строке (акцентированные в слогах гласные выделены жирным шрифтом):

Εἶδεν ἐνύπνιον ἄναξ ὁ μέγας ἢ U — U — U — U — U — U Ναβουχο-
δονόσορ γε φρίττων καὶ τρέμων ἢ U — U — U — U — U — U —.

(«Еже виде сон царь великий ἢ Навуходоносор, ужасаясь и трепещай».) (Эрм. 27. Л. 42; ГИМ. Муз. 3629. Л. 6 v = Marc. gr. VII.22. fol. 10 r [Изд.: Дестунис, с. 53—54]).

Однако в том же фрагменте можно увидеть и элегический дистих из гекзаметра+пентаметра или двух гекзаметров с вариациями использования долгих и кратких / ударных и безударных слогов:

Εἶδεν ἐνύπνιον ἄναξ ὁ μέγας ἢ — UU — UU / — UU — U;
Ναβουχοδονόσορ γε φρίττων καὶ τρέμων ἢ U — UU — UU — UU — U.

Двенадцатисложники и иные размеры стихосложения были известны московскому обществу. В Москве уже в 1650-е гг. силлабические духовные песни писал приехавший из Киева Епифаний Славинецкий. Подобные стихи, причем не только силлабо-метрические, но и рифмованные, стали популярны благодаря другому эмигранту — признанному придворному поэту Симеону Полоцкому [Сазонова, 2006, с. 479—482]. Николай Спафарий и его сотрудники пытались воспроизводить греческие стихи по-барочному изысканным языком, стремясь придать своему переводу метр, хотя и не соблюдая постоянного количества стоп. Их метрический перевод приближается к ямбу, но, обнаруживает и смешение размеров. Возможно, пред-

полагалось скандирование строк «стихов иамвийстих», акцентируя в них слова следующим образом:

В лето трет(и)е царствующу Киру ||
страно(ю) персидскою, || Гаври(и)л послан бысть, ||
ангел божий, ко Дани(и)лу пророку, ||
нося ему глаголы, глаголяй сице: ||
Словеса моя вразуми, желателный муже, ||
приклони оухо твое, приложи сердце твое, ||
и тебе объявлю будущая быти, ||
сице бо будет в последняя времена.

Силлабические десятисложники в Спафариевой «Книге о сивиллях», впрочем, некоторые исследователи считали даже «безупречными», хотя и признавали отсутствие в них «меры», то есть правильного метра [Илюшин, 2008, с. 650—651]. Сам же Николай Спафарий отмечал сложности перевода с греческого на церковно-славянский, «скудости ради стихомерения» [Белоброва, 1978, с. 19].

Сопоставление вошедших в «Хрисмологион» переводов «стихов» с подлинными греческими текстами позволяет судить о высокой квалификации переводчика (или коллектива переводчиков, если учитывать то обстоятельство, что у Николая Спафария были помощники) и заботе о точной передаче смысла двенадцатисложников. Перевод стремились делать, сохраняя принятый в греческом тексте порядок слов (хотя и без буквализма), настаивая на максимальной идентичности текстов, используя высокий стиль церковно-славянского, а не просторечного языка, и даже значительно возвышая стиль, присущий оригиналу.

В качестве примеров церковнославянизмов можно привести такое достаточно редко встречающееся в разговорном языке слово как «пестрошарный»: так было переведено греческое выражение *ποικιλοχρῶφ εἶδη* — от греч. *ποικιλόχρῶμος* — в церковно—славянских текстах «пестрошарный» или «многошарный» [Шевченко, 1995, с. 11] — то есть «многоцветный». Так «Пестрошарна видом» оказывается увиденный Навуходоносором во сне истукан из золота, серебра, меди, железа и глины, означавший смену земных царств (Эрм. 27. Л. 42; ГИМ. Муз. 3629. Л. 6 v [Изд.: Дестунис, 1890, с. 53—54]; Marc. gr. VII.22. fol. 10 r.). Обозначение же «истукан», в греческом тексте — *εἰκόνα*, «икона», «образ», — переведено словом «тело» как в Библии 1663 г. Греческое *μάγοι*, волшебники, не справившиеся с истолкованием сна, стали привычными для читателя по переводам Священного Писания «волхвами». Обыденное *λέγων, λέγω*,

«говорить», преобразовалось в переводе в пышное «глаголай». Таким образом, достаточно простой греческий язык «Хроники», которым написаны и включенные в нее двенадцатисложные «стихи», преобразовывался в высокий стиль, привычный для московской придворной литературы и сопоставимый с присущим сочинениям Симеона Полоцкого, Евфимия Чудовского и иных авторов этого времени, а также близкий тексту Библии 1663 г.

Николай Спафарий в «Хрисмологионе» не следует последовательности изложения «Хроники», полностью переработав ее текст в самостоятельную композицию, в которую в нужных для составителя местах вкраплены переводы псевдо-«хриск» «харатейной рукописи» с объяснениями для читателя. Порядок их использования в тексте установлен самим переводчиком-комментатором, образуя две группы: истолкование сна царя Навуходоносора об истукане, обратившемся в гору и символизирующем смену царств, и истолкование образов необыкновенных зверей, представляющих собой символы этих разных царств. Двенадцатисложники, таким образом, оказываются смысловыми центрами отдельных частей композиции, вокруг которых организовано все повествование. При этом сам перевод «харатейной книги» не был окончен: его предполагалось дополнить другими частями текста «Хроники», в том числе повествованием о Магомете и византийскими «Пророчествами Льва Мудрого» [Чеснокова, Об источниках, 2011, с. 131–132; Чеснокова, «Хрисмологион», 2011, с. 254–258; Бибиков, Родионов, Чеснокова, 2015, с. 146–147].

Поэтические переводы Николая Спафария сравнивают прежде всего с силлабической поэзией Симеона Полоцкого [Илюшин, 2008, с. 651]. Не исключено, однако, что помогавшие переводчику редактировать его тексты сотрудники ориентировались не только на образцы вирш ставшего тогда уже знаменитым поэта из Полоцка, но и на иные модели литературных переводов поэтических произведений. Так, например, Евфимий Чудовский переводил сочинения византийского поэта XIV в. Мануила Фила, причем, что примечательно, также «стиси иамвических» [Poljakov, 1993; Шевченко, 1995]). Кто из них начал первым осваивать технику поэтического перевода с греческого, Евфимий или Николай Спафарий? Возможно, это происходило одновременно: интеллектуалы-эмигранты оказались самыми активными участниками происходивших в «литературной Москве» процессов, знакомя слушателей и читателей с принципами силлабо-метрического стихосложения.

Литература

- Белоброва О.А.* Личность и научно-просветительские труды Николая Спафария // Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подг. текста и вступ. статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 3—22.
- Бибииков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П.* Византийские традиции и славянские тексты поствизантийского периода. М., 2015.
- Дестунис Г.С.* Рукописный греческий лицевой сборник пророчений, относящихся к концу XVI в. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. 1890. Т. 14. С. 29—72.
- Илюшин А.А.* Силлабическая поэзия: Симеон Полоцкий // Литература московской и домосковской Руси. Аналитическое пособие / Отв. ред. А.С. Демин. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 648—671.
- Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. Ч. 2. М., 1897.
- Корш Ф.Е.* Примечания и дополнения к исследованию Г.С. Дестуниса // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. 1890. Т. 14. С. 73—80.
- Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Ченцова В.Г.* Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Бароцци: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1(55). С. 69—82.
- Чеснокова Н.П.* «Хрисмологион» Паисия Лигарида в рукописных собраниях ГИМ и РНБ: предварительные замечания // Современные проблемы археографии. СПб., 2011. С. 251—258.
- Чеснокова Н.П.* Об источниках русской версии «Хрисмологиона» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 131—132.
- Шевченко И.И.* У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений Мануила Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским // Славяноведение. 1995. № 5. С. 3—23.
- Poljakov F.V.* Evfimij Cudovskoj und die Moskauer Barockdichtung seiner Zeit // Slavistische Studien zum XI. Internationalen Slavistenkongress in Pressburg / Bratislava. Köln; Weimar etc., 1993. S. 337—349.
- Παλιούρας Ά.Δ.* Ὁ ζωγράφος Γεώργιος Κλόνητας (1540 ci. — 1608) καὶ αἱ μικρογραφίαι τοῦ κώδικος αὐτοῦ. Ἀθήναι, 1977.
- Tchentsova V.* L'eschatologie byzantine dans la pensée historique à la cour d'Alexis Romanov: Paisios Ligaridès, Nicolas le Spathaire et Francesco Barozzi // Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilij Ključevskij (1547—1917). Paris, 2013. P. 41—51.
- Работа выполнена в рамках научного проекта ERC AdG 2019 Typarabic («Early Arabic Printing for the Arab Christians. Cultural Transfers between Eastern Europe and the Ottoman Near-East in the 18th century»), Institutul de studii sud-est europene / Institute for South-East European Studies of the Romanian Academy, Bucharest.*

Яков Брюс и его переводческая деятельность

Джеймс Дэниэл (Яков Вилимович) Брюс, сын полковника, выходца из Шотландии, родился в 1670 г. Детство его прошло в Пскове, где в течение 12-ти лет служил его отец, что позволило Брюсу в полной мере овладеть русским языком. И хотя неизвестно, какое образование он получил (мы знаем только, что в 1698 г. он был в Англии, где «учился»), его познания в артиллерии, астрономии, математике, геометрии и других естественных науках, а также прекрасное знание иностранных языков не вызывало сомнений ни у Петра Великого, ни у его современников. Все это в совокупности сказалось как на карьерном росте Брюса в военном деле, так и на его обширной и многогранной переводческой деятельности.

Он начал службу уже в 17 лет, а в потешных войсках юного царя состоял еще раньше, в 11 лет. Во время осады Азова он был уже капитаном артиллерии, дослужился до звания генерал-фельдцейхмейстера, возглавлял не только русскую артиллерию, но и стал президентом Берг- и Мануфактур-коллегии, членом Сената. Вершиной его карьеры, по-видимому, можно считать то, что ему вместе с Остерманом царь доверил переговоры о мире со Швецией на Аландском конгрессе, а затем и подписание мира в Ништадте в 1721 г. Не будучи профессиональным переводчиком, Брюс, как и другие сподвижники Петра Великого, брал на себя самые разные и многочисленные функции и работы, порой вовсе не связанные с основным его занятием. Из сохранившейся переписки его с царем, Мусиным-Пушкиным, Макаровым и др. явственно видно, что во время Северной войны он в перерыве между сражениями и походами занимался переводами с английского, голландского, немецкого языков. Брюс владел шестью иностранными языками [Филимон, с. 27].

Переводческая деятельность Брюса началась с частных небольших переводов по личным просьбам Петра I, касавшихся астрономии, «зрительных трубок», наблюдений за солнечными затмениями и т.п. В письмах монарху Яков Брюс старался как можно более внятно передать смысл переводимого научного или технического текста. Язык его переводов царь называл «хорошим» и постепенно

начал втягивать его в более пространные и сложные проекты. Так, в 1699 г. Брюс составлял «описание чинам, которые были у английско-го короля в артиллерии на войне и во время миру, такожде о их жалованьи по денному на войне и о годовом во время мировое» [Пекарский, I, с. 292]. Эти переводы требовались для Военного устава, над которым работал Адам Вейде. Сам Вейде в письме Петру I от 6 июля 1699 г. сообщал о том, что Брюс не успевал перевести свои статьи в срок, потому что столкнулся с трудностями передачи технических терминов на русский язык.

С появлением в Москве Навигацкой школы, расположившейся в Сухаревой башне, Яков Вилимович создал в ней обсерваторию. Для нужд Навигацкой школы в 1706 г. была учреждена так называемая гражданская типография «библиотекаря» Василия Киприанова. Поскольку уже в 1696 г. Брюс проявил свои способности картографа, составив по описанию генерал-майора фон Мегдена карту земель от Москвы до берегов Малой Азии, отпечатанную затем в Амстердаме в типографии Яна Тессинга, а в 1699 г. участвовал в составлении обобщающей карты европейской части России (Гнучева, с. 268), то он был уполномочен курировать издания карт и таблиц. В каждом издании этой типографии значилось, что оно издано «под надзрением генерал-лейтенанта Якова Вилимовича Брюса». Что именно подразумевалось под этими словами, можно предположить исходя из репертуара типографии. Она сосредоточилась на публикации географических карт, математических таблиц, необходимых прежде всего в морском деле, но также и в других военных сферах. Так, в 1707 г. были изданы «Изображение глобуса земного» и «Изображение глобуса небесного». В 1713 г. появилось «Новейшее и тщательнейшее полунощного и полуденныя Америки описание...», а в 1715 г. «Хартина меркаторская Америки или Индии западныя против аглинския хартины, но в Москве...» и «Новая размерная хартина от канала до берега барбарийскаго со островами канарийскими и западными». Издания адресовались «трудолюбивым юношам и всякаго возраста, иже разумети желают течение, яко неба, тако и земли» [«Новое небесное зеркало», л. 3]. Помимо этого, в гражданской типографии были выпущены 3 книги: «Таблицы синусов, тангенсов и секансов...» (1716 г.), «Таблицы горизонтальные северныя и южныя широты» (1722 г.) и «Таблицы склонения солнца...» (1723 г.). В 1722 г. участие Брюса в работе типографии обозначалось так: «Под протекциею его сиятельства высокорожденного графа Иакова Вилимовича Брюса, генерала фельдцейхмейстера в артиллерии и Берг-коллегии

президента и ордена св. Андрея» [Таблицы горизонтальные, л. 3]. Знаменитый «Брюсов календарь» потому и назывался так, что на всех экземплярах стояло его имя, хотя известно, что составителем календаря был Василий Киприанов.

Параллельно с «надзиранием» над гражданской типографией Брюс занимался составлением учебных пособий по геометрии, куда входил целый ряд переводных статей и иностранных публикаций: «Геометрия славенски землемерие» (1708 г.), «Превращение фигур плоских во иные такова же содержания» (1708 г.).

Среди крупных переводов и редакторских трудов Брюса, конечно же, на первом месте стояли книги по военному делу. В 1708 г. он работал над исправлением перевода трактата «Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна капитана артиллерии во Гданьске 1682 года», изданной в Москве в 1709 г. В письме Петру I он жаловался, что переводчик этого труда не знал артиллерийской науки, к тому же и сам Браун писал таким стилем, который трудно понять. В итоге Брюсу приходилось исправлять чуть ли не каждую строку, что чрезвычайно затягивало дело.

В первой половине 1709 г. Брюс долго работал над редактированием перевода М.П. Шафирова книги М. ван Кугорна «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте...». Из переписки Брюса и Петра Великого видно, что ввиду объема и сложности работы ему требовался помощник, причем присланный в помощь Илья Копиевич (Копиевский, известный переводчик типографии в Амстердаме), оказался бесполезен, поскольку не владел немецким языком. По мнению Брюса, Копиевич был бы более полезен при переводе с польского языка летописных книг, а также геометрической книжки, которую Брюс по приказу царя купил в Варшаве и оставил в посольской канцелярии. Брюс просил прислать к нему в помощники «подьячего Грамотина сына, который нарочито из немецкого языка на русский переводит, его же перевод я отчасти сам видел, и я мню, чтоб мне некоторая помощь от него была» [Пекарский, I, с. 295]. 5 сентября 1709 г. из Слуцка Брюс послал «Кугорнову фортификацию» царю с объяснением, что он вторично ее «прочел и выправил, где какия описи были, и мню, внятна будет, разве не во многих местех не гораздо изъяснено и то может выразуметься, ежели двою или трою с прилежанием прочтется» [Пекарский, I, с. 295].

После книги Кугорна он практически сразу же, причем находясь на марше после Полтавской баталии, приступил к переводу «Бухнеровой артиллерийской книги» (Учение и практика артиллерии),

которую ему специально привезли из Москвы. Одновременно с этим он получил очередное поручение от царя «исправлять трактат о механике», а поскольку по оценке Брюса перевод был «гораздо плох», то ему пришлось вновь переводить трактат. Находясь в походе, переводчик обещал Петру I, что приступит к делу «кой час на место придем, идеже стоянка будет. А в пути, за непрестанным маршем, зачинать было невозможно» [Пекарский, I, с. 295].

Между 1711 и 1714 гг., по наблюдениям С.М. Соловьева, Брюс работал над составлением «краткого описания законов (или правил) шкоцких, агленских и французских о наследниках (или первых сынах)», требовавшихся, вероятно, для указа о единонаследии 1714 г. [Соловьев, с. 462].

Второй период активной переводческой деятельности Брюса падает на 1716—1717 гг., причем теперь он переводил и редактировал тексты гуманитарного содержания, а не только естественнонаучные и военные. Так, в 1716 г. вышли в свет на русском и голландском языках «Разговоры дружеския Дезидерия Ерасма», предназначенные для обучения детей голландскому языку. Так как перевод крайне не понравился царю, то он повелел выправить его Брюсу, «понеже он голландскаго языка искусен» [Пекарский, II, с. 368]. Исправленный перевод Брюс оценил как хороший, при этом ему пришлось сравнивать латинский текст с голландским и русским. В это же время Брюсу поручается составление «Пространной грамматики голландского языка», каковой отнюдь не являлся его родным языком. В основу грамматики была положена книга Вилима Севела «Искусство нидерладского языка». В 1717 г. увидел свет составленный Брюсом «Лексикон, или Собрание речей по алфавиту, с российского на голландской язык». Справа в тексте были помещены русские слова, слева — голландские. В Лексикон входили только имена существительные и некоторые наречия.

В качестве организатора переводов и редактора Брюс в это время контролировал перевод двух французских книг по артиллерии, «огородной книги» (о садоводстве), которую с французского языка переводил Волков, Географии Гибнера, вышедшей позднее в 1719 г. Непосредственно переводчиком он работал тогда, когда его об этом просил царь, как это было в случае с переводом сложной «философо-математической» книги с немецкого языка, с которой Брюсу пришлось помучиться: «понеже во оной из subtilнейших частей ума человеческого представляется... наипаче ж от зело спутанного немецкаго штиля... невозможно было переводом поспешить» [Пе-

карский, I, с. 300]. Вершиной переводческой деятельности Брюса стал перевод книги Христиана Гюйгенса «Космотеорос» с изложением системы Коперника, вышедшей в русском переводе под названием «Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах и их украшениях» (1717 г.). На восьми листах предисловия Брюс доказывал, что гелиоцентрическая система является одним из таинственных чудес Божиих. Однако директор Петербургской типографии М. Аврамов счел книгу «богомерзской и богопротивной», а посему отпечатал только 30 экземпляров и скрыл свой поступок от царя. Переиздана она была в Москве в 1724 г.

Нельзя не упомянуть о значении личности Брюса для развития культуры того времени: он собрал библиотеку из 1 579 томов на 14-ти иностранных языках [Савельева], собрал коллекцию живописи и графики, а также камней, старинных монет и медалей, китайских ваз и мелкой пластики, редкостей и раритетов. Все это он завещал Академии наук [Материалы императорской Академии наук, 5, с. 5—15].

Таким образом, в петровское время Брюс занимался активной переводческой деятельностью в самых разных ее аспектах: курировал издания гражданской типографии Киприанова, переводил ряд сложных научных, военных, лингвистических трудов, «выправлял», т.е. редактировал чужие переводы, порой осуществляя весь перевод заново, а также подбирал подготовленных образованных людей для осуществления будущих переводов и рекомендовал их Петру Великому.

Литература

- [Бухнер И.З.] Учение и практика артиллерии. В 3 ч. М., 1711.
Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
Материалы императорской Академии наук. Т. 5. СПб., 1889.
Новое небесное зеркало. М., 1717.
Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1—2. СПб., 1862.
Савельева Е.А. Библиотека Я.В. Брюса: Каталог. Л., 1989.
Соловьев С.М. история России с древнейших времен. Кн. 8. М., 1962.
Таблицы горизонтальные. М., 1722.
Филимон А.Н. Яков Брюс. М., 2010.

«Контактные группы» Московского государства

В последние два десятилетия изучение переводческой деятельности все более смещается в сторону анализа роли переводчиков как активных посредников межкультурной коммуникации. Хотя сама идея рассмотрения переводчика как «культурного посредника/медиатора» возникла еще в середине 1970-х — начале 1980-х гг. в среде культурологов и лингвистов [Katan, p. 16], исследование различных аспектов этого процесса, в том числе и на разных хронологических срезах — достаточно новая тенденция, сформировавшаяся в отдельную научную сферу по изучению истории перевода, которая объединяет историков, филологов и переводоведов.

Однако профессиональные переводчики (устные и письменные) — не единственные посредники межкультурного взаимодействия, использующие свою языковую компетенцию для обеспечения различных типов контактов: дипломатических, экономических, культурных и т.д. Это подчеркивают историки средневековой культуры Ф. Валлис и Р. Висновски, которые, используя понятие «агентов межкультурной коммуникации», изучают роли индивидов, общественных групп и институтов, осуществлявших в период Средневековья «передачу, перевод и преобразование» знаний и информации [Wallis, Wisnovsky, p. 2]. В собранном исследователями сборнике основное внимание уделено текстовому дискурсу, в частности анализу того, кто переводил конкретные тексты или их тематические группы. Данная работа показала, что ботанико-фармацевтические сочинения могли переводиться как врачами-практиками, так и путешественниками или составителями арабско-греческих словарей-справочников названий растений. Астрономическая информация распространялась не только через переводы ученых-математиков, но и философов, а также придворных писателей.

Наша идея созвучна приведенной выше работе. Однако мы предлагаем обратить внимание не только на изучение текстов и фигур отдельных переводчиков, в том числе особенностей их языковой компетенции, но и проследить динамику развития и взаимодействия различных социальных и профессиональных групп, принявших на

себя роль межъязыковых и межкультурных посредников в Московском государстве периода раннего Нового времени.

Обращая внимание не только на письменную, но и на устную переводческую и коммуникативную практику, мы также попытаемся сформулировать критерии, по которым следует выделять эти группы, называемые нами «контактными группами». Такие критерии упоминаются, но предметно не выделяются в известных нам исторических и переводоведческих работах.

До установления практики преподавания иностранных языков в национальных учебных заведениях и получения равного доступа к образованию всех общественных слоев разрыв во владении неродными языками между узкими группами людей, которые в реальной жизни занимались теми или иными видами переводческой деятельности, был гораздо более ощутимым, чем в современном обществе.

В России XVII столетия, переживающей процесс вестернизации, вопрос языковой компетенции переводчиков был одним из самых сложных. Как и до сих пор в английском, немецком, шведском и других языках, в Посольском приказе использовались два отдельных термина для обозначения специалистов по письменному и устному переводу: переводчики и толмачи. Однако если сегодня деление связано с особенностями профессиональной специализации, то в середине XVII в. оно маркировало не только обеспечение различных функций коммуникации, но и уровень образованности переводчиков: толмачи могли не владеть письмом вообще, не говоря уже о книжном языковом регистре для перевода. Даже у тех, кто занимался письменными переводами, уровень и границы компетенций существенно отличались. Это показала недавно проведенная в процессе подготовки «Материалов к словарю» переводчиков [Беляков и др.] систематизация наработанных исследователями данных о переводчиках Московской Руси.

В рамках словаря четко выделяется несколько групп переводчиков. Одна из них — православные монахи. По происхождению большинство из них греки или выходцы из восточных регионов Речи Посполитой, а также их ученики в первом или втором поколении. Владели они греческим, реже латынью, иногда другими языками, перечень которых зависел от места их проживания до переезда в Россию. Эти переводчики мало контактировали с Посольским приказом. В русском обществе они занимали четко очерченное культурное пространство: хотя компетенция монахов иногда позволяла переводить любые тексты, тем не менее, они практически не обра-

щались к светским переводам. Тем не менее, они практически не обращались к светским переводам. Это не мешало некоторым из них быть яркими представителями культуры Нового времени. Достаточно вспомнить такие имена, как Симеон Полоцкий или Паисий Лигарид.

Не позднее последней трети XVII в. появляются дворяне, такие как князь Михаил Кропоткин, стольники Федор Богданов и Андрей Лызлов, которые переводили книги с европейских языков, в первую очередь с польского, для собственного удовольствия. Иностраннный язык они освоили благодаря домашнему образованию или, возможно, проживанию на пограничных территориях. Перевод для них был не средством заработка, а интеллектуальным удовольствием. Появление таких людей в дворянской среде следует рассматривать как свидетельство проникновения в Россию культуры Нового времени.

Однако даже внутри Посольского приказа сообщество переводчиков не было однородным. Обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство специалистов по западным языкам были иноземцами или потомками переехавших в Россию иностранцев. Особый интерес вызывают те из них, которые, кроме какого-либо из живых европейских языков, знали латынь. Именно этих специалистов обычно привлекали для перевода книг светского характера [Гуськов, Шамин, с. 114].

Очевидно, дело не только в том, что западные европейцы до XVII в. включительно использовали латынь как деловой и литературный язык, а в книгах, написанных на европейских языках, часто встречались цитаты на латыни. По нашему мнению, знание латыни являлось свидетельством качественного образования (хотя мы имеем очень мало информации о том, как именно учились переводчики) и, как следствие, широкого кругозора, что требовалось для адекватного перевода самой различной литературы. Эта группа переводчиков была особенно важна с точки зрения трансфера европейской культуры.

Совершенно иную картину мы видим, когда речь заходит о переводчиках восточных языков, в первую очередь татарского. Хотя в документах Посольского приказа они не отделяются от западных переводчиков, по сути, это совершенно другая культурная группа. И вопрос не только в том, что западных и восточных переводчиков разделяла вера: различия сохранялись и в случае перехода отдельных переводчиков-мусульман в христианство. Главная особенность заключалась в том, что восточные переводчики обычно были под-

данными московских государей, т.е. воспроизведение их культуры и профессиональных компетенций было устойчиво налажено на территории России. С другой стороны, в XVII столетии мы не встречаем случаев перевода на русский язык литературно и культурно значимых текстов с восточных языков. Турецкие и татарские переводчики занимались исключительно документами, необходимыми для нужд дипломатии. Сведения о различных сторонах культуры Востока попадали в Россию через тексты на европейских языках.

К примеру, если взять вопрос о переводе Корана, то мы наблюдаем парадоксальную картину. С одной стороны, на протяжении XVI—XVII вв. переводчики Посольского приказа делали вполне качественные переводы отдельных текстов из этой книги. С другой стороны, когда встал вопрос о переводе всей книги, предпочтение было отдано изданию на французском языке [Зайцев, Пентковская]. Очевидно, что в России можно было найти хорошо разбирающегося в Коране мусульманина с достаточным для изложения его содержания знанием русского языка. Судя по всему, проблема лежала в области сложившейся практики культурных контактов.

Еще большее разнообразие мы встречаем там, где требовался устный перевод. Здесь существовало несколько контактных групп разной степени замкнутости. Очевидно, что с древнейших времен носителями других языков становились купцы, чьи торговые операции неизбежно переплетались с личными связями. Безусловно, эти контакты не могли обходиться без культурного обмена. Ярким примером не только деловых, но и культурных контактов является комплекс документов, связанный с обучением русскому языку жившего во Пскове в 1680-х гг. английского купца Романа Вилимовича, учителем которого был его российский коллега Петр Игнатьевич [Роман Вилимович]. Однако из этих же документов видно, что даже хорошее знание иностранного языка, интерес к культуре и умение читать и писать не давали купцам возможности переводить сложные литературные тексты или, к примеру, сочинения по военному делу. Для этого требовались соответствующие знания и иная сфера интересов.

Еще одну контактную группу, включенную в межкультурную коммуникацию, составляли «старые немцы» — потомки перешедших на русскую службу европейцев, в первую очередь военных. Они, зная русский язык и в той или иной степени сохранив язык предков, оказывались той самой прослойкой, которая обеспечивала контакты между русскими и вновь приезжающими из Европы

специалистами, причем речь идет не только о языке, но и о традициях и жизненных устоях.

Локальные контактные группы неизбежно формировались на границах проживания разных народов, как в тех случаях, когда эти границы проходили внутри страны, так и тогда, когда речь шла о государственных границах. Эти контактные группы становились источником рекрутирования специалистов, необходимых для нужд государства. Как работали данные механизмы, видно на примере Сибири [Пузанов]. Не менее интересно то, как в ситуации нехватки присылаемых из Москвы специалистов преодолевали коммуникационные трудности власти присоединенного к России в 1696 г. Азова [Сень, с. 73—83].

Встает вопрос о том, по каким критериям следует выделять контактные группы? Очевидно, что первым из таких критериев являются выполняемые переводчиками функции, их практическая деятельность — перевод церковных текстов для религиозных нужд, перевод дипломатических документов, устная коммуникация по торговым вопросам и т.д.

Вторым критерием следует считать цели переводчиков — повседневная бытовая коммуникация, профессиональная деятельность в рамках получаемого жалования, развлечение и интеллектуальный отдых и др. К примеру, среди переводчиков «Двора цесаря турецкого» Ш. Старовольского были представители как второй, так и третьей группы. Для переводчика Посольского приказа Ивана Максимова это явно была работа. Князь Михаил Кропоткин, тоже переводивший «Двор цесаря турецкого», делал это отчасти как развлечение, полезное времяпрепровождение или даже по «терапевтической» причине [Николаев, с. 12]. Однако перед ним также стояла задача религиозной пропаганды и идеологического наставления молодых людей. Для Андрея Лызлова, кроме интереса к теме, большое значение имела антитурецкая агитация. Впрочем, как подчеркивали в отношении своего материала Ф. Валлис и Р. Висновски, конкретные цели переводчиков возможно определить далеко не всегда [Wallis, Wisnovsky, p. 2].

Изредка встречаются люди, которые за свою карьеру меняли и профессию, и цели переводческой деятельности. К примеру, А.А. Виниус свою жизнь начинал купцом, продолжил как переводчик, а закончил как дворянин и крупный государственный деятель. Соответственно, менялись и выполняемые им функции, и цели. Даже если говорить только о его письменных переводах, то среди

них есть как деловая документация, так и литература самого разного характера. Тексты он переводил и за жалование, и для собственного удовольствия. Таким образом, Винууса можно отнести к разным контактными группам.

Третий критерий — языковые компетенции и общий уровень образования. Очевидно, что людей, которые могли бы заниматься тем или иным видом интересующей нас деятельности, существенно больше, чем тех, кто переводил на практике. Между тем мы до сих пор не понимаем, насколько были востребованы в русском обществе рассматриваемого периода люди, которые знали иностранные языки. Нет у нас и точных данных о том, сколько иностранцев из разных стран жило в России на постоянной основе, уже не говоря об их детях. Огромное число людей, знавших хотя бы в какой-то степени иностранные языки, было среди пленных, долгое время проживших за рубежом. Их роль в межкультурных контактах затрагивалась в исследованиях лишь эпизодически.

Очевидно, что те или иные знания иностранных языков имелись у учащихся первых учебных заведений, дававших языковую подготовку — Типографской школе иеромонаха Тимофея, Заиконоспасском училище (Славяно-греко-латинской академии), Итальянской школе братьев Лихудов и др. [Тимошина]. Однако, задача сколько-нибудь подробно изучить дальнейшую профессиональную деятельность учеников этих учебных заведений реализована лишь для Итальянской школы Лихудов [Рамазанова].

На наш взгляд, чтобы более глубоко понять культурно-исторические и языковые процессы, проходившие в России на этапе перехода от Средневековья к раннему Новому времени, необходимо изучать не только переводы и переводчиков, но и контактные группы в целом. Выделять контактные группы можно по разным критериям, в зависимости от исследовательской задачи. Каждая из этих групп являлась уникальным межъязыковым и межкультурным посредником, выполняла особую культурную функцию, обеспечивая строительство многонационального государства, встраивая страну в международное коммуникативное пространство, открывая путь для различных инокультурных влияний. Развитие контактных групп, существовавших еще в Средние века, а также появление новых, отсутствующих ранее, является одним из важнейших показателей культурной трансформации страны.

Литература

- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Гуськов А.Г., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в 1680-х — 1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—122.
- Зайцев И.В.* Из истории перевода Корана на русский язык в XVI—XVII вв.: первый перевод суры «Очищение веры» (1572) // Мусульманский мир: теоретические и философские проблемы. 2016. № 12(294). М., 2016. С. 107—119.
- Пентковская Т.В.* К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. // Stephanos. № 6. 2020. С. 43—52.
- Николаев С.И.* Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом. // XVIII век. Сб. 29: Литературная жизнь России XVIII века. Москва — Санкт-Петербург, 2017. С. 5—20.
- Пузанов В.Д.* Служба толмачей в Сибири в конце XVI—XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 46—59.
- Рамазанова Д.Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697—1700 гг.). М., 2019.
- Роман Вилимович в гостях у Петра Игнатьевича: псковский архив английского купца 1680-х годов / Публикацию подготовили П.С. Стефанович и Б.Н. Морозов. М., 2009.
- Сень Д.В.* Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII — XVIII в.). Ростов н/Д., 2020.
- Тимошина Л.А.* Система образования в России XVII в.: источниковедческие заметки // Каптеревские чтения: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Бибииков. М., 2011. Вып. 9. С. 271—280.
- Katan D.* Translating cultures: an introduction for translators, interpreters, and mediators. Manchester, 2004.
- Wallis F., Wisnovsky R.* Introduction: agents of transmission, translation and transformation // Medieval textual cultures: agents of transmission, translation and transformation. Berlin, 2016. P. 1—11.

Заметки переводчика: польские книги из библиотеки Евфимия Чудовского в собрании Российской государственной библиотеки

Сведений о жизни Евфимия, монаха московского Чудова (в честь Чуда архангела Михаила в Хонеех) монастыря сохранилось совсем не много. Он был учеником богослова, переводчика, одного из ведущих деятелей книжной sprawy Епифания Слвинецкого († 19 ноября 1675). В 1652—1659 гг. служил справщиком Московского печатного двора. В 1660—1669 гг. его имя не значится в расписках о получении жалования. Есть предположение, что в это время и пребывал в одном из украинских монастырей. В 1670 г. он возвращается к работе справщиком на Московский печатный двор, однако указом царей Петра и Иоанна Алексеевичей от 17 июля 1690 г. он был отстранен от должности за внесенные им без согласования изменения в текст Миней служебных. Вероятно, Евфимий продолжал работать справщиком внештатно до 1704 г., получая в качестве жалования бумагу и книги. Умер Евфимий 28 апреля 1705 г. [Евфимий, с. 408—411].

Творческое наследие Евфимия, дошедшее до нас, огромно. По подсчетам исследователей, число листов, сохранивших следы его работы в качестве автора, переводчика, редактора или переписчика, составляет более 16 тысяч, из них переводы и оригинальные тексты занимают более девяти тысяч листов. Также сохранились многочисленные заметки, черновики писем, выдержки из прочитанных книг, пометы на полях книг со своими вариантами текста. Наследие Евфимия хранится во многих учреждениях России и Украины. Однако степень участия Евфимия в создании многих текстов, несущих на себе следы его работы, остается неисследованной до сих пор.

В качестве переводчика Евфимий известен прежде всего переводами с греческого языка. Он явился одним из создателей «чудовской школы» — одной из ведущих школ в истории книжности Московской Руси. [Исаченко, 2009, с. 72—85]. Также он переводил с латинского и польского языков.

У Евфимия была значительная библиотека, которой он пользовался для своей работы в качестве переводчика, редактора и проч. Известна опись собственной библиотеки, составленной Евфимием

(РНБ. Погод. № 1963. Л. 178—179), а также опись книг, составленная после его смерти 8 июня 1705 г. по приказу боярина Иоанна Алексеевича Мусина-Пушкина и дьяка Ивана Вишнякова [Викторов, с. 50]. Эта опись библиотеки Евфимия была опубликована А.Е. Викторовым в 1863 г.

В духовном завещании, составленном за четыре года до смерти, Евфимий писал о книгах, находившихся в его келье. Большая часть из них принадлежала игумену Сергию и была передана Евфимию по его распоряжению. Согласно завещанию, все книги Евфимий собирался раздать в конце жизни на богоугодные нужды: «Ведомо же дею сим моим своеручным писанием, чающим у мене какова великаго имения и богатства от злата и сребра, или иных вещей, кроме книг греколатинских, их же болшая часть, и то от стяжания игумена Сергия Печатнаго двора, пришедшим ко мне по приказу онаго... И что у меня было по се время всяких книг, и купленных, и денег, и иных вещей, и то все роздано, куды что пристойно дати, сам своими руками изнузив... Токмо осталось самое малейшее число денег на погребение, и на сорокоуст, и на помяновение, а приказано и тое раздати по души моей грешной в помяновение по святым церквам на божественныя литургии и на милостыню в тюрьмы и богаделни...» [Исаченко, 1994, с. 178].

Книги, оставшиеся в келье Евфимия после его смерти, находились в трех сундуках и «коробке». В их числе были книги как рукописные, так и печатные на греческом, латинском, польском и славянском языках. Всего в описи зафиксировано 113 единицы, включая рукописные тетради, что позволяет не только судить о репертуаре книг келейной собрания Евфимия, но и уточнять принадлежность тех или иных книг библиотеке монаха Чудова монастыря [Панич, с. 86—88].

При изучении собрания польских книг XVII в., хранящихся в собрании Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ, было выявлено две книги, принадлежавшие Евфимию Чудовскому. Это религиозно-поучительный сборник «Wielkie zwierciadło przykładów» (Краков, 1633) (РГБ, инв. № VIII—32484) и конволют «Żywoty świętych» Петра Скарги: первая часть (Краков, 1644) [Piotr Skarga, 1644] и вторая (Краков, 1603) [Piotr Skarga, 1644] (РГБ, инв. № VIII—26911, VIII—26912). Конволют переплетен в XVII в., о чем свидетельствует хорошо сохранившийся переплет с картушем с монограммой Ордена иезуитов и тиснением «Świtych». Оба тома содержат многочисленные записи и пометы, выполненные рукой

Евфимия Чудовского. Книги представляют большой интерес не только, как принадлежавшие собранию одного из выдающихся московских книжников XVII в., но и позволяют дополнить наши сведения о переводческой деятельности монаха.

О принадлежности книг Евфимию свидетельствуют записи. Так, на книге «*Wielkie zwierciadło przykłađów*», на титульном листе, рукой монаха, полууставом, написано: «Книга сїя Зерцало Евѳумїа монаха». Также имеется запись о принадлежности книги Синодальной библиотеке, куда было передано значительное число книг и рукописей Евфимия Чудовского: «Изъ Сѳнодальной / бїблїотеки / а подписано / по приказанїю / Святѳйшаго / Сѳнода / 1775 году маїа». В книге Петра Скарги «*Żywoty śwїętych*» на форзащном листе крупным полууставом написано: «Кн(и)га житїа с(вя)тыхъ Евѳумїева» и той же рукой, что и в книге «*Wielkie zwierciadło*» полистная запись: «Изъ Сѳнодальной / бїблїотеки / а подписано / по приказанїю / Святѳйшаго / Сѳнода / 1775 году маїа».

Сборник «*Wielkie zwierciadło przykłađów*» (Великое зеркало) восходит к популярному в Западной Европе сборнику «*Speculum exemplorum ex diversis libris in unum laboriose collectum*» (Зеркало примеров, собранных со тщанием из разных книг воедино). Впервые он был издан в Нидерландах (Deventer, 1481). В течение XVI в. он неоднократно переиздавался, дополнялся, редактировался. Бытовавший в Западной Европе на средневековом латинском языке сборник в начале XVII в. был переведен иезуитами на польский язык, дополнен материалами из польских хроник Мартина Кромера, Яна Длугоша, из сочинений Петра Скарги и других польских и чешских авторов «Великое зеркало» на польском языке неоднократно переиздавался и был востребован не только польскими католическими читателями, но и пользовался популярностью среди православного населения Речи Посполитой, а также был хорошо известен в Московском государстве. Польские издания «Великого Зеркала» находились в библиотеке Московской типографии, откуда экземпляр был продан в 1687 г. Сильвестру Медведеву, в царской библиотеке — у Федора Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны [Адрианова-Перетц, с. 409].

Первый перевод сборника с польского на славянский язык был осуществлен по приказу царя Алексея Михайловича в Посольском приказе. Над переводом работали переводчики Семен Лаврецкий, Гаврило Болотинский Дорофеев сын, Григорий Колчицкий (Кульчицкий), Иван Гуданский и Иван Федоров сын Васютинский под

наблюдением царского духовника Андрея Савинова Постникова. Перевод осуществлялся с краковского издания 1633 г. Однако книга не была переведена полностью и не была опубликована, известна в списках, которые включают разное количество статей — от 652 до 783. Автор второго перевода, выполненного не позднее 1689 г., не известен. Перевод был выполнен в качестве дополнения к первому изданию и включает более 200 статей, среди которых 73 переведены вторично. Выполнен перевод был, как полагают исследователи, с издания 1621 г. [Ромодановская, с. 507—508].

В экземпляре книги «Wielkie zwierciadło przykładów» из библиотеки Евфимия Чудовского имеются записи и пометы, позволяющие судить о внимательном чтении книги в качестве редактора, а, возможно, и переводчика. На нахзацном листе имеется приписка: «Преведеных 673. А здѣ 2309: Еще преводити в прибавку, 1636». Здесь речь идет о первом переводе «Великого зеркала», выполненном в Посольском приказе, с которым сверял текст книги Евфимий. Возможно, он принимал участие во втором переводе книги. Так, на форзацном листе книги он отметил ряд статей: «Іоуан Дамаскин, лист 365. Ёбраз Б(огороди)ц(ы): рѣзный: істор: 664. Слава Ёѡцу и С(ы)ну и С(вятому) Д(у)ху: когда и гдѣ, лист 1112. Антонія Вел(ико)го Где явися: чис(ло): 1547. Рукодѣлію научися, чис(ло) 33». Также здесь имеется объясняющая запись, которая явно относится к переводческой работе: «Град Гуппон во Афріцѣ над брегом морским».

Евфимий тщательно изучил текст книги и сравнил имевшееся у него краковское издание 1633 г. с другими польскими изданиями. Он выявил статьи, которых нет в данном издании, по сравнению с предыдущими: «Нет здѣ противѡ иных изданій». Всего он указал 14 статей. Он внимательно читал текст и иногда на полях киноварью указывал источник, откуда была взята та или иная цитата. На странице 577 текст статьи «Odszczepieństwo. O karaniu Schizmatyków, abo Odszczepieńcow. Przykład I» заклеен чистым листом бумаги, на котором написано: «Сея повѣсти что заклеена не чти, зане лжива, и хулна на с(вя)тую православную восточную ц(е)рк(о)вь, м(а)т(е)рь нашу в Д(у)сѣ С(вя)тѣмъ».

На нахзацном листе отмечено двенадцать статей, по всей видимости, оставшиеся пока без перевода («Луки с(вя)т(ое) писмо ѡбраз Прес(вятой) Б(огороди)ц(ы): лист 549: повѣсть 4, 550: повѣсть 7. Вода из крове и мяса васіліскова железо в злато творит: лист 324. Ефрем с(вя)т(ый) прїиде к Васілію Вел(ико)му): лист 888: числ(о) 1479. Жену блудницу цѣломудри, числ(о) 1544. Повѣсть 2272. Ос-

мольтное отроча трѣхплотскій содѣя: лист 230: повѣсть 2. Зинон ц(а)рь како умре: числ(о) 1123. Исаакъ ц(а)рь Комнин: числ(о) 2264. Огнь антоновъ: лист 553: повѣсть 13. Пахоміи Вел(икий): чис(ло) 1524. В Тврѣ свнод: чис(ло) 1485. Храма Іер(у)с(а)л(и)мскаго с(вя)щеніе: число 1485»). Эти заметки можно рассматривать как редакторские к работе над переводом книги.

Все записи Евфимия в экземпляре книги «Великое зеркало» свидетельствуют о тщательном изучении текста, сличении его с как польскими публикациями, так и с известным переводом Посольского приказа и позволяют сделать предположение о работе Евфимия над переводом оставшихся непереуведенными статьями или подготовке текстов статей для перевода.

Книга Петра Скарги «Жития святых», состоящая из двух частей, в конволюте из библиотеки Евфимия Чудовского собрана из двух разных изданий, также содержит записи и пометы монаха. Книга ученого иезуита, богослова, выдающегося деятеля католической церкви в Речи Посполитой, сыгравшего значимую роль в ходе движения контрреформации и католических реформ при короле Сигизмунде III, Петра Скарги (1536—1612) «*Żywoty świętych Starego i Nowego zakonu*» была впервые издана в Вильне в 1579 г. Она выдержала восемь переизданий при жизни автора и неизменно пользовалась популярностью и переиздавалась неоднократно на протяжении XVII в. и в дальнейшем. Книга неоднократно переводилась на церковнославянский язык и «руську мову» [Гудзий; Paczowski; Thomson; Сапожникова].

В тексте книги имеются многочисленные читательские пометы. Записи, как и в книге «Великое зеркало», расположены на форзацных и нахзацных листах. Кроме того, в книгу вплетено два листа (четыре страницы рукописного текста в три столбца), написанные рукой Евфимия, и содержащие Симфонию, или именной с предметным указатель к книге.

На форзаном листе помещена пространная запись, представляющая собой перевод фрагмента текста из книги: «Не есть вяшшая бл(а)г(ода)ть Б(о)жїя, егда (сверху над словом «егда» написано «яко» — Ю.Ш.) уч(и)т(е)ли своя истинныя посылает, могушья подаяти слово истины, и напаяти плод млекоу сладковкуснаго ученїя: не есть же вреднейше, идѣ же сѣдалище поставится губителей д(у)шѣвных, невѣдущих ниже яже гл(агол)ють, ниже в них же утверждаются. Возмѣщуша бо в смущенныя воды их текушья ѿ лстиво ч(е)л(ове)коугоднаго языка их. Веселять же град Б(о)жїй, и краят ц(е)

рк(о)въ Б(о)жїю, сиесть народ православно хр(и)стианскїй стремленїя животекущих рѣкъ, чистыя воды скачушия в жизнь вѣчную, нелестномутнаго слова Б(о)жего, текущаго из чрева мудростїю напоеннаго: понеже по нѣкоему м(у)дру, с(е)рдцем(у)дрым уста их, буих же во устѣх с(е)рдце ихъ (Сір: 21: 26). По иному же всѣхъ м(у)дрѣишему, с(е)рдце м(у)драго в десной его, и с(е)рдце безумнаго в шуеи его (Екклїс: 10: 2)».

В экземпляре книги из библиотеки Евфимия утрачены листы с «Regestrom». Вместо утраченного печатного указателя помещен рукописный, выполненный по такому же принципу, как и в польском издании, но на русском языке. Он разделен по буквам кириллического алфавита, которые служат рубризаторами и написаны киноварью. Однако это не просто переструктурированный текст в соответствии с именами святых в русском языке. Указатель отличается от печатного принципиально и включает особую выборку имен святых и праздников церковного календаря. Он может говорить о подготовке Евфимия к переводу книги на русский язык и тщательной редакторской работе со всеми статьями сборника.

На нахацных листах имеются выписки, которые, скорее всего, представляют собой рабочие материалы для составления указателя и содержат имена и понятия, не вошедшие в рукописный указатель. Возможно, предполагалось дополнить указатель этими позициями.

Таким образом, книга «Жития святых» Петра Скарги из библиотеки Евфимия Чудовского может свидетельствовать о подготовке ее для перевода монахом.

Выявленные книги из библиотеки Евфимия Чудовского в фонде Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ позволяют сделать весьма интересные дополнения к переводческой и редакторской работе монаха Чудова монастыря. Выявление книг из его собрания позволило бы сделать интересные и важные наблюдения о специфике работы книжника XVII века с текстами, подготовительной работе текстов для переводов.

Литература

- Paczowski T.* Żywoty Świętych ks. Piotra Skargi w przekładach rusko-ukraińskich // Sprawozdania Towarzystwa naukowego we Lwowie. 1934. № 14. С. 104—111.
- Piotr Skarga.* Żywoty świętych Stárego y Nowego Zakonu, ná káždy dzień przez cały rok Wybráne z powaźnych pisarzow... kościelnych... Przez... Piotra Skarge... przebráne... y w ięzyk polski przełożone... Cz. 1. Kraków: w drukárnicy Andrzeja Piotrkowczyka, 1644. 2°.

- Piotr Skarga*. Żywoty świętych... Starego y Nowego zakonu, ná każdy dzień przez cały rok: wybráných z... pisárzów... kościelnych... Przez... Piotra Skarge... przebráne... Cz. 2. Kraków: z drukárniey Andrzeiá Piotrkowczyka, 1603. 2°.
- Thomson F.J.* The Popularity of Peter Skarga's «Lives of the Saints» among the East Slavs // For East is East. Liber Amicorum Wojciech Skalmowski. Leuven, 2003. C. 119—149.
- Wielkie zwierciadło przykładów*. Więcey niżli z ósmidzieśiát pisárzów pobożnością... wyięte, przez iednego nie miánowánego, który żył około roku... 1480. Potym przez... Janá Majorá... objaśnone... Potym przez Antoniego Dauroulcyusá, który... Flores exemplorum... szerzey nápisáne. A ná ostátek przez X. Symona Wysockiego... ná polskie znowu przełożone: a teraz świezo po trzeci raz przez Jana Leśiowskiego... z poprávą wielu omylek sporządzone... Kraków : w drukárni Antoniego Wośinskiego, 1633. 2°.
- Адрианова-Перетц В.П.* «Великое Зерцало» // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х —1690-х гг. С. 408—411.
- Викторов А.Е.* Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности, изд. Н.С. Тихонравовым. 1863. Т. 5. Отд. III. С. 50—56 (3-я паг.).
- Гудзий Н.К.* Переводы «Żywotów Świątych» Петра Скарги в юго-западной Руси // Университетские известия, № 9—10. Киев, 1917. С. 1—135.
- Евфимий // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 408—411.
- Исаченко Т.А.* «Духовное завещание» и другие малоизвестные документы Евфимия Чудовского // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69. С. 171—179.
- Исаченко Т.А.* Переводная Московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV—XVII вв. М., 2009.
- Панич Т.В.* Книги из библиотеки Евфимия Чудовского: (опыт источниковедческого анализа) // Книга: Сибирь — Евразия: труды I Международного научного конгресса. Новосибирск, 2016. Т. 2. С. 84—91.
- Ромодановская Е.К.* «Великое зеркало» // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 507—510.
- Сапожникова Г.Н.* Кириллические переводы «Житий святых» Петра Скарги: археографический обзор рукописных источников и публикаций текстов // Slavistica Vilnensis. 2018. № 63. P. 365—376.

Книжные переводы Степана Чижинского: проблемы атрибуции

Основная цель данной публикации — обратить внимание на используемый в науке набор аргументов при атрибутировании тех или иных переводных текстов XVII в. конкретному переводчику. На примере анализа переводческой деятельности Степана Чижинского показана необходимость применять осторожные атрибутивные формулировки при выводах об авторстве перевода.

Степан Федорович Чижинский — львовский шляхтич, ставший переводчиком Посольского приказа в 1678 г. и проработавший там до своей смерти в 1709 г. [Буланин, Николаев; Беляков и др., с. 219—222]. Он был зачислен в российское дипломатическое ведомство как переводчик с латинского и польского языков. В документах РГАДА от 1691 г. Чижинский упоминается и как переводчик с «белорусского» языка [Лукичев, с. 43], но о каких именно переводах идет речь, неизвестно. Кроме документальных и книжных переводов, подобно многим другим переводчикам, он выполнял также целый ряд дипломатических поручений.

При анализе переводческого творчества Чижинского отдельной проблемой остается разграничение между «переводами Чижинского» и переводами, приписываемыми ему. По сути, только перевод «Книги о луне» («Селенографии» Яна Гевелия) можно однозначно называть переводом Чижинского: найдены документы, подтверждающие его единоличную работу над книгой [Лукичев, с. 44], и точно установлен текст перевода. Известны два отрывка автографа Чижинского этого перевода, но, к сожалению, Б.Н. Морозов указал ошибочные данные об автографе перевода четвертой главы «Книги о луне» Чижинского [Морозов, с. 118] — на лл. 1—16 в РГАДА. Ф. 181. № 259 содержатся два других перевода. Второй черновой отрывок перевода должен находиться в ГИМ. ОПИ. Ф. 450. № 83. Л. 44—46 [Николаев, 2008, с. 56]. Над переводом «Книги о луне» Чижинский начал работать еще в 1677 г., до официального зачисления в приказ [Гуськов, Майер, с. 67]. К переводам Чижинского с большой долей вероятности можно отнести и «Выдание о добронравии» Я. Жабчица, атрибутированное переводчику на основании записи

об авторстве в одном из списков этого сочинения [Николаев, 1981, с. 172]. Однако в документах Посольского приказа подтверждений этому пока не найдено.

В ряде других переводов Чижинский точно принимал участие, но нет уверенности в том, что они были выполнены им единолично. Так, в документах Чижинского за 1681 г. упоминаются: «книги Стриковского, да Борониуша» [Лукичев, с. 44]. Первая — польская хроника Стрыйковского в нескольких «книгах», приказной перевод которой относится к 1673—1679 гг. [Там же, с. 45]. Однако над этим переводом, вероятно, трудились несколько переводчиков [Watson, p. 191—234], и какие именно части хроники переводил Чижинский, неизвестно. До сих пор также неясно, какой из четырех переводов «Церковных летописей» Цезаря Барония принадлежит Чижинскому и когда точно он мог над ними работать, но мы предполагаем, что эти книги он тоже, скорее всего, переводил не один. В Посольском приказе нашлись и собственноручные черновики Чижинского, подтверждающие, что он переводил «Новое географическое учение» Адриана Моция в 1692 г. Как считал Б.Н. Морозов, по всей вероятности, совместно с С.Ф. Лаврецким [Морозов, с. 118].

В челобитной Чижинского от 1683 г. упоминаются два других перевода: «а ныне, государь, перевел я с латинского Эзопа книгу, да книгу полскую Алкоран» [Лукичев, с. 46]. О каких именно переводных текстах идет речь, до последнего времени было непонятно. Как и в случае со Стрыйковским, существование приказного перевода «Алкорана Магометова» И. Галытовского от 1683 г. и данные челобитной показали С. Темчину достаточными аргументами для того, чтобы атрибутировать этот текст руке Чижинского [Temčinas]. Однако характеристика языка и переводческой техники в нем, данная Д. Уо [Waugh, p. 916], абсолютно не совпадает с выводами о языке Чижинского в переводе «Книги о луне» [Саблина, Сахаровская, с. 110].

«Латинскую книгу Эзопа», указанную Чижинским в челобитной 1683 г., можно предположительно отождествить с анонимным приказным переводом книги Эзопа конца XVII в., приписав таким образом текст и этого перевода Чижинскому. Кроме того, возможно, «Книга о всяких зверех», упомянутая в ряду переводов после Стрыйковского и Барония, и «книга Эзопа» — одно и то же сочинение, которое Чижинский начал переводить в 1681 г. и окончил к 1683 г. Тем более, что в предисловии к «Эзопу» речь идет «о зверех», а еще о «птицах», «гадах» и других видах животных. Приказному переводу Эзопа Р.Б. Тарковский дает крайне невысокую оценку [Тарковский,

с. 17], которая скорее напоминает выводы Д. Уо об «Алкоране», но противоречит достаточно высокой оценке перевода «Книги о луне». В то же время все исследователи выделяют одну общую черту переводов — элементы архаичной лексики. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо провести систематический анализ языка и переводческой техники в переводах Чижинского и приписываемых ему переводных текстах.

«Переводом Чижинского» считается и один из шести переводов «Двора цесаря турецкого» Ш. Старовольского, осуществленных на Руси во второй половине XVII в. Это мнение прочно вошло в научный оборот благодаря Е.М. Иссерлин, а основанием атрибуции послужили кодикологический и лингвистический критерии: упоминание имени Чижинского в документах конвоя одного из двух известных списков и точный перевод латинских фраз польского текста «Двора» [Иссерлин, с. 9] (Е.М. Иссерлин был известен только один список этого перевода. Второй список содержится в РНБ, собрание Тиханова, № 433, и, как мы полагаем, является более ранним). Эта атрибуция представляется вероятной, но не однозначной. Латинский язык хорошо знал, например, и С. Годзаловский [Waugh, p. 423]. Точная датировка этого перевода 1678-м годом — еще менее аргументирована [Николаев, 1985, с. 181; Буланин, Николаев, с. 231]. Если в диссертации Иссерлин сделано очень осторожное предположение о начале 1680-х гг., то в ее книге того же года, очевидно, исходя из датировки сопровождающих документов 1678-м и 1679-м годами, указан конкретный год перевода — 1679 г. [Иссерлин, с. 9]. Д. Уо считал такую датировку сомнительной, так как перевод мог быть выполнен ранее и вообще не быть прямо связанным с приложенными к нему документами [Waugh, p. 234, 423]. Однако датировка 1679 г. подхватывается в статье С.И. Николаева [Николаев, 1981, с. 173—174]. При этом в материалах к словарю 1985 г. уже указан 1678 г., который и цитируется исследователями в дальнейшем. Возможно, 1678 г. был перенесен по ошибке с другого перевода «Двора», который — тоже предположительно — был выполнен в 1678 г. в процессе подготовки к русско-турецкой войне. Оба предположения о датировке упомянутых переводов «Двора» не имеют документального подтверждения и отталкиваются от общей актуальности переводов на турецкую тематику в конце 1670-х гг., во время обострения русско-турецких отношений.

Таким образом, только небольшая часть переводов может быть полностью и уверенно атрибутирована Чижинскому. Все другие ве-

роятные предположения требуют осторожной формулировки «переводов, приписываемых Чижинскому», пока у исследователей не появятся более убедительные аргументы для атрибуции.

Литература

- Барсов Е.* Новые разыскания о первом периоде русского театра // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. С. 1—30.
- Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.
- Буланин Д.М., Николаев С.И.* Чижинский Степан Федорович // СККДР. Вып. 3: XVII век. Ч. 4. СПб., 2004. С. 229—232.
- Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4(78). С. 62—81.
- Иссерлин Е.М.* Лексика русского литературного языка XVII века: Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961.
- Лукичев М.П.* Новые архивные документы о жизни и творчестве переводчика XVII века С.Ф. Чижинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сб. статей. М., 1997. С. 42—49.
- Морозов Б.Н.* Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII — начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983.
- Николаев С.И.* Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 172—174.
- Николаев С.И.* Чижинский Степан Федорович: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 181—182.
- Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Саблина Н.П., Сахаровская М.И.* «Книга о Луне и всех планетах небесных» // Русская речь. 1981. № 1. С. 109—115.
- Тарковский Р.Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Спецкурс. Л., 1975.
- Tetčinās S.* Какой польский печатный Коран перевел в московском Посольском приказе С.Ф. Чижинский в 1683 году: К рецепции произведений Иоанникия Галытовского // Kulwicka-Kamińska J., Łapicz Cz., Miškinienė G. (eds.). Tatarskie dziedzictwo kulturowe: Historia. Literatura. Sztuka, Toruń, 2018. S. 67—76.
- Waugh D.C.* Ioannikii Galiatovs'kyi's Polemics against Islam and Their Muscovite Translations // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 3/4. Part 2. P. 908—919.
- Watson Ch.* Tradition and Translation: Maciej Strykowski's Polish Chronicle in Seventeenth-Century Russian Manuscripts. Uppsala, 2012 (Studia Slavica Upsaliensia 46).

Перевод или плагиат? К вопросу об авторстве труда «Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I, отца Отечества, всероссийского самодержца» Афанасия Скъяды

В 1737 г. в Венеции на новогреческом языке вышел труд Афанасия Скъяды «Происхождение, характер, опасности и свершения Петра I, отца Отечества, всероссийского самодержца» [Σκιάδας, 1737]. Эта работа не была впоследствии переведена на иностранные языки, и вообще до сих пор ей не было уделено особого внимания исследователей. В предисловии к «Происхождению» автор объясняет свое знание российских реалий большим сроком, проведенным им в стране, личным знакомством с государем и его приближенными [Σκιάδας, 1737, предисловие, без пагинации].

Афанасий Скъяда (Αθανάσιος Σκιάδας) был кефалонийским греком, выпускником Флангиниевского коллегиума Венеции и Падуанского университета. В 1716 г. в Дании после личного знакомства с царем он был принят на русскую службу и трудился на академическом поприще, став преемником Софрония Лихуда на посту главы греческой школы в Москве. Его работа по кодификации греческих манускриптов, хранившихся в Московской синодальной библиотеке, стала первым опытом археографического и палеографического исследования и библиографического описания письменных памятников российских собраний [Скиада, 1723, Шамин, 2007]. В 1730 г. он вернулся в Венецию, где сотрудничал с преуспевающим издателем Антонио Бортоли, а впоследствии с его сыном. Известно об их совместном переводе на греческий иностранных ведомостей, а также «Приключений Телемака» Ф. Фенелона [Infelise, 2018]. Скъяда вновь вернулся в Россию в 1750 г. и оставался здесь до смерти, последовавшей в 1796 г.

Естественно было ожидать, что его вторая работа, вышедшая почти одновременно с изданным на итальянском языке описанием царствования российского самодержца, «Жизнью Петра Великого» Антонио Катифоро, также венецианского грека родом с Закинфа, окажется не менее важной, особенно если учесть знание им фактических реалий жизни, которые Катифоро не были известны [Талалай, 2020].

При ближайшем же рассмотрении, однако, выясняется, что текст Скъяды очень близок по изложению к «Жизни Петра Великого», вышедшей в 1736 г., то есть годом раньше. На это обстоятельство обратили внимание исследователи, причем их мнения разделились: тогда как историки старой формации Г. Завирас [Ζαβίρας, 1872, σ. 174], К. Сафас [Σάθας, 1868, σ. 463], И. Цицелис [Τσιτσέλης, 1904, σ. 604] книгу Скъяды посчитали простым переводом «Жизни» Катифоро, А. Карафанасис [Καραθανάσης, 2003, σ. 369, σμ. 56] и М. Инфелизе [Infelise, 2018, p. 143], вслед за Минцловым [Minzloff, 1872, p. 46] утверждают, что работа имеет оригинальный характер.

Структура обеих книг, действительно, является схожей — труд Катифоро состоит из шести, а Скъяды из семи книг-разделов, и оба автора концентрируются преимущественно на событиях Северной войны. Правда произведение Скъяды примерно в полтора раза объемнее «Жизни Петра»: он цитирует документы, подробнее описывает события, приводит больше имен собственных и топонимов. Сравнительный анализ произведений (был использован текст Катифоро из третьего издания (Venezia, F. Pitteri, 1748) и текст Скъяды с editio princeps (Ενετίσιν, αψλξ', παρά Ανωτίω τω Βόρτολι) позволяет как будто заключить, что труд Скъяды является переработанным и дополненным переводом работы Катифоро. Распространение печатной информации того времени не подразумевало соблюдения авторского права как мы понимаем его сегодня, и с этой точки зрения было бы анахронизмом назвать произведение Скъяды плагиатом.

Однако если обратиться к еще более ранней, собственно первой биографии Петра I, опубликованной по-французски в Голландии в 1725 г. Ж. Руссэ де Мисси (под псевдонимом Иван Иванович Нестезураной), то обнаружится, что обе биографии Петра — и Катифоро, и Скъяды являются ничем иным, как более (в случае со Скъядой) и менее (в случае с Катифоро) полными конспектами этого, действительно, оригинального и серьезного труда, на что, впрочем, указывал еще Минцлов [Rousset de Missy, 1725—1726; Minzloff, 1872, p. 46].

Более того, «Мемории» де Мисси в 1735 и 1736 годах были изданы в Венеции на итальянском языке в типографии конкурента Бортоли Джаммария Ладзарони [Nestesuranoi, 1735—1736]. По всей видимости, Антонио Катифоро пользовался в основном именно итальянским изданием, последний том которого вышел в мае 1736 г., то есть одновременно или чуть раньше книги Катифоро. Хотя сам грек в своем предисловии ссылается лишь на первое франкоязычное изда-

ние «Меморий» 1725 года, тем не менее на основании сопоставления транскрипции имен собственных и сравнения фраз точно скопированных Катиоро из итальянского издания приходим к выводу, что он пользовался переводом [Nestesuranoi, Т. 2, 1735, р. 4, 7; Catiforo, 1748, р. 38; 41]. Возможно, Скъяда также пользовался итальянским изданием Руссэ.

Наконец, сам Катиоро говорит о книге де Мисси в предисловии к своей работе, критикуя ее за наличие якобы протестантских мыслей, но признавая, что делает просто ее конспект [Catiforo, 1748, р. 11—13].

Интересно, что в предисловии к итальянскому изданию второго тома «Меморий», являвшегося переводом второго голландского издания 1729 г., Руссэ де Мисси рассуждает на тему плагиата [Nestesuranoi, Т. 2, 1735, предисловие, без пагинации]. Интересно отметить, что проблема все-таки обсуждалась в современной ему литературной среде (и на эту тему уже тогда высказывались не только писатели, но и официальные лица [Gozzi, 2003]). Называя себя первым историком Петра Великого, он приводит довольно необычные доводы против ссылок на источники: во-первых, исписанные сносками поля не нравятся типографам, а, во-вторых, Тит Ливий, Светоний, Тацит и другие классики не приводили цитат из своих источников. Он добавляет также, что раз книга опубликована, она есть уже общественное достояние, и пользоваться ею может любой как захочет, намекая и на то, что и авторы, которых он назовет ниже, тоже не указывали те труды, которыми пользовались.

Однако, продолжает де Мисси, чтобы его не считали «вором чужих трудов (если только можно так назвать того, кто списывает у одного автора то, что тот в свою очередь списал у другого)», он полагает правильным перечислить в начале авторов, трудами которых он пользовался [Nestesuranoi, Т. 2, 1735, предисловие, без пагинации].

Может быть, это легкое отношение к собственному и чужому труду и укрепило Афанасия Скъяду в решении даже не упоминать о Руссэ де Мисси в своей работе, тогда как Катиоро, как было сказано, не только сообщает, что конспектирует «Мемории», но и критикует их за «протестантизм».

В нашем случае, конечно, наиболее интересны частности, детали, которых нет ни у Руссэ, ни у Катиоро по сравнению с работой Скъяды.

И первой интересной особенностью работы Скъяды стал выбор юлианского календаря для хронологии в противоположность де

Мисси и Катифоро, которые ориентировались больше на западного читателя.

Скорее всего по этой же причине в «Происхождении» автор (в начале своего поприща в России побывавший на театре военных действий) неоднократно упрекает в двуединии поляков-союзников Петра в Северной войне и в стремлении перейти на сторону Карла XII, тогда как Катифоро менее критичен в оценках [Σκιαδάς, 1737, σ. 195; Catiforo, 1748, p. 159].

Стоит отметить описание тремя авторами битвы при Фрауштадте (2/13 февраля 1706 г.), в которой саксонская армия потерпела сокрушительное поражение от более чем вдвое уступавшей ей по численности шведской под командованием генерала Реншильда. Руссэ и Катифоро мало говорят о самой битве (правда, упоминают, что «русские сражались как львы»), а тем более о массовой казни по приказу генерала Реншильда пленных из русского корпуса, находившегося в составе войск союзников. Умолчание связано, очевидно, с тем что командующим саксонским корпусом был тогда И.М. фон Шуленбург, которому де Мисси посвятил «Мемории»: на момент написания «Жизни Петра» он был на службе Венецианской республики в чине фельдмаршала. Скъяда же свободно говорит о недостойном поведении саксонцев, бросивших русских на произвол судьбы, и о резне, учиненной по приказу шведского генерала [Σκιαδάς, 1737, σ. 195; Rousset de Missy, 1725, T. 2, p. 588—591, Catiforo, 1748, p. 148—149].

Но кроме акцентов, конечно же, хотелось бы видеть обещанных Скъядой свидетельств очевидцев, которые он сулил читателю в предисловии. Большую часть произведения их попросту не было.

Наконец, в третьей книге «Происхождения» появляются особенности по сравнению с трудом де Мисси: Скъяда приводит победную реляцию Петра после полтавской битвы, которой странным образом нет у француза, причем редакция у грека несколько отличается от того текста, который помещен в «Письмах и бумагах Петра Великого». Письмо Петра у Скъяды адресовано Б.П. Шереметеву, хотя оно больше напоминает дополненную версию, отправленную в тот же день И.А. Толстому в Азов. Далее, в отличие от опубликованных в Письма и бумагах Петра Великого (далее — ПБПВ) вариантов реляции, в тексте Скъяды Петр упоминает, что 1) неприятель расположился лагерем в двух милях от Пропойска; 2) перед первой атакой совершил рекогносцировку; 3) для отражения первой атаки шведов Петр приказал спешиться трем полкам и, развернувшись, двинуться на неприятеля; 4) около полудня к русским прибыло подкрепле-

ние; 5) победы были достойны обе стороны, и, наконец, добавлена финальная фраза: «битва эта тем более достохвальна, что от наших могли принять в ней участие не более 20-ти тысяч». [Σκιαδάς, 1737, σ. 223—225; ПБПВ Т. 8, с. 168—173].

Далее, Скъяда единственный из трех авторов рассказывает о посещении архиепископа Фивейского Арсения, прибывшего из Лондона к Петру в Голландию весной 1717 г. Православные епископы и священники Англии уполномочили его просить о помощи. Он рассказал царю о преследованиях со стороны короля Георга и показал письма духовенства. Царь указал Арсению отправиться в Петербург и дожидаться его там [Σκιαδάς, 1737, σ. 376].

В пятой книге он упоминает об известном эпизоде 1717 года, когда Петр взял на руки малолетнего короля Людовика во время их протокольной встречи (правда, об его не менее знаменитых словах: «в моих руках — вся Франция!» ничего не говорит). При этом он прибавляет: «как я слышал от заслуживающих доверия людей» [Σκιαδάς, 1737, σ. 378]. Далее, он сообщает, что, когда в домашней часовне Петра в его гостинице в Париже шла всенощная праздника Пятидесятницы, и царь сам, по обыкновению, читал паримии, за богослужением присутствовали французы и весьма дивились, видя царя среди церковнослужителей [Σκιαδάς, 1737, σ. 387].

Скъяда приводит и следующий эпизод. Во время пребывания в Амстердаме на обратном пути из Парижа у царя состоялись несколько встреч с бароном Гёрцем, эмиссаром Карла Шведского. На одной из них барон предложил провести конгресс всех воюющих сторон для заключения мира. Петр склонялся к согласию, и тогда Шафиров подал ему записку, в которой высказал убеждение, что России выгоден лишь двухсторонний мир со Швецией. Именно тогда она получит наибольшие приобретения, в противном же случае завоевания русских разделят между союзниками. Петр согласился тогда со своим вице-канцлером [Σκιαδάς, 1737, σ. 391]. Кстати, только Скъяда упоминает, что причиной отмены казни Петра Шафирова, осужденного на плаху за казнокрадство, была просьба Екатерины [Σκιαδάς, 1737, σ. 482]. Как видно, большая часть известий, отличающих труд Скъяды от работ де Мисси и Катифоро, относится к периоду поездки царя за границу 1717—1718 гг. Это говорит о том, что автор, видимо, имел возможность общаться с кем-то из участников этого путешествия, как он и намекает выше.

Далее, он один сообщает, что отличавшийся блестящим слогом и остротой политической мысли мемориал, который представил 25 дека-

бря н.ст. 1719 года королю Георгу русский посол Веселовский, был не его собственного сочинения, а прислан из Петербурга [Σκιαδάς, 1737, σ. 430]. Де Мисси же верит, что автором был сам посол и даже пишет по этому поводу, что англичане были поражены тем, «на что русские оказались способны, после того как царь выгнал их из варварства, в котором они были погребены» [Rousset de Missy, 1726, Т. 4, р. 350].

Только Скъяда в истории с изгнанием иезуитов из России в 1719 г. указывает на то, что вскрылась их переписка с Веной по делу царевича Алексея, [Σκιαδάς, 1737, σ. 434], тогда как Руссэ и, само собой, Катифоро дипломатично заявляют, что дело было всего лишь в охлаждении отношений с императором и желании Петра сделать ему неприятность, поскольку Австрия всегда покровительствовала иезуитам [Nestésuranoi, Т. 3, 1735, р. 214; Catiforo, 1748, р. 303].

В описании торжеств, посвященных заключению Ништадского мира, только Скъяда сообщает, что накануне официальной церемонии царь собрал сенаторов в доме у Ромодановского, причем пришел туда в сопровождении трубача, а на следующий день Божественная Литургия, после которой состоялось официальное объявление о заключении мира, проходила в Троицкой церкви [Σκιαδάς, 1737, σ. 463]. Кстати, именно Скъяда упоминает о начале строительства Александро-Невской Лавры и перенесении мощей святого князя — первого победителя шведов [Σκιαδάς, 1737, σ. 509—510].

Наконец, хорошо знакомый с российскими реалиями грек сообщает, что в обычае петровской России было платить иностранцам вдвое больше, чем русским [Σκιαδάς, 1737, σ. 482].

Можно предположить, что отсутствие каких-либо собственных данных по более раннему периоду связано с тем, что Скъяда приехал в Россию только в 1714 г., хотя, конечно, ничто не мешало ему получать информацию от очевидцев и о более ранних временах. Вероятно, он в те поры не думал о написании книги о жизни Петра, и поэтому добавляет в «Происхождение» просто данные, полученные им от участников событий или общеизвестные факты. Так, он подробно пишет об обстоятельствах жизни и смерти царевича Алексея, а торжества по случаю заключения Ништадского мира просто проходили на его глазах. Поэтому естественно, что в своем конспекте он делает вкрапления этих, знакомых ему фактов. Вместе с тем, это всего лишь детали, он практически не добавил документов, то есть не работал специально ни с какими хранилищами.

Более того, иногда Скъяда обращается со своим первоисточником просто неаккуратно. Так, при посещении Парижа, уже в конце

своего пребывания, царь захотел присутствовать при операции на глазах. Лейб-медик Арескин попросил помощи у своего французского визави доктора Вернэ, а тот, свою очередь, обратился за помощью к английскому медику Вольхаузу, который и провел операцию по удалению катаракты прямо в покоях государя. Скъяда же, вероятно, ради упрощения повествования, сообщает, что операцию проводил сам Вернэ [Rousset de Missy, 1726, Т. 3, р. 433; Σκιαδάς, 1737, σ. 385].

По необъяснимой причине он несколько раз называет Петра Толстого «Андреем», хотя в одном случае он цитирует документ, в котором Толстой именуется Петром, но тут же вне цитации он все равно называет его Андреем [Σκιαδάς, 1737, σ. 389, 397—98, 406—410, 472].

Эти и другие особенности позволяют судить о сходствах и различиях работы Скъяды и его источника, причем можно обоснованно утверждать, что он не копировал «Жизнь Петра» Катифоро, как считалось прежде, просто потому что и Катифоро, и Скъяда цитировали другого автора.

Кем же тогда считать Скъяду: переводчиком, плагиатором, автором самостоятельного текста? Он, как и Антонио Катифоро, взял за основу «Мемории» Руссэ де Мисси — в этом нет сомнений. И все же все работы отличаются друг от друга. Дело здесь в акцентах и выборе целевой аудитории трех текстов. Ориентированный на Запад Руссэ и вслед за ним Катифоро обладают изящным слогом. Последний добавляет латинских классиков [Catiforo, 1748, р. 26, 28, 32, 54, 58], подчеркнуто почтителен в упоминаниях Римской курии и ее прелатов [Catiforo, 1748, р. 11—13, 248—249], лоялен к переменчивым полякам-союзникам Петра. Скъяда пишет проще, его текст больше похож на летопись. Он не предлагает нравственных выводов из тех или иных событий, как это делает Катифоро. Заметна и поспешность, с которой готовилось издание — автор говорит о ней в предисловии и извиняется за возможную краткость и даже сумбурность изложения [Σκιαδάς, 1737, предисловие, без пагинации].

Вероятно, несмотря на компилятивность, именно слог, сжатость изложения, и правильная расстановка акцентов обеспечили произведению филолога и богослова Катифоро не менее счастливую судьбу, чем его первоисточника — труда Ж. Руссэ де Мисси — переводы на новогреческий, румынский и русский языки уже в первые годы после издания «Жизни Петра» — лучшее тому доказательство. Не исключено, что спешка, с которой было выпущено издание Скъя-

ды, была связана с тем, что в том же 1737 г. готовился (и вышел) новогреческий перевод «Жизни Петра», выполненный Александром Канкелларием. С него-то нашим соотечественником Стефаном Писаревым был предпринят первый ее перевод на русский язык [Катиборо, 1772]. В настоящий момент готовится критическое издание с новым переводом с итальянского оригинала под редакцией М.Г. Талалая.

Вместе с тем, автор «Происхождения» не нарушил традиционно для той эпохи использования труда предшественника для популяризации собственных взглядов, в духе времени предлагая переводы на новогреческий язык востребованных текстов, как видим на материале цитированного исследования М. Инфелизе, хотя из приведенных выше слов де Мисси в предисловии ко второму тому (второго издания) «Меморий» можно сделать вывод, что в Европе дискуссия об авторском праве уже началась.

Кроме того, «Происхождение» в отличие от взятых за основу «Меморий» несет на себе печать хорошего знания российских реалий своего времени, личной симпатии к царю, с которым автор успел лично познакомиться за годы российской «командировки», преданности Православной Церкви и своей второй Родине, о которой он пишет с большой любовью.

В отличие от Катифоро, который, по всей вероятности, работал с итальянским переводом «Меморий», Скъяда в свой труд вносит также элемент трансдукции или обратного перевода, адаптируя терминологически чуждые французскому и итальянскому языку русские понятия для греческого языка. Особенно это заметно в церковной тематике, которой он уделяет более внимания, чем два других автора [Σκιάδα, 1737, σ. 387].

Произведение носит реферативный характер и может быть названо авторским прочтением тех исторических данных, которые привел в своих «Мемориях» Жан Руссэ де Мисси.

Литература

Катиборо А. Житие Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, отца отечества, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом и на греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М.—Л., 1948.

Скъяда Афанасий Два каталога рукописанных книг греческих в Синодалной библиотеке в Москве обретающихся, которые в лето 1722 в месяце марте Афанасием Скиадоу, прежде бывшим от кавалерии обер-аудитором, ныне же Эл-

- λινοгреческия школы профессором, рассмотрены и разобраны = *Schiada A.* *Catalogi duo codicum manuscriptorum Graecorum, qui in Bibliotheca synodali Moscuisi asservantur, anno 1722. mense Martio ab Athanasio Schiada, prius in equitatu primi causarum auditoris, nunc Scholae Graecae professoris, inspecti & examinanti.* Moskva, In Typographia Moscuisi, 1723, mense Novembri.
- Ταλαλαΐ Μ.Γ.* «Жизнь Петра Великого» Антонио Катифоро // Материалы XII международного Петровского конгресса. Санкт-Петербург, 31 мая — 1 июня 2019 г. / сост. Гузевич Д.Ю., Кобак А.В., Лихачева В.В. СПб. 2020. С. 45—55.
- Шамин С.М.* С неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Россия и православный восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний. Пятое чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Ответственный редактор М.В. Бибииков. М., 2007. С. 199—202.
- Catìforo A.* Vita di Pietro, il Grande imperador della Russia, estratta da varie memorie publicate in Francia e in Olanda. Venezia, 1748.
- Gozzi G.* Col più devoto ossequio: interventi sull'editoria (1762—1780) / a cura di Infelise M., Soldini F. Venezia, 2003.
- Infelise M.* Athanasios Skiadas e la gazetta in lingua greca // *Θησαυρόσματα*. 48. 2018. P. 137—144.
- Minzloff K.R.* Pierre le Grand dans la littérature étrangère publié à l'occasion de l'anniversaire deux fois séculaire de la naissance de Pierre le Grand. Saint-Petersbourg, 1872.
- Nesteuranoi I.I.* Memorie del regno di Pietro il Grande imperadore di Russia. Volumi 1—4. Venezia, 1736.
- Rousset de Missy J.* Mémoires du règne de Pierre-le-Grand, empereur de Russie. T. 1—4. La Haye, 1725—1726.
- Ζαβίρας Γ.* Νέα Ελλάς ή Ελληνικόν θέατρον. Αθήνησι, 1872.
- Καραθανάσης Α.* Ο ελληνικός κόσμος στα Βαλκάνια και την Ρωσία. Θεσσαλονίκη, 2003.
- Σάθας Κ.* Νεοελληνική Φιλολογία: Βιογραφία των εν τοις γράμμασι διαλαμπάντων Ελλήνων, από της καταλύσεως της βυζαντινής αυτοκρατορίας μέχρι της ελληνικής εθνεγερσίας (1453—1821). Εν Αθήναις, 1868.
- Σκιαδάς Α.* Γένος, ήθος, κίνδυνοι και κατορθώματα Πέτρου του Πρώτου, πατρός πατρίδος αυτοκράτορος πάσης Ρωσίας και τα εξής, Ενετίησιν, αψλζ', παρά Αντωνίω τω Βόρτολι.
- Τσιτσέλης Η.* Σκιαδάς Αθανάσιος // Κεφαλληνιακά σύμμικτα. Τ. 1. Αθήνα, 1904. S. 602—605.

Картотека переводчиков, толмачей и гонцов РГАДА

Недavno вышедший на суд исторического сообщества справочник «Переводчики Посольского приказа в XVII в.» [Беляков и др.] внес существенный вклад в изучение служивших в Посольском приказе специалистов по письменному переводу. Однако следует отметить, что речь в издании идет лишь о переводчиках. Данные о толмачах остались не систематизированными. Но и сведения о переводчиках также нуждаются в дополнении. В ходе передачи дел при смене руководства Отдела научно-справочного аппарата РГАДА была выявлена картотека переводчиков, толмачей и гонцов. Содержащиеся в ней материалы свидетельствуют, что введенные в научный оборот данные о переводчиках и толмачах могут быть существенно дополнены.

Картотека составлялась на протяжении второй половины 1980-х гг., когда появилась группа каталогизации (т.е. к работе стали привлекать больше одного человека). В нее в разное время входили М.Ю. Зенченко, Г.А. Иванова, Ю.Г. Крутиков, Т.Л. Филимонцева, И.Г. Шаховцова. Уместно также предположить, что фиксация ряда персоналий была сделана в ходе студенческих практик, соответственно, часть ее составителей останется безымянной. Она охватывает в основном персоналии XVII в., но имеет включения из XVI и XVIII вв. (и даже несколько начала XIX в.), однако в контексте словаря Переводчиков Посольского приказа к рассмотрению принимались все до второго десятилетия XVIII в. Нужно также отметить, что переводчиков XVIII в. в данной картотеке сравнительно мало. Источниками для составления картотеки послужили фонды сношений (с 32 по 123) и фонд 9. Также ее основой послужили небольшие включения других фондов — например 141 и 159, но они измеряются буквально десятками карточек (из общих примерно 700). Единицей учета были фамилии и имена переводчиков и толмачей в конкретном деле, поэтому при повторах систематизация данных не производилась.

Как правило, информация карточки включает в себя фамилию и имя (иногда — только фамилию), факт принадлежности персоны к переводчикам или толмачам, реже — гонцам (каждая категория фиксировалась отдельно), датировка дела, в котором упоминалась персона, его заголовок (как правило, сокращенный и упрощенный по сравнению с оригинальным в описи), поисковые данные

дела. В подавляющем большинстве случаев картотека составлялась без обращения к делам, по описям. Таким образом, без корректуры остались все сомнительные места, имевшиеся в описях XVIII — начала XIX вв. Отмечу также, что эта деятельность не являлась приоритетной по сравнению с другими видами работ отдела, в частности, переописанием дел. Результатом является то, что к ее материалам пользователь должен подходить критично.

В контексте обнаружения данной картотеки естественной возникает мысль о способе публикации и обоснованной кажется мысль об условно открытой к пополнению базе данных на, например, сайте РГАДА. К моменту публикации данной статьи карточки как упомянутых в «Словаре», так и представленных в данном тексте персоналий будут опубликованы на сайте в графическом виде. Однако подобный подход открывает вопрос, как поступать с другими разделами данной картотеки, которая пока не была доступна исследователям практически ни в каком виде и отличается по содержанию от каталога, ведущегося в электронном виде и доступного в читальном зале РГАДА. В числе ее разделов есть представители управленческой элиты (воеводы), мастеровые (архитекторы, ювелиры) и многие другие категории.

В данной публикации представлены имеющиеся в картотеке сведения о переводчиках и толмачах. При многократной фиксации одного и того же толмача или переводчика в списке он фиксировался однократно, полная информация будет приведена в электронной публикации всех информации этой картотеки на сайте РГАДА.

Материалы XVI — начала XVIII вв. о переводчиках и толмачах из картотеки РГАДА.

- Абыз Девлет.** Переводчик Посольского приказа. 1650, 2 сентября. Ф. 77. Оп. 1. 1650. № 4.
- Адлер.** Толмач. 1661, 7 августа — 1662, июнь. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 58.
- Алимов.** Толмач. 1659, май. Ф. 123. Оп. 1. 1659. № 5.
- Алтабаев.** Толмач. 1651, 5 октября, 12 ноября 1656, ноябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1651. № 22; 1656. № 12.
- Алферс (Алферей).** Толмач, гонец. 1651, 18 сентября — 12 ноября. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 35.
- Альмов Антип.** Посланник в Крым, толмач. 1630, 15 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1630. № 3.
- Альмов Лазарь.** Толмач. 1638, 22 июня. Ф. 123. Оп. 1. 1638. № 13.
- Араслан.** Переводчик. 1663, январь. Ф. 123. Оп. 1. 1663. № 3.
- Арханов.** Толмач. 1635, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1635. № 17.

- Астянов (Астенов) Михаил.** Толмач. 1634, 4 апрель. Ф. 89. Оп. 1. 1634. № 17.
- Афанасьев Степан.** Толмач, гонец в Персию. 1634, 16 июля — 1615. Ф. 77. Оп. 1. 1614. № 1.
- Байбарисов.** Толмач. 1669, июнь — июль. Ф. 123. Оп. 1. 1669. № 8.
- Байгинин Келмамет (Телмамет).** Переводчик. 1683, март. Ф. 123. Оп. 1. 1683. № 8.
- Барамыков Ахмамед.** Толмач, гонец в Крым. 1631, 29 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1631. № 13.
- Баубеков Тимофей.** Толмач. 1612. Ф. 138. Оп. 1. 1613. № 1.
- Безергенев Белиля.** Посланник в Крым, переводчик. 1632, 6 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1632. № 3.
- Бельский Григорий.** Посланник в Крым, толмач. 1636, 26 августа. Ф. 123. Оп. 1. 1636. № 21.
- Бибишев Семен.** Переводчик Посольского приказа, посол в Персию. 1668, 16 мая. Ф. 77. Оп. 1. 1668. № 7.
- Билен Иван.** Толмач. 1668. Ф. 77. Оп. 1. 1668. № 8.
- Ботвинкин Матвей.** Переводчик. 1704. Ф. 159. Оп. 2. Ед. хр. 4996.
- Букалов Афанасий.** Толмач. 1640, 20 декабря. Ф. 89. Оп. 1. 1640. № 1.
- Васильев Савва.** Гонец, толмач. 1640, 20 июня. Ф. 123. Оп. 1. 1640. № 13.
- Вилкоманов Иван.** Толмач. 1671, июнь. Ф. 123. Оп. 1. 1671. № 16.
- Володимеров Карп.** Толмач. [1633]. Ф. 138. Оп. 1. 1633. № 5. Л. 5.
- Волошенин (Волошенинов, Волошанинов) Григорий.** Толмач. 1659, май. Ф. 123. Оп. 1. 1659. №. 5 **Враско Прохор.** Переводчик Посольского приказа. 1622, 25 февраля. Ф. 138. Оп. 1. 1622. № 5. Л. 5.
- Герасимов Семен.** Толмач. 1621. Ф. 109. Оп. 1. 1621. № 1.
- Гнездилов Корнилий.** Посланник в Крым, толмач. 1635, 29 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1635. № 24.
- Головатов (Головачев) Тихон.** Толмач. 1658, июль. Ф. 123. Оп. 1. 1658. № 8.
- Гостев.** Посланник в Крым, толмач. 1652, марта 5. Ф. 123. Оп. 1. 1652. № 3.
- Григорьев Ермолай.** Толмач. 1633. Ф. 138. Оп. 1. 1633. № 5. Л. 8.
- Грызлов Василий.** Посланник в Крым, толмач. 1631, 15 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1631. № 3.
- Дедяков Михаил.** Толмач. 1632 июль 22 — 1633 декабрь. Ф. 89. Оп. 1. 1632. № 4.
- Дейнов Девлет.** Толмач. 1634, 15 апреля — 29 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1634. № 12.
- Дмитриев Николай.** Толмач Посольского приказа. 1628, 28 февраля. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 79. Лл. 92—93.

- Долгов.** Толмач. 1653, 29 апреля — 2 ноября. Ф. 123. Оп. 1. 1653. № 6.
- Дрябин Нечай.** Толмач в посольстве Г. Неронова. 1636, июль — 1637, февраль. Ф. 51. Оп. 1. 1636—1639. № 3.
- Елагин Петр.** Посланник в Крым, толмач. 1629, сентября 3. Ф. 123. Оп. 1. 1629. № 14.
- Елагин Яков.** Посланник в Крым, толмач. 1632, 20 июня. Ф. 123. Оп. 1. 1632. № 12.
- Елчин Федот.** Толмач. 1634, 29 июля — 1635, 8 мая. Ф. 89. Оп. 1. 1634. № 6.
- Ермола.** Терский толмач, гонец в Персию. 1615, 25 января — 1616, 15 июня. Ф. 77. Оп. 1. 1615. № 1.
- Есинов Гавриил.** Толмач Посольского приказа. [1614]. Ф. 138. Оп. 1. 1614. № 5. Л. 40.
- Жидской Исай.** Переводчик Посольского приказа. 1634, февраль. Ф. 96. Оп. 1. 1634. № 11.
- Захарьев.** Переводчик Аптекарского приказа. 1628. Ф. 150. Оп. 1. 1628. № 4.
- Зейкан Иван.** Переводчик. 1699. Ф. 150. Оп. 1. 1699. № 9.
- Иванов Андрей.** Переводчик Посольского приказа. 1637. Ф. 96. Оп. 1. 1637. № 1.
- Иванов Елисей.** Толмач. 1658, 3 февраля. Ф. 77. Оп. 1. 1658. № 5.
- Иванов Ефрем.** Толмач. 1653, 6 февраля — сентябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1653. № 3.
- Иванов Иван.** Толмач, гонец в Крым. 1685, август. Ф. 123. Оп. 1. 1685. № 31.
- Иванов Конон.** Толмач Посольского приказа. 1670, 11 сентября — 1671. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 52.
- Иванов Никифор.** Толмач. 1683, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1683. № 10.
- Иванов Тарас.** Толмач. 1659, июль. Ф. 123. Оп. 1. 1659. № 6.
- Иевлев Абакум.** Толмач. 1669, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1669. №. 5.
- Иевлев Иван.** Посланник в Крым, толмач. 1635, 1 января. Ф. 123. Оп. 1. 1635. № 2.
- Исенев Василий.** Толмач. 1636, 15 мая. Ф. 123. Оп. 1. 1636. № 17.
- Каратышев.** Толмач. 1648, 20 апреля. Ф. 123. Оп. 1. 1648. № 8.
- Карпов.** Толмач. 1650, 10—11 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1650. № 11.
- Кизипбатенин Иван.** Гонец в Крым, толмач. 1685, 13 апреля — 1686, март. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 74.
- Козлов Василий.** Толмач. 1682 июнь — июль. Ф. 123. Оп. 1. 1682. №. 35.
- Кокорев.** Толмач. 1658—1670. Ф. 123. Оп. 1. 1668. №. 5.
- Кокорин Алексей.** Толмач, гонец в Крым. 1667, 13 октября — 1668, июнь. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 46.

- Кононов Данила.** Толмач. 1658, август. Ф. 123. Оп. 1. 1658. № 13.
- Коротяев.** Гонец, толмач. 1640, 13 мая. Ф. 123. Оп. 1. 1641. № 7.
- Костюрский Николай.** Толмач Посольского приказа, гонец. 1647, 4 апреля. Ф. 89. Оп. 1. 1647. № 1.
- Крапоткин И.** Толмач при Великом посольстве. Ф. 138. Оп. 1. 1698. № 5.
- Красников Петр.** Толмач. 1628, 30 октября. Ф. 89. Оп. 1. 1628. №. 4.
- Кречнев Фома.** Толмач, посланник в Крым. 1670, 11 сентября — 1671. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 52.
- Крякин Данила.** Толмач. 1658 август — сентябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1658. № 10.
- Кудров Иван.** Толмач, посол в Персию. 1672, 26 апреля — 1675, 16 января. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 16.
- Кузаков.** Толмач. 1640, январь — декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1640. № 4.
- Кузьменков.** Толмач. 1637, 19 января. Ф. 123. Оп. 1. 1637. №. 4.
- Кулушов.** Переводчик. 1621, декабрь. Ф. 131. Оп. 1. 1621. № 15.
- Кундянский Степан.** Гетманский толмач. 1703, 5 мая. Ф. 89. Оп. 1. 1703. № 13.
- Кусков Яков.** Переводчик. Ф. 159. Оп. 2. № 2169.
- Кучумов (Афанасий).** Посланник Крым, гонец. 1633, 29 января. Ф. 123. Оп. 1. 1633. № 3.
- Кучумов Мочак.** Гонец в Крым, толмач. 1630, ноябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1630. № 24.
- Кучумов (Кучумов) Полуект.** Толмач. 1662, июнь. Ф. 123. Оп. 1 1662. № 11.
- Лазарев Иван.** Толмач, посланник в Крым. 1670, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1670. № 21.
- Леденев.** Толмач. 1657, июль. Ф. 123. Оп. 1. 1657. № 9.
- Лежнев Семен.** Толмач. 1617, 26 сентября. Ф. 89. Оп. 1. 1616. №. 1.
- Македонский Кирилл.** Толмач. 1702, 5 февраля. Ф. 89. Оп. 1. 1702. № 6.
- Масальский Степан.** Гонец в Крым, толмач. 1683—1687. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 77. 1684. №. 14.
- Мамут Токай.** Толмач, крымский татарин. 1703, 18 августа. Ф. 89. Оп. 1. 1703. № 15.
- Мартынов Василий.** Толмач. 1682, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1682. № 56.
- Масаковский (Мосаковский) Степан.** Толмач. 1684, январь. Ф. 123. Оп. 1. 1684. №. 5.
- Маслов Степан Алексеевич.** Толмач, посол в Персию. 1597, 5 августа — 1599, 13 января. Ф. 77. Оп. 1. 1597. № 1.
- Микинин Степан.** Толмач Посольского приказа. [1614]. Ф. 138. Оп. 1. 1614. № 5. Л. 40.
- Миколаев Дмитрий.** Переводчик. 1613. Ф. 138. Оп. 1. 1613. № 1. Лл. 69—70.

- Минин Леонтий.** Толмач, посол в Турцию. 1628—1651. Ф. 89. Оп. 1. 1628. № 12.
- Михайлов Борис.** Толмач, посланник в Крым. 1670, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1670. № 21.
- Михайлов Марк.** Толмач. 1671, июль. Ф. 123. Оп. 1. 1671. № 18.
- Монаков Иван.** Толмач. [1629]. Ф. 138. Оп. 1. 1629. № 2. Лл. 18—19.
- Мургази.** Переводчик. 1653, 6 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1653. № 3.
- Мясоедов Федор.** Посланник в Крым, толмач, гонец. 1625, 17 и 28 января. Ф. 123. Оп. 1. 1625. № 1.
- Наумов.** Посланник в Крым, толмач. 1637, 16 сентября. Ф. 123. Оп. 1. 1637. № 29.
- Неверов.** Толмач. 1635, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1635. № 17.
- Немичев Филипп.** Толмач. 1656, март. Ф. 123. Оп. 1. 1656. №. 4.
- Никитин Иван.** Гонец в Крым, толмач. 1691, 21 мая — 1695. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 80.
- Николаев Авраам.** Толмач. 1572—1577. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 3. Лл. 75—95.
- Николаев Захар.** Переводчик. 1634, 4 марта. Ф. 151. Оп. 1. № 6.
- Окулинин.** Посланник в Крым, толмач. 1636, 26 августа. Ф. 123. Оп. 1. 1636. № 21.
- Орехович.** Толмач. 1704. Ф. 100. Оп. 1. 1704. № 2.
- Осипов.** Посланник в Крым, толмач. 1648, 3—13 сентября. Ф. 123. Оп. 1. 1648. № 20.
- Останьков Иван.** Посланник в Крым, толмач. 1652, 26 ноября. Ф. 123. Оп. 1. 1652. № 10.
- Остафьев Дмитрий.** Толмач. 1669. Ф. 89. Оп. 1. 1669. № 2.
- Павлов Авраам.** Толмач. 1681, июль — сентябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1681. № 16.
- Павлов Айдар.** Толмач, посол в Персию. 1594, 30 мая. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 5.
- Панфилов Кирилл.** Толмач, гонец в Крым. 1683, ноябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1683. № 21.
- Палшиков.** Посланник в Крым, толмач. 1629, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1629. № 23.
- Писклов Киприан.** Толмач. 1651, 22—25 апреля. Ф. 123. Оп. 1. 1651. № 12.
- Пирогов.** Толмач. 1657, июль. Ф. 123. Оп. 1. 1657. № 10.
- Повалеев Василий.** Гонец, толмач. 1640, 20 июня. Ф. 123. Оп. 1. 1640. № 13.
- Позняков Борис.** Гонец в Крым, толмач. 1647, 22 апреля — 6 октября. Ф. 123. Оп. 1. 1647. № 6.
- Половой Андрей.** Астраханский толмач. [1622]. Ф. 138. Оп. 1. 1622. № 5. Лл. 43—44.

- Понарьин [Никон]**. Толмач. 1658, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1658. № 4.
- Посников Леонтий**. Толмач. 1685, апрель — август. Ф. 123. Оп. 1. 1685. № 16.
- Потапов Даниил**. Толмач, гонец в Крым. 1649, 12 сентября. Ф. 123. Оп. 1. 1649. № 28.
- Потулов Федор**. Толмач. 1629, 30 марта. Ф. 77. Оп. 1. 1629. № 11.
- Путицын Андрей**. Толмач. 1662, 27 марта. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 43.
- Путягин Григорий**. Толмач. 1678, май. Ф. 123. Оп. 1. 1678. № 21.
- Пыжов**. Толмач. 1658, июль. Ф. 123. Оп. 12. 1658. № 9.
- Рылков**. Толмач. 1672, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1672. № 13.
- Согаалаев Павел**. Толмач, член посольства в Турцию. 1634, 9 января. Ф. 89. Оп. 1. 1634. № 9.
- Савельев Анисим**. Толмач. 1678. Ф. 109. Оп. 1. 1678. № 1.
- Савинов**. Толмач. 1653, 29 апреля — 2 ноября. Ф. 123. Оп. 1. 1653. № 6.
- Свиридов Иван**. Толмач. 1679, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1679. № 20.
- Семенов**. Толмач. 1619, 2 июня. Ф. 123. Оп. 1. 1619. № 4.
- Семенов Александр**. Турок, толмач Посольского приказа. 1698, 28 февраля. Ф. 141. Оп. 1. Д. 79. 1627. Лл. 92—93.
- Сеналеевский**. Переводчик Посольского приказа (с татарского яз.). 1628. Ф. 89. Оп. 1. 1628. № 5.
- Синиус Андрей**. Переводчик. 1673. Ф. 93. Оп. 1. 1673. № 1.
- Скороваров**. Посланник в Крым, толмач. 1642, 27 мая. Ф. 123. Оп. 1. 1642. № 6.
- Спиридов Иван**. Толмач. 1667, сентябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1667. № 12.
- Степанов Лукьян**. Толмач. 1657, ноябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1657. № 20.
- Степанов Михаил**. Толмач. 1663, апрель. Ф. 123. Оп. 1. 1663. № 5.
- Степанов Фома**. Толмач. 1634, апрель. Ф. 89. Оп. 1. 1634. № 13.
- Судаков Анисим**. Толмач при посольстве И.Д. Милославского в Турцию, затем переводчик. 1644. Ф. 159. Оп. 1. № 1139.
- Сумароков Яким Иванович**. Толмач Посольского приказа. 1613. Ф. 138. Оп. 1. 1613. № 1. Лл. 71—74.
- Сунчалей**. Переводчик. 1677, август. Ф. 123. Оп. 1. 1677. № 21.
- Суханов**. Толмач. 1634, 30 октября. Ф. 123. Оп. 1. 1634. № 25.
- Суханов Мина**. Гонец, толмач. 1646, 15 ноября. Ф. 123. Оп. 1. 1646. № 9.
- Суханов Никита**. Посланник в Крым, толмач. 1647, 28 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1647. № 3.
- Суханов Юрий**. Толмач. 1681. Ф. 89. Оп. 1. Книги. № 20. Л. 376.
- Тевкелев Уразамет**. Толмач, посол в Персию. 1634, октября — 1636. Ф. 77. Оп. 1. 1634. № 3.
- Тезиченко Иван**. Толмач. 1658, 3 февраля. Ф. 77. Оп. 1. 1658. № 5.

- Тимофеев Кузьма.** Толмач. 1634, 15 апреля — 29 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1634. № 12.
- Тонакаев Федор.** Толмач. 1667, декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1667. № 17.
- Тонкачев Степан.** Толмач. 1656, август — октябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1656. № 8.
- Трубников.** Посланник в Крым, толмач. 1640, январь — декабрь. Ф. 123. Оп. 1. 1640. № 4.
- Тулубей.** Толмач, гонец в Крым. 1619, 20 марта. Ф. 123. Оп. 1. 1619. № 1.
- Тюнчурин.** Посланник в Крым, толмач. 1644, 28 марта. Ф. 123. Оп. 1. 1644. № 1.
- Угрюмов Гаврила.** Толмач, посол в Персию. 1658, сентября 16. Ф. 77. Оп. 1. 1658. № 6.
- Усилян.** Толмач, крымский татарин. 1703, 18 августа. Ф. 89. Оп. 1. 1703. № 15.
- Федоров Иван.** Астраханский толмач. [1617]. Ф. 138. Оп. 1. 1617. № 5. Л. 47.
- Федоров Терентий.** Толмач, гонец в Крым. 1670, 27 августа — 1673. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 51.
- Фомин Иван.** Переводчик. 1642, 2 июня. Ф. 50. Оп. 1. 1642. № 4.
- Фролов [Терентий].** Толмач. 1657, октябрь. Ф. 123. Оп. 1. 1657. № 17.
- Хивинец Петр.** Гонец в Крым, толмач. 1681, 22 декабря — 28 июля 1682. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 66.
- Хотянцов Мартын.** Толмач из г. Астрахани. [1617]. Ф. 138. Оп. 1. 1617. № 5. Лл. 35—36.
- Цвиленев Афанасий.** Толмач, посол в Персию. 1647, 25 мая — 1648, 13 октября. Ф. 77. Оп. 1. 1647. № 3.
- Черников.** Посланник в Крым, толмач. 1638, 19 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1638. № 12.
- Чернинов Марк.** Гонец, толмач. 1646, 15 ноября. Ф. 123. Оп. 1. 1646. № 9.
- Шайдуров Давид.** Толмач. 1650, 10—11 июля. Ф. 123. Оп. 1. 1650. № 11.
- Швыммер Николай.** Переводчик Посольского приказа. 1704. Ф. 50. Оп. 1. 1704. № 3.
- Щербинин Андрей.** Толмач, гонец в Крым. 1678, 8 декабря — 1682. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 60.
- Юшков Тимофей.** Толмач Посольского приказа. 1624, 5 декабря. Ф. 77. Оп. 1. 1624. № 6.
- Янчуров Емельян.** Посланник в Крым, толмач. 1633, 24 февраля. Ф. 123. Оп. 1. 1633. № 5.

Литература

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.

Толмачи и переводчики Астраханской приказной избы: к организации посольской переводческой службы в конце XVI—XVII вв. за пределами Москвы (постановка вопроса)

За те 100 лет, что насчитывает история изучения Посольского приказа, было сделано много для понимания того, как функционировало ведомство, непосредственно занимавшееся организацией дипломатических контактов государства. В первую очередь это относится к структуре приказа, воссозданию круга лиц, непосредственно принимавших участие в работе этого ведомства и отчасти его делопроизводства [Белокуров, 1906; Савва; Рогожин; Гуськов, 2005; Куненков; Юзефович; Беляков, 2017; Беляков и др., 2021]. Однако территориальная протяженность государства и особенности его истории привели к тому, что некоторые дипломатические функции в разные периоды частично делегировались на места. В частности, это выражалось в постоянном присутствии в некоторых городах специалистов по переводу, в той или иной степени аффилированных Посольскому приказу. Можно условно выделить два уровня подобной передачи компетенций. В первом случае в конкретном городе присутствовали на постоянной основе специалисты из внешнеполитического ведомства. В XVII в. Посольский приказ посылал толмачей и переводчиков «для переводов немецкаго письма и толмачества» в Новгород, Псков, на Двину (Архангельск) и в Смоленск. Это были города, через которые в Россию и из России попадали иностранные и отечественные дипломатические миссии, а также велась международная торговля. Ведали данных специалистов в Посольском приказе, а жалование они получали из местных доходов. Также толмачи (в первую очередь с татарского языка) требовались в городах и уездах, где наряду с русским населением проживало значительное количество татар, башкир и представителей иных национальностей восточного происхождения (Ярославль, Романов, Мещера, Пермь, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, Уфа, Сибирь и др.). Имеются сведения о таких специалистах в Казани, Астрахани, Уфе, Перми и Сибирских городах. Эти специалисты по языкам не входили в штат Посольского приказа. Но в отдельных случаях, похоже, использовались внешнеполитическим ведомством.

Помимо этого в некоторых городских приказных избах существовали особые подразделения (столы), которые руководили на местах отдельными сторонами дипломатической жизни (переписка с представителями сопредельной стороны о пограничных делах, прием и отправление посольств и гонцов, их материальное обеспечение и др.). В Новгороде подобное учреждение существовало уже в XVI в. Его появление во многом было связано с традицией перепоручать все русско-шведские переговоры новгородским наместникам (РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Кн. 15. Л. 181 об.). Даже когда это правило ушло в прошлое, в Новгороде продолжал существовать Посольский стол Новгородской приказной палаты (Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1). Лаконичное упоминание С. Герберштейна о его встрече в Смоленске представителями великокняжеской администрации («Наконец наместник принимает нас через своих людей, почтив нас (даром): напитками пяти сортов, именно: мальвазией и греческим вином, остальное были различные меда, а также хлебом и некоторыми кушаньями» [Герберштейн, с. 207]), позволяет говорить о ней, как об официальной церемонии, предполагающей существование в городе таких же структур, как и в Новгороде. На протяжении XV и XVI вв. фиксируется устойчивое участие рязанских служилых людей в сопровождении дипломатических миссий [Кирпичников, с. 103—114, 245]. Однако говорить о существовании посольских подразделений в рязанской городской приказной избе пока рано. Явных документальных указаний на этот счет не обнаружено. Тобольскому воеводе из-за больших расстояний также делегировали некоторые стороны дипломатических сношений с народами, проживавшими за Уралом [Трепавлов, с. 114.]. Пермский епископ еще во второй половине XV в. заведовал дипломатическими контактами с югорскими князьями. Напрямую об этом в источниках не говорится. Однако это подтверждает несколько фактов: 1) принесение шерти югорскими князьями 31 декабря 1484 г. около Усть-Выми (владычный городок) в присутствии представителя епископа [Плигузов, с. 148—150]; 2) упоминание у епископа толмачей [Акты, 1952, с. 312]; 3) длительная традиция доставки государевой дани мехами на Вымь [СГГД, 1819, с. 88—89]. Совмещение выполнения епископом церковных и светских обязанностей в регионе началось еще со времен Стефана Пермского [Едовин]. Как минимум во 2-й половине XVI в. казанские воеводы осуществляли общий контроль за народами Среднего Поволжья и башкирами. По крайней мере, в своих шеджере и исторических преданиях они часто упоминают Казань как место, где получали до-

кументы на владение своими землями [Башкирские, 1960; Башкирские, 2015]. По-видимому, расширенные функции в XVI в. имели воеводы Нижнего Новгорода и Ярославля. Через эти города регулярно проходили посольства на Восток и с Востока. В ряде случаев их участники надолго задерживались здесь. Местным администраторам регулярно приходилось решать их бытовые вопросы. К тому же Ярославль в конце XVI и большей части XVII в. являлся своеобразной «татарской столицей». В городе и уезде проживала наиболее видная выездная знать восточного происхождения (в первую очередь татарские царевичи и ногайские мирзы), а в городских тюрьмах могли одновременно содержать до нескольких сотен военнопленных татар. Особое положение также занимала и Астрахань. Ниже я буду говорить именно о ней. Город ведался в приказе Казанского дворца. Архив этого учреждения погиб во время январского пожара 1701 г. Но благодаря относительно полной сохранности документов астраханской приказной избы становление переводческой посольской службы здесь прослеживается особенно хорошо.

После завоевания Астрахани в 1556 г. город занял особое положение главных ворот России в Среднюю Азию, Кавказ и Закавказье. Поэтому его воеводы и подчиненный им административный аппарат практически сразу должны были выполнять помимо обычных функций и некоторые дипломатические обязанности. Как это организовывалось в первые три десятилетия после взятия Астрахани из-за полного отсутствия документов нам неизвестно. Документальные свидетельства, по которым можно проследить складывание системы дипломатических функций городской администрации, сохранились с 1586 г.

В 1585 г. в результате очередного династического кризиса в Крыму в Москве оказался царевич Мурад-Гирей, сын покойного хана Мухаммед-Гирея II. Летом 1586 г. царевича в сопровождении большого военного отряда и каравана судов послали на постоянное место жительства в Астрахань. При этом все было обставлено так, чтобы в степи задолго до его приезда узнали о происходящих событиях. Мурад-Гирей надеялся на помощь Москвы в возвращении утерянного отцовского престола. В Кремле же, дав принципиальное согласие на данный шаг, не собирались делать конкретных шагов по завоеванию Крыма. Царевича в «темную» решили использовать для усиления русского влияния на Нижнем Поволжье и Северном Кавказе. При этом среди ногаев пытались посеять устойчивое мнение о стремлении Москвы возродить некое подобие Золотой Орды во главе с Мурад-Гиреем.

Приезд царевича в Астрахань способствовал значительному увеличению документооборота между городом и столицей. Также возросла активность сообщения с сопредельными территориями. Гонцы беспрестанно курсировали между Астраханью, Большой и Малой Ногайскими Ордами, Северным Кавказом, государствами Грузии и Крымом. В город потянулись ногайские мирзы. Здесь их следовало размещать, кормить, поить, делать различные подарки. Благодаря Мурад-Гирею в Астрахани установили институт аманатов (заложников). Теперь ногайские мирзы, дабы доказать свою лояльность, стали посылать в город для житья на аманатских дворах своих братьев, сыновей и племянников, которых через некоторое время следовало менять на новых. Это не было тюремным заключением. Мирзы, прибывшие в Астрахань в качестве аманатов, похоже, пользовались в границах города высокой долей свободы. Все это и многое другое требовало постоянного учета выделяемых средств, оперативного реагирования на все возникающие новые ситуации. Документы донесли до нас имя только одного служащего Посольского приказа, посланного с Мурад-Гиреем, переводчика Степана Степанова, который выполнял обязанности пристава при царевиче [Беляков, Виноградов, 2013]. На самом деле функции С. Степанова были значительно шире. В частности, он переводил всю корреспонденцию, приходившую в город на восточных языках. Помимо этого, он, по-видимому, являлся главным советником местных воевод по всем дипломатическим вопросам. Возможно, Степанов стал одним из организаторов посольской службы в Астрахани. В это же время фиксируется нарастание дипломатической активности на Кавказе. В сентябре 1586 г. толмач Русин Данилов вернулся в город с послами от грузинского (кахетинского) князя (царя) Александра. Толмача посылали проводить дорогу в Грузию — «какова земля» [Белокуров, 1889, с. 10]. Все это требовало увеличения общего числа лиц, специализирующихся на подобных вопросах, в первую очередь подьячих и толмачей. Логично предположить, что организация посольского стола при воеводской приказной избе произошла не позднее описываемых событий. Но как происходило взаимодействие между Посольским приказом и подобным столом, остается неизвестным.

По-видимому, почти сразу же терские толмачи также попали в подчинение Астрахани или даже посылались из нее. Мы наблюдаем подобную картину в XVII в. В конце XVI в. ситуация с кадрами толмачей была значительно хуже. Голод в специалистах наблюдался даже в Астрахани. Астраханский толмач из русских полоняников Юшка Федоров 25 января 1589 г. был послан терским воеводой в

Тюмень к кн. Салтанею. Во время посылки он бежал из Тюмени «в Черкасы, в Ерпели», где у него были жена и дети [Белокуров, 1889, с. 73—74]. Воевода писал по этому поводу: «Да здесе, государь, ставитца поруха великая твоему государеву делу в толмачех, что послати в Шевкалы и в Грузи, и в Тюмень, и в Черкасы и в ыные земли неково, толмачей нет. А присылали к нам из Астарахани толмачей полонеников, которому год минул, как вышел ис полону, а иному и нет году. И мы, холопи твои, тех толмачей посылати не смеем» [Белокуров, 1889, с. 77]. Юшка был именно из их числа. Возникшие в плену семейные связи оказывались слишком сильными.

Постепенно складывался постоянный штат толмачей и переводчиков. На рубеже XVI—XVII вв. нам известны два переводчика в Астрахани: Богдан Брюшков и Прокопий Иванович Вражский. О Брюшкове у нас информации немного. 11 января 1593 г. он послан к персидскому послу Ази Хосрову на корабль с санями «под достальной запас» [Памятники, 1890, с. 178]. По-видимому, далее сопровождал посольство от Астрахани до Москвы. В 1608 г. его годовой оклад составлял 40 руб. Также он имел поместье в «верховых городех», помимо этого, получал пошлины с татарских судебных дел, с суда по полуполтине. В 1608 г. П. Вражский получал 16 руб. годового денежного жалования и 32 чети «ржаного и ярового» хлеба [Народное, с. 185]. Уже в Смуту Вражского взяли в штат Посольского приказа, где он зарекомендовал себя как крупного специалиста по ряду восточных языков [Беляков и др., 2021, с. 92—95]. Отмечу, что в это время известные мне астраханские переводчики являлись детьми боярскими.

Информации о том, как функционировали эти службы начиная с 1614 г., значительно больше. В астраханской съезжей избе (с 1660-х гг. приказная палата) фиксируются пять столов: денежный, хлебный, разрядный и судный (1643 г.) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1643 г. Д. 1529), а также посольский (14.11.1630 г.) (Там же. 1630 г. Д. 1176.). Известен и Посольский двор в большом каменном городе (11.07.1646 г.) (Там же. 1646 г. Д. 1778.). Посольскую службу в городе осуществляли подьячие, переводчики, толмачи и станичники (вожи) (Там же. 1646 г. Д. 1915.). Имелись еще и юртовские толмачи. За исключением переводчиков, почти все они были православными. Некоторые толмачи были новокрещенами, другие взяты на эту должность за полонное терпение. Подобную же картину можно наблюдать в то время и в Посольском приказе. Переводчики, по-видимому, являлись выходцами из Средней Азии и Персии. Помимо хлебного и денежного оклада им платили поденный корм (5 копеек) в тех случаях, когда повышенная интенсив-

ность службы требовала их постоянного присутствия в приказе. Имели переводчики и побочные доходы от различных промыслов.

Обратим внимание на тот факт, что почти все переводчики в XVII в. со временем переводились в Москву в Посольский приказ. Это было связано с тем, что они знали фарси (персидский), а некоторые арабский языки. При этом не до конца понятны взаимоотношения служащих посольского стола и Посольского приказа. Астрахань в это время ведали в приказе Казанского дворца. Являлось ли это учреждение промежуточным звеном во взаимоотношениях посольского ведомства с Астраханью, или же переписка велась напрямую, неизвестно. Однако направление переводчиков на службу в Москву осуществлялось через Казанский дворец. По косвенным данным восстановление института астраханских толмачей в 1614 г. произошло, в том числе, за счет перевода части специалистов из Казани.

На протяжении XVII в. в городе упоминается по одному переводчику. А вот количество толмачей менялось. По-видимому, их численность напрямую зависела от тенденций по изменению количества служащих в Посольском приказе. В 1674/75, 1678, 1680, 1682 гг. в Астрахани толмачей было 10 человек (Там же. 1674/75 г. Д. 6644; 1678 г. Д. 7864; 1680 г. Д. 8268; 1682 г. Д. 8720), другой раз в 1682 г. отмечено только 9 толмачей (Там же. 1682 г. Д. 8752.), в 1686 г. — 8 (Там же. 1686 г. Д. 10173.), в 1690 г. — 6 (Там же. 1690 г. Д. 11772.). Весь XVII в. толмачи и переводчики получали годовое хлебное и денежное жалование. Дача деньгами осуществлялась по полугодиям («сергиевский и благовещенский срок») (Там же. 1614 г. Д. 582; 1687 г. Д. 10647.) и все время составляла у толмачей 5 руб. (Там же. 1614 г. Д. 139, 951). Незначительные размеры окладов компенсировались привилегией, запрещающей всем, кроме толмачей приказной палаты, заниматься переводом при заключении торговых сделок (Там же. 1662 г. Д. 4319, 7548, 7681). Для ряда толмачей эта служба была семейным делом. Однако родственные связи иногда восстанавливаются только гипотетически, по совпадению родовых прозвищ. Также в Астрахани ведались терские (Там же. 1686 г. Д. 10225.) и черныярские (Там же. 1677 г. Д. 7530) толмачи. Последние могли переводиться на службу в Астрахань, если там появлялась вакансия (Там же. 1677 г. Д. 7530.). Следует указать, что в отдельных случаях к толмачеству могли привлекаться посадские жители и местные татары (Там же. 1689 г. Д. 11141.). Однако это касалось не дипломатических миссий, а только ситуаций, когда на те или иные работы массово привлекались лица, не знавшие русского языка. Переводчики по службе, по-

хоже, не покидали город. А вот толмачи регулярно ездили в Ногаи, Калмыки, на Кавказ и в Москву с ордабазарцами (купцами). В городе известны специалисты, знавшие татарский, персидский, арабский и армянский языки. Кстати, похоже, некоторое число толмачей по национальности были армянами. А вот лиц, владевших греческим языком, не зафиксировано [Акты, 1842, с. 231]. Нередко во время посылок толмачей брали в плен и даже убивали. Но, несмотря на это, подобная служба, похоже, была желанной для астраханцев.

Особо следует сказать о зафиксированных в городе переводчиках с европейских языков. По-видимому, они прикомандировывались к европейским специалистам занимавшимся по государеву указу разведением винограда и производством вина. Привлекались ли они к приказной работе в настоящее время неизвестно.

Ниже приведен список лиц, упоминаемых в Астрахани второй половины XVI—XVII вв. как толмачи и переводчики. В основном эти сведения получены из описи дел, отложившихся в фонде Астраханской приказной избы (Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1). Такой подход к поиску информации на начальном этапе исследования, как показал ранее А.Г. Гуськов [Гуськов, 2018], вполне обоснован. Полученные таким образом сведения позволяют создать общую картину, которая при знакомстве с документами будет дополняться и детализироваться.

Список переводчиков и толмачей Астраханской приказной избы конца XVI — XVII в.

Абразанов (Абрезаков, Абдразаков) Селей (Ишкалейка, Икшалай, Ших-Салей) — астраханский «переводчик фарсовских дел» (13.06.1651 — 1655 гг.). В 1651 г. переводил грамоту, присланную в Астрахань тарковским шевкалом Суркаем. Его шурина звали Тючейка Аллабердеев. В мае 1655 г. затребован в Москву, однако как служащий Посольского приказа не упоминается.

Источ. и лит.: Беляков и др., 2021. С. 277; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1654 г. Д. 3048; Акты, 1842, с. 162—163.

Аджиминятов Барямка — переводчик в Терках (сентябрь 1696 г.).

Просил о выдаче жалованья вином «за приказную работу и переводные листы» в 1696/97 г.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1696 г. Д. 13222.

Аксенов (Оксенов) Дмитрий (Митька) — толмач астраханской съезжей избы (20.09.1645 — 30.04.1654 гг.). Получил деньги вперед на 1645/46 г. для посылки на службу в Терках (20.09.1645).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1645 г. Д. 1712; 1654 г. Д. 2936.

Алексеев Федор (Фаддей ?) — толмач астраханской съезжей избы (25.12.1649 — 22.02.1652 гг.) Направлялся к калмыцким тайшам (25.12.1649). Послан «к нагайским тайшам» (05.08.1651—22.02.1652). Определен на калмыцкий базар для толмачества и надзора. Вскоре заменен на Василия Михайлова, а его направили в ногайские улусы со стрелецким головой Василием Поярковым (17.07.1651).
Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1651 г. Д. 3; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1649 г. Д. 2221. Л. 17—19; 1651 г. Д. 2. 2308, 2309.

Андреев Клементий — толмач астраханской съезжей избы (16.12.1619 г.). Посылался в Ногаи.
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1619 г. Д. 303.

Антонов Федор — толмач астраханской съезжей избы (06.06.1641 — 16.06.1641 гг.). Упоминается в связи с назначением ему денежного и хлебного жалования.
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1641 г. Д. 1481, 1491.

Аристов Прокофий — стрелецкий пятидесятник приказа Петра Кушниковова. Послан в Москву вместо толмача с кн. Каспулатом Мурцаловым Черкасским (09.03.1658 г.). О его постоянной службе в приказной палате сведений нет.
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1658 г. Д. 3153.

Артемьев Иван — толмач чернойарской приказной избы (22.04.1656 г.).
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1656 г. Д. 3092.

Артемьев Кузьма — толмач астраханской съезжей избы (05.06.1641 г.).
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1641 г. Д. 1480.

Асанов Гришка — толмач (астраханский?) (апрель 1587 г.). Отправлен в Москву из Астрахани с ногайскими послами.
Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1587 г. Д. 1. Л. 11.

Афанасьев Федор (Фома?) — толмач астраханской приказной палаты (05.10.1697 г.). Упоминается в связи с выдачей хлебного жалования за 1697/98 г.
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1697 г. Д. 13527.

Афанасьев Фома — толмач астраханской приказной палаты (06.10.1676 — 21.03.1698 гг.). «Данная» на его дворовое место в Белом городе в Конной слободе подрана разинцами.
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1676 г. Д. 7157, 7172; 1698 г. Д. 13733.

Ашеров (Ашеронов) Байтюбек — переводчик астраханской приказной палаты (16.3.1676 — 30.11.1677 гг.).
Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1676 г. Д. 6951; 1677 г. Д. 7584.

Бобров Андрей — толмач астраханской приказной палаты. Убит до 07.11.1677 г.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1677 г. Д. 7530.

Борисов Афанасий — толмач астраханской съезжей избы (1645/46 — 22.02.1654 гг.). Посылался в ногайские посылки в 1645/46, 1651 (Малые Ногаи), 1653/54 гг.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1651 г. Д. 2; Акты, 1842, с. 95; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1654 г. Д. 2876

Брюшков Богдан — астраханский переводчик и толмач (11.01.1593 — 1608? гг.). 1593 г. января 11 — послан к персидскому послу Ази Хосрову на корабль с саями «под достальной запас». По-видимому, сопровождал посольство от Астрахани до Москвы. 1608 г. — оклад годовой 40 руб. Поместье в «верховых городех». Получал пошлины с татарских судебных дел, с суда по полуполтине.

Источ. и лит.: Памятники, 1890, с. 178; Народное, с. 185.

Васильев Дмитрий — толмач. Приехал из Тарков в Терский город (16.08.1653 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1653 г. Д. 2705, 2715.

Васильев Михаил — толмач астраханской съезжей избы (04.01.1631 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1630 г. Д. 1195.

Васильев Степан — толмач астраханской приказной палаты. Ему дана подорожная от Москвы до Калмыцких улусов (09.02.1687—03.1687 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10418.

Волошинов (Волошенин, Воложенин) Степан Родионов (Степан Родионов) — толмач астраханской приказной палаты (26.11.1677 — до 28.11.1687 гг.). Взят из черныярских толмачей на место убитого толмача Андрея Боброва. Посылался в Калмыки (02.04.1679).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1677 г. Д. 7353, 7530; 1679 г. Д. 8018; 1687 г. Д. 10865.

Вражский (Вразский, Врасский, Враский) Прокофий Иванов сын — астраханский переводчик (не позднее 1604 — 1614 гг.) Сын астраханского стрелецкого сотника Ивана Вражского. Не позднее апреля 1614 г. взят в Посольский приказ.

Источ. и лит.: *Беляков и др.*, 2021, с. 92—95.

Галактионов Иван — толмач г. Терки. 05.01.1598 г. послан терским воеводой к послу в Грузию К. Совину «к Сонским Щелям в Березуев кабак». На обратной дороге, в днище от Сунжинского острога убит кумыцкими людьми.

Источ. и лит.: Белокуров, 1889, с. 290, 291.

Герасимов Алексей — толмач астраханской приказной палаты (июль 1672 — 1686/87 гг.). Послан на службу в полки с кн. Касбулатом Муцаевичем Черкасским (июль 1672). Посылался с людьми грузинского царя Арчила в Терки в горы (13.06.1687).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10728; Посольские, с. 77, 170.

Герасимов Михаил — толмач астраханской приказной палаты (12.10.1642 — декабрь 1654 гг.). Ногайская посылка (12.10.1642) (Акты, 1842, с. 83). Калмыцкие посылки — 1649 г.; декабрь 1654 г. Посылался в Малые Ногаи в 1651 г. и 15.02.1652—16.07.1653 гг. 05.07.1654 г. отправлен в Москву с ордабазарной станицей.

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 83, 113, 211, 212, 215, 219; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1654 г. Д. 3035; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1651 г. Д. 2; 1652 г. Д. 2.

Гирмас (?) Андрей — толмач астраханской съезжей избы (10.10.1617 г.). Посылался в Ногаи.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1617 г. Д. 378.

Григорьев Давыд — терский толмач (22.08.1677 г.). Присылался в Москву в качестве пристава Давыда Малафеева, посланца имеретинского царя Давида.

Источ. и лит.: Дополнения, с. 232.

Григорьев Иван — толмач астраханской приказной палаты (январь 1698 г.). Калмыцкая посылка.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1698 г. Д. 13654, 13660.

Григорьев Кадычик — толмач из Казани, послан к «государеве плавные службы». В Астрахани «написан» оклад 5 руб. (07.05.1614 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1614 г. Д. 139.

Грузинцев Алексей — толмач астраханской приказной палаты (15.02.1678 — 15.05.1687 гг.). Посылался в Терки к андреевскому мурзе Чепелову (15.05.1687).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1677 г. Д. 7548, 7681; 1687 г. Д. 10647, 10691. Л. 1; Д. 0647; Башнин, Гуськов, Шамин, 2021, с. 33.

Данилов Русин — сотник стрелецкий, толмач (астраханский?) (23.09.1586 — 11.04.1587 гг.). 23.09.1586 г. — приехал в Астрахань, посылался проводить дорогу в Грузинскую землю. 11.04.1587 г. — отправлен с грузинскими послами из Москвы до Астрахани.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 2. Л. 9—11; Белокуров, 1889, с. 10, 13, 17.

Девлет-абыз (Абыз, Девлет абыз Меликов (?), Девлет абыз Аббасов, Девлет Мамет) — астраханский переводчик (12.09.1644—1649 гг.). Владел татарским, персидским (фарси) и арабским языками.

Ему давали поденный корм за перевод грамот к ногайским и еди-санским мирзам и от них (12.09.1644). На 10 дней выдавали по 10 денег за переводы грамот к калмыкам и ногаям (30.04.1645). Получил поденный корм на 25 дней за переводы татарских и фар-совских писем (19.05.1648). С 1649 г. служил в Посольском прика-зе. Из города его удалили, в том числе, за систематические при-теснения индийских купцов.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1644 г. Д. 1579; 1645 г. Д. 1643; 1646 г. Д. 1807; 1648 г. Д. 2156; Беляков и др., 2021, с. 155—156; Русско-индий-ские, № 38.

Дмитриев Григорий — астраханский толмач (10.10.1617 г.). Посылался в Ногаи.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1617 г. Д. 378.

Дмитриев Ефим — толмач астраханской приказной палаты (23.06.1687 г.). Посылался в Терки с Андреем Хвалевским.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10748.

Егорьев Максим — переводчик (15.01.1688 г.). Сопровождал в Москву грузинского царя Арчила Вахтанговича. Имел ли отношение к астраханской приказной палате, неизвестно.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1688 г. Д. 10875.

Елизарьев Ян (Яков) — астраханский толмач (10.10.1617 — 15.02.1620 гг.). Посылка на службу в Ногаи (10.10.1617).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1617 г. Д. 378; 1620 г. Д. 582.

Елисеев Алексей — астраханский переводчик «калмыцких писем», толмач (31.10.1696 — 21.03.1698 гг.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1696 г. Д. 13279, 1697 г. Д. 13416, 13527, 13416, 13527; 1698 г. Д. 13733.

Ерофеев Михаил — толмач астраханской приказной палаты (31.10.1696 — 21.03.1698 гг.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1696 г. Д. 13279; 1697 г. Д. 13416, 13527; 1698 г. Д. 13733.

Зверев Полуэкт — подьячий Новгородской чети, посланный в Астра-хань учиться татарскому, персидскому (фарсовскому) и араб-скому языкам на бухарском и «тезицком» дворах, «где пригож» (21.06.1644 — 13.06.1651 гг.). Во время обучения получал поденный корм — 6 коп. Его дали учиться Девлет-абызу Аббасову. Надсма-тривал над ним Алферий Кудрявый. «Толмачил у переводу», но при этом назван подьячим (13.06.1651).

Источ. и лит.: *Акты, 1842, с. 163;* Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1644 г. Д. 1566; 1645 г. Д. 1634.

Земанов (Заманов, Займанов, Замонов) Мамат-Агей (Мамет-Агей, Маматагей) — переводчик персидского языка астраханской приказной палаты (19.03.1680 — 31.08.1687 гг.). Выходец из Гиляна (1673/74). Шелковый мастер (19.03.1680). Откупщик «хелевного промысла» (изготовление халвы) (20—21.04.1682). Занимался хлебной торговлей. Тарковский Будал-шевкал просил держать переписку на фарси с ним через этого переводчика (28.09.1686). Выгребован в Москву приказом Казанского дворца. Далее в Посольском приказе.

Источ. и лит.: Гусарова, с. 208—219; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1680 г. Д. 8151; 1682 г. Д. 8706, 8790, 8886; 1686 г. Д. 10156, 10164. Л. 46; Д. 10202. Л. 13—14; Д. 10330; 1687 г. Д. 10581, 10605, 10814, 10815, 10830; Беляков, 2021, с. 233.

Зиновьев — астраханский толмач (25.11.1650). Посылка его в Малую Ногайскую Орду.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1650 г. Д. 4.

Иванисов Сафар — астраханский толмач (1654/55 г.). Арменин. «а умеет он по-фарсовски, и по-турски, и по-армянски». Отправлен в Грузию с посланником Дмитрием Горихвостовым. Для этого ему дали годовой оклад 10 руб. на 1654/55 г. и 5 руб. на подъем.

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 231—232.

Иванов (Черемисчен) Янка — астраханский юртовский толмач (27—29.10.1661 — 24.04.1662 гг.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1661 г. Д. 4087; 1662 г. Д. 4308.

Иванов Афанасий — астраханский посадский человек, армянин. Ездил в качестве толмача в Персию с послом кн. Б.Е. Мышецким (до 07.11.1677 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1677 г. Д. 7531; Дополнения, с. 225.

Иванов Василий — толмач астраханской приказной палаты (04.02.1662 — 03.03.1666 гг.). Посылка в Тарки (22.02—03.03.1666).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1662 г. Д. 4283; 1663 г. Д. 4633; 1666 г. Д. 4980, 4981.

Иванов Василий — толмач астраханской приказной палаты (13.01.1697 — 24.09.1697 гг.). Новокрещен.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1697 г. Д. 13381, 13387, 13393, 13502, 13506.

Иванов Григорий — астраханский «калмыцкий» толмач (11.09.1661 — 1675 гг.). Задержан в юртах с брагою и табаком (11—13.09.1661). Калмыцкая посылка (28.11.1664). Вступил в самовольные сношения с калмыцкими присыльщиками (1675).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1661 г. Д. 3878; 1664 г. Д. 4851; 1675 г. Д. 6894.

Иванов Елисей — астраханский толмач (15.08.1658 г.). Послан в Москву к царевичу Алексею Алексеевичу с кизылбашским купцом с Навруз-беком и Мамет Сейном.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1658 г. Д. 3238.

Иванов Ивашка — астраханский толмач (17.06.1651 — 22.07.1651 г.).

Посылался в Ногаи.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1651 г. Д. 2234. Л. 37, 2329.

Иванов Федор — переводчик калмыцких писем астраханской приказной палаты (22.12.1686 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1686 г. Д. 10345.

Казанец Иван — астраханский толмач (26.07.1614 — 04.08.1614 гг.).

Источ. и лит.: Акты, 1841, с. 36.

Карагашев Логин — астраханский толмач (18.09.—05.10.1628 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1628 г. Д. 1046.

Кирсанко — астраханский (?) толмач (14.0.1586 г.). Пришел из Астрахани в Шацк.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 7. Л. 1—1 об., 3.

Клутемс Эткласен (?) — переводчик (1648 г.). В литературе имеется упоминание о находке на территории астраханского кремля надгробия с надписью на голландском языке: «Здесь погребена Мария, дочь доктора Ван-гер Эткласена Клутемса — переводчика царя, родилась в Московии 16 августа 1647 года от Рождества Христова. В бозе почил в Астрахани 11 октября 1648 года». По-видимому, ее отец был прикреплен к Йохану ван Сведену, посланному в Астрахань.

Источ. и лит.: Торопицын.

Козлов Кузьма — астраханский толмач (28.11.1686 г.). Тайша Аюка жаловался, что он не умеет толмачить по-калмыцки.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1686 г. Д. 10307. Л. 4—6.

Кучумов Тимофей (Тихон?) — толмач терской приказной избы (08.04.1678 — 20.11.1696 гг.). 1678 г. — послан на службу с кн. К.М. Черкасским.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1678 г. Д. 7717; 1696 г. Д. 13305.

Ларионов Василий — астраханский толмач (18.09.1628—05.10.1628 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1628 г. Д. 1046.

Лекорт (Лакурт, Лякуртов, Лякурн, Лякурт) Петр — переводчик (30.09.1652 — 23.07.1659 гг.). Француз. Прислан с немчином Пасказаюсом Подовином для строения виноградного сада. В 1659 г. ездил в Москву с церковным вином. Свидетельств о выполнении им обязанностей переводчика в приказной палате не обнаружено.

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 282; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1652 г. Д. 2458, 2459, 2525; 1659 г. Д. 3320, 3369, 3393.

Леонтьев Ермолай — астраханский толмач (1629 г.).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 8.

Локтев Ермак (Ермачка) — астраханский толмач (1649? г.). Послан в

Ногаи под Терки.

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 96.

Магаметев Мамасалей (Маметев, Магомед Сали, Магмет-Салих) — астраханский «переводчик татарских дел» (11—21.10.1628 — 1641 гг.) «Юргенец». Выехал около 1615 г. Владел фарси и арабским языками. Писал грамоту в Казыев улус (04.11.1633). Годовой оклад 15 руб. Поденный корм — 5 копеек. По другим данным годовой оклад 8 руб., на 7 руб. полагался хлебный запас. С марта 1641 г. в Посольском приказе.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1628 г. Д. 1091; 1633 г. Д. 1280; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1639 г. Д. 8; Беляков и др., 2021, с. 149.

Макарьев Алексей — астраханский толмач (1672 г.). Упоминаются его пыточные речи.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1672 г. Д. 145. Акты, 1842, № 202.

Максимов Иван — астраханский толмач приказной палаты (10.03.1682 — 06.07.1687 гг.). В апреле 1687 г. посылался на Терек, в июле этого же года отправлен с ордабазарской станицей.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1682 г. Д. 8720, 8752; 1687 г. Д. 10585, 10770.

Максимов Иван — толмач астраханской приказной палаты (08.02.1674 — 23.09.1678 гг.). В 1674 г. посылался в Москву.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1674 г. Д. 6328; 1677 г. Д. 7453; 1678 г. Д. 7854.

Малафеев Григорий — толмач астраханской приказной палаты (1660 г.). Посылался к калмыкам.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1660 г. Д. 3560, 3658.

Мартынов Алексей (Алексей Армянин, Арменин) — толмач князя Хеты мурзы Черкасского (1684/85 — 28.01.1687 гг.) (прикомандирован к нему?). Армянин. В 1687 г. убежал из Тарки в Астрахань.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1686 г. Д. 10097, 10400.

Медведев Никита — толмач астраханской приказной палаты (1672 — до 17.07.1673 гг.). Посылался в Калмыки не позднее 1672 г. По дороге из Москвы в Астрахань с государевыми грамотами, ниже Царицына, был убит и ограблен калмыками.

Источ. и лит.: Посольские, с. 81, 146; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1673 г. Д. 6177.

Михайлов Василий — толмач астраханской съезжей избы (08.11.1646 — 03.06.1654 гг.). 17.07.1651 — на калмыцком базаре. В 1654 г. посылался в Малые Ногаи.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1654 г. Д. 1; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1646 г. Д. 1885; 1651 г. Д. 2308; 1654 г. Д. 2861, 2979, 3063.

Михайлов Герасим — толмач астраханской съезжей избы (11.03.1645 — 05.07.1654 гг.) С купчиной Данилой Панкратьевым посылался «за море». Ногайская посылка (11.03.1645). Калмыцкая посылка (25.12.1649). Отправлен в Москву с ордабазарной станцией для толмачества (05.07.1654).

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 83; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1654 г. Д. 1; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1646 г. Д. 1820; 1649 г. Д. 2221; 1654 г. Д. 2861, 2979, 3063, 3001, 3069, 3070.

Михайлов Иван — толмач астраханской приказной палаты (28.11.1687 — январь 1688 гг.). Из конных стрельцов. Новокрещен. Взят на «убылое» место Степана Воложенинова.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10865; 1688 г. Д. 10877.

Михайлов Иван — астраханский толмач (06.05.1660 г.). Отпущен с Москвы на Терек с узденями мурзы Канбулата княж Тшмахе Черкасского.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1660 г. Д. 3605.

Михайлов Остафий — толмач астраханской приказной палаты (07.04.1687 г.). Посылался в калмыцкие улусы, а затем в Москву.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10561.

Мокеев (Макеев) Афонька — астраханский толмач (11.08.1645 — 1649? гг.). Провожал персидских послов до Терка (11.08.1645.). Посылался в Ногаи на Крымскую сторону (1649?).

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 18, 96.

Мокеев (Макеев, Тезиченок, Тозиченок, Тезинченко) Иван (Тезиченок Иван) — астраханский толмач (23.06.1645 — 16.04.1660 гг.). Летом 1650 г. посылался из Терского города к грузинскому царю проводить дорогу. 22 января 1651 г. вернулся в Терский город. В 1654 г. отправлен в Кабарду. Послан в Москву к царевичу Алексею Алексеевичу с кизилбашским купцом с Навруз-беком и Мамет Сейном (15.08.1658). Послан в Калмыки в составе посольства кн. Дмитрия Андреевича Волконского (16.04.1660).

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 17, 158; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1653 г. Д. 2653; 1658 г. Д. 3238; 1660 г. Д. 3539; 3596, 3599; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1654 г. Д. 1.

Мулин (Муллин) Ядычка (Джадикер, Ящычка, Ядык) переводчик астраханской приказной палаты (08.12.1687 — 28.09.1697 гг.). Из жителей бухарского двора.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1687 г. Д. 10867; 1688 г. Д. 10879; 1697 г. Д. 13380; 1697 г. Д. 13509; 1698 г. Д. 13760; Беляков и др., 2021, с. 282.

Муромцев Ефим — толмач астраханской приказной палаты (10—12.02.1689 г.). Просил подъемные деньги, посылался на службу на Терек.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1689 г. Д. 11103.

Никитин Любим — астраханский толмач (13—14.12.1677). Назначен на калмыцкий базар за рекой Кутум наблюдать за торгом.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1677 г. Д. 7595.

Никитин Степан — толмач астраханской съезжей избы (02.06.1628 г.). Просил деньги на подъем.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1628 г. Д. 991.

Новокрещенов Иван Иванов — толмач астраханской приказной палаты (25.11.1658—26.01.1659).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1658 г. Д. 3268.

Орженников Осип Андреев сын — толмач (?). Из конных стрельцов приказа Любима Репьева. Взят толмачом в калмыцкое посольство князя Дмитрия Андреевича Волконского (26.04.1660).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1660 г. Д. 3604.

Пахомов (Поухомов) Степан — астраханский толмач (04.03.1676 — 15.01.1678 гг.). Бывший астраханский конный стрелец. Взят за Хивинское полонное терпение. В 1677 г. сопровождал хивинских послов в Москву.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1676 г. Д. 6942; 1677 г. Д. 7471; 1678 г. Д. 7638.

Полухтов Русинка — астраханский толмач (16.11.1586 г.). Приехал в Астрахань из Шевкал.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 109—110.

Пушкарев Федька — толмач (астраханский?) (апрель 1587 г.). Отправлен в Москву из Астрахани с ногайскими послами.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1587 г. Д. 1. Л. 11.

Романов Иван — толмач приказной палаты (14.07.1656 — 26.02.1666 гг.). Продал огород и сад за 10 руб. конному стрельцу приказа Петра Кушникова Григорию Пименову (14.07.1656). Задержан в юртах с брагою и табаком (11—13.09.1661). Послан в Москву (26.02.1666).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1656 г. Д. 3095; 1661 г. Д. 3878; 1661 г. Д. 4009, 4015, 4016; 1662 г. Д. 4319; 1666 г. Д. 4982.

Рохмистров Яков Иванович — толмач астраханской приказной палаты (29.03.1659 — 28.06.1662 гг.). Имел двор в белом каменном городе.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1659 г. Д. 3333; 1661 г. Д. 3342.; 1662 г. Д. 4335, 4336.

Савельев Ян — астраханский толмач у «бусного дела» (31.05.1663 г.).

Обвинен в попытке воровства с струга двух «шогол».

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1663 г. Д. 4664.

Сафонов Андрей — астраханский толмач (1642/43 г.). Ногайская посылка.

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 91.

Семенов Михаил — астраханский толмач (15.08.1658 г.). Послан в Москву к царевичу Алексею Алексеевичу с кизилбашским купцом с Навруз-беком и Мамет Сейном.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1658 г. Д. 3237.

Степан Степанов (Кучов, Кучев?) — переводчик татарского языка Посольского приказа. Во второй половине 1580-х гг. отправлен на несколько лет в Астрахань. Возможно, являлся одним из тех, кто заложил основы переводческой службы в Астрахани. 18.06.1586 г., июля 18 — посылался перед «отпуском» царем Федором Ивановичем крымского царевича Мурад-Гирея в Астрахань на его двор. Сопровождал царевича в Астрахань и находился при нем в городе «неотступно». Июль 1588 г. — переводил в Астрахани и писал на татарский язык грамоту от Федора Ивановича к персидскому шаху Аббасу, посланную с посланником Г.Б. Васильчиковым.

Источ. и лит.: Виноградов; Беляков и др., 2021, с. 246—47; Памятники, 1890, с. 17; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 67—76, 85, 117; Ф. 134. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 1—4; 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 75.

Степанов Кирилл — черныярский толмач (22.04.1656 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1656 г. Д. 3092.

Татаринев Василий — астраханский толмач (19—26.08.1620 г.). Поверстан хлебным и денежным окладом (5 руб.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1626 г. Д. 951.

Тварогов Иван — терский толмач (1589 г.). Посылался из Терки в Кабарду.

Источ. и лит.: Белокуров, 1889, с. 81.

Тимофеев Андрей — астраханский толмач (31.01.1620 — 26.04.1620 гг.). Посылался за Яик.

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1620 г. Д. 576.

Тимофеев Лука (Лукашка) — толмач астраханской съезжей избы / приказной палаты (04.12.1645 — 01.04.1663 гг.). 13.06.1651 — «толмачил у переводу».

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1645 г. Д. 1743; 1659 г. Д. 3465; 1660 г. Д. 3539; 1662 г. Д. 4301; 1663 г. Д. 4592; Акты, 1842, с. 163.

Тимофеев Семен — терский толмач. Вернулся из Москвы с Буддачем Сунчалеевым сыном Черкасским (07.09.1644).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1644 г. Д. 1573.

Трофимов Семен — терский толмач (11.05.1651 — 21.06.1653 гг.). Ходил к князю Муцелу Сунчалеевичу Черкасскому, сказка (11.05.1651). Посылался с стрелецким сотником Иваном Протасовым из Теркского города на р. Аксай для заключения договора с андреевским мирзою и тарским шевкалом (сказка) (21.06.1653).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1651 г. Д. 2238, 2613.

Тырков (Тырин) Иван — переводчик. Взят из Астрахани в Посольский приказ в 1919/20 г. В 1620—1622 гг. посылался с И. Хохловым в посольство в Бухару и Хиву. В Ногаях (05—16.01.1626 г.).

Источ. и лит.: *Беляков и др.*, 2021. С. 199; Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1626 г. Д. 900.

Ульянов Петр — толмач терской приказной избы (10.19.1686 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1686 г. Д. 10225.

Федоров Евдоким — астраханский толмач (14.03.1640 г.). Армянин.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1640 г. Д. 3.

Федоров Кирилл — терский переводчик. Его жена, Ефимья Григорьева, посланная с «Руси» к мужу, по дороге вышла замуж за стрельца (15.06.1665 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1665 г. Д. 4870

Федоров Юшка — астраханский толмач. Из пленных выходцев. 25.01.1589 г. посылался из Терки в Тюмень к кн. Салтанею. Во время посылки бежал из Тюмени «в Черкасы, в Ерпели», где у него были жена и дети, которыми он обзавелся во время плена.

Источ. и лит.: Белокуров, 1889, с. 73—74.

Фролов Афанасий — астраханский толмач (06.10.1676 — 27.05.1682 гг.). Дело о назначении оклада (06.10.1676). Послан в Москву с ордабазарной станицей (27.05.1682).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1676 г. Д. 7157, 7172, 8835.

Челпка Никита Юрьев сын — астраханский толмач. Из конных стрельцов приказа Любима Репьева. Взят толмачом в калмыцкое посольство князя Дмитрия Андреевича Волконского (26.04.1660 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1660 г. Д. 3604.

Шадрин Сила — астраханский толмач. Ногайская посылка (23.02.1645 г.).

Источ. и лит.: Акты, 1842, с. 83.

Яков — астраханский толмач. Послан с Марком Дружининым в Ногаи с жалованием мирзам (12.11.1619 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1619 г. Д. 475.

Яренцев Е.Д. — толмач астраханской приказной палаты. Его имя становится известно по челобитной его вдовы Екатерины Родионовой (15.03.1691 г.).

Источ. и лит.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. 1691 г. Д. 11976.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841; Т. IV. СПб., 1842.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI веков. Т. I. М., 1952.

Башкирские исторические предания и легенды. Уфа, 2015.

Башкирские шежере. Уфа, 1960.

Башин Н.В., Гуськов А.Г., Шамин С.М. Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.) // Российская история. 2021. № 4. С. 30—43.

Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889.

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017.

Беляков А.В., Виноградов А.В. Мурад-Гирей — служилый Чингисид в России или претендент на крымский престол? // Тюркологический сборник: 2011—2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 11—59.

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа XVII в.: материалы к словарю. М., 2021.

Виноградов А.В. Переводчики Посольского приказа Степан и Вельямин Степановы в дипломатии Бориса Федоровича Годунова // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. М., 2019. С. 32—39.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Гусарова Е.В. Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI—XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009.

Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I: Источниковедческое исследование. М., 2005.

Гуськов А.Г. Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 129—131.

Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VII. СПб., 1862.

Едовин А.Г. «Двинская война», Стефан Пермский и укрепленные поселения Нижней Вычегды // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 2. Архангельск, 2016. С. 145—151.

Кирпичников И.А. Рязанская служилая элита в конце XV — первой половине XVII века: Дисс. канд. ист. наук. М., 2021.

- Куненков Б.А.* Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: Дисс. канд. ист. наук. Брянск, 2007 *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601—1608. М., 2003.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.
- Плигузов А.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилл, 1993.
- Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672—1675 гг. Элиста, 2003.
- Рогожин Н.М.* Посольский приказ: Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
- Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958.
- Савва В.И.* Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI века. М., 1983.
- Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Вып. 1. Харьков, 1917.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.
- Торопицын И.В.* Ветряные и водяные мельницы на Астраханской земле // Астраханские краеведческие чтения. Астрахань, 2010. Вып. 2. С. 144—155.
- Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.
- Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007.

Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные)

Вопрос о работе толмачей в Посольском приказе неоднократно поднимался в историографии [Беляков, Енгальчева; Куценков, с. 143—221; Лисейцев, с. 149—183; Оборнева; Опарина, 2003 и др.]. Наибольший объем данных по интересующему нас периоду зафиксирован в монографии А.В. Белякова о служащих приказа в 1645—1682 гг. [Беляков]. К сожалению, в исследовании не охвачен период конца XVII столетия. Кроме того, автор занимался служащими в целом, не акцентируя внимания на анализируемой категории приказных сотрудников и не прослеживая их карьеру за рамками указанного периода. Из-за большого объема работы и широкого тематического охвата в издании Белякова вкрались отдельные неточности, касающиеся биографий толмачей Григория Путятина, Степана Тонкачева, Андрей Щербинина, Трофима Власова, Луки Степанова, Конана Иванова, Николая Костюрского. Ошибочно упомянуты среди толмачей Игнат Васильев, Василий Мосаковский, Иван Исааков (Иванов). Не был учтен Василий Максимов. Привлечение более широкого круга источников позволило однозначно отказаться от предположения об идентификации Ивана Свиридова и Енака Ивана Свиридова в качестве одного лица. В перечне о выплате жалования за 14 ноября 1678 г. они встречаются одновременно (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.), что позволяет их определить как разных людей, хотя сведения о них разделить зачастую сложно, а иногда и невозможно.

Перечисленные погрешности не оказали значимого влияния на общую характеристику служащих Посольского приказа в 1645—1682 гг. и исследование практики работы переводчиков, которые находились в центре внимания ученого. Выявленные проблемы показывают, что первичное составление биографий данной категории служащих — процесс крайне сложный и чреватый ошибками. Между тем для изучения практической стороны переводческой деятельности в России XVII столетия просопографические данные имеют решающее значение.

Основная проблема изучения кадрового состава Посольского приказа заключается в том, что за весь период существования ве-

домства в нем отсутствовало твердо установленное штатное расписание, подобное тому, что стало характерно для коллегий более позднего периода. Имеющиеся в нашем распоряжении списки сотрудников составлялись в конкретных практических целях. В первую очередь при выдаче жалования. В них по разным причинам могли быть пропущены отдельные люди.

К примеру, на период с 16 октября по 30 ноября 1677 г. в Москве, судя по документу, находилось 22 толмача (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 40—45). Однако в список не попали временно отставленный за пьянство Терентий Фролов, а также переводчики, находящиеся за границей: Иван Енак — в Дании, Иван Свиридов — в Персии («Кизылбашех»), Федор Биборисов — на Дону. По состоянию на 14 ноября 1678 г. документ фиксирует 18 толмачей, которые получали годовой оклад от 4 руб. 75 коп. до 33 руб. 10 коп. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.). Не учтенным оказался Терентий Фролов, которому жалование выдали лишь 1 января 1679 г. Не фигурирует в списке и Григорий Волошенин, находившийся в «турской посылке», за которую 23 июня 1679 г. ему прибавлено 3 руб. к прежнему жалованию в 21 руб. 40 коп. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 172 об.). Таким образом, в приказе на тот момент работало, как минимум, 20 толмачей.

В данной публикации нами поставлена задача определить хронологические границы службы толмачей, работавших в Посольском приказе в последней четверти XVII в. Чтобы выявить максимально полный перечень толмачей, были подробно проанализированы документы 138 фонда РГАДА. В первую очередь внимание обращалось на указы о приеме толмачей на службу и их увольнении из приказа, а также известия о смерти. Не менее важны для решения поставленной задачи сведения о выдаче жалования приказным сотрудникам, которые позволяют проследить пребывание людей в приказе за ряд лет. Пропуск имени в списках в отдельные периоды, скорее всего, означает нахождение толмача на службе вне Москвы или в другом приказе.

Начисление денег за службу проводилось по двум статьям: годовой оклад и поденный корм («кормовые»). Последняя из которых имеет общие основания с «кормовыми» выплатами для иноземцев, принимавшихся на службу в Российском государстве и являвшихся основной базой для рекрутирования как толмачей, так и переводчиков. В начале XVIII века жалование фиксируется как единый оклад, хотя за отдельные годы иногда встречается его градация по категориям. Помимо прочего, ряду толмачей назначался поместный оклад, который в большинстве случаев являлся формальной позицией.

Следует отметить, что документы не дают исчерпывающих данных о всех толмачах Посольского приказа. Так толмач Василий Свистков (Свисткин) упоминается единственный раз 12 августа 1679 г. Однако в документе сообщается, что он «служил... многие годы, и ныне де он устарел и одряхлел и обнищал» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 191—192). Заслуги позволяли Свисткову надеяться на то, что приказное руководство поместит его в больницу в монастырь Спаса на Новом.

Таким образом, упомянутый один единственный раз толмач не был посторонним человеком для Посольского приказа. Этот факт позволяет нам сделать предположение, что кто-то из имевших отношение к Посольскому приказу толмачей не находился в поле зрения доступной нам на сегодняшний день документации и мог быть пропущен при составлении настоящего списка. «Разовые» упоминания отдельных людей встречаются также и при изучении переводчиков Посольского приказа [Переводчики...]. Причины этого, а также масштаб данного явления, пока непонятны.

Целью работы являлось выявление всех толмачей, работавших в Посольском приказе в 1676 — 1700 гг., т.е. с года воцарения Федора Алексеевича и до конца XVII столетия. При этом для каждого выявленного специалиста прослеживался весь период его служебной деятельности. Полученные в ходе анализа фонда материалы систематизированы в виде 59 словарных статей. Каждая статья должна была включать информацию о годах жизни толмача, его специализации (владении языками), национальности, социальном происхождении, семейном положении, обстоятельствах прибытия в Россию и поступления в Посольский приказ, участии в дипломатических и иных службах, получении различных видов жалования. К сожалению, по ряду персоналий выявить полный объем сведений пока не удалось. Кроме того, на данном этапе не ставилась и задача полного изучения их служебной деятельности. В силу этого имеющиеся исследования о толмачах привлекаются лишь эпизодически, по мере необходимости.

В целом, представленные материалы показывают значительную вариативность в сроках служебной деятельности специалистов по устному переводу Посольского приказа. Сроки службы насчитывали от 1—2 до нескольких десятков лет. Абсолютным лидером является толмач татарского языка Полуэкт Кучумов, который получал жалование на протяжении 60 лет (с 1658 по 1718 г.). С другой стороны, имеются два случая (Иван Наумов сын Бакулин и Иван Улитин), когда кандидаты в толмачи подали челобитные с просьбой о зачислении в

приказ, успешно прошли проверку языков и были рекомендованы к зачислению, но в дальнейшем в списках ведомства не встречаются.

Различались и причины выбытия из приказа. По примерно половине выявленных специалистов каких-либо следов формального отчисления обнаружить не удалось — человек просто исчезал из документов. Часть выбыла естественным путем, встретив кончину на посту (12 человек), из них двое были убиты во время дипломатических миссий (Иван Кучумов и Григорий Путятин) и один умер от полученных ран. 11 человек были отставлены «по старости», причем часть из них получили урезанное жалование, которое должно было выплачиваться до самой смерти (т.е. фактически «пенсионный» оклад). Двое — Никифор Иванов и Василий Мартынов — совершили государственное преступление: во время пребывания в составе посольства «изменили бусурманились» и перешли в подданство другого правителя — крымского хана. После ликвидации диппредставительства в Константинополе (Стамбуле) оставил службу, отказавшись вернуться в Россию, и Иван Иванов сын Волошанин, женившийся к тому времени на местной жительнице. Не удалось выяснить причины увольнения из толмачей Филата Адлера.

Подводя некоторый итог, хочется высказать надежду, что дальнейшие исследования позволят расширить биографические описания выявленных толмачей Посольского приказа, а в перспективе и сформировать исчерпывающий список служащих ведомства на всем протяжении его существования.

Список толмачей Посольского приказа в последней четверти XVII в.

Адлер Филат (Феофилакт) (? — не ранее декабря 1682 г.) — толмач «цесарского» (немецкого) и шведского языков. В ПП: не позже 9.09.1649 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 9, 15) — не ранее июня 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 49). На 5 декабря 1682 г. упоминается как «бывший толмач» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 259). Был женат, имел двоих детей (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 5. Л. 2).

Службы. В 1653 г. находился в Аптекарском приказе для толмачества (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 5. Л. 2). В 1654 г. сопровождал подьячего Казанского дворца Федора Порошина, отвозившего в Пруссию грамоту курфюрсту [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 4]. Участвовал в миссиях в Швецию: февраль — июнь 1659 г. (с гонцом Михаилом Ивановым сыном Майровым), ноябрь 1660 г. — апрель 1661 г. (с гонцом подьячим Василием Ивановым сыном

Мыконкиным), июль — ноябрь 1661 г. (с гонцом подьячим Григорием Котошихиным), март — июнь 1662 г. (отвозил инструкции послам в Стокгольме во главе окольничим князем Иваном Петровичем Борятинским), май — август 1663 г. (с гонцом подьячим Иваном Астафьевым), июнь—декабрь 1664 г. (с гонцом подьячим Василием Бобининым) [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 176, 179, 182, 183, 185, 186].

Жалование. На 20.11.1653 г.: годовой оклад — 12 руб., поденный корм — 6 коп. на день; 4.09.1655 г.: поденный — 7 коп.; 9.12.1657 г.: годовой — 12 руб.; ноябрь 1663 г.: годовой — 23 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 15 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 25 руб., поденный — 15 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 33 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 33 руб. 10 коп.; апрель—июнь 1679 г.: по-местный оклад — 300 четей, годовой — 33 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: *Бантыш-Каменский*, ч. 4, с. 4, 176, 179, 182, 183, 185, 186; *Беляков*, с. 279; *Прудовский*, с. 116; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 5. Л. 1; 1655 г. Д. 1. Л. 13; 1657 г. Д. 5. Л. 30; 1664 г. Д. 10. Л. 67; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 39; 1677 г. Д. 1. Л. 40, 44; 1679 г. Д. 2. Л. 49; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Англичанин Иванов Иван, см. Иванов Иван (1)

Афанасьев Тарас (Копнин Тарас Афанасьев сын) (? — не ранее 3 января 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 75)) — толмач калмыцкого языка, «сибиринин» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 74). Служил в Сибири в Енисейске «казацкую службу и был в толмачах калмыцкого языку» 17—20 лет, т.е. с 1656/57—1659/60 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 25, 74). Приехал из Сибири в Москву «с мугалскими послы» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 23, 26). Имел детей. В ПП: 1675/76 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 74) или 1676/77 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44) — не позже 23.12.1678 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 23, 74), после чего возвращен в Сибирский приказ.

Жалование. 16.10.1677 г.: годовой оклад — 12 руб., выдано 30.11.1677 г. **Источ. и лит.:** *Беляков*, с. 283; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44.

Багинин (Богинин) Тахтарелей Телмаметев сын (? — не ранее января 1723 г.) — переводчик/толмач татарского и турецкого языков. В ПП переводился из переводчиков в толмачи и обратно: 1) переводчик: 27 октября 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 5; «приводил к вере» («шерти») на Коране абаз Девлет Мелеков, у «шерти» стоял подьячий ПП Михаил Волков. — Ф. 138. Оп. 2.

Кн. 12. Л. 6 об.) — 31 октября 1689 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 45—47); 2) «с отставными переводчики» за штатом «по розбору» Е. И. Украинцева (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 43. Л. 2): 31.10.1689—7.07.1693 гг.; 3) толмач: 7 июля 1693 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 3—4) — февраль 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 11 об.); 4) «по розбору» Ф. А. Головина в отставке «за старостью» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13; Д. 43. Л. 2—3): февраль — 28 ноября 1706 г.; 5) переводчик: 28 ноября 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 43. Л. 2—3) — не ранее 1718 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 11 об.). В Коллегии иностранных дел: 1718/19 г. — не ранее января 1723 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1710 г. Д. 64. Л. 170).

Службы. В 1697 г. участвовал в походе под Азов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 43. Л. 2 об.). В 1698 г. послан в Тавань со стольником и воеводой Назарьем Мелницким (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 33. Л. 5), где находился «полтора года на годовой службе» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 43. Л. 2 об.).

Жалование. С 7.07.1693 г.: годовой оклад — 26 руб., поденный корм — 10 коп. на день, всего — 62,5 руб.; 21.11.1697 г.: годовой — 26 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 26 руб.; 1708 г.: годовой — 26 руб., поденный — 10 коп., всего — 62 руб. 50 коп.

Более подробные сведения см. в [Переводчики..., с. 55—56]. В данной публикации ошибочно обозначена крайняя дата его жизни и службы как 1744 г. На самом деле в «Переписных книгах» указано на существование на Татарской улице двора вдовы переводчика Асалбек Коплаковой. К тому же данный двор в 1744 г., видимо, уже был продан, т.к. в основной «сказке» (№ 240) указан уже другой дворовладелец — отставной дворцовый служитель Колмамет Амаметев сын Теляков [Переписные..., стлб. 221—223].

Источ. и лит.: Переводчики..., с. 55—56; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 3—8; 1706 г. Д. 43. Л. 2; 1697 г. Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5; 1708 г. Д. 1. Л. 7 об., 17 об.

Бакулин Иван Наумов сын (? — не ранее мая 1682 г.) — уроженец г. Козелец (Малороссия). Служил казаком в гетманских полках, а в 1660 г. в Киевском полку Войска Запоржского в составе отрядов боярина В.Б. Шереметьева. Попал в плен под Чудновым в октябре 1660 г. к крымскому мурзе Магомету-калгаму, который продал его в Константинополь на галеры («каторгу»). В 1680/81 г. освобожден флорентийцами и через «цесарские» и польские земли возвратился в Москву в начале мая 1682 г. Подал ходатайство

в ПП зачислении в толмачи турецкого, арабского, греческого и итальянского языков. Был успешно экзаменован («свидетельствован») переводчиками: Иваном Юрьевым — в греческом, Иваном Тяжкогорским — в итальянском, Дмитрием Асановым — в турецком и арабском языках с рекомендацией о зачислении в толмачи. Однако в дальнейшем в составе служащих Посольского приказа не упоминается.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 15. Л. 1—4.

Байбарисов Федор, см. Биборисов Федор

Безбородов Иван Никитин сын (Никитин Иван) (? — не ранее февраля 1709 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 22)) — толмач турецкого и татарского языков. Из донских казаков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 308). В 1670/71 г. попал в плен в Азов, затем в Константинополь на галеры («катарги»), где за 12 лет выучил два языка (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 308). В ПП: 29 ноября 1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 306. — по указу) — 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13. — отставлен «за старостью»). При приеме на службу его экзаменовали переводчики турецкого и татарского языков Кутломаммет Устокасимов и Дмитрий Асанов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 307).

Службы. В 1694 г. ездил гонцом в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1694 г. Д. 1.). В 1696 г. находился на службе под Азовым в войске А.С. Шеина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20. Л. 7).

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 6 коп. на день (1 руб. 80 коп. — 1 руб. 86 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой оклад — 10 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 14 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 14 (13) руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 14 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 16 руб. 80 коп.; 1705 г.: единый оклад — 50,5 руб. (годовой — 14 руб., поденный — 10 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 18; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 21; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 18 об., 29, 32, 37 об., 40.

Биборисов (Байбарисов) Федор (? — не ранее декабря 1677 г.) — толмач татарского (крымского) языка. Из романовских татар, новокрещен (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 179—180). В ПП: 29.08.1667 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 180—181) — не ранее 5.12.1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 52). При приеме на службу его экзаменовал переводчик татарского языка Кучукай Сакаев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 179). Был женат, супруга — Авдотья (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 49—52); имел детей (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 42).

Службы. Ездил в Крым в 1668 или 1669 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1669 г. Д. 8). В 1675/76 г. послан на Дон к стольнику и воеводе Ивану Федоровичу Вольтинскому. Находился там, как минимум, до декабря 1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 42, 49—52).

Жалование. С 29.08.1667 г.: «новичный» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 3 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 4 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 11 руб., поденный — 4 коп.; 1676/77 г.: годовой — 13 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 285; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 180—181; 1669 г. Д. 8. Л. 6; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 42.

Богинин Тахтарелей, см. Багинин Тахтарелей

Борчуков Василий, см. Козлов Василий

Ботвинкин (Батвинкин, Болвитинов) Андрей (? — не ранее 1712 г.) — толмач/переводчик греческого и латинского языков, подьячий. В ПП: 1693/94 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 2) — не ранее 1712 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1712 г. Д. 39. Л. 1 об.). Первоначально принят на службу в толмачи, но с 5 июня 1696 г. — «в переводчиках и у приказных дел в подьячих» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 3).

Жалование. С 1693/94 г. «в приказ, а не в оклад»: годовое — 15 руб., поденный корм — 7 коп., всего — 40 руб. 55 коп. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 8. Л. 2).

Более подробные сведения см. в [Переводчики..., с. 70—71].

Васильев Афанасий (? — не ранее 1716 г.) — толмач турецкого, татарского и арабского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 63. Л. 3 об.). Новокрещен. В ПП: 1700 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 20 об.) — не ранее 1716 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г.

Д. 35. Л. 3, 15 об.). С 1713 г. — в переводчиках турецкого и татарского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1713 г. Д. 11. Л. 23 об.).

Службы. В 1701 г. был на службе в Новгороде и Пскове (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 63. Л. 2).

Жалование. 28.06.1700 г.: всего — 28 руб. 25 коп.; 17.08.1700 г.: годовой оклад — 10 руб., поденный корм — 5 коп. на день (за год — 18 руб. 25 коп.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 9 руб. 41,5 коп.; ноябрь 1701 г.: годовой оклад — 10 руб., поденный корм — 8 коп. на день (за год — 29 руб. 20 коп.); 1705 г.: единый оклад — 50 руб. (годовой — 17 руб. 15 коп. (?), поденный — 6/8 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); февраль 1712 г.: единый оклад — 50 руб.; сентябрь 1713 г.: единый оклад — 50 руб.; 1716 г.: единый оклад — 50 руб. 3 марта 1702 г. — указ о выдаче 15 руб. «на дворовое строение» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 63. Л. 3—3 об.).

Автограф. Рукоприкладство на челобитной с просьбой выделить средства на «дворовое строение» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 63. Л. 1 об.).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 20 об., 21 об.; 1700 г. Д. 25. Л. 7, 8; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1701 г. Д. 63. Л. 2; 1705 г. Д. 1. Л. 20, 30—30 об., 32; 1712 г. Д. 37. Л. 5 об.; Д. 39. Л. 5; 1713 г. Д. 11. Л. 9 об.; 1716 г. Д. 35. Л. 3, 15 об.

Волошин (Волошенинов) Григорий Федоров сын (? — не ранее апреля 1680 г.) — толмач турецкого, татарского и волошского языков. В ПП: 1652/53 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 321) — не ранее 1 апреля 1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 7).

Службы. Участвовал в нескольких дипломатических миссиях, в т.ч. в Крым в 1672 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1672 г. Д. 11; Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 20), в Турцию в 1677/78 г. со стольником Афанасием Парасуковым (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 172 об.).

Жалование. 15.12.1654 г.: годовой оклад — 13 руб.; 4.09.1655 г.: поденный корм — 10 коп. на день; 9.12.1657 г.: годовой — 13 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 10 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 13 руб., поденный — 10 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 18 руб. 40 коп. (выдано 30.11.1677); с 2.12.1677 г.: годовой — 21 руб. 40 коп.; с 23.06.1679 г.: годовой — 24 руб. 40 коп.; июнь 1679 г.: поместный оклад — 400 четей, годовой — 24 руб. 40 коп.; 1.04.1680 г.: поместный — 400 четей, годовой — 24 руб. 40 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 292; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 39; 1655 г. Д. 1. Л. 12; 1657 г. Д. 5. Л. 30; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; 1678 г. Д. 3. Л. 20; 1679 г. Д. 2. Л. 49; 1680 г. Д. 1. Л. 7; Оп. 2. Кн. 12. Л. 172 об.

Волошанин Иван Иванов сын (Иванов Иван (2)) (? — не ранее сентября 1714 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1715 г. Д. 3. Л. 1 об.)) — толмач греческого, турецкого, татарского и волошского языков. В ПП: не позднее ноября 1696 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 15. Л. 6) — сентябрь 1714 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 35. Л. 44. — отказался от службы, оставшись в Константинополе).

Службы. В марте 1699 г. направлен на службу в Воронеж и под Азов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1699 г. Д. 12. Л. 4—8). В 1702 — 1714 гг. состоял при российской миссии в Османской империи (Адрианополь — Стамбул) — при П.А. Толстом, П.П. Шафирове и М.Б. Шереметьеве. После ликвидации посольства остался жить в Константинополе (Стамбуле), женившись на местной гречанке (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1715 г. Д. 3. Л. 1 об.).

Жалование. 10.11.1696 г.: годовой оклад — 10 руб.; 8.09.1697 г.: поденный корм — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.); 21.11.1697 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 1705 г.: единый оклад — 40 руб. 25 коп. (годовой — 32 руб., поденный — 5 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); с 15.11.1707 г.: оклад — 55 руб. 25 коп. (придача в 15 руб. «за царегородскую службу»); февраль 1712 г.: единый оклад — 55 руб. 25 коп.; сентябрь 1713 г.: единый оклад — 55 руб. 25 коп.; 1714 г.: единый оклад — 55 руб. 25 коп.

Источ. и лит.: Базарова, 2019, с. 9; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 15. Л. 6; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 7, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1705 г. Д. 1. Л. 20, 30 об., 32, 38 об., 40; 1708 г. Д. 1. Л. 18 об.; 1712 г. Д. 39. Л. 5; 1713 г. Д. 11. Л. 9; 1716 г. Д. 35. Л. 43 об.

Геймс Андрей (Емс) (? — не ранее декабря 1716 г.) — толмач немецкого, голландского и английского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 4). В ПП: не позднее 11.01.1688 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 18) — не ранее 31.12.1716 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1716 г. Д. 16. Л. 7, 108 об.).

Был женат, супруга — Катерина Адамова дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1699 г. Д. 20).

Службы. В 1697—1698 гг. входил в состав Великого посольства [Гуськов, с. 140, 280, 356, 360, 372]. В 1699—1716 гг. находился в Воронеже при «иноземцах у корабельного дела» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1699 г. Д. 20; 1713 г. Д. 11. Л. 9, 23; 1716 г. Д. 16. Л. 7).

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 7 коп. на день (2 руб. 10 коп. — 2 руб. 17 коп. — на месяц); 31.10.1689 г.: годовой оклад —

13 руб., поденный — 7 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 13 руб.; 2.12.1698 г.: годовой — 13 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 1705 г.: единый оклад — 66,5 руб. (годовой — 30 руб., поденный — 10 коп. на день); сентябрь 1713 г. (выплата «из Адмиралитеского приказа»): единый оклад — 66 руб. 50 коп.; 5.01. и 31.12.1716 г.: единый оклад (выплата «из Адмиралитеского приказа») — 66 руб. 50 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 18; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; Д. 39. Л. 6; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1705 г. Д. 1. Л. 17 об.; 1713 г. Д. 11. Л. 9, 23; 1716 г. Д. 16. Л. 7, 108 об.

Енак (Енаков, Янак, Янаков) Иван Свиридов (? — умер в феврале 1682 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. ба. Л. 164 об.)) — толмач греческого, «цесарского» (немецкого) и испанского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 51). В ПП: не позднее сентября 1666 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 7) — февраль 1682 г. (умер).

Был женат, супруга — Арина Васильева дочь (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. ба. Л. 164 об.).

Службы. В октябре — ноябре 1677 г. находился в Дании с подьячим Гавриилом Пономаревым (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 42).

Жалование. 4.09.1666 г.: поденный корм — 5 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 5 коп.; 1.05.1670 г.: годовой оклад — 8 руб., поденный — 5 коп.; 1676/77 г.: годовой — 10 руб. 70 коп.; 14.11.1678 г.: годовой — 10 руб. 70 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб. 70 коп. (также «для дацкой посылки» получил «в приказ» — 30 руб.); 1.04.1680 г.: годовой — 10 руб. 70 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 300; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 7; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 42; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1677 г. Д. 1. Л. 42; 1680 г. Д. 1. Л. 7; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Змеев Алексей (? — не ранее июня 1700 г.) — толмач немецкого и голландского (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 15 об., 19 об.). В ПП: не позднее сентября 1696 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 11. Л. 11) — 28.06.1700 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 21 об. — 22. — уволен в числе отставленных по старости, т.к. «вышеписанных языков... толмачить не умеют»).

Службы. В 1697—1698 гг. входил в состав Великого посольства [Гуськов, с. 142, 144, 248, 253].

Жалование. 14.09.1696 г.: поденный корм — 6 коп. на день (за год — 21 руб. 90 коп.); 8.09.1697 г.: поденный — 6 коп.; 21.11.1697 г.: годовой оклад — 15 руб.; 2.12.1698 г.: годовой — 15 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 10.03.1700 г.: годовой — 15 руб., поденный — 6 коп., всего — 36 руб. 56 коп.

Источ. и лит.: Гуськов, с. 142, 144, 248, 253; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 11. Л. 11; 1697 г. Д. 31. Л. 6, 9, 17, 20; Д. 39. Л. 6; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1700 г. Д. 7. Л. 15 об. — 16, 19 об.

Ибарчуков Василий, см. Козлов Василий

Иванов Иван (1) (Англичанин, Англиченин) (? — не ранее марта 1683 г.) — толмач английского и итальянского (?) языков. В ПП: не позднее ноября 1663 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Д. 10. Л. 69) — не ранее 31.03.1683 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 74, 76 об.). Был женат, супруга — Анна Семенова дочь (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 124 об. — 125).

Службы. В сентябре 1681 г. отправлен с грамотами в Константинополь для П.Б. Возницына, а в феврале 1682 г. (вернулся в июне) вместе с толмачом Юрием Сухановым сопровождал туда же подьячего А. Васильева. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 127—128, 328).

Жалование. Ноябрь 1663 г.: годовой оклад — 8 руб.; 2.09.1669 г.: поденный корм — 6 коп. на день; 1.05.1670 г.: годовой — 8 руб., поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 11 руб. 15 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 11 руб. 15 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 11 руб. 15 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 11 руб. 15 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 11 руб. 15 коп., поденный (не выплачивался) — 6 коп.; 20.11.1682 г.: поденный — 4 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 11 руб. 15 коп.; с 21.03.1683 г.: годовой — 14 руб. 15 коп. (прибавка за «царегородскую службу»).

Источ. и лит.: Беляков, с. 281; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1664 г. Д. 10. Л. 69; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 45; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 7; Д. 20. Л. 75, 121, 309, 312, 326; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Иванов Иван (2), см. Волошанин Иван Иванов сын

Иванов Конан (Конон) (Цареградский Конон Иванов сын) (? — не ранее ноября 1677 г.) — толмач греческого языка. В ПП: 1667/68 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 36) — не ранее ноября 1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 36, 40—41, 44). Был женат, супруга — Ненила Филипова дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г.

Д. 5. Л. 111, 123—125). Имел сына Петра (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 1).

Службы. В 1672/73 — 1674/75 гг. участвовал в посольстве в Персию («послан в Кизилбыши») во главе с Андреем Приклонским, который умер 15.01.1674 г. в Шемахе на обратной дороге (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 123; 1675 г. Д. 1. Л. 15; 1677 г. Д. 1. Л. 23). В 1677/78 г. получил прибавку к жалованию (2 руб.) за «персическую службу» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 40—41).

Жалование. 1667/68 г.: годовой («вновь») оклад — 14 руб., поденный корм — 9,5 коп. (выплачивался до 1670/71 г.); 2.09.1669 г.: поденный — 9,5 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 14 руб., поденный — 9,5 коп.; 1672/73 — 1674/75 гг.: годовой — 14 руб.; с 1676/77 г.: годовой — 19 руб. 10 коп. (15%-ая «придача» из кормовых — 4 руб. 10 коп.); с 21.11.1677 г.: годовой — 21 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677).

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 303; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 36; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1673 г. Д. 5. Л. 123; 1677 г. Д. 1. Л. 36, 40—41, 44.

Иванов Никифор (Микифор) (Турченин Никифор Иванов сын) (? — не ранее декабря 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 1—26)) — толмач турецкого и татарского языка. Из турок, возможно служил в янычарах (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 7). В ПП: не позднее 1.04.1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9) — не ранее осени 1683 гг. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 5—7. — «изменил» в Бахчисарае).

Был женат (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 9—19).

Службы. В августе 1681 г. послан «наскоро» на Дон (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1681 г. Д. 3. Л. 1—2). В апреле — июле 1682 г. отвозил в Крым грамоту стольнику Назарью Мельницкому (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 33; Д. 36. Л. 2—4). В октябре 1682 г. — апреле 1683 г. вновь отвозил грамоту в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 46; 1683 г. Д. 10). В июле 1683 г. отправлен в Крым с посланниками Иваном Протопоповым и подьячим Дмитрием Парфеновым; в ходе поездки, вместе с толмачом Василием Мартыновым, «великим государем изменили бусурманилися» в Бахчисарае (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 5—7).

Жалование. 1.04.1680 г.: годовой оклад — 10 руб.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 10 руб.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 303; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9; 1681 г. Д. 3. Л. 1—2; 1682 г. Д. 19. Л. 10; Д. 20. Л. 311.

Иванов Семен (? — не ранее октября 1692 г.) — толмач калмыцкого языка. В ПП: 11.08.1688 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 13. Л. 3—4) — не ранее октября 1692 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Л. 275, 290—295).

Жалование. С сентября 1688 г.: «новичный» (годовой) оклад — 10 руб., поденный корм — 6 коп.; 31.10.1689 г.: годовой — 10 руб., поденный — 6 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; Д. 13. Л. 4.

Иванов Тарас (? — не ранее 1706 г.) — толмач татарского и нагайского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 6; 1698 г. Д. 33. Л. 5), по другим данным — татарского и калмыцкого (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 49). В ПП: не позднее декабря 1657 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 31, 39) — 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13. — отставлен «за старостью»). Был женат (с февраля 1658 г.), супруга — Агафья, вдова толмача Григория Бельского, убитого в 1656/57 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 51—53).

Службы. В 1669/70 г. ездил в «крымскую посылку» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 104 об.). В сентябрь 1679 г. отправлен в Елец с грамотами к посланникам в Крым Ивану Сухотину и дьяку Василию Михайлову (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Д. 17). В 1680/81 г. послан «наскоро» на Дон (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1681 г. Д. 3. Л. 1—2). Ездил в Крым в июне — сентябре 1682 г. вместе с толмачом Василем Козловым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 35, 44), а также в августе 1684 г. — январе 1685 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 21; 1685 г. Д. 3).

Жалование. 9.12.1657 г.: годовой оклад — 8 руб.; с 12.02.1658 г.: поденный корм — 4 коп. на день; 2.09.1669 г.: поденный — 10 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 16 руб., поденный — 10 коп.; 1670/71 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой — 16 руб., поденный — 10 коп. на день (за год — 36,5 руб.), всего — 52,5 руб.; с 6.06.1672 г.: поместный — 300 четей, годовой — 20 руб.; 16.10.1677 г.: годовой — 26 руб. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 26 руб.; июнь 1679 г.: поместный — 250 четей, годовой — 26 руб.; 1.04.1680 г.: поместный — 250 четей, годовой — 26 руб.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 26 руб.; 11.01.1688 г.: поденный — 10 коп. на день (3 руб. — 3 руб. 10 коп. — на месяц); 31.10.1689 г.: годовой — 35 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный —

10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 35 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 35 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 23 руб. 83 коп.; 9.11.1701 г.: единый оклад — 71 руб. 50 коп.; с 1702 г.: единый оклад — 43 руб. 25 коп. (убавлено 28 руб. 25 коп.); 1705 г.: единый оклад — 43 руб. 25 коп. (годовой — 25 руб., поденный — 5 коп.; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); начало 1706 г.: единый оклад — 43,25 руб. (годовой — 25 руб., поденный — 5 коп.). В 1680/81 г. для поездки «на Дон» выдано жалование — 5 руб. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1681 г. Д. 3. Л. 1).

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 304; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 31, 39, 51—53; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1677 г. Д. 1. Л. 40, 44; 1679 г. Д. 2. Л. 49; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1681 г. Д. 3. Л. 1; 1682 г. Д. 19. Л. 6; 1688 г. Д. 2. Л. 13; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; 1697 г. Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4; 1701 г. Д. 67. Л. 6; 1705 г. Д. 1. Л. 18, 29, 32, 37 об., 40; 1706 г. Д. 47. Л. 17; Оп. 2. Кн. 12. Л. 88, 104 об., 167 об.

Издемирев Кузьма (? — не ранее октября 1689 г.) — толмач татарского языка. В ПП: не позднее января 1688 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 4. Л. 7) — не ранее октября 1689 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 4. Л. 21).

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 5 коп. на день (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой оклад — 12 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 14 руб., поденный — 5 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 4. Л. 7; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 4. Л. 21.

Какорин Алексей, см. Кокорин Алексей

Калмык Василий, см. Мартынов Василий

Каранатов Василий, см. Коронотов Василий

Кизылбашенин Иван Иванов (? — умер в феврале 1688 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 1)) — толмач персидского (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 50), а также турецкого и армянского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 7—8; Д. 20. Л. 256). В ПП: не позднее сентября 1669 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 6) — февраль 1688 г. (умер). Был женат, супруга — Марица Иванова дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 13. Л. 1). В 1669—1672 гг. ездил в Астрахань за своей женой (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1673 г. Д. 2). В феврале 1673 г. просил выделить

двор после приезда из Астрахани (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 2).

Службы. В 1679 г. «в приставех и для толмачества» сопровождал армян в Архангельск (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 1—2). В 1681—1682 гг. участвовал в посольстве И. Чиркова и П.Б. Возницына в Османскую империю (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 328). В 1685 — апреле 1686 г. ездил гонцом в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 29, 31; 1686 г. Д. 6).

Жалование. 2.09.1669 г.: поденный корм — 4 коп.; 1.05.1670 г.: годовой оклад — 8 руб., поденный — 4 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 12 руб. 70 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 12 руб. 70 коп., поденный — 5 коп. на день; 25.11.1682 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; с 19.12.1682 г.: годовой — 16 руб. 70 коп. (за поездку в Константинополь придано 4 руб.); 11.01.1688 г.: поденный — 10 коп. на день (3 руб. — 3 руб. 10 коп. — на месяц).

Источ. и лит.: Беляков, с. 306; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 6; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; 1679 г. Д. 2. Л. 50; 1680 г. Д. 1. Л. 9; 1682 г. Д. 19. Л. 7—8; Д. 20. Л. 313; 122, 237—238, 250; 1688 г. Д. 2. Л. 13; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Козлов (Борчуков, Ибарчуков) Василий Венедиктов сын (? — умер 20 ноября 1694 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 21)) — толмач татарского и ногайского языков. Сын астраханского стрелецкого головы (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 22—23). Из полоняников; вновь крещен, т.к. в плен попал «малы и там бусурманен». Был «под началом» в Богоявленском Троицком подворье (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 132, 134). Взят в толмачи «за полонное терпение» в Крыму (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 22—23). В ПП: 27.11.1668 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 134) — 20.11.1694 г. (умер). ыл женат, супруга — Домна Степанова дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 21, 55).

Службы. Ездил в Крым в июне — сентябре 1682 г. вместе с толмачом Тарасом Ивановым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 35, 44), июне — ноябре 1683 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1683 г. Д. 13, 26), феврале — июне 1685 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 6) и июне 1686 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1686 г. Д. 12).

Жалование. С 27.11.1668 г.: поместный оклад — 250 четей, «новичный» (годовой) оклад — 10 руб., поденный корм — 4 коп. на день; 2.09.1669 г.: поденный — 4 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 12 руб.,

поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 14 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677); с 30.11.1678 г. — «оклад учинить против Василья Кучюмова» (т.е. снижен на 4 руб.): 10 руб. 10 коп.; 14.11.1678 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 17 руб. 10 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 17 руб. 10 коп.; 11.01.1688 г.: поденный — 10 коп. на день (3 руб. — 3 руб. 10 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 8 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 25 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.).

Источ. и лит.: Беляков, с. 307; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 134; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; 1678 г. Д. 3. Л. 23—24; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 7; Д. 20. Л. 314; 1688 г. Д. 2. Л. 13; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20; 1692 г. Д. 3. Л. 4; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Кокорин Алексей Иванов сын (Какорин) (? — не ранее апреля 1679 г.) — толмач татарского языка. Из турецких «полоняников» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 80—81). При приеме на службу его экзаменовал переводчик турецкого и татарского языков Михаил Кошаев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 83). В ПП: с 24.05.1655 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 83—84, 93) — не позднее июня 1679 г. В июне 1679 г. выяснилось, что в приказ он не являлся с «великого поста», а где проживает — никто не знает (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 161—164).

Службы. В мае — октябре 1668 г. ездил в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1668 г. Д. 10, 12), а в 1670/71 г. посылался в Азов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. 12. Л. 90 об.).

Жалование. С 24.05.1655 г.: «новичный» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 6 коп.; 4.09.1655 г.: поденный — 6 коп.; 9.12.1657 г.: годовой — 8 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 6 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 12 руб., поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 15 руб. 15 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 15 руб. 15 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 307; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 83—84, 93; 1655 г. Д. 1. Л. 15; 1657 г. Д. 5. Л. 32; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Копнин Тарас Афанасьев сын, см. Афанасьев Тарас

Коронотов Василий Григорьев сын (Коропотов, Каранатов, Кранотов) (? — умер в 1704 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1704 г. Д. 26)) — толмач калмыцкого и монгольского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г.

Д. 33. Л. 6). В ПП: не позже сентября 1697 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17, 20) — 1704 г. (умер).

Жалование. 12.09.1697 г.: поденный корм — 7 коп. (за год — 25 руб. 55 коп.; выдано после 22.09.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой оклад — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 11 руб. 78 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17, 20; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.

Костюрский Николай (Микола, Миколай) (? — не ранее июня 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 50)) — толмач греческого и турецкого языков. Грек, выехавший в Россию. Взят из Иноземского приказа (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 40). В ПП: 1641/42 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 40) — 6.02.1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 19. Л. 47 об. — отставлен «за старостью», с сохранением уменьшенного жалования «для прокормления»). Являлся зятем сотника московских стрельцов Семёна Дедишина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 5).

Службы. В апреле 1647 г. вместе с переводчиком Богданом Лыковым ездил гонцом в Константинополь (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1647 г. Д. 1).

Жалование. 1641/42 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой оклад — 12 руб., поденный корм — 9 коп. на день (как в Иноземском приказе); сентябрь 1644 г.: поденный — 9 коп.; 24.12.1645 г.: годовой — 12 руб.; 16.09.1647 г.: годовой — 12 руб., поденный — 9 коп.; 3.09.1663 г.: поденный — 10,5 коп.; ноябрь 1663 г.: годовой — 20 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 10,5 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 20 руб., поденный — 10,5 коп.; до 11.12.1676 г.: годовой — 26 руб., поденный — 10,5 коп. (за год — 38 руб. 32,5 коп.), всего — 64 руб. 32,5 коп.; с 6.02.1677 г.: годовой («пенсионный») оклад — 9 руб. 60 коп.; 14.11.1678 г.: оклад — 9 руб. 60 коп.; июнь 1679 г.: поместный — 425 четей, оклад — 9 руб. 60 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 308; *Куненков*, с. 158, 465; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 40; 1644 г. Д. 1. Л. 12; 1645 г. Д. 5. Л. 46; 1663 г. Д. 1. Л. 5; 1664 г. Д. 10. Л. 67; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 39; 1679 г. Д. 2. Л. 50; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167; об.; Кн. 19. Л. 47; Ф. 141. Оп. 2. 1647 г. Д. 62. Л. 44.

Кропоткин Иван Никитин сын (? — не ранее августа 1700 г.) — толмач немецкого языка. В ПП: 8.01.1697 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20. Л. 6) — не ранее 31.08.1700 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 25. Л. 5 об.). 9 января 1697 г. приведен «к вере» в Черниговском соборе протопопом Павлом (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20.

Л. 9, 9 об.). Отсутствует в списках с января 1701 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 7. Л. 4—4 об.).

Службы. В 1697—1698 гг. входил в состав Великого посольства [Гуськов, с. 142, 144, 248, 356]. В августе 1700 г. направлен на службу «под свейскими городами в воинском походе», для чего получил жалование — 20 руб. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 24. Л. 4 об.).

Жалование. С 8.01.1697 г.: годовой оклад — 18 руб., поденный корм — 6 коп.; 8.09.1697 г.: поденный — 6 коп. (за год — 21 руб. 90 коп.); 21.11.1697 г.: годовой — 18 руб. 10 коп.; 2.12.1698 г.: годовой — 18 руб. 10 коп. (выдано после 23.11.1698 г.); 28.06.1700 г.: «по окладу и кормовых» — 49 руб. 90 коп.; 31.08.1700 г.: годовой — 28 руб., поденный — 6 коп., всего — 49 руб. 90 коп.

Источ. и лит.: Гуськов, с. 142, 144, 248, 356; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20. Л. 6; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 6; 1698 г. Д. 33. Л. 5, 9; 1700 г. Д. 7. Л. 19; Д. 25. Л. 5 об.

Кудров Иван Иванов сын (? — не ранее марта 1679 г.) — толмач турецкого и татарского языка. Из рейтарского полка Семена Скорнякова-Писарева (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 2). Был несколько раз ранен. Попал в плен в 1659 г. под Лохвицами (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 2). Пробыл в плену в Крыме до 15.08.1667 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 2). При приеме на службу его успешно экзаменовали переводчик Кучукай Сакаев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 5). ПП: 12.05.1668 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 3. — по указу «за полонное терпение») — 23.03.1679 г. переведен в стрельцы (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 12. Л. 170).

Службы. В июле 1672 — 1673 г. участвовал в миссии в Персию вместе с гонцом подьячим Новгородского приказа Федором Возницыным (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Кн. 16. Л. 63—93).

Жалование. С 21.05.1668 г.: «вновь» поместный оклад — 250 четей, годовой оклад — 8 руб. поденный корм — 4 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 12 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 12 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 309; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1668 г. Д. 11. Л. 2—5; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об., 170.

Кучумов Василий Григорьев (Мочаков) сын (? — не ранее апреля 1680 г.) — толмач татарского языка. Отец — толмач ПП Григорий (Мочак) Кучумов. В ПП: не позднее сентября 1666 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 7) — не ранее апреля 1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 8). На 18 декабря 1668 г. — времен-

но отставлялся от службы (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 12. Л. 100). В 1678/79 г. предполагали отослать в Разряд (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 22).

Службы. В 1673 г. отправлен в «калмыцкие улусы» со стряпчим Кириллом Пушиным (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 4). В 1678 г. ездил на Дон по делу откупной крымской казны (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Д. 25).

Жалование. 4.09.1666 г.: поденный корм — 4 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 4 коп.; 1.05.1670 г.: годовой оклад — 8 руб., поденный — 4 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 10 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677 г.); 14.11.1678 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 310; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 7; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 42, 45; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 8; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Кучумов Иван Григорьев (Мочаков) сын (? — убит не позднее июня 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 51)) — толмач татарского языка. Отец — толмач ПП Григорий (Мочак) Кучумов. В ПП: 4 апреля 1663 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 127—130) — не позднее июня 1679 г. (убит).

Службы. В 1667 г. ездил на Дон (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1667 г. Д. 9), в ноябре 1677 г. — июне 1678 г. — в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1677 г. Д. 26; 1678 г. Д. 23). В декабре 1678 г. посылался приставом для сопровождении польского дипломата (гонца) Хриштопа Котовича (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 2. Л. 100—101).

Жалование. С 4.04.1663 г.: «новичный» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 4 коп. в день, прибавка «для нынешние хлебные дороговизны» — 10 коп. в день; 1663/64 г. (выдано после 17.11.1664 г.): годовой — 8 руб.; 4.09.1666 г.: поденный — 4 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 5 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 10 руб., поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 12 руб. 70 коп. (выдано 30.11.1677); 3.12.1678 г.: кормовые — 5 коп. на день.

Источ. и лит.: Беляков, с. 310; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1662 г. Д. 10. Л. 130; 1664 г. Д. 10. Л. 62, 69; 1666 г. Д. 2. Л. 7; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44.

Кучумов Полуэкт (Полуехт) Григорьев (Мочаков) сын (? — не ранее февраля 1718 г.) — толмач татарского языка. Отец — толмач ПП Григорий (Мочак) Кучумов. В ПП: не ранее августа 1658 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 87—88) — не ранее 28.02.1718 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1718 г. Д. 45. Л. 24 об., 47 об.).

Был несколько раз женат. Супруги: 1) Дарья, вдова толмача Григория Иевлева сына Гостева — с октября 1670 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 28—31); 2) Настасья Никитина дочь — не позднее января 1694 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1694 г. Д. 1. Л. 1—5).

Службы. Участвовал в нескольких миссиях в Крым: в июне 1662 — сентябре 1666 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1662 г. Д. 11; 1663 г. Д. 8; 1666 г. Д. 6. — уезжал вместе с толмачом Андреем Путицыным, который вернулся в январе 1663 г.); в феврале 1669 — августе 1670 г. с поминками (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1669 г. Д. 3; 1670 г. Д. 10; Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 4. Л. 40); в августе 1671 — июле 1672 г. в составе миссии во главе с посланником Василием Шишкиным (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1671 г. Д. 23; 1672 г. Д. 16); в марте — августе 1677 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1677 г. Д. 13, 22; 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 40); в феврале — июне 1682 г. в гонцах, вместе с толмачом Петром Хивинцем (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 15, 29); в мае 1683 — июле 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1683 г. Д. 12; 1684 г. Д. 17); в январе 1692 — мае 1695 г. в составе миссии во главе с подьячим Василием Айтемиревым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1692 г. Д. 1; 1695 г. Д. 1). Участвовал в посольстве Е.И. Украинцева в Константинополь в 1699—1700 гг. [Богословский, с. 83, 140, 171, 226, 252, 279].

Жалование. 2.09.1669 г.: поденный корм — 7 коп.; 1.05.1670 г.: годовой оклад — 13 руб., поденный — 9 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 19 руб. 80 коп. (выдано 30.11.1677); июнь 1679 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой — 22 руб. 80 коп.; 1.04.1680 г.: поместный — 250 четей, годовой — 22 руб. 80 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 25 руб. 75 коп.; 11.01.1688 г.: поденный — 10 коп. на день (3 руб. — 3 руб. 10 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 25 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 36 руб. 80 коп., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 36 руб. 80 коп. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 36 руб. 80 коп. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 12 руб. 16,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 72,5 руб./73,3 руб. (годовой — 36 руб./36,8 руб., поденный — 10 коп.; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); 28.02.1718 г.: единый оклад — 73 руб.

Источ. и лит.: Беляков, с. 310; Беляков, Енгальчева, 2017, с. 20; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1677 г. Д. 1. Л. 40; 1679 г. Д. 2. Л. 49;

1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 6; 1688 г. Д. 2. Л. 13; Д. 14. Л. 5; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 19; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5, 7; 1701 г. Д. 7. Л. 4; 1705 г. Д. 1. Л. 17 об., 28 об., 32, 37 об., 40; 1718 г. Д. 45. Л. 24 об., 47 об.

Леншин Данила Борисов сын (? — не ранее апреля 1706 г.) — толмач турецкого, татарского, греческого (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 5; 1697 г. Д. 39. Л. 7; 1698 г. Д. 33. Л. 6; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.), возможно и итальянского (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22). В ПП: не позднее 29.06.1684 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 28) — не позднее апреля 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 22. — принял постриг).

Жалование. 29.06.1684 г.: из годового жалования «по розчету» — 2 руб. 60 коп. и 3 руб. «в приказ для ево скудости»; 11.01.1688 г.: поденный корм — 5 коп. на день (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годового оклад — 9 руб.; 31.10.1689 г.: годового — 10 руб., поденный — 5 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 5 коп.; 21.11.1697 г.: годового — 10 руб.; 2.12.1698 г.: годового — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 9 руб. 41,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 28 руб. 24 коп. (годовой — 15 руб., поденный — 6 коп.; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1683 г. Д. 6. Л. 28; 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; 1692 г. Д. 3. Л. 5; 1697 г. Д. 31. Л. 6; 1697 г. Д. 39. Л. 7; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 19, 29 об. — 30, 32, 38, 40.

Лопов Федор Степанов сын (? — умер 4 января 1691 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 8. Л. 2)) — ливонец, взят в плен под Юрьевым Ливонским. Крещен в православную веру. До начала 1661 г. являлся человеком стрелецкого головы Степана Семенова сына Коковинского, после смерти которого получил свободу. В феврале 1661 г. просится в Посольский приказ; указывал на знание «цесарского» языка, но при проверке оказывается, что владеет лифляндским (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 7. Л. 100, 115—121). 13 февраля 1661 г. взят «в учениках у золотописца у Григорья Благушина и в толмачех немецкого языку» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1661 г. Д. 6. Л. 21). В дальнейшем до 1691 г. проходит по документам как золотописец. Таким образом, хотя и был принят в толмачи, фактически по этой специальности не работал.

Максимов (Турченинов) Василий (? — не ранее мая 1683 г.) — толмач турецкого и татарского языков. В ПП: не позднее сентября 1681 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 37. Л. 1—2) — не ранее мая 1683 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 7—8).

Службы. В сентябре 1681 г. — 1682 г. участвовал (вместе с толмачом Василием Мартыновым) в миссии в Крым во главе с посланником Назарьем Мельницким (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 37. Л. 1—2; Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 311—312). В марте — апреле 1683 г. находился под арестом в Разбойном приказе (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 29—31, 119). 18 мая 1683 г. приведен в Стрелецкий приказ дежурными стрельцами с Посольского двора на Покровке, где он с «кизылбаши» бранился и учинил крик, а затем ругал «матерно, называл ворами» самих стрельцов. После разбирательства был наказан: «бить батоги» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 7—8).

Жалование. Июнь — ноябрь 1682 г.: годовой оклад — 10 руб.
Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 10; Д. 20. Л. 311—312.

Мартынов (Калмык) Василий (? — не ранее декабря 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 4. Л. 1—26)) — толмач татарского, калмыцкого и нагайского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 8). Из Ливен, попал в плен в Крым в «малых летах» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 14, 45). Был продан «в калмыки», откуда бежал. При приеме на службу его экзаменовали переводчик татарского языка Кучукай Сакаев и толмач калмыцкого языка Иван Щитов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 46—47). В ПП: по указу 20.10.1670 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 47—48) — январь 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Л. 1, 6. — «изменил... обосурманился» в Перекопе).

Службы. В 1674 г. посылался на Дон (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 136, 140). В 1679/80 г. ездил в Крым с грамотой к посланнику Ивану Сухотину (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Л. 8). В сентябре 1681 — 1682 г. участвовал (вместе с толмачом Василием Максимовым) в миссии в Крым во главе с посланником Назарьем Мельницким (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 37. Л. 1—2; Д. 56; Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 312). В июле 1683 г. отправлен в Крым с посланниками Иваном Протопоповым и подьячим Дмитрием Парфеновым; в ходе поездки не позднее 9 декабря 1683 г. «великим государем изменил... обосурманился» в Перекопе; в Москве информация получена 29 января 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Л. 1, 6).

Жалование. С 20.10.1670 г.: «новичный» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 4 коп.; с 1676/77 г.: годовой — 10 руб. 10 коп. (прибавка из поденного); 16.10.1677 г.: годовой — 10 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 1682 г.: годовой — 12 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 315; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 48; 1677 г. Д. 1. Л. 42, 45; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 9; 1682 г. Д. 19. Л. 8; Д. 20. Л. 312; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.; Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 6. Л. 7—8.

Масаковский Степан, см. Мосаковский Степан

Михайлов Дмитрий (? — не ранее февраля 1677 г.) — толмач греческого языка. Грек, выехавший в Россию. Переведен из Иноземского приказа (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 40). В ПП: сентябрь 1642 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1642 г. Д. 5) — 6.02.1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 19. Л. 47 об. — отставлен «за старостью», с сохранением уменьшенного жалования «для прокормления»).

Жалование. С 1641/42 г.: поместный оклад — 200 четей, годовой оклад — 11 руб., поденный корм — 7 коп.; 1.12.1643 г.: годовой — 11 руб.; сентябрь 1644 г.: поденный — 7 коп.; 24.12.1645 г.: годовой — 11 руб.; с 1666/67 г.: поместный — 300 четей (прибавка за «царегородскую службу»); до 11.12.1676 г.: годовой — 17 руб., но испомещен за 12 руб. годового и 6 коп. поденного, всего — 5 руб.; с 6.02.1677 г.: годовой («пенсионный») оклад — 75 коп.

Источ. и лит.: *Куненков*, с. 158, 471; *Беляков*, с. 317; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643 г. Д. 2. Л. 40; Д. 3. Л. 17; 1644 г. Д. 1. Л. 12; 1645 г. Д. 5. Л. 46; 1649 г. Д. 1. Л. 42—43; 1678 г. Д. 3. Л. 76; Оп. 2. Кн. 19. Л. 47 об.

Мосаковский (Масаковский) Степан (? — не ранее 1684 г.) — толмач турецкого и персидского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 9). В ПП: не позднее 14.02.1682 г. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 164 — 164 об.) — не ранее 1684 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 5, 14).

Службы. В 1684 г. (возможно в январе — марте) участвовал в миссии в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1684 г. Д. 5, 14.).

Жалование. 14.02.1682 г.: годовой оклад — 10 руб.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 10 руб.; 25.11.1682 г.: годовой — 10 руб.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 318; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 164—164 об.; Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 9; Д. 20. Л. 312.

Найденов Иван Сидоров сын (? — не ранее октября 1689 г.) — толмач французского, турецкого и итальянского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 7; 4. Л. 22). Казачий/рейтарский сын из г. Валуйки (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 153). В 1670 г. попал в плен азовским казакам. Вернулся в Россию 20 августа 1682 г. через Архангельск на английском торговом корабле (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 153). В декабре 1682 г. допрошен в ПП и направлен в Разряд для получения жалования «за выход» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 150). В ПП: возможно с декабря 1682 [Сказка, с. 31] — не ранее 31.10.1689 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22). Приводимые в комментариях к публикации «Сказки» сведения об «свидельствовании» переводчиками Посольского приказа и назначении его толмачом пока не обнаружены [Сказка, с. 31]. В столбце, содержащем «Сказку», таких документов нет (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 150—154).

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 7 коп. на день (2 руб. 10 коп. — 2 руб. 17 коп. — на месяц); 3.02.1688 г.: поденный — 7 коп.; 10.04.1688 г.: годовой оклад — 10 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 12 руб., поденный — 7 коп.

Источ. и лит.: *Каган*; Сказка; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 18; Д. 4. Л. 6; 1688 г. Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22.

Никитин Иван, см. Безбородов Иван Никитин сын

Павлов Абрам (? — умер 10-го (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 7. Л. 1), по другим сведениям — 17-го апреля 1693 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 11. Л. 6)) — толмач татарского и персидского языков. В ПП: не позднее апреля 1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9) — апрель 1693 г. (умер). Был женат, супруга — Авдотья Григорьевна дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 7. Л. 1—3).

Службы. В июле — сентябре 1681 г. ездил с миссией в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1681 г. Д. 16). В мае 1682 г. отправлен в Персию в гонцах вместе с подьячим Исаем Силиным (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 313; Д. 23. Л. 8—9). В ноябре 1685 — ноябре 1686 гг. участвовал в миссии подьячего Никиты Алексеева в Константинополь [Воссоединение Киевской митрополии..., с. 750—792].

Жалование. 1.04.1680 г.: годовой оклад — 10 руб.; до февраля 1682 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой — 13 руб.; с февраля 1682 г.: поместный — 300 четей, годовой — 16 руб.; 25.11.1682 г.: годовой — 16 руб.; 11.01.1688 г.: поденный корм — 9 коп. на день

(2 руб. 70 коп. — 2 руб. 79 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 18 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 26 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.).

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 322; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 22. Л. 1; Д. 20. Л. 313; Д. 19. Л. 9; 1688 г. Д. 2. Л. 18; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20; 1692 г. Д. 3. Л. 4.

Панфилов (Панвилон) Кирилл, см. Турченин Кирилл Панфилов сын

Петров Дмитрий (? — умер в мае 1709 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 67)) — толмач греческого, итальянского и турецкого, по другим данным греческого и татарского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 39. Л. 7; 1698 г. Д. 33. Л. 6). В ПП: 1685 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1685 г. Д. 3) — май 1709 г. (умер).

Службы. В 1700 г. участвовал в работе посольства во главе с Е.И. Украинцевым в Константинополе; в июле 1700 г. — августе 1701 г. входил в состав миссии в Османской империи (сначала в Константинополе, позже в Адрианополе) во главе с переводчиком С.Ф. Лаврецким и подьячими (сначала — с Г. Юдиным, с февраля 1701 г. — с М.Р. Ларионовым) [*Базарова*, 2020].

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 5 коп. на день (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой оклад — 8 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 9 руб., поденный — 5 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 6 коп. (за год — 21 руб. 90 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 6 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 10 руб.; 2.12.1698 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 7 руб. 30 коп.; 1705 г.: единый оклад — 31 руб. 90 коп. (годовой — 10 руб., поденный — 6 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря).

Источ. и лит.: *Базарова*, 2020; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 4. Л. 23; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 7; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 29 об., 32, 38, 40.

Плетников Алексей (? — не ранее февраля 1677 г.) — толмач «цесарского» (немецкого) языка. В ПП: не позднее декабря 1657 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 31, 39) — 6.02.1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 19. Л. 47 об. — отставлен «за старостью», с сохранением уменьшенного жалования «для прокормления»).

Службы. В июне 1659 г. — июле 1660 г. участвовал в миссии во Флоренцию во главе с дворянином Василием Богдановичем Лихаче-

вым и дьяком Иваном Фоминым [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 246, 271]. В 1667 г. сопровождал в поездке в Пруссию переводчика Васлия Боуша и подьячего Самойло Лисовского [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 11]. В июне — декабре 1674 г. вместе с подьячим Семеном Михайловым Протопоповым ездил в гонцах к саксонскому курфюрсту (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 134) [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 18]. В 1676 г. вместе с подьячим Семеном Протопоповым ездил в гонцах в Данию и Швецию [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 232, 301].

Жалование. 9.12.1657 г.: годовой оклад — 8 руб.; ноябрь 1663 г.: годовой — 18 руб.; 1.05.1670 г.: годовой — 18 руб., поденный корм — 10 коп.; до 11.12.1676 г.: годовой — 18 руб., поденный — 10 коп. (за год — 36 руб. 50 коп.), всего — 54 руб. 50 коп.; с 6.02.1677 г.: годовой («пенсионный») оклад — 8 руб. 10 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 323—324; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 31, 39; 1664 г. Д. 10. Л. 67; 1670 г. Д. 4. Л. 39; Оп. 2. Кн. 19. Л. 47.

Порываев Григорий Мартемьянов сын (? — не ранее апреля 1680 г.) — толмач турецкого и татарского (крымского) языков.

Служил трубачем в рейтарских полках «в польских, и в литовских, и в немецких, и в черкасских» городах, и в полевых войсках и осадах. Был несколько раз ранен. Попал в плен в 1660 г. с войском В.Б. Шереметьева. После десяти лет плена в Крыму сбежал. Назначен казачьим головой в Ефремове (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 94). В ПП: май 1670 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 94—96, 131) — не ранее 1.04.1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 8).

Жалование. После 25.04.1670 г.: «новичный» (годовой) оклад — 10 руб., поденный корм — 6 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 10 руб., поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 13 руб. 15 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 13 руб. 15 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 13 руб.; 1.04.1680 г.: годовой — 13 руб.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 325; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 97; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; 1679 г. Д. 2. Л. 50; 1680 г. Д. 1. Л. 8; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Посников Леонтий Кондратьев сын (? — не ранее 1706 г.) — толмач турецкого, татарского и волошского языков. Из местечка Думеш в Валахии (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 334). Отец — дворянин Леонтий Кондратьев сын Посников (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 334). Был в полоняниках более 12 лет (в Крыму,

в Азове, в Кабарде, в Больших Нагаях), откуда сбежал. Через Саратов и Ломов попал в Москву, где жил 3 года у Н. Спафария, затем — у грузина Макара Дывыдова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 333—334). В ПП: 15.11.1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 323) — 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13. — отставлен «за старостью»).

Службы. В апреле — августе 1685 г. участвовал в миссии в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 16).

Жалование. С 23.11.1682 г.: «новичный» (годовой) оклад — 12 руб.; 11.01.1688 г.: поденный корм — 5 коп. на день (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 12 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 15 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 15 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 15 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 7 руб. 16,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 51,5 руб. (годовой — 15 руб., поденный — 10 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); начало 1706 г.: единый оклад — 51,5 руб. (годовой — 15 руб., поденный — 10 коп. на день).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 318—319; 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 21; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4; 1705 г. Д. 1. Л. 18, 29, 32, 37 об., 40; 1706 г. Д. 47. Л. 17 об.

Постригичев Афанасий (? — не ранее 1706 г.) — толмач татарского, нагайского, турецкого (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1698 г. Д. 33. Л. 6; 1705 г. Д. 1. Л. 19 об.), а также итальянского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 5). В ПП: не позднее 11.01.1688 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19) — 1706 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1706 г. Д. 44. Л. 13. — отставлен «за старостью»).

Службы. В декабре 1700 г. — 1701 гг. входил в состав миссии в Османскую империю во главе с подьячим М.Р. Ларионовым (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 12).

Жалование. 11.01.1688 г.: поденный корм — 5 коп. на день (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой оклад — 9 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 10 руб., поденный — 5 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 5 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 13.12.1697 г.);

2.12.1698 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 9 руб. 41,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 28 руб. 25 коп. (годовой — 10 руб., поденный — 5 коп.; первая половина была выдана по указу от 16 марта); начало 1706 г.: единый оклад — 28 руб. 25 коп. (годовой — 10 руб., поденный — 5 коп.).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 4. Л. 22; 1692 г. Д. 3. Л. 5; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 7, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 19 об., 30, 32; 1706 г. Д. 47. Л. 19.

Путягин Григорий (? — не позднее июня 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 51)) — толмач татарского языка. В ПП: не позднее декабря 1676 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 158 об.) — не позднее июня 1679 г. (убит).

Службы. В 1676/77 г. получил прибавку к окладу в 3 руб. за «калмыцкую посылку» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 42.). В 1678 г. ездил на Дон с откупной крымской казной (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1678 г. Д. 21).

Жалование. 16.12.1676 г.: годовой оклад — 8 руб.; 16.10.1677 г.: годовой — 12 руб. 50 коп (выдано 30.11.1677 г.); 14.11.1678 г.: годовой — 12 руб. 50 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 327; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 42, 44; РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 158 об., 167 об.

Сакаев Рамазан (Роман) (? — умер в 1709 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1709 г. Д. 23)) — толмач татарского языка. В ПП: не позже сентября 1697 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17—18, 20) — 1709 г. (умер).

Службы. В марте 1699 г. направлен на службу в Воронеж и под Азов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1699 г. Д. 12. Л. 4—8). С марта 1700 г. находился в «воронежском походе» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 6. Л. 1—4).

Жалование. 12.09.1697 г.: поденный корм — 5 коп. на день (за год — 18 руб. 25 коп.; выдано после 22.09.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой оклад — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 5 марта 1700 г.: годовой — 10 руб., поденный — 5 коп., всего — 28 руб. 25 коп.; 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 9 руб. 41,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 28 руб. 25 коп. (годовой — 10 руб., поденный — 5 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря).

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17—18, 20; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1700 г. Д. 6. Л. 3—4; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 20 об., 30 об., 32, 38, 40.

Свиридов Иван (? — не ранее ноября 1682 г.) — толмач персидского, татарского (греческого — ?) языков. «Кизылбашенин» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1873. Л. 2). В ПП: не позднее сентября 1655 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 15) — не ранее 20.11.1682 гг. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 314).

Был женат (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 51). Имел сыновей Варфоломея и Андрея (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 48).

Службы. В 1676—1677 г. был в Персии с подьячим Никитой Алексеевым (РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1676 г. Д. 4; Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 169 об.). Участвовал в нескольких миссиях в Крым: в 1667 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1667 г. Д. 12), в декабре 1679 — октябре 1680 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. Д. 20; 1680 г. Д. 17), в 1682 г. с посланником стольником Никитой Таракановым (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 314).

Жалование. 4.09.1655 г.: поденный корм — 6 коп.; 9.12.1657 г.: годовой оклад — 8 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 7 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 12 руб., поденный — 7 коп.; 1677/78 (186) г.: годовой — 17 руб. 75 коп.; 14.11.1678 г.: годовой — 17 руб. 75 коп.; июнь 1679 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой — 17 руб. 15 коп.; 1.04.1680 г.: поместный — 250 четей, годовой — 17 руб. 15 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 17 руб. 75 коп., поденный — 7 коп.; 20.11.1682 г.: годовой — 17 руб. 75 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 329; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 15; 1657 г. Д. 5. Л. 32; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 42; 1679 г. Д. 2. Л. 49—50; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 7; Д. 20. Л. 314; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.

Свистков Василий (Свисткин) — толмач Посольского приказа. Единственное упоминание — 12.08.1679 г. В челобитной, поданной в ПП, писал, что «служил де он... многие годы, и ныне де он устарел и одряхлел и обнищал», и просит поместить его в больницу «с убогими» в монастырь Всемилоственного Спаса на Новом. Просьба была удовлетворена (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 191—192). Других упоминаний о нем в документах ПП пока не обнаружено.

Селунский Иван Авраамов сын (? — умер 28 августа 1678 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 13)) — толмач греческого, волошского, еврейского, турецкого и татарского языков. Родился в Фесалониках [Опарина, 2006, с. 27]. «Жидовин» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 322), новокрещен (РГАДА. Ф. 141. 1647 г. Д. 62. Л. 44). В Россию приехал в сентябре 1636 г. [Опарина, 2006, с. 30].

В ПП: 1646/47 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 322; Ф. 141. 1647 г. Д. 62. Л. 44) — 28.08.1678 г. (умер). Был женат, супруга — Ульяна Яковлева дочь. В выплате на поминование умершего мужа ее было отказано (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 13).

Жалование. 1646/47 г.: поместный оклад — 250 четей, годовой оклад — 12 руб., поденный корм — 9/10 коп.; 4.09.1655 г.: поденный — 11 коп.; 9.12.1657 г.: годовой — 12 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 11 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 12 руб., поденный — 11 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 18 руб. (выдано 30.11.1677 г.).

Источ. и лит.: *Опарина*, 2003; *Опарина*, 2006; *Беляков*, с. 329; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 322; 1655 г. Д. 1. Л. 12; 1657 г. Д. 5. Л. 30; 1669 г. Д. 8. Л. 4; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; Ф. 141. 1647 г. Д. 62. Л. 45.

Сидоров Иван, см. Найденов Иван Сидоров сын

Степанов Лукьян (Лука, Лукаш) (? — не ранее апреля 1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9)) — толмач татарского и ногайского языка (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 52). В ПП: 1646/47 (РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1647 г. Д. 62. Л. 41) — 6.02.1677 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 19. Л. 47 об. — отставлен «за старостью», с сохранением уменьшенного жалования «для прокормления»).

Службы. В декабре 1671 г. — апреле 1673 г. совершил поездку в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1671 г. Д. 28; 1673 г. Д. 11), в 1673/74 г. — «калмыцкая посылка» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 135).

Жалование. 16.09.1647 г.: годовой оклад — 7 руб., поденный корм — 2,5 коп.; 9.12.1657 г.: годовой — 9 руб.; 2.09.1669 г.: поденный — 5 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 10 руб., поденный — 5 коп.; до 11.12.1676 г.: годовой — 12 руб., поденный — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.), всего — 30 руб. 25 коп.; с 6.02.1677 г.: годовой («пенсионный») оклад — 4 руб. 75 коп. 16.10.1677 г.: оклад — 4 руб. 75 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: оклад — 4 руб. 75 коп.; июнь 1679 г.: оклад — 4 руб. 75 коп.; 1.04.1680 г.: оклад — 4 руб. 75 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 332; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1657 г. Д. 5. Л. 31; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 41; 1677 г. Д. 1. Л. 42, 45; 1679 г. Д. 2. Л. 52; 1680 г. Д. 1. Л. 9; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167 об.; Кн. 19. Л. 47; Ф. 141. Оп. 2. 1647 г. Д. 62. Л. 41.

Степанов Степан (? — умер 2 января 1679 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 226)) — толмач калмыцкого, бухарского и башкирского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 218); читал на калмыцком (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 58). Иноземец. Новокрещен. Видимо из калмыков. В ПП: 9.11.1677 г. (РГАДА.

Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 218) — 2.01.1679 г. (умер). Был женат, супруга — Авдотья Семенова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 217).

Службы. С 7 января 1678 г. был прикомандирован («отослан в Разряд») к новокрещенным калмыкам, которые участвовали в походе Г.Г. Ромодановского под Чигириним, где участвовал в боевых действиях, в ходе которых был ранен (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 217). Из Разряда «послан в Курск на вечное житье» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 225). После отпуска со службы приехал в Курск «скорбен» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 217), где 2 января 1679 г. «умер от раны» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 226).

Жалование. С 9.11.1677 г.: годовой оклад — 10 руб. (выплата — после 8.12.1677 г.); с 28.01.1678 г.: годовой — 12 руб.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 333; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 218; 1677 г. Д. 1. Л. 60; 1678 г. Д. 3. Л. 225.

Суханов Юрий Степанов сын (? — не ранее мая 1701 г.) — толмач греческого и волошского языков. Племянник старца Арсения (Суханова), сопровождал его во время поездки «во Святую гору для покупки греческих книг», где и выучил греческий и волошский языки (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 41). При приеме на службу его экзаменовали переводчики греческого языка Федор Черкасов и Борис Богомольцов (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 42—43). В ПП: по указу с 14.12.1666 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 41—44) — не ранее 12.05.1701 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 24. Л. 11 об., 16).

Был женат, супруга — Мария Андреева дочь (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 6а. Л. 124 об. — 125).

Службы. В сентябре 1681 г. отправлен с грамотами в Константинополь для П.Б. Возницына, а в феврале 1682 г. (вернулся в августе) вместе с толмачом Иваном Ивановым Англичаниным сопровождал туда же подьячего А. Васильева. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 127—128, 328). В апреле-мае 1686 г. сопровождал из Серпухова в Москву приехавших греков Захария Иванова с тов. [Воссоединение Киевской митрополии..., с. 374].

Жалование. С 1.12.1666 г.: «вновь» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 4 коп.; 1.09.1667 г.: поденный — 4 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 4 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 8 руб., поденный — 4 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 10 руб. 10 коп. (выдано 30.11.1677);

14.11.1678 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 10 руб. 10 коп.; 11.01.1688 г.: поденный — 5 коп. (1 руб. 50 коп. — 1 руб. 55 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 9 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 13 руб., поденный — 5 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 5 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 13 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 13 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 10 руб. 41,5 коп.; 9.04.1701 г.: годовой — 13 руб., поденный — 5 коп., всего — 31 руб. 25 коп. (12.05.1701 г. выдано 19 руб. — годовой оклад и кормовые за 4 месяца).

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 333; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 44; 1669 г. Д. 8. Л. 5; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 42, 45; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1682 г. Д. 19. Л. 8; Д. 20. Л. 312; 1688 г. Д. 2. Л. 19; Д. 14. Л. 7; 1689 г. Д. 2. Л. 7; Д. 4. Л. 22; 1692 г. Д. 3. Л. 5; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 7, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; Д. 24. Л. 4 об. — 5, 11 об., 16; Оп. 2. Кн. 12. Л. 77, 167 об.

Тараманов Леонтий, см. Торомонов Леонтий

Тевкелев Магмет (Махмет) Абдрахманов сын (1668/69 (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 13) — не ранее 1708 г.) — толмач татарского языка. В ПП: не позже сентября 1697 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17—18, 20) — не ранее 1708 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1708 г. Д. 1, 27). Отец — переводчик ПП Абдрахман Мустафин сын Тевкелев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 180) [Переводчики..., с. 192]. После смерти отца в 1674 г. воспитывался мачехой Асманой (получавшей поденный корм по 5 коп. на день), вместе с братом Рамазаном (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Д. 6. Л. 6—14).

Жалование. 12.09.1697 г.: поденный корм — 5 коп. (за год — 18 руб. 25 коп.; выдано после 22.09.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой оклад — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 9 руб. 41,5 коп.; 1705 г.: единый оклад — 35 руб. 55 коп. (годовой — 10 руб., поденный — 7 коп.; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); 1708 г. единый оклад — 35 руб. 55 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 31. Л. 17—18, 20; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1701 г. Д. 7. Л. 4 об.; 1705 г. Д. 1. Л. 20, 30, 32, 38, 40; 1708 г. Д. 1. Л. 19, 89 об.

Торомонов (Тараманов, Тороманов) Леонтий (Левонтей) Яковлев сын (? — не ранее ноября 1682 г.) — толмач турецкого, персидского и татарского языков. Турченин, новокрещен (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 182—183). В ПП: 29.08.1667 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1666 г. Д. 2. Л. 180—181) — не ранее 25.11.1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 313).

Службы. В 1670—1671 гг. участвовал в «волуйской размене» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44—45). В 1672/73 г. ездил с грамотами на Дон к думному дворянину Ивану Севостьяновичу Большому Хитрово (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 127—130). В июне 1682 г. отправлен в сопровождение гонца в Константинополь подьячего Михаила Тарасова (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 313).

Жалование. 1.09.1667 г.: поденный корм — 3 коп.; 2.09.1669 г.: поденный — 3 коп.; 1.05.1670 г.: годовой оклад — 8 руб., поденный — 3 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 11 руб. 70 коп. (выдано 30.11.1677); с 28.12.1672 г.: годовой — 9 руб.; 14.11.1678 г.: годовой — 11 руб. 70 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 11 руб. 70 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 11 руб. 70 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 16 руб. 78 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 16 руб. 78 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 335; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 6; 1670 г. Д. 4. Л. 42; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44—45; 1672 г. Д. 15. Л. 1; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 7; Д. 20. Л. 313; Оп. 2. Кн. 12. Л. 77, 167 об.

Тур (Туров) Иван (в крещении — Петр) (? — не ранее апреля 1680 г.) — толмач итальянского, «цесарского» (немецкого), испанского, французского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 55—57; 1670 г. Д. 20. Л. 35—38; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 9). Католик. 2 августа 1670 г. решил креститься и был отдан «под начало» в Богоявленский монастырь, после чего перешел в православную веру (восприемник — Исаак Савин сын Бунаков) под именем Петра (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 39). Выходец из польских шляхтичей из г. Орши (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 36). Во время событий Потопа служил поручиком в рейтарском полку у гетмана Богуслава Радзивилла. Попал в плен к крымским татарам, продан в Стамбул, где оказался на галерах («каторге»). Освобожден венецианцами, служил в разные годы «в полкх» у «цесаря», испанского короля, в португальской земле. Выехал из Испании (из Мадрида) с посланниками стольником П. И. Потемкиным и дьяком С. Румянцевым на корабле (толмачил для посланников по дороге), но в Зунде отстал на месяц «ради

своего дела на малое время» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 20. Л. 35). Приехал «из-за свейского рубежа» в октябре 1669 г., получив за «выход» в государево «вечное холопство» 7 руб. 40 коп. и английское сукно (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 55). При приеме на службу его экзаменовали переводчики Иван Тяжкогорский, Леонтий Гросс и Андрей Виниус на знание немецкого языка (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 56). В ПП: по указу с 19/22.12.1669 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 55—57) — не ранее апреля 1680 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1680 г. Д. 1. Л. 9).

Жалование. С 19.12.1669 г.: годовой оклад — 9 руб., поденный корм — 4 коп. на день; 1.05.1670 г.: годовой — 9 руб., поденный — 4 коп.; с 4.10.1670 г.: годовой — 10 руб., поденный — 5 коп. (прибавка за переход в православие); 2.12.1673 г.: годовой — 10 руб.; 16.10.1677 г.: годовой — 12 руб. 70 коп. (выдано 30.11.1677); 14.11.1678 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; июнь 1679 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.; 1.04.1680 г.: годовой — 12 руб. 70 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 336; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1669 г. Д. 8. Л. 57; 1670 г. Д. 4. Л. 41; Д. 20. Л. 43; 1677 г. Д. 1. Л. 41, 44; 1679 г. Д. 2. Л. 51; 1680 г. Д. 1. Л. 9; Оп. 2. Кн. 12. Л. 105 об., 167 об.

Турченин (Турчонин) Кирилл Панфилов (Панвиллов) сын (Панфилов Кирилл) (? — умер в 1714 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 3 об.)) — толмач турецкого и татарского языков. В ПП: не позднее июня 1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 10) — 1714 г. (умер).

Сын — Стенька (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1688 г. Д. 14. Л. 6).

Службы. В 1680/81 г. ездил в Константинополь с подьячим Тимофеем Протопоповым (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 311, 311а). Участвовал миссиях в Крым: в 1682 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 33), в гонцах в ноябре 1683—1684 гг. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1683 г. Д. 21; 1685 г. Д. 2.). В 1685 г. возможно участвовал в миссии подьячего Никиты Алексеева в Константинополь [Воссоединение Киевской митрополии..., с. 641]. В 1696 г. находился на службе под Азовым в войске А.С. Шеина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20. Л. 7.).

Жалование. Не ранее 1.06.1682 г.: годовой оклад — 10 руб.; 25.11.1682 г.: годовой — 10 руб.; 11.01.1688 г.: поденный корм — 6 коп. на день (1 руб. 80 коп. — 1 руб. 86 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 17 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 17 руб., поденный — 6 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поден-

ный — 10 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 36 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 39 руб. (выдано 3.11.1698 г.); 31.07.1700 г.: годовой — 39 руб., поденный — 15 коп. (за год — 54 руб. 75 коп.), всего — 93/94 руб. 75 коп.; 22.01.1701 г. (выплата за 1.09—31.12.1700 г.): треть единого оклада — 31 руб. 55 коп.; 1705 г.: единый оклад — 94 руб. 75 коп. (годовой — 39 руб., поденный — 15 коп. на день; выдавались двумя равными частями по указам от 16 марта и 24 декабря); сентябрь 1713 г.: единый оклад — 94 руб. 76,5 коп.

Источ. и лит.: Беляков, с. 322; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 19. Л. 10; Д. 20. Л. 31п, 31па; 1688 г. Д. 2. Л. 18; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 5; Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5; 1700 г. Д. 25. Л. 5; 1701 г. Д. 7. Л. 4; 1705 г. Д. 1. Л. 17, 28 об., 32, 37 об., 40; 1713 г. Д. 11. Л. 9.

Турченин Никифор Иванов сын, см. Иванов Никифор

Турченинов Василий, см. Максимов Василий

Улитин Иван (? — не ранее 1678/79 г.) — кандидат в толмачи турецкого и греческого языков. Резанец. В 1650-ые гг. служил в рейтарском полку у Ивана Елчанинова. Попал в плен с обозом боярина В.Б.Шереметьева к крымским татарам, затем продан в Константинополь на галеры. В 1674/75 г. выкуплен греком Родионом Ивановым и вывезен в Москву. Подал ходатайство в ПП зачислении в толмачи турецкого и греческого языков. Был успешно экзаменован («свидетельствован») переводчиками: Константином Христофоровым — в греческом, Дмитрием Асановым — в турецком с рекомендацией о зачислении в толмачи (с оговоркой, «только против природного гречанина и турченина так чисто не выговорит»). Помета о назначении оклада в 10 руб. (как Андрею Щербинину) «из убылых окладов». Но в дальнейшем не упоминается в составе служащих Посольского приказа.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 6. Л. 1—5.

Фролов Терентий Кондратьев сын (? — не ранее ноября 1682 г.) — толмач татарского языка. Из турецких «полоняников» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 85). При приеме на службу его экзаменовал переводчик турецкого и татарского языков Михаил Кошаев (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 87, 87 об.). В ПП: с 6.06.1655 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 85—89) — не ранее 25.11.1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 314).

23 ноября 1677 г. был временно «отставлен» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 7) «...за многое воровство и за пьянство» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 41).

Службы. Участвовал в нескольких миссиях в Крым: в 1657 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1657 г. Д. 17), в 1670—1671 гг. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1671 г. Д. 15; Ф. 138. Оп. 1. 1670 г. Д. 4. Л. 40), в 1682 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 314).

Жалование. С 6.06.1655 г.: «новичный» (годовой) оклад — 8 руб., поденный корм — 6 коп.; 4.09.1655 г.: поденный — 6 коп.; 1.05.1670 г.: годовой — 14 руб. (за 1 руб. «испомещен»), поденный — 6 коп.; 16.10.1677 г.: годовой — 17 руб. 15 коп. (не выдавался, т.к. «отставлен»); 1.01.1679 г.: годовой — 17 руб.; июнь 1679 г.: поместный оклад — 200 четей, годовой — 17 руб. 15 коп.; 1.04.1680 г.: поместный — 200 четей, годовой — 17 руб. 15 коп.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 17 руб. 15 коп.; 25.11.1682 г.: годовой — 17 руб. 15 коп.

Источ. и лит.: *Беляков*, с. 339. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1653 г. Д. 7. Л. 85—89; 1655 г. Д. 1. Л. 15; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1677 г. Д. 1. Л. 7, 41; 1657 г. Д. 17; 1670 г. Д. 4. Л. 40; 1671 г. Д. 15; 1677 г. Д. 1. Л. 41; 1679 г. Д. 2. Л. 50; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 7; 1682 г. Д. 20. Л. 314; РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 168 об.

Хивинец Петр (? — не ранее ноября 1696 г.) — толмач татарского, персидского и хивинского языков. Иноземец, новокрещен. Выехал из Хивинской земли (Хивы). Крестился в православие (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 4). В ПП: с 1676/77 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 4, 41) — не ранее ноября 1696 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 15. Л. 6).

Был женат, имел детей (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 4).

Службы. Участвовал в нескольких миссиях в Крым: в феврале — июне 1682 г. в гонцах вместе с толмачом Полуэхтом Кучумовым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1682 г. Д. 15, 29), в ноябре 1683 г. — июле 1684 г. в гонцах (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1683 г. Д. 26; 1684 г. Д. 17), в мае — октябре 1685 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 17.), а также в 1685 — апреле 1686 г. (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1685 г. Д. 34; 1686 г. Д. 6.). В 1696 г. находился на службе под Азовым в войске А.С. Шеина (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1696 г. Д. 20. Л. 7).

Жалование. 1676/77 г.: «новичный» (годовой) оклад — 15 руб., без поденного корма; с 17.09.1677 г.: годовой оклад — 17 руб. (выдано 30.11.1677; придача дана «для ево скудости и иноземства» (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 8)); июнь 1679 г.: годовой — 17 руб.; не

ранее 1.06.1682 г.: годовой — 17 руб.; 1.04.1680 г.: годовой — 17 руб.; 25.11.1682 г.: годовой — 17 руб.; 11.01.1688 г.: поденный корм — 10 коп. на день (3 руб. — 3 руб. 10 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 20 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 39 руб., поденный — 10 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 10 коп. (за год — 36,5 руб.; выдано после 6.10.1692 г.); 10.11.1696 г.: годовой — 29 руб.

Источ. и лит.: Беляков, с. 339; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 5, 8, 40—44; 1679 г. Д. 2. Л. 50; 1680 г. Д. 1. Л. 9; 1682 г. Д. 19. Л. 9; Д. 20. Л. 314; 1688 г. Д. 2. Л. 13; Д. 14. Л. 5; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1696 г. Д. 15. Л. 6.

Цареградский Конон Иванов сын, см. Иванов Конан

Чашкин Григорий Никитин сын (Чашников) (? — не ранее июня 1700 г.) — толмач греческого языка. В ПП: не позднее сентября 1692 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 4.) — 28.06.1700 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 21 об. — 22. — отставлен, т.к. «вышеписанных языков... толмачить не умеют»).

Службы. В апреле-мае 1700 г. сопровождал инженера Ломота Дешенвия в Воронеж (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 10. Л. 1—3).

Жалование. 16.09.1692 г.: поденный корм — 6 коп. (за год — 21 руб. 90 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 6 коп.; 21.11.1697 г.: годовой оклад — 10 руб.; 2.12.1698 г.: годовой — 10 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 10.03.1700 г.: годовой — 10 руб., поденный — 6 коп., всего — 31 руб. 90 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 7; 1698 г. Д. 33. Л. 6, 9; 1700 г. Д. 7. Л. 16, 20.

Щербинин Андрей Лукьянов сын (? — умер не позднее 19 марта 1701 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 16. Л. 1 — 1 об.)) — толмач турецкого, татарского, итальянского и испанского языков (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 52; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167.). Из оскольских детей боярских. Находился более 10 лет в турецком плену. В ПП: 12/19.11.1678 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1678 г. Д. 3. Л. 1—3; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167) — 28.06.1700 г. (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1700 г. Д. 7. Л. 21 об. — 22. — отставлен по старости, т.к. «вышеписанных языков... толмачить не умеют»).

Был женат, супруга — Ирина Иванова дочь; имел дочь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1701 г. Д. 16. Л. 1.).

Службы. В 1680 г. участвовал в миссии в Крым (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 20), в 1682 г. отвозил грамоты в Константинополь (РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1682 г. Д. 20. Л. 313).

Жалование. С 12 ноября 1678 г.: «новичный» (годовой) оклад — 10 руб.; июнь 1679 г.: годовой — 10 руб.; 1.04.1680 г.: годовой — 10 руб.; не ранее 1.06.1682 г.: годовой — 12 руб.; 25.11.1682 г.: годовой — 12 руб.; 11.01.1688 г.: поденный корм — 6 коп. на день (1 руб. 80 коп. — 1 руб. 86 коп. — на месяц); 10.04.1688 г.: годовой — 12 руб.; 31.10.1689 г.: годовой — 15 руб., поденный — 6 коп.; 16.09.1692 г.: поденный — 6 коп. (за год — 21 руб. 90 коп.; выдано после 6.10.1692 г.); 8.09.1697 г.: поденный — 6 коп.; 21.11.1697 г.: годовой — 15 руб. (выдано после 13.12.1697 г.); 2.12.1698 г.: годовой — 15 руб. (выдано после 23.11.1698 г.); 10.03.1700 г.: годовой — 15 руб., поденный — 7 коп. на день (за год — 25 руб. 56 коп.), всего — 40 руб. 56 коп.

Источ. и лит.: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1679 г. Д. 2. Л. 52; 1680 г. Д. 1. Л. 8; 1682 г. Д. 19. Л. 9; Д. 20. Л. 313; 1688 г. Д. 2. Л. 18; Д. 14. Л. 6; 1689 г. Д. 2. Л. 6; Д. 4. Л. 20—21; 1692 г. Д. 3. Л. 4; 1697 г. Д. 31. Л. 6; Д. 39. Л. 6, 11; 1698 г. Д. 33. Л. 5, 9; 1700 г. Д. 7. Л. 15 об., 19 об.; Оп. 2. Кн. 12. Л. 167.

Янак (Янаков) Иван, см. Енак Иван

Литература

Базарова Т.А. Переводчики русских послов в Стамбуле в начале XVIII в. // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 9—16.

Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700—1701 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 47—54. DOI: 10.25205/1818—7919—2020—19—8—45—56.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1; М., 1896. Ч. 2; М., 1897. Ч. 3; М., 1902. Ч. 4.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645—1682 гг. СПб., 2017.

Беляков А. В., Енгальчева Г.А. Документы о происхождении толмачей Посольского приказа Кучумовых // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 16—23.

Бозословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 5. М., 1948.

Воссоединение Киевской митрополии с Русской Православной Церковью. 1676—1686 гг. Исследования и документы. М., 2019.

Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М.: ИРИ РАН, 2005.

Каган М.Д. Найденов Иван Сидоров / Писатели и поэты XVII в. // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 1992. Т. 45. С. 74—75.

Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613—1645 гг.: структура служащие, делопроизводство: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007.

Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Оборнева З.Е. Толмач Посольского приказа Афанасий Буколов (1633/34—1672). Материалы к биографии. // Вспомогательные исторические дисциплины в со-

- временном научном знании. Материалы XXXI международной конференции. М., 2018. С. 286—288.
- Опарина Т.А.* Интеграция еврея в русское общество середины XVII в. (толмач Посольского приказа Иван Селунский) // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга : сборник статей. М., 2003. С. 132—150.
- Опарина Т.А.* Павел Алеппский о толмаче Посольского приказа Иване Селунском // Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского: к 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы: международная научная конференция: материалы / Четвертые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева, 9—10 ноября 2006 г. М., 2006. С. 25—36.
- Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / *А. В. Беляков, А. Г. Гуськов, Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин*. М.: Индрик, 2021.
- Переписные книги города Москвы 1737—1745 гг. М., 1891. Т. VII.
- Прудовский П.И.* Переводчики цесарского языка Посольского приказа за работой // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 115—118.
- Сказка — 1682 г., 20 августа. Сказка казачьего сына Ивана Сидорова Найденова о побеге из турецкого плена чрез Францию и Англию / Сообщ. С. К. Богоявленский // ЧОИДР. 1917. Кн. 2 (251), отд. II: Смесь. С. 30—31.

Два случая из переводческой практики 1640-х — 1650-х гг.: Паоло Голиелли и Нечай Дрябин

Исследование практики работы переводчиков в России середины XVII столетия остается актуальной темой современной исторической науки. К сожалению, процесс выявления и ввода в научный оборот источников по данной тематике находится лишь на начальном этапе. Главная проблема заключается в том, что большинство материалов сосредоточено внутри крупных комплексов дипломатической документации. Это существенно осложняет поиск сведений по конкретным персоналиям. Ниже публикуются два почти синхронных источника, отражающие разные аспекты деятельности переводчиков в дипломатической области. Думается, содержащиеся в них подробности о повседневной работе и лингвистической компетентности этих служащих могут быть небезынтересны исследователям межкультурной коммуникации между Россией и Западной Европой в XVII в.

1. Толмач Нечай Дрябин в датской посылке 1645 г.

Хотя сведений о «Посольского приказа немецком толмаче» Нечае Дрябине сохранилось не слишком много, мы знаем, что ему пришлось пережить на царской службе немало испытаний. В 1650 г. шведских землях его подозревали в том, что он — бывший подданный Шведской короны, уехавший в Россию и «переменивший свейскую веру» на православную: «ево, Нечая, по парсуне и по языку знать мочно, что он иноземец, а не природной Московского государства». На этом основании его пытались арестовать, что, к счастью, удалось предотвратить и доказать, что он «природной государев холоп, отец ево и дед служили прежним великим государем... российским» [Якубов, с. 295—296]. Несколько ранее в том же году, сопровождая из Москвы к рубежу датского посланника Ивара Краббе, Нечай попал в гущу Новгородского восстания 1650 г., где ему, конечно, пришлось не так солоно, как иноземному дипломату, которого чуть не убили, но все же довелось отведать свой фунт лиха. Его били вместе с датским посланником, вязали, ковали и ограбили мятежные новгородцы, которые, впрочем, вскоре отпустили его в Москву. По одной из версий, возникавших в ходе последовавшего

за бунтом розыска, толмач был невольным виновником восстания: будто бы «мятеж и все дурно учинилось» от того, что Нечай Дрябин сболтнул одному из новгородцев, что с ними «идет с Москвы в Немцы многая казна» [«Мятежное время», с. 79, 80, 331].

О незадачливом толмаче сообщается, что «в молодых letech взят был он в полон в Литву в воинское время, как была война... у Московского государства с Польскою землею, а из Литвы был он в Галанской земле и в ыных государствах. И будучи в тех государствах, научился немецкому языку, и научася, выехал в Московское государство на... государево имя с... послы з Григорьем Олябьевым да з дьяком з Григорьем Ларионовым» [Якубов, с. 296]. Документы посольства Алябьева и Ларионова 1631 г. сохранились лишь фрагментарно, и сведений о Нечае в уцелевших отрывках нет (РГАДА. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1631 г. № 5).

После смерти царя Михаила Федоровича и отъезда из России королевича Вальдемара отношения московского и датского дворов оказались несколько подпорчены. Это испытал на себе гонец дворянин Василий Петрович Апраксин, который должен был «обвести» престарелого короля Христиана IV о восшествии на престол нового царя. Прием, оказанный посланнику (судя по его статейному списку, человеку весьма вежливому), был крайне нелюбезным, и в конечном счете он был отпущен даже без прощальной аудиенции у короля. С одним из проявлений такой нелюбезности, описанном в нижеследующей публикации, и довелось столкнуться Нечаю Дрябину, сопровождавшему Василия Апраксина в этой поездке.

Дрябин уже исполнял должность посольского толмача в 1636 г. во время посольства Григория Орефьевича Неронова (он же — Замятнин сын разрядных документов) в Голштинию. Его оклад в 1636 и 1645 гг. одинаков — 12 руб. Для поездки за границу оба раза жалованье выплачивалось втрое — 36 руб., не считая натуральных выдач (РГАДА. Ф. 53. Сношения России с Данией. Оп. 1. 1645 г. № 3. Л. 17, 19). В 1646 г. он участвовал в посольстве в Голландию И.Д. Милославского, для которого получил оклад 12 руб. и «подмоги и в приказ» 20 руб. (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Кн. 2. Л. 93). В ходе путешествия Нечай исполнял традиционно возлагавшиеся на толмачей и переводчиков обязанности по взаимодействию с властями тех мест, через которые проезжало посольство, являясь к «державцам» и губернаторам с известием о посольстве и требованием корма, подвод и провозатых для него (во время посольства в Голштинию Г.О. Неронова: РГАДА. Ф. 51. Сношения России с Голштинией. Оп. 1. 1636 г. № 3. Л. 21; во

время посольства В.П. Апраксина в Данию: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1645 г. № 3. Л. 159—161, 180—182). В публикуемом отрывке речь идет о выполнении толмачом той же функции. Его собеседником был Корфиц Ульфельдт (внук Якоба, совершившего путешествие ко двору Ивана Грозного), риксгофмейстер и влиятельнейший сановник при дворе датского короля, впоследствии эмигрировавший и поступивший на шведскую службу, на которой принес много вреда своей родной стране. Его женой была Леонора-Кристина, дочь Кристиана IV от морганатического брака с Кирстен Мунк, оставившая обширные мемуары, в которых, однако, приезд русского посольства в 1645 г. никак не отражен [Ulfeldt]. Судя по публикуемой выдержке, Дрябин неплохо знал датский язык (на котором, надо полагать, общались Корфиц Ульфельдт с женой; из ее автобиографии следует, что именно это был ее родной язык и язык повседневного общения) и легко понимал устную речь на нем.

1645 г., октября 23. — Выдержка из статейного списка В.П. Апраксина.

Сказывал Василью в розговоре пристав Петр Гипш, что датцкой Христьянус король и большой ево боярин рыксь-гофмейстр на него, Василья, гораздо сердиты, что сына ево, королевича Вольдемара, царское величество с Москвы отпустил. А он-де, королевич Вольдемар, отпушен из Датцкие земли наделен совсем, а ныне-де ево, датцково короля, всею землею не послушали, сына ево, королевича Вольдемара, принять опять не похотели. Да и королевичю-де приехать назад в свою землю нельзе, потому что у них в неметцких рещах в том вечной позор. Да и для-де тово принять ево всею землею не похотели, что-де царское величество розсмотр- (л. 194) рил ево и проку в нем доброго не почаял. А все-де наговаривает короля боярин ево рыксь-гофмейстр, а за тем-де за рыксь-гофмейстром королева дочь, королевичю Вольдемару большая родная сестра.

Того ж дни посылал Василей толмача Нечая Дрябина к рыксь-гофмейстру, а велел говорить, что послан от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Русии самодержца и многих государств государя и облаадателя, сь его государевою грамотою для их государских великих дел к государю их х Крестьянусу, королю датцкому, его царского величества дворянин Василей Опраксин. И он бы, рыксь-гофмейстр, доложил королевского величества, чтоб государь их Христьянус король велел ему, Василью, дать пристава и корм и велел бы быть у себя на приезде и государеву грамоту (л. 195) принять.

И рыксь-гофмейстр толмачю Нечаю Дрябину говорил, что он о том доложит королевского величества, а кому королевское величество у него, Василья, велит быть в приставех, и корм ему укажет ли давать, и как ему, Василью, велит быть у себя на приезде, и о том ему, Василью, ведомо учинят. Да Нечай же Дрябин сказывал Василью: как он пришел к боярину к рыксь-гофмейстру, и рыкс-де гофмейстр велел ево пустить к себе в покоевые полаты, и в той-де полате сидит в креслах рыксь-гофмейстр, а подле стола стоит жена ево, королевичева Вольдемарова большая родная сестра. И он, Нечай, рыксь-гофмейстру, о чем ему от Василья наказано, говорил. А жена-де (*л. 196*) ево в те поры при нем говорила гораздо сердито непригожие слова: Пошто-де они приехали, и чорт ли-де тех русских людей принес; большое-де приехали по другово графа Вольдемара, и другово-де Вольдемара графа нет. И так-де меня зделали без брата, а брата-де зделали без отчины и без городов.
РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1645 г. № 3. Л. 193—196. Подлинник. Оpubл. фрагмент: [Исторические анекдоты с просторов РГАДА и «Телеграма». С. 303—304.]

2. Прошение имперского переводчика Паоло Голиелли об определении его в посольство, направленное в Россию, 1656 г.

В одной из своих работ исследователь русско-австрийских отношений Искра Шварц, отмечая рекрутирование дипломатических кадров для посылок в Россию из южнославянских подданных Габсбургской монархии, приводит интересную подробность о том, как работал этот принцип: «Паоло Голиелли — хорват, переводчик с турецкого в придворной канцелярии, попросил у императора разрешения принять участие в миссии, потому что язык москвитов был очень похож на его родной язык» [Шварц, с. 188]. Это прошение мы и публикуем в этом разделе. П. Голиелли уже и раньше имел дело с русским языком. В 1654 г. ему было поручено переводить грамоту Алексея Михайловича императору Фердинанду III, переданную посланниками И.И. Баклановским и И. Михайловым. В этом деле, по собственному признанию, он встретил два главных затруднения: обилие сокращений (т.е. слов, написанных под титулом) и пространный титул царя, в котором перечислено много незнакомых «в этих краях» (т.е. в Западной Европе) географических названий [Русская и украинская дипломатия, с. 233—234]. Русский текст грамоты см.: [Памятники дипломатических сношений, стб. 90—98]. Если верить публикуемому прошению, Голиелли надеялся в командировке в Россию подтянуть свое знание языка. Наверное, он рассчитывал,

что это откроет для него какие-то карьерные перспективы. Посольство, к которому хотел присоединиться переводчик, покинуло Австрию уже почти за год до подачи им прошения. Это миссия Аллегретто Аллегретти и Теодора Лорбаха, занимавшееся в 1655—1656 гг. посредничеством для примирения России и Речи Посполитой [Шварц, с. 189—190; Федорук, с. 196—200, 224—226, 246—248 и др.]. Публикуемый мемориал написан, когда в Вене находился русский гонец Григорий Богданов. Согласно его статейному списку, 25 марта ему объявили о скором отпуске. В это же время к Аллегретти и Лорбаху отправлялся «гончик» с грамотами и инструкциями [Памятники дипломатических сношений, стб. 612, 632]. Может быть, Голиелли надеялся поехать вместе с кем-то из них. Впрочем, остается неясным, была ли удовлетворена его просьба. Прощение хранится среди бумаг, относящихся к сношениям Габсбургской монархии с Россией, в Династическом, придворном и государственном архиве в Вене, главном историческом архиве Австрии. При передаче текста сохранены авторские орфография и пунктуация; язык мемориала содержит целый ряд грамматических неправильностей, свидетельствующих, что итальянский не был родным языком для его автора. Сокращения, используемые в тексте, не раскрываются, за исключением инскрипции, и то лишь для удобства чтения. Приношу искреннюю благодарность А.Ю. Терешенко за помощь в работе над переводом.

1656 г., марта 26 (н. ст.), [Вена]. — Мемориал переводчика турецкого языка Паоло Голиелли, владеющего, по его словам, в некоторой степени «московитским языком» и могущего «с незначительнейшим упражнением» до такой степени овладеть им и «русским письмом» (благодаря их близости к его родному языку), что сможет «наиотличнейше» служить императору в качестве «верного переводчика и писца с этого языка», о назначении его секретарем в посольство Аллегретто Аллегретти.

Sacra Maestà Cesarea, Sig(no)re, Sig(no)re Cle(menti)ss(i)mo,

Paolo Golielli, humilissimo servitore d. V. M-tà C-ea et interprete della lingua Turca, essendo alquanto capace del Idioma Moscouito, in modo che, con pochissima prattica s'habiliteria talmente nella detta lingua, e scrittura Moscouita, ch'agiutato dalla lingua materna la qual'è molto propinqua adessa moscouita, e dalla cognitione della scrittura Ruttana in breue potrebbe perfettamente seruire V. M-tà C-ea anco per fidel interprete e scrittore del sudetto idioma, come a questo fine viuamente fu desidera-

to dal d. Aligretti quando parti per quelle parti. Hora humil-tè espone a V. M. C-ea, che douendi mandare a quella volta sogetto alcuno con titolo di secretario corispondente al presente messo da Moscouia, (o in altro modo) stimaria gran seruitio d. V. M. Cesarea se clementi-te restasse seruita inu-iarci in compagnia d'esso moscouito il supplicante, ambizioso di seruire anco con pericolo della propria vita, e con questa occasione habilitarci per il maggior seruitio della Cesarea M-tà V-ra allà quale deuotam-te s'inchina sapettando [*scil.* aspettando] li suoi benigni comandamenti, i quali riceuerà a somma gratia.

На об. собственноручный адрес: Alla Sacra Maestà Cesarea Sig(no)re Sig(no)re Cle(menti)ss(i)mo. Humiliss(i)mo memoriale d. Paolo Golielli.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv (Wien). StAbt Russland I. Karton 8. Konv 2. Fol. 147. Подлинник, автограф.

Перевод

Священное императорское величество, государь, государь милостивейший,

Паоло Голиелли, смиреннейший слуга вашего императорского величества и переводчик турецкого языка, в довольной мере владея московским языком, таким образом, что с незначительнейшим упражнением настолько овладеет указанным языком и московским письмом, подспорьем для чего является его родной язык, который очень близок к московскому, и знание им рутенского письма, что в коротком времени сможет наиотличнейше служить вашему императорскому величеству в качестве верного переводчика и писца вышеупомянутого языка, как этого горячо желал, имея в виду эту цель, господин Аллегретти, когда покидал эти края. Ныне смиренно представляет вашему императорскому величеству, что при необходимости направить в это время кого-то из подданных в ранге секретаря, соответствующего рангу нынешнего гонца из Московии (или в другом качестве), счел бы великой услугой вашему императорскому величеству, если [ваше величество] всемилостивейше примет его службу, послав в компании с этим москвитом просителя, готового со рвением служить даже с опасностью для своей собственной жизни и благодаря этой возможности приуготовить себя для более важных услуг вашему императорскому величеству, перед которым он преданно склоняется, ожидая милостивых данных ему велений, которые он примет с величайшей признательностью.

Литература

- Исторические анекдоты с просторов РГАДА и «Телеграма» / Сост. П.И. Прудовский // Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М.: «Древлехранилище», 2020.
- «Мятежное время»: Следственное дело о Новгородском восстании 1650 г. / Сост. Г.М. Коваленко, Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. СПб.; Кишинев: «Нестор-История», 2001.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. СПб.: 2-е отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1854.
- Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М.: «Гуманитарий», 2007.
- Федорук Я.О.* Віленський договір 1656 року: Східноєвропейська криза і Україна у середині XVII століття. Киев: Києво-Могилянська академія, 2011.
- Шварц И.* Дипломатические отношения между Австрией и Россией во второй половине XVII века // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 50/2003. S. 185—199.
- Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М.: Университетская тип., 1897.
- [*Ulfeldt L.C.*] Memoirs of Leonora Christina, daughter of Christian IV. of Denmark / Transl. by F. E. Bunnètt. London: Henry S. King & co., 1872.

Список сокращений

- NOA — Ockupationsarkivet från Novgorod
RA — Svenska Riksarkiv
АВПРИ — Архив внешней политики Российской Империи
Архив СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук
БАН — Библиотека Российской Академии наук
Библиотека им. Н.И. Лобачевского — Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского. Отдел рукописей и редкой книги
ГАВО — Государственный архив Воронежской области.
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗВКПП — Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626—1657 гг. М., 2010.
ЛРАН — Летопись Российской Академии наук
МиИАН — Материалы для истории Императорской Академии наук
МИНК — Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. Ч. 1—2. М., 2015.
НСРК — Новое собрание Рукописной Книги
ОДДС — Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода
Описание ГКЭ — Описание грамот Коллегии Экономии. Т. 3. М., 2020.
ОР — Отдел рукописей
ОСРК — Основное собрание Рукописной Книги
ПБИПВ — Письма и бумаги императора Петра Великого
ПДТП — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 1. СПб, 1890.
ПДТП-2 — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н. И. Веселовского. Т. 2. СПб., 1892.
ПП — Посольский приказ
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РНБ — Российская национальная библиотека
Син. — Синодальное собрание (ГИМ)
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

Сведения об авторах

- Бабаева Елизавета Эдуардовна (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова) llevidova@gmail.com
- Базарова Татьяна Анатольевна (Санкт-Петербург, СПбИИ РАН) tbazarova@yandex.ru
- Беляков Андрей Васильевич (Москва, ИРИ РАН) belafeb@gmail.com
- Виноградов Александр Вадимович (Москва, ИРИ РАН) avinogradov1957@yandex.ru
- Голубинский Алексей Алексеевич (Москва, ИРИ РАН, РГАДА) Lexus.gol@gmail.com
- Гуськов Андрей Геннадьевич (Москва, ИРИ РАН) 11—01@bk.ru
- Домрачев Николай Евгеньевич, (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГАДА) nickolas-house@yandex.ru
- Ерусалимский Константин Юрьевич (Москва, РГГУ), keralsimski@mail.ru
- Зарецкий Юрий Петрович (Москва, НИУ ВШЭ) yzaretsky@hse.ru
- Кулмаматов Дусмамат Саттарович (Ташкент, Узбекский государственный университет мировых языков) kulmamatov1956@mail.ru
- Лаврентьев Александр Владимирович (Москва, НИУ ВШЭ) laurentius@list.ru
- Лисейцев Дмитрий Владимирович (Москва, ИРИ РАН) Liseitsev@mail.ru
- Любая Алена Александровна (Беларусь, Минск, Республиканский институт высшей школы) liubaja_aliona@mail.ru
- Моисеев Максим Владимирович (Москва, РГГУ, Музей Москвы) maksimoiseev@yandex.ru
- Ноздрин Олег Яковлевич, (Орел, Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС) olfont@yandex.ru scotland5@rambler.ru
- Осипова Яна Вячеславовна (Челябинск, ГОУ ВО «ЧелГУ») yana_osipova@mail.ru
- Пентковская Татьяна Викторовна (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова) pentkovskaia@gmail.com
- Преображенская Анастасия Александровна (Москва, НИУ ВШЭ) anastasja.preobrazhenskaya@gmail.com
- Прудовский Петр Игоревич (Москва, РГАДА) hypolimnion@gmail.com
- Пузанов Владимир Дмитриевич, Шадринский государственный педагогический университет Шадринск, Россия, alan1971@bk.ru
- Рамазанова Джамия Нуровна (Москва, НИО редких книг РГБ, РГГУ) jamiliara@gmail.com

Русаковский Олег Владимирович (Москва, НИУ ВШЭ) ruso0504@gmail.com

Селин Адриан Александрович (Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургский кампус) aselin@hse.ru

Сень Дмитрий Владимирович (Ростов-на-Дону, Институт истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет») dsen1974@mail.ru

Смирнова Анна Сергеевна (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) asmirnova@iling.spb.ru

Тимошина Людмила Алексеевна (Москва, научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео») timochalud@yandex.ru

Уо Даниель (США, Сиэтл, Университет штата Вашингтона) dwaugh@u.washington.edu

Ченцова Вера Георгиевна (Франция, Париж, ERC Turparabic) graougraou@hotmail.com

Черная Людмила Алексеевна (Москва, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств) tchernie@rambler.ru

Шамин Степан Михайлович (Москва, ИРИ РАН) shaminy@yandex.ru

Шустова Юлия Эдуардовна (Москва, РГГУ, РГБ)

Янссон Олена (Швеция, Упсала, Упсальский университет) olena.jansson@moderna.uu.se

Ястребов Алексей Олегович (Москва, ИРИ РАН) mirofore@gmail.com

Научное издание

**Переводчики и переводы в России
конца XVI — начала XVIII столетия**

Материалы международной научной конференции

Москва, 29—30 сентября 2021 г.

Выпуск 2

Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати 29.09.2021

Формат 60×90/16. Гарнитура Newton.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22.

Тираж 500 экз. (первый завод 140 экз.). Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ООО «Клуб Принт»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, корп. 1

Тел.: +7 (495) 669-5009

ISBN 978-5-8055-0400-7

9 785805 504007

ΑΔΗΤΗΛ· Ο ΡΑΣΙΣ· ΠΡΩΤΗ·

Ο ρασις και αποκαχυψισδανιηλ του προφητου·

Ενεληθη βασιλευσιν κυρου· **Χ**ωρατων περσων μαβριηλ απεσχη·
Ληχος του ειςδανιηλ προφητου· **Φ**εραν αληρη μαλα και λεβανουις·
Λοβοι μου ζυεις επθυμων αυερ· **Κ**ενον το ου σου του δε του του καρδιαν·
Και βεδη λα σου αμυχον α γενεσθαι· **Ο**υδως μαρτα εν καρποις βεσε χαρεις·
Ενοιη του κυρου βασιλευσιν των περσων· απεσχη αληχος μαβριηλ, προς
 τον προφητου δανιηλ λεγων αυτω· ου ηρεπθυμων εσμεν και κληρου
 το ου σου και του του καρδιαν σου· και αποκαχυψισθαι σου αμυχον α απερχε-
 σθαι εν τοις χαρεις καρποις·